

Книга, которую обязательно следует прочитать.
Sunday Express

ДЖУЛИАН ФЕЛЛОУЗ

Белградия

От создателя сериала
«АББАТСТВО ДАУНТОН»,
который покори́л весь мир

Annotation

1840 год. Белгравия, модный аристократический район Лондона. Именно здесь приобретает дом разбогатевший Джеймс Тренчард, в прошлом простой армейский интендант.

Много лет назад София, его молодая и красивая дочь, влюбилась в Эдмунда Белласиса, отпрыска состоятельной аристократической семьи. Эдмунд погиб в битве при Ватерлоо, а вскоре во время родов умерла и София. Считая мальчика незаконнорожденным, ее родители, чтобы не позорить свое имя, отдали ребенка на воспитание в приемную семью. И только теперь, через двадцать пять лет, стали ощущаться истинные последствия событий 1815 года. Ибо в этом новом мире есть те, кто предпочел бы, чтобы тайны прошлого оставались погребенными...

Впервые на русском языке!

- [Джулиан Феллоуз](#)
 -
 - [1. С бала на битву](#)
 - [2. Случайная встреча](#)
 - [3. Семейные узы](#)
 - [4. Прием на Белгрейв-сквер](#)
 - [5. Тайное свидание](#)
 - [6. Шпион среди нас](#)
 - [7. Деловой человек](#)
 - [8. Обеспеченная старость](#)
 - [9. Прошлое – чужая страна](#)
 - [10. Прошлое возвращается](#)
 - [11. Наследство](#)
 - [Оглавление](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
-

Джулиан Феллоуз

Белгравия

*Моей жене Эмме, без которой моя жизнь вряд ли
состоялась бы*

Julian Fellowes

BELGRAVIA

Copyright © The Orion Publishing Group Limited 2016

JULIAN FELLOWES'S is an unregistered trade mark of Julian Fellowes and is used by The Orion Publishing Group Limited under licence

BELGRAVIA is a registered trade mark of The Orion Publishing Group Limited

The right of Julian Fellowes to be identified as the author of this work has been asserted in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

Imogen Edwards-Jones acted as an editorial consultant on the creation of Julian Fellowes's *Belgravia*

Lindy Woodhead acted as a historical consultant on the creation of Julian Fellowes's *Belgravia*

All rights reserved

First published as Julian Fellowes's *Belgravia* by Weidenfeld & Nicolson, London

Перевод с английского Елены Кисленковой
Оформление обложки Виктории Манацковой
Карта выполнена Юлией Каташинской

© Е. Кисленкова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017 Издательство АЗБУКА®

1. С бала на битву

Прошрое, как нам неоднократно повторяли, чужая страна, где все по-другому^[1]. Возможно, это и впрямь так. Да что там, раньше все действительно обстояло совершенно иначе, если говорить о морали и традициях, о роли женщин или власти аристократии, а также о миллионе прочих составляющих повседневной жизни. Но наряду с этим есть и сходство. Честолюбие, зависть, гнев, жадность, доброта, бескорыстие и, прежде всего, любовь в былые времена играли ничуть не меньшую роль, чем сегодня. Эта история о людях, которые жили два века тому назад, однако многие устремления и страсти, бушевавшие в их сердцах, удивительно походили на драмы, которые разыгрываются в наше время на новый лад...

Вы бы ни за что не подумали, что город находится на грани войны, и еще меньше он походил на столицу страны, менее трех месяцев назад отторгнутой от одного королевства и присоединенной к другому^[2]. Брюссель июня 1815 года был словно погружен в атмосферу праздника. Шумели пестрые ряды рынков, катили по широким проспектам открытые экипажи, доставляя знатных дам с дочерьми по неотложным светским делам. Всем словно было невдомек, что император Наполеон наступает и в любой момент может разбить лагерь у самого города.

Все это мало интересовало Софию Тренчард. Она проталкивалась сквозь толпу с решительностью, не вяжущейся с ее возрастом: Софии было всего восемнадцать лет. Как любую благовоспитанную юную леди, тем более в чужой стране, ее сопровождала камеристка Джейн Крофт, которая была лишь на четыре года старше госпожи. Хотя сейчас в роли защитницы, оберегающей свою спутницу от чувствительных столкновений с пешеходами, скорее, выступала София, которую, казалось, ничто не могло остановить. Она была хороша собой, и даже очень, в классической английской манере – голубоглазая блондинка, но по резким очертаниям рта было ясно, что эта девушка не станет спрашивать материнского разрешения, прежде чем ринуться в авантюру.

– Поторопись, а то он уйдет обедать, и окажется, что мы зря шли в такую даль!

София находилась в той поре жизни, через которую проходят почти все: когда детство уже позади, а кажущаяся зрелость, не отягченная

жизненным опытом, внушает молодому человеку или девушке уверенность, что они могут все, и сие продолжается до тех пор, пока истинная зрелость убедительно не докажет, что это далеко не так.

– Мисс, да не могу я быстрее, – проворчала Джейн, и словно в доказательство ее слов куда-то спешивший гусар оттолкнул девушку и даже не потрудился извиниться. – Прямо как на поле боя!

В отличие от своей госпожи, Джейн не могла похвастаться красотой, но у нее было приятное личико, энергичное и румяное, хотя оно более естественно смотрелось бы на деревенских тропинках, чем на городских улицах.

Она тоже была не робкого десятка, и молодой хозяйке это нравилось.

– Я думала, ты покрепче!

София почти добралась до цели. С широкой улицы они свернули во двор, где некогда, похоже, был скотный рынок, но сейчас армия реквизировала его под склады продовольствия и амуниции. С больших повозок сгружали ящики и тюки, которые потом распределяли по сараям вокруг; офицеры всех полков двигались бесконечным потоком, расхаживали группами, переговаривались, порой вступали в перепалки. Появление красивой молодой девушки и ее служанки не могло не привлечь внимания, и на секунду все разговоры утихли, почти прекратившись.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – сказала София, спокойно оглядев офицеров. – Я пришла к отцу, мистеру Тренчарду.

– Вы знаете, как к нему пройти, мисс Тренчард? – выступил вперед какой-то молодой человек.

– Знаю. Спасибо.

София направилась к тому входу в главное здание, который выглядел значительнее остальных, и, сопровождаемая трепещущей Джейн, поднялась по лестнице на второй этаж. Здесь еще несколько офицеров ожидали приема, но Софии сейчас было не до соблюдения этикета. Девушка решительно толкнула дверь.

– Подожди тут! – велела она камеристке.

Джейн осталась в приемной, не без удовольствия ловя на себе любопытные взгляды мужчин.

Комната, в которую вошла София, была светлой и просторной. В центре ее стоял солидный письменный стол полированного красного дерева, и вся остальная мебель была подобрана в том же стиле, но обстановка больше подходила для коммерческих дел, нежели для светских. Это было место работы, а не игры. В углу дородный мужчина лет сорока с небольшим наставлял офицера в блестящем мундире.

– Какого черта меня перебивают? – Он резко обернулся, но при виде дочери настроение его переменилось, и рассерженное красное лицо осветила нежная улыбка. – Ну? – спросил он, однако София выразительно посмотрела на офицера. Отец кивнул. – Капитан Купер, прошу меня простить.

– Ничего страшного, Тренчард...

– Тренчард?

– Мистер Тренчард. Но мука нам нужна к вечеру. Мой командир заставил меня пообещать, что я без нее не вернусь.

– Капитан, обещаю сделать все, что в моих силах.

Офицер явно досадовал, но вынужден был согласиться хотя бы на это, поскольку ничего лучшего он бы все равно не добился. Кивнув, Купер вышел, и отец остался с дочерью наедине.

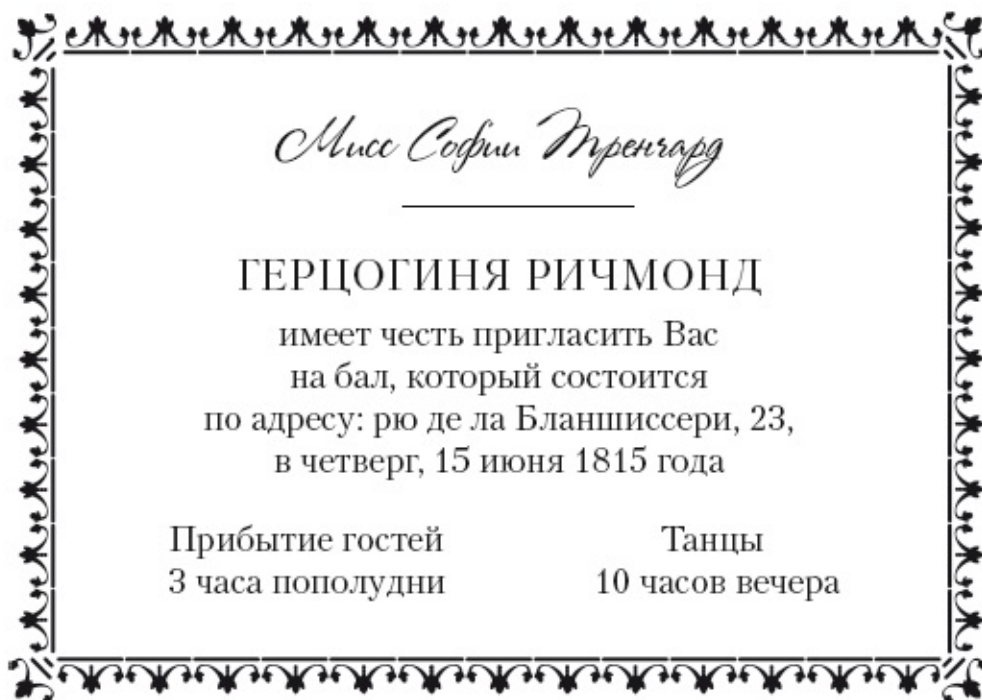
– Раздобыла? – с видимым волнением поинтересовался он.

Со стороны это выглядело очень трогательно: деловой человек, полноватый и лысеющий, пребывал в нетерпеливом возбуждении, словно ребенок накануне Рождества.

Как можно медленнее, растягивая паузу до невозможности, София открыла ридикюль и бережно достала оттуда белые картонные прямоугольники.

– Целых три! – сказала она, наслаждаясь своим триумфом. – Одно для тебя, одно для мамы и одно для меня.

Тренчард чуть не вырвал карточки у нее из рук. Он не мог бы проявить большего нетерпения, даже если бы месяц жил без еды и воды. На приглашениях простыми и изящными буквами было вытиснено:

Тренчард изумленно разглядывал приглашение.

– Полагаю, лорд Белласис будет на этом обеде?

– Разумеется, герцогиня же его родная тетя.

– Ну да, конечно.

– Кстати, никакого обеда не будет. Я имею в виду настоящего, большого обеда. Только семья и несколько человек, которые гостят у Ричмондов.

– Всегда говорят, что обеда не будет, но обычно его все-таки устраивают.

– Не ожидал, что тебя пригласят?

Джеймс Тренчард мечтал туда попасть, но не рассчитывал на такую удачу.

– Господи, до чего же я рад!

– Эдмунд говорит, что после полуночи накроют ужин.

– Нигде больше не называй его Эдмундом, только при мне! – строго заметил отец. Но его мимолетная досада вновь сменилась ликованием, тотчас развеявшись от одной только мысли о предстоящем событии. – Возвращайся к матери. Ей нужно подготовиться, каждая минута дорога.

Слишком юная и беспричинно самоуверенная, чтобы осознавать всю грандиозность своего успеха, София, будучи к тому же более прагматичной в таких делах, чем ее отец, благоговеющий перед сильными мира сего,

возразила:

– Заказывать платье уже поздно.

– Зато вполне достаточно времени, чтобы привести себя в надлежащий вид.

– Боюсь, мама не захочет идти на бал.

– Пойдет, куда она денется.

София направилась было к двери, когда вспомнила кое о чем еще.

– Когда мы все скажем маме? – спросила она, буравя отца взглядом.

Вопрос застал Тренчарда врасплох, и он принялся теребить золотую цепочку от часов. Повисло неловкое молчание. Вроде бы все было точно так же, как секунду назад, однако атмосфера в комнате каким-то неуловимым образом переменилась. Любой сторонний наблюдатель легко заметил бы, что предмет обсуждения внезапно стал гораздо серьезней, чем выбор одежды для предстоящего бала у герцогини.

– Пока не стоит, – решительно ответил отец. – Сперва нужно все хорошенько подготовить. Мы должны брать пример с него. А теперь иди. И позови обратно этого тупого идиота.

Дочь повиновалась и выскользнула из комнаты, но и после ее ухода Джеймс Тренчард оставался все таким же встревоженным. С улицы донесся крик. Он подошел к окну, посмотрел вниз и увидел, что какой-то офицер спорит с торговцем.

Потом дверь открылась, и вошел капитан Купер. Тренчард кивнул ему. Что бы ни случилось, дела прежде всего.

София оказалась права. Мать не захотела идти на бал.

– Нас пригласили только потому, что кто-то другой в последний момент отказался!

– Какая тебе разница?

– До чего же все это глупо! – покачала головой миссис Тренчард. – Мы ведь не увидим там ни одного знакомого лица!

– Папа наверняка встретит кого-нибудь из знакомых.

Порой Анну Тренчард раздражали ее дети. Несмотря на снисходительный тон, каким дочь и сын беседовали с матерью, они совсем не знали жизни. Отец, который души не чаял в своих отпрысках, так их избаловал, что те в конце концов стали принимать свою счастливую судьбу как должное и едва ли об этом задумывались. Обоим ничего не было известно о том долгом пути, который проделали их родители, чтобы достичь нынешнего положения, хотя сама Анна помнила каждый свой шаг на этой каменистой дороге.

– Он встретит там знакомых – нескольких офицеров, которые приходят к нему по службе и отдают ему приказы. И те будут несказанно удивлены, узнав, что в одном бальном зале с ними находится человек, снабжающий их солдат съестными припасами.

– Надеюсь, с лордом Белласисом ты в таком духе разговаривать не будешь?

Лицо миссис Тренчард чуть смягчилось.

– Дорогая моя, – сказала она и взяла дочь за руку. – Остерегайся строить воздушные замки.

София отдернула пальцы:

– Ну разумеется, ты не веришь в его благородные намерения!

– Напротив, я уверена, что лорд Белласис – человек достойный. И, бесспорно, весьма приятный.

– Ну вот видишь!

– Но он старший сын графа, дитя мое, со всем тем кругом обязанностей, которые налагает на него такое положение. Он не может выбирать себе жену, следуя только велению сердца. Я не сержусь. Вы оба молоды и красивы, немножко пофлиртовали – ничего страшного: никому из вас вреда от этого не будет. Пока. – Анна подчеркнула последнее слово, так что стало ясно, к чему она клонит. – София, но все это должно закончиться раньше, чем пойдут порочащие вас разговоры, иначе пострадаешь ты, а не он.

– А по-твоему, то, что лорд Белласис добыл нам приглашения на бал своей тети, ничего не значит?

– Это значит только то, что ты славная девушка и ему хочется доставить тебе удовольствие. В Лондоне лорду Белласису не удалось бы устроить подобное, но в Брюсселе на всем лежит отпечаток войны, так что обычные правила теряют силу.

Последние слова возмутили Софию не на шутку.

– Ты хочешь сказать, что по обычным правилам мы неподобающая компания для друзей герцогини?

Миссис Тренчард по-своему была столь же тверда характером, как и ее дочь.

– Именно это я и хочу сказать, и ты знаешь, что это правда.

– Папа бы с тобой не согласился.

– Он долго шел к успеху, проделал путь гораздо более длинный, чем многие могут себе представить, и не замечает препятствий, которые могут помешать ему идти дальше. Будь довольна тем, что мы имеем. Твой отец многого добился. Этим вполне можно гордиться.

Дверь открылась, и вошла камеристка миссис Тренчард с вечерним платьем:

– Мэм, я не слишком рано?

– Нет-нет, Эллис, входите. Мы ведь закончили разговор, да, София?

– Если ты так считаешь, мамочка. – София вышла из комнаты, но, судя по вздернутому подбородку, уходила она непобежденной.

По выразительному молчанию Эллис было ясно, что той не терпится узнать, из-за чего случилась размолвка, но Анна выждала несколько минут, пока камеристка крутилась вокруг нее, расстегивая пуговицы и снимая с плеч госпожи дневное платье, и лишь потом сказала:

– Нас пригласили пятнадцатого числа на бал к герцогине Ричмонд.

– Да что вы!

Обыкновенно Мэри Эллис превосходно умела держать свои чувства при себе, но столь потрясающее известие выбило ее из колеи. Однако камеристка быстро взяла себя в руки:

– Я хотела сказать, надо решить насчет платья, мэм. Коли так, мне потребуется время, чтобы его приготовить.

– А что, если надеть синее шелковое? В этом сезоне я мало его носила. Вот что, поищите, пожалуйста, черных кружев на вырез и на рукава, чтобы немного его оживить.

Анна Тренчард была женщиной практичной, но не лишенной тщеславия. Стройная фигура, точеный профиль, густые каштановые волосы – она вполне могла до сих пор считаться красавицей. Однако не разрешала этой мысли вскружить ей голову.

Эллис присела, развернув вечернее платье из соломенного цвета тафты, чтобы госпожа могла в него шагнуть.

– А как насчет украшений, мэм?

– Я пока еще не думала. Наверное, надену то, что есть.

Анна повернулась спиной, чтобы служанка застегнула золоченые пуговицы. Пожалуй, с Софией она обошлась излишне сурово, однако Анна не жалела об этом. Дочь витала в облаках, как и ее отец, а беспечные мечтания доводят до беды. Анна невольно улыбнулась. Она сказала, что Джеймс проделал долгий путь, но порой ей казалось, что даже София не вполне понимает, насколько он был долог.

– Полагаю, это лорд Белласис устроил вам приглашения на бал? – Эллис, присевшая к ногам госпожи, чтобы помочь той переобуться, глянула на нее снизу.

И сразу поняла, что вопрос миссис Тренчард не понравился. С чего это служанке вдруг интересоваться, каким именно образом их включили в

список избранных, приглашенных на бал, да и почему вообще их куда-то пригласили? Анна предпочла проигнорировать вопрос. Но он навел ее на размышления о странностях их жизни в Брюсселе и о том, как все для них переменялось с тех пор, как ее муж попался на глаза героическому герцогу Веллингтону. Правда, надо отдать должное Джеймсу Тренчарду: невзирая на обстоятельства – каким бы ожесточенным ни было сражение, какой бы пустынной ни оказалась местность, – он всегда умел, словно по мановению волшебной палочки, откуда-то добывать провиант. Недаром герцог называл его Волшебником. Похоже, Джеймс таковым на самом деле и был или, по крайней мере, старался казаться. Но успех лишь раздувал его непомерные амбиции. Муж Анны мечтал взобраться к недостижимым высотам общества, и от этого его продвижение по социальной лестнице только страдало. Джеймс Тренчард, сын простого торговца, за которого отец Анны в свое время категорически запретил ей выходить замуж, считал вполне естественным, что их принимает герцогиня. Анна назвала бы его амбиции смехотворными, если бы не одно обстоятельство: они уже не раз необъяснимым образом воплощались в жизнь.

Миссис Тренчард была намного образованнее мужа, как и подобает дочери школьного учителя. Когда они впервые встретились, такая партия была для него просто головокружительно выгодной, но сейчас Анна прекрасно понимала, что за это время Джеймс ушел далеко вперед. Она даже начала задумываться, как долго еще сможет поспевать за его фантастическим восхождением. Может быть, когда дети станут взрослыми, ей стоит удалиться в деревню, поселиться в простом сельском доме и предоставить мужу самостоятельно пробиваться к вершинам?

По молчанию хозяйки Эллис интуитивно почувствовала, что спросила невпопад. Она хотела было сказать какой-нибудь комплимент, чтобы загладить вину, но потом решила просто тихо посидеть: пусть буря утихнет сама собой.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Джеймс:

– София уже рассказала тебе? Он все устроил!

Анна глянула на камеристку:

– Спасибо, Эллис. Вернитесь, пожалуйста, ко мне через некоторое время.

Служанка вышла. Джеймс не смог сдержать улыбки.

– Ты делаешь мне выговор, что я строю планы, не соответствующие моему скромному положению, а сама отсылаешь служанку с таким видом, словно ты сама герцогиня.

– Надеюсь, ты шутишь, – ошетинилась Анна.

– А что такого? Что ты имеешь против герцогини Ричмонд?

– Ровным счетом ничего по той простой причине, что абсолютно ее не знаю, так же как и ты. – Анне захотелось внести нотку реальности в этот абсурд. – Именно поэтому мы не можем позволить себе навязываться бедной женщине и занимать в переполненном бальном зале места, которые по праву следовало бы отдать ее друзьям.

Но Джеймс был слишком возбужден, чтобы так легко спуститься с небес на землю.

– Ты ведь не всерьез это говоришь?

– Еще как всерьез, но ты же и слушать не станешь!

Она оказалась права. Охладить пыл мужа не было никакой надежды.

– Анни, да такой шанс выпадает раз в жизни! Только представь: там будет герцог! Даже два герцога, если уж на то пошло. Мой командир и муж нашей хозяйки.

– Вот именно.

– И сам принц Оранский! – Он замолчал, переполняемый восторгом. – Джеймс Тренчард, начинавший свою карьеру за прилавком на рынке Ковент-Гарден, готовится танцевать с настоящей принцессой!

– Не вздумай никого приглашать на танец! Ты только поставишь нас обоих в неловкое положение.

– Ладно, там видно будет.

– Я не шучу. Хватит уже того, что ты подзуживаешь Софию.

Джеймс нахмурился:

– Ты напрасно сомневаешься, у мальчика вполне серьезные намерения. Я уверен.

– Что за глупости! – с раздражением замотала головой Анна. – Какие бы намерения у него ни были, он не пара нашей Софии. Что касается выбора супруги, то тут лорд Белласис себе не хозяин, так что ничем хорошим эта история закончиться не может.

С улицы послышался грохот, и Анна выглянула на балкон, дабы узнать, что там происходит. Окна ее спальни выходили на широкий и оживленный проспект. Внизу мимо дома маршировали несколько солдат в алых мундирах, и солнечные лучи сверкали на расшитых золотом галунах.

«Как странно, – подумала Анна, – все вокруг говорит о неминуемом сражении, а мы обсуждаем предстоящий бал».

Она вернулась в комнату.

– Поживем – увидим, – продолжая разговор, заявил Джеймс, упорно не желавший расставаться со своими иллюзиями. У него на лице застыло выражение обиженного четырехлетнего ребенка.

– Имей в виду, если из-за всей этой чепухи, которую ты внушаешь Софии, она попадет в беду, винить во всем я буду только тебя.

– Договорились.

– А заставлять несчастного молодого человека выпрашивать у тетушки приглашения – это донельзя унизительно.

Джеймс потерял терпение:

– Тебе не удастся расстроить наш визит! Я этого не позволю!

– Мне и не нужно ничего делать. Все расстроится само собой.

На этом разговор и закончился. Рассерженный Джеймс помчался переодеваться к обеду, а его жена позвонила в колокольчик, снова приглашая к себе Эллис.

Анна была недовольна собой. Она не любила ссор, но история с приглашением на бал угнетала ее. Миссис Тренчард была вполне довольна жизнью. Они разбогатели, достигли успеха, с ними искали знакомства в деловом сообществе Лондона, но Джеймс упорно стремился все поломать, постоянно желая еще большего. Теперь ее силком затолкают в бесконечную анфиладу комнат в доме, где их семью не любят и не ценят. Ей придется вести разговоры с людьми, которые втайне – а может, и открыто – их презирают. Если бы не непомерные амбиции супруга, они бы жили в спокойствии и взаимном уважении. Примерно так думала Анна, в то же время прекрасно понимая, что мужа ей не остановить. Джеймса никто на свете остановить не в состоянии. Такова уж натура этого человека.

За многие годы, прошедшие после бала у герцогини Ричмонд, об этом событии было столько всего написано, что постепенно оно приобрело роскошь и торжественность, присущие церемонии коронации средневековой королевы. Рассказы об этом вечере встречаются в различных художественных произведениях, он послужил сюжетом для множества картин, причем каждое новое его изображение непременно становилось помпезнее предыдущего. Так, на полотне Генри О’Нила 1868 года этот бал проходит в просторном дворцовом зале, очерченном рядом огромных мраморных колонн; помещение до отказа заполнено сотнями гостей, которые буквально рыдают от горя и ужаса и выглядят красочнее кордебалета в театре Друри-Лейн. Как это часто бывает с ключевыми моментами истории, в реальности дело обстояло совсем иначе.

Ричмонды приехали в Брюссель отчасти из соображений экономии, желая сократить повседневные расходы, проведя несколько лет за границей, а отчасти – чтобы продемонстрировать солидарность с герцогом Веллингтоном, их давним другом, который организовал здесь свой штаб.

На самого Ричмонда, бывшего солдата, была возложена задача руководить обороной Брюсселя, если произойдет худшее и враг нападет на город. Герцог согласился. Он понимал: работа эта по большей части тыловая, но и ее надо кому-то выполнять, и Ричмонду приятно было осознавать себя частью военной машины, а не праздным наблюдателем. Последних в городе и так ошивалось предостаточно.

Дворцов в Брюсселе в ту пору было немного, и бóльшая часть их оказалась уже занята, так что Ричмонды поселились в доме, который раньше занимал модный каретный мастер. Дом этот находился на рю де ла Бланшиссери, что с французского буквально переводится как Прачечная улица, отчего Веллингтон окрестил новое жилище Ричмондов Банным домом. Герцогине шутка пришлась по душе меньше, чем ее мужу. Помещение, которое мы бы сейчас назвали торговым залом каретника, представляло собой просторный сарай, расположенный слева от парадной двери, и попадали в него через небольшой кабинет, где некогда клиенты обсуждали с мастером обивку кареты и прочие дополнительные детали. Третья дочь Ричмондов, леди Джорджиана Леннокс, в своих мемуарах называет эту часть дома предбанником. Помещение, где раньше выставлялись готовые экипажи, оклеили обоями с изображениями роз на шпалерах и после этого зал сочли подходящим для бала.

Герцогиня Ричмонд привезла с собой на континент всю семью, и, поскольку юные девушки, лишенные впечатлений, томились больше всех, решено было устроить званый вечер. Но в начале июня Наполеон, сбежавший в тот год из ссылки на острове Эльба, покинул Париж в поисках союзников. Герцогиня Ричмонд спросила у Веллингтона, уместно ли ей продолжать подготовку к увеселению, и тот заверил жену друга, что вполне уместно. Более того, герцог высказал горячее пожелание, чтобы бал состоялся: это будет одновременно демонстрацией английского хладнокровия и поводом наглядно показать, что даже дамы мало обеспокоены мыслью о приближении французского императора и отказываются лишать себя развлечений. Разумеется, на словах все было легко...

– Надеюсь, мы не совершаем ошибку? – в двадцатый уже раз за последний час повторила герцогиня, бросив испытующий взгляд в зеркало.

Она осталась вполне довольна увиденным: статная женщина, едва вступившая в зрелый возраст, одетая в светло-кремовые шелка и еще способная заставить мужчин поворачивать головы ей вслед. Бриллианты были бесподобны, хотя среди друзей и ходили разговоры, что оригиналы

ради экономии заменили стразами.

– Уже поздно раздумывать. – Герцога Ричмонда происходящее несколько забавляло. Супруги рассматривали поездку в Брюссель как возможность убежать от общества, но, к их удивлению, общество приехало сюда вместе с ними. И теперь жена устраивала званый вечер с таким списком гостей, что ему могла бы позавидовать хозяйка любого лондонского раута, а город тем временем готовился услышать грохот французских пушек. – Прекрасный был обед. За ужином я просто ничего не смогу съесть.

– Погоди, еще проголодаешься.

– Я слышу, подъехал экипаж. Надо идти вниз.

Герцог был славным человеком, добрым и любящим отцом (дети его просто обожали) и обладал достаточной твердостью характера, чтобы взять в жены одну из дочерей печально знаменитой герцогини Гордон, чьи похождения на протяжении нескольких лет давали всей Шотландии пищу для сплетен. Тогда многие считали, что герцог мог бы сделать более надежный выбор, и, возможно, поступи он так, его жизнь оказалась бы проще, однако в любом случае сам Ричмонд ни о чем не жалел. Его жена была женщиной экстравагантной, спору нет, но при этом добродушной, милой и умной. Ричмонд был рад, что в свое время выбрал именно ее.

В маленькой гостиной, или, по выражению Джорджианы, в предбаннике, через который гости проходили, чтобы попасть в бальный зал, уже ожидали несколько человек, прибывших раньше всех. Местные цветочницы постарались на славу, украсив комнату огромными композициями из бледно-розовых роз и белых лилий (из них аккуратно удалили все тычинки, чтобы дамы не испачкались пылью), дополненных высокими зелеными листьями всевозможных оттенков. Букеты придавали сараю каретника благородство. В подрагивающем сиянии многочисленных канделябров помещение приобретало легкий блеск роскоши, которого ему недоставало при свете дня.

Племянник герцогини, Эдмунд, виконт Белласис, разговаривал с дочерью хозяев Джорджианой. Они вместе подошли к ее родителям.

– Что это за люди, которых Эдмунд заставил тебя пригласить? Почему мы их не знаем? – спросила девушка у матери.

– После сегодняшнего вечера узнаете, – вклинился в разговор лорд Белласис.

– Ты не слишком словоохотлив, – заметила Джорджиана.

– Надеюсь, твоя матушка не станет на меня сердиться, – сказала герцогиня. Ее тоже одолевала сомнения, и она уже пожалела о собственном

великодушии.

Когда Эдмунд попросил, тетушка без колебаний вручила ему три приглашения, но сейчас, хорошенько все обдумав, она поняла, что сестра будет недовольна. И тут – надо же какое совпадение! – прозвенел голос мажордома, возвестившего:

– Мистер и миссис Джеймс Тренчард, мисс София Тренчард!

Герцог посмотрел в сторону двери:

– Ты пригласила Волшебника? – (Жена ответила недоуменным взглядом.) – Это прозвище главного поставщика Веллингтона, – пояснил Ричмонд. – Что он здесь делает?

– Интендант герцога Веллингтона? – Герцогиня сурово повернулась к племяннику. – Я пригласила на свой бал торговца?

Но лорда Белласиса было не так-то легко смутить.

– Любезная тетушка, вы пригласили одного из самых преданных и толковых помощников нашего героического герцога. Поверьте, любой верноподданный британец был бы горд, представься ему такая возможность, принимать у себя дома мистера Тренчарда.

– Эдмунд, ты хитрил со мной! А я не люблю, когда меня дурачат.

Но молодой человек уже ушел встречать новых гостей. Герцогиня бросила гневный взгляд на мужа.

Того ярость жены забавляла:

– Не смотри на меня так сурово, дорогая. Я тут ни при чем. Это ты их пригласила. И ты не можешь не признать, что дочь у интенданта прехорошенькая.

По крайней мере, это было правдой. София выглядела сегодня как никогда очаровательно.

Больше Ричмонд ничего сказать не успел, Тренчарды уже подошли к ним. Первой заговорила Анна:

– Герцогиня, было так любезно с вашей стороны пригласить нас.

– О, что вы, миссис Тренчард. Мне кажется, вы очень добры к моему племяннику.

– Я всегда рада видеть лорда Белласиса.

Анна удачно выбрала платье. Синий шелк выгодно подчеркивал стройную фигуру, а тонкое кружево, которое отыскала Эллис, прекрасно дополняло его. Бриллианты, хотя и не могли составить конкуренцию другим украшениям в зале, тем не менее смотрелись вполне достойно.

Герцогиня невольно смягчилась.

– Молодым людям трудно находиться далеко от дома, – почти любезно произнесла она.

Джеймса мучила неотвязная мысль: вроде бы к герцогине следовало обращаться «ваша светлость»? Но он сдерживался, не желая вмешиваться. Кажется, слова жены никто не воспринял как оскорбление, однако Джеймс все равно сомневался. Он открыл было рот...

– Кого я вижу! Неужели это Волшебник? – вполне искренне просиял Ричмонд. Если он и удивился, встретив у себя в гостиной этого коммерсанта, то виду не подал. – Помните, как мы заготовили несколько планов на случай, если мобилизуют резервистов?

– Прекрасно помню, ваше... ваше предложение, я хотел сказать. Герцог.

Последнее слово прозвучало отдельной фразой, не имеющей связи с остальным разговором. И словно бы в тихий пруд внезапно бросили камешек: на несколько мучительных секунд Джеймсу показалось, что неловкость от этого неуклюжего заявления пошла вокруг него волнами. Но мягкая улыбка и кивок Анны подбодрили его, и Тренчард с облегчением почувствовал, что, кажется, никого не смутил.

Анна взяла дело в свои руки:

– Позвольте представить вам мою дочь Софию.

София сделала хозяйке дома реверанс, а та смирила ее взглядом с ног до головы с таким видом, словно покупала оленину для обеда (чего, разумеется, ей никогда в жизни делать не доводилось). Девушка была миленькая и весьма грациозная, однако взгляд, брошенный на ее отца, снова со всей очевидностью напомнил герцогине, что ни о каком продолжении этой истории не может быть и речи. Герцогиня боялась, что сестра, узнав об этом вечере, обвинит ее в попустительстве. Но Эдмунд же наверняка не всерьез увлечен этой девочкой? Он всегда был благоразумным мальчиком и никогда не доставлял родителям ни малейших хлопот.

– Мисс Тренчард, вы позволите проводить вас в танцевальный зал? – Эдмунд пытался сохранять внешнюю холодность, но тетю не так-то легко было провести – она слишком хорошо знала жизнь, чтобы ее обмануло это напускное безразличие.

У герцогини просто сердце оборвалось, когда она увидела, как девушка взяла Эдмунда под руку и они, перешептываясь, пошли вместе, словно уже принадлежали друг другу.

– Харрис! Не ожидал тебя здесь увидеть! – окликнул Эдмунд приятного молодого человека. – Знакомьтесь, майор Томас Харрис.

– Надо ведь и мне развеяться, – произнес молодой офицер, поклонившись хозяевам, и улыбнулся Софии.

Та засмеялась, им всем было радостно оттого, что они оказались здесь

вместе. София и Эдмунд отправились дальше в сторону танцевального зала, сопровождаемые тревожным взглядом тетушки. Герцогиня невольно призналась себе, что они очень красивая пара: светлые волосы и изящество Софии гармонично сочетались с темными кудрями и точеными чертами лица Эдмунда, его мужественным ртом и раздвоенным подбородком. Герцогиня встретила взглядом с мужем. Оба понимали, что происходящее почти неподвластно им. А может, уже и не «почти».

– Мистер Джеймс и леди Фрэнсис Уэддерберн-Уэбстер, – объявил мажордом, и герцог вышел вперед поприветствовать следующих гостей.

– Леди Фрэнсис, вы выглядите восхитительно!

Он заметил тревожный взгляд, которым его жена проводила юных влюбленных. И что, интересно, семья Ричмонд может тут поделаться? Но, увидев озабоченность на лице супруги, герцог наклонился к ней и негромко сказал:

– Я позже поговорю с ним. Эдмунд все поймет. Раньше он всегда отличался благоразумием.

Супруга кивнула. Именно так и следует поступить. Разобраться потом, когда закончится бал и эта девушка уйдет. У дверей началось какое-то оживление, и звонкий голос мажордома провозгласил:

– Его королевское высочество принц Оранский.

Приятного вида молодой человек подошел к хозяину и хозяйке, и герцогиня, с прямой, как доска, спиной, опустилась в глубоком придворном поклоне.

Герцог Веллингтон прибыл только к полуночи, но ничуть не был этим смущен. К невероятному восторгу Джеймса Тренчарда, герцог оглядел бальный зал и, завидев Джеймса, подошел к нему:

– Что привело сюда Волшебника?

– Нас пригласила ее светлость.

– Вот как, неужели? Рад за вас. Вечер приятный?

– О да, ваша светлость! – кивнул Джеймс. – Но много говорят о наступлении Бонапарта.

– Да? Как неожиданно. Верно ли я понимаю, что эта очаровательная леди – миссис Тренчард?

Он выглядел поразительно невозмутимым.

Даже у Анны не хватило духу обратиться к нему «герцог».

– Спокойствие вашей светлости внушает уверенность в себе.

– Так и должно быть, – усмехнулся Веллингтон и обратился к стоявшему рядом офицеру: – Понсонби, вы знакомы с Волшебником?

– Конечно, герцог! Я немало времени провожу перед кабинетом

мистера Тренчарда, ожидая очереди замолвить словечко за своих людей, – ответил тот, однако улыбнулся.

– Миссис Тренчард, позвольте представить вам сэра Уильяма Понсонби. Понсонби, это супруга Волшебника.

Офицер слегка поклонился:

– Надеюсь, к вам он проявляет большее снисхождение, чем ко мне.

Анна тоже улыбнулась, но ответить не успела: к ним подошла Джорджиана, дочь Ричмондов.

– Зал гудит от слухов!

– Еще бы! – понимающе кивнул Веллингтон.

– Но они верны?

Она была миловидной девушкой, эта Джорджиана Леннокс, с чистым, открытым личиком, и тревога у нее в голосе звучала неподдельная, напоминая о нависшей над всеми угрозе.

Герцог глянул в ее глаза, смотревшие на него снизу вверх, и впервые за все это время помрачнел.

– Боюсь, что верны, леди Джорджиана. Похоже, завтра выступаем.

– Это ужасно!

Она обернулась и посмотрела на пары, кружащиеся в танце. Большинство кавалеров, весело смеющихся и болтающих со своими дамами, были в парадных мундирах. Многие ли из этих молодых людей уцелеют в грядущей битве?

– Какое бремя вы должны нести! – Анна Тренчард тоже посмотрела на танцующих мужчин и вздохнула. – Кто-то из этих юношей погибнет в ближайшие дни, и если мы хотим выиграть войну, то даже вы не в состоянии предотвратить их гибель. Не завидую вам.

Веллингтон несколько удивился, услышав такие слова от жены своего интенданта, женщины, о существовании которой он до этого вечера едва ли знал. Не все понимали, что война – это не только блеск и слава.

– Спасибо, что так думаете, мадам.

В это мгновение их разговор внезапно был прерван оглушительным ревом пары десятков волюнок, и танцоры расступились, чтобы пропустить солдат Гордонского шотландского полка. Это был *coup de théâtre*^[3] хозяйки, сюрприз, помочь устроить который она уговорила старшего офицера. Поскольку полк «горцев» был основан двадцать лет назад ее покойным отцом (герцогиня, если помните, была урожденная Гордон), командир не смог отказать и охотно исполнил ее просьбу. По крайней мере, внешне все выглядело именно так. История умалчивает о том, что он на самом деле подумал, когда накануне войны, от исхода которой зависела судьба Европы,

его вынудили одолжить своих солдат, дабы сделать тех «гвоздем программы» на светском балу. Так или иначе, выступление сие бальзамом пролилось на сердца всех присутствующих шотландцев и позабавило их английских соседей; лишь иностранцы откровенно недоумевали. Анна Тренчард заметила, как принц Оранский вопросительно посмотрел на своего адъютанта, морщась от производимого волынками шума. Но тут мужчины пустились танцевать рил, и вскоре страсть и мощь их танца победили сомнения, распаяя публику все больше и больше, пока наконец даже озадаченные поначалу германские князья не принялись поддерживать танцоров одобрительными криками и хлопками.

Анна повернулась к мужу:

– Тяжело думать, что не пройдет и месяца, как они пойдут в атаку на врага.

– Месяца? – горько рассмеялся Джеймс. – Скорее уж, недели.

Не успел он договорить, как дверь распахнулась и в зал, даже не остановившись, чтобы счистить грязь с сапог, ворвался молодой офицер. Оглядев комнату, он нашел командующего, принца Оранского. Офицер поклонился и достал конверт, чем немедленно привлек всеобщее внимание. Принц кивнул, подошел к Веллингтону и вручил ему послание. Но герцог сунул конверт в карман жилета, не читая, а мажордом тем временем объявил, что ужин подан.

Анна, невзирая на дурные предчувствия, улыбнулась:

– Как не восхититься самообладанием Веллингтона! Вдруг там смертный приговор для его армии, а он готов положиться на судьбу, лишь бы не выказать малейших признаков тревоги.

– Да, Веллингтона так просто не смутить, это точно, – кивнул Джеймс.

Но вдруг заметил, что на лбу жены залегли глубокие складки. В толпе, направлявшейся в обеденный зал, шла София, по-прежнему вместе с виконтом Белласисом.

– Скажи ей, чтобы ужинала с нами или хотя бы с кем-нибудь другим, – проговорила Анна, стараясь не выдать своего раздражения.

– Сама скажи, – покачал головой Джеймс. – Я не буду.

Анна кивнула и подошла к молодой паре:

– Нельзя позволять Софии, чтобы она целиком завладела вами, лорд Белласис. У вас здесь столько друзей, которые были бы рады возможности узнать, что у вас нового.

– Не волнуйтесь, миссис Тренчард, – улыбнулся молодой человек. – Я там, где мне хочется быть.

– Это замечательно, милорд, – чуть тверже сказала Анна, похлопывая сложенным веером по ладони. – Однако Софии нужно беречь свое доброе имя, а щедрость, с которой вы оказываете ей знаки внимания, может поставить его под угрозу.

Было бы смешно надеяться, что София промолчит.

– Мама, не беспокойся. Жаль, что ты не признаешь за мной ни капли благоразумия.

– Жаль, что я не могу его за тобой признать.

Анна начала сердиться на свою неразумную и не в меру честолубивую дочь, потерявшую голову от любви. Но, почувствовав, что на них смотрят несколько пар, умолкла, дабы никто не видел, как она спорит с собственным ребенком.

Вопреки пожеланиям мужа Анна выбрала тихий столик у стены, где они сели с какими-то офицерами и их женами, разглядывавшими пышное общество в центре обеденного зала. Веллингтона посадили между леди Джорджианой Леннокс и восхитительным созданием в темно-синем, расшитом серебряной нитью вечернем платье с глубоким вырезом. Разумеется, бриллианты у этой дамы были просто роскошные. Она сдержанно засмеялась, демонстрируя ряд ослепительно-белых зубов, а потом покосилась на герцога, полуприкрыв глаза темными ресницами. Что касается леди Джорджианы, то она явно находила это соревнование утомительным.

– Кто эта женщина, справа от герцога? – спросила Анна у мужа.

– Леди Фрэнсис Уэддерберн-Уэбстер.

– А-а, ну конечно! Она пришла сразу после нас. Кажется, она уверена, что Веллингтон проявит к ней интерес.

– У леди Фрэнсис есть для этого все основания, – чуть заметно подмигнул жене Джеймс, и Анна взглянула на красавицу с удвоенным любопытством.

Не в первый раз уже она замечала, что в преддверии войны, когда смерть совсем близко, даже невозможное становится возможным. Многие пары в этом зале рисковали репутацией и грядущим счастьем, лишь бы урвать от жизни хоть немного радостей, пока призыв к оружию не призовет их разлучиться.

У дверей послышалось какое-то движение. Гонец, которого они уже видели, вернулся, все в тех же грязных сапогах для верховой езды, и опять направился к принцу Оранскому. Они перебросились парой слов, после чего принц встал, подошел к Веллингтону и, наклонившись, что-то прошептал ему на ухо. Теперь уже на них было обращено внимание всех

присутствующих, и разговоры начали затихать. Веллингтон встал, коротко переговорил с герцогом Ричмондом, и они двинулись было к дверям, но тут главнокомандующий вдруг остановился и огляделся. К изумлению Тренчардов, он подошел к их столику, вызвав этим воодушевление всех, кто там сидел.

– Вы, Волшебник, можете пройти с нами?

В ту же секунду Джеймс вскочил на ноги, забыв про ужин. Оба герцога были высокими, и рядом с ними маленький упитанный интендант выглядел шутком между двумя королями. Кем он, собственно, и был, как невольно подумалось Анне.

Ее сосед по столу не мог скрыть восхищения:

– Мадам, ваш супруг явно пользуется доверием герцога!

– Это только с виду.

Но на самом деле она в кои-то веки почувствовала гордость за мужа, и это было приятно.

Когда они открыли дверь гардеробной, испуганный слуга, которого потревожили во время такого важного действия, как раскладывание ночной сорочки, поднял глаза и увидел прямо перед собой верховного главнокомандующего.

– Разрешите нам ненадолго воспользоваться этой комнатой, – попросил Веллингтон, и слуга, чуть не задохнувшись от усердия, поспешно кинулся прочь.

– У вас есть приличная карта местности?

Ричмонд пробормотал что-то утвердительное и, достав с полки фолиант, раскрыл его на странице, где были изображены Брюссель и его окрестности. Веллингтон дал волю гневу, который только что так успешно скрывал в обеденном зале.

– Черт возьми, Наполеон провел меня! Принц Оранский получил второе сообщение, на этот раз от барона Ребека. Бонапарт двинулся по дороге от Шарлеруа к Брюсселю и подбирается к нам. – Он склонился над картой. – Я отдал армии приказ сосредоточить силы у Катр-Бра, но там мы не сможем остановить его.

– Можно попробовать. До рассвета еще несколько часов, – возразил Ричмонд, который верил в это так же мало, как и его собеседник.

– Если не остановлю Наполеона у Катр-Бра, мне придется сражаться с ним вот здесь.

Джеймс вытянул шею, разглядывая карту. Палец герцога остановился у маленькой деревушки под названием Ватерлоо. Происходящее казалось Тренчарду нереальным: еще минуту назад он незаметно сидел в углу и

ужинал, а сейчас стоит в этой комнате вместе с двумя герцогами, причем один из них верховный главнокомандующий, внезапно попав в эпицентр событий, которым суждено переменить жизнь множества людей.

И тут Веллингтон, впервые с того момента, как они пришли сюда, удостоил Джеймса вниманием:

– Волшебник, мне потребуется ваша помощь. Вы меня поняли? Сначала мы двинемся в Катр-Бра, а потом, вероятнее всего, в... – он сверился с картой, – Ватерлоо. Неподходящее название для бессмертия.

– Если кто и сделает его бессмертным, то это вы, ваша светлость!

В незамысловатой системе ценностей Тренчарда легкая лесть всегда считалась нелишней.

– Может, вам потребуется еще какая-то информация? – Веллингтон, будучи хорошим командиром, вникал в каждую мелочь, что вызывало у Джеймса восхищение.

– Этих сведений мне вполне достаточно. Не беспокойтесь. Перебоев в снабжении нашей армии не будет.

Веллингтон глянул на интенданта и едва заметно улыбнулся:

– Вы хваткий человек, Тренчард. Когда с войнами будет покончено, вы должны по достоинству распорядиться своими талантами. Мне кажется, у вас есть задатки, вы далеко пойдете.

– Ваша светлость очень добры.

– Только не обращайтесь внимания на причуды света. Вы для этого достаточно умны, и, поверьте, вы стоите многих самодовольных павлинов из бального зала. Не забывайте об этом... Но довольно. – Веллингтон словно бы услышал голос, который сказал ему, что час пробил. – Надо идти готовиться.

Когда они вышли из гардеробной, среди гостей уже царила суматоха, и сразу стало понятно, что слухи просочились наружу. Украшенные цветами залы, такие изысканные и элегантные в начале вечера, заполнились душераздирающими сценами прощания. Женщины и молодые девушки открыто рыдали, отбросив напускную невозмутимость и крепко обнимая сыновей и братьев, мужей и возлюбленных. К удивлению Джеймса, оркестр продолжал играть, и, что выглядело еще более невероятным, несколько пар по-прежнему танцевали, хотя трудно было понять, как им это удастся в общей атмосфере ужаса и горя.

Тренчард попытался отыскать в толпе Анну, но та нашла его первой.

– Надо уходить, – сказал он. – Я сразу отправлюсь на склад. Вас с Софией посажу в экипаж, а сам пойду пешком.

Жена кивнула и поинтересовалась:

– Это будет решающий бой?

– Кто знает?! Думаю, да. Мы уже столько лет при каждой очередной стычке обещаем себе, что это сражение станет решающим, но на сей раз я искренне в это верю. Где София?

Они нашли девушку в зале, где она рыдала в объятиях лорда Белласиса. Анна мысленно возблагодарила окружающий хаос и всеобщее столпотворение, позволившие укрыть от посторонних глаз подобное безрассудство. Белласис что-то прошептал Софии на ухо, затем передал ее матери:

– Позаботьтесь о ней!

– Вообще-то, обычно именно это я и делаю, – заметила Анна, несколько задетая его бесцеремонностью.

Но ее тон не возымел действия на Белласиса, не чувствовавшего ничего, кроме горечи разлуки. Бросив последний взгляд на предмет своих нежных чувств, молодой человек вместе с товарищами-офицерами поспешил к выходу. Хозяйки дома нигде не было видно. Анна оставила поиски и решила написать ей утром, хотя, отдавая герцогине должное, предположила, что в подобный момент та не станет заботиться о светских условностях.

Наконец они пробрались в предбанник, прошли через открытые двери и очутились на улице. Здесь тоже царила толчея, но не такая, как в доме. Офицеры уже седлали лошадей. Анна заметила в сутолоке Белласиса. Он напряженно оглядывался, явно высматривая кого-то, но если это была София, то он не заметил ее. И в то же самое мгновение Анна услышала, как дочь громко ахнула у нее за спиной.

– В чем дело?

София расширившимися глазами смотрела на группу военных. Анна никого из них не знала.

– Да что случилось?

Но, похоже, девушка не в состоянии была ничего сказать, а лишь отчаянно замотала головой.

– Ты же знала, что ему придется ехать, – промолвила Анна, обнимая девушку за плечи.

– Не в этом дело, – выговорила та, не в силах отвести взгляд от группы людей в военной форме, которые уже отправлялись в путь. София содрогнулась и издала отчаянный всхлип, вырвавшийся наружу из самой глубины души.

– Дорогая моя, надо держать себя в руках!

Анна огляделась, желая убедиться, что никто не видел этой минутной

слабости. Похоже, дочь была сейчас не в силах не то что помнить о правилах приличия, но даже осознавать происходящее. Она тряслась как в лихорадке, на лбу проступила испарина, а по щекам лились слезы. Анна поняла, что пора действовать решительно.

– Идем со мной. Живее. Надо возвращаться домой, пока тебя не заметили.

Родители подхватили дрожавшую девушку под руки и увлекли ее на стоянку экипажей, нашли там свой и втокнули дочь внутрь. Джеймс поспешно ушел, но только через час карета Тренчардов выбралась из скопления других экипажей и Анна с Софией смогли отъехать.

На следующий день София не покидала свою комнату, но это было совершенно не важно, поскольку весь Брюссель был взбудоражен и ее отсутствия никто не заметил. Пройдут ли войска неприятеля через город? Грозит ли опасность всем молодым девицам? Жители столицы пребывали в растерянности. Следует ли надеяться на победу, спрятать подальше ценные вещи и терпеливо ждать? Или лучше бежать из города, опасаясь возможного поражения? Анна почти весь день провела в размышлениях и молитвах. Джеймс домой не возвращался. Анна отправила к нему на склад слугу со сменой белья и корзиной еды. И усмехнулась, сознавая абсурдность собственных действий: она посылала припасы главному интенданту Веллингтона.

Стали приходить новости о битве при Катр-Бра. Герцог Брауншвейгский погиб, получив пулю в сердце. Темноволосый повеса, который накануне вечером вальсировал с герцогиней. А сколько еще придет подобных известий, пока все не закончится? Анна оглядела гостиную виллы, которую они снимали. Комната была довольно миленькая, правда, на ее вкус, чересчур роскошная (и недостаточно роскошная, по мнению Джеймса): темная мебель, белые портьеры муарового шелка с пышными, отделанными бахромой ламбрекенами. Анна взяла было в руки вышивку, но тут же снова отложила ее. Как можно заниматься рукоделием, когда всего в нескольких милях отсюда сражаются не на жизнь, а на смерть люди, которых она знает? Она попыталась читать, но любая выдуманная история меркнет, когда совсем рядом – так, что слышен гром пушек, – разыгрывается жестокое сражение.

В комнату вошел сын Оливер и рухнул на стул.

– Ты почему не в школе?

– Нас распустили по домам.

Анна кивнула. Ну разумеется. Учителям не до занятий, им надо думать

о собственном спасении.

– От папы что-нибудь слышно? – поинтересовался Оливер.

– Нет, но он в безопасности.

– А почему София в постели?

– Ей нездоровится.

– Это все из-за лорда Белласиса?

Анна бросила на сына недоумевающий взгляд. И откуда только юнцам известны такие вещи? Оливеру исполнилось шестнадцать. Он еще никогда не бывал в обществе, хотя бы отдаленно напоминающем светское.

– Конечно нет, – ответила мать, но мальчик лишь усмехнулся.

Мужа Анна увидела только утром во вторник. Она завтракала у себя в комнате, хотя уже встала и была одета. Джеймс заглянул в дверь. Ну и видок у него был: весь чумазый, словно и сам побывал на поле боя.

Приветствие Анны было коротким:

– Слава Богу!

– Мы выстояли. Бони бежал. Но уцелели не все.

– Еще бы. Какое несчастье...

– Герцог Брауншвейгский погиб.

– Я слышала.

– А еще лорд Хэй, сэр Уильям Понсонби...

– О Господи!.. – Анне вспомнился человек с мягкой улыбкой, подшучивавший на балу над суровостью ее мужа. – Какая трагедия! Я слышала, некоторые офицеры погибли в тех же парадных мундирах, в которых танцевали у герцогини.

– Да, это правда.

– Надо помолиться за них. После того бала у меня возникло чувство, будто нас что-то связывает с этими несчастными.

– Но есть еще одна жертва, связь с которой тебе воображать не придется. – (Анна выжидающе смотрела на него.) – Виконт Белласис убит.

– О Боже! – Она закрыла рот рукой. – Это точно?

У Анны все сжалось внутри. Отчего? Считала ли она в глубине души, что безумные надежды Софии могут осуществиться и дочь обретет счастье с лордом Белласисом? Нет. Анна знала, что это всего лишь пустые фантазии, но тем не менее... Какой ужас!

– Я вчера туда ездил. Был на поле боя. До чего же все это страшно.

– Зачем ты поехал?

– А как ты думаешь? По делам, разумеется, не для развлечения же, – ответил Джеймс, и ему стало неловко за свой саркастический тон. –

Услышав, что Белласис в списке погибших, я попросил показать мне его тело. Это точно был он, так что – да, сомневаться не приходится. Как София?

– После бала ходит как тень, наверняка боится услышать ту самую новость, которую ты привез, – вздохнула Анна. – Думаю, надо сообщить дочери, пока она не услышала это от кого-нибудь другого.

– Я сам скажу ей.

Анна удивилась. Раньше Джеймс никогда не вызывался исполнять подобного рода обязанности.

– Может, лучше я? Я ведь как-никак ее мать.

– Нет, я сам скажу все Софии. А ты пойдешь к ней после. Где она?

– В саду.

И муж вышел, оставив Анну предаваться невеселым размышлениям. Вот, значит, как суждено было закончиться безумству Софии: не скандалом, а горем. Девушка витала в облаках, предавалась пустым фантазиям, и Джеймс потакал ей, но теперь этим мечтам предстояло обратиться в пыль. Теперь они уже так никогда и не узнают, кто был прав: София, убежденная в благородных намерениях Белласиса, или же Анна, считавшая, что виконт воспринимает ее дочь как прелестную куклу, с которой можно поиграть, пока войска расквартированы в Брюсселе. Анна подошла к окну и села на скамью. Внизу был разбит так называемый регулярный парк: этот стиль еще любили в Нидерландах, хотя англичане от него уже отказались. Когда отец вышел из дому, София сидела на скамейке возле посыпанной гравием дорожки, а рядом лежала так и не открытая книга. Подойдя поближе, Джеймс заговорил с дочерью, присел около нее и взял за руку. Какие он выберет слова? Судя по всему, Джеймс не торопился, сперва мягко поговорил с Софией о чем-то постороннем, и только потом девушка вдруг вздрогнула, словно от удара. Тогда Джеймс обнял ее, и она зарыдала. Что ж, по крайней мере, муж проявил деликатность, он умел быть таким, когда сообщал ужасные вести.

Позже Анна спрашивала себя: почему она тогда была так убеждена, что на этом вся история и закончилась? Но на прошлое мы глядим через призму времени, сквозь которую все видится совершенно иначе. Анна встала. Пора было спуститься вниз и утешить дочь, которая очнулась от прекрасных грез и очутилась в жестоком мире реальности.

2. Случайная встреча

1841 год

Экипаж остановился. Анне показалось, что и минуты не прошло с тех пор, как она села в него. Чтобы проделать путь от Итон-сквер до Белгрейв-сквер, вообще не стоило запрягать лошадей; будь ее воля, она бы прошла пешком. Но, конечно, в таких делах сама она ничего не решала. Никогда. Через секунду форейтор уже оказался на земле, открыл дверь и подал госпоже руку, чтобы помочь ей преодолеть ступеньки. Анна сделала глубокий вдох, чтобы успокоить нервы, и встала. Роскошный особняк, куда она приехала, принадлежал к классической разновидности домов, которые прозвали свадебными тортами. За последние двадцать лет их было немало возведено в новом элитном районе под названием Белгравия, о чем Анне Тренчард было известно лучше прочих. Ее муж вот уже четверть века вместе с братьями Кьюбитт строил здесь, на площадях, проспектах и полукругом изогнутых улицах, частные дворцы для состоятельных англичан, попутно заработав на этом немалое состояние и себе.

До нее в дом впустили двух женщин, и сейчас лакей выжидающе стоял, держа дверь открытой. Оставалось только подняться по ступеням и войти в просторный, огромный, как пещера, холл. Там гостей ждала служанка. Анна отдала ей накидку, но капор на голове оставила. Она уже привыкла к тому, что ее принимают люди, с которыми она едва знакома, и сегодняшний визит не стал исключением. Свекор хозяйки, покойный герцог Бедфорд, был в свое время клиентом Кьюбиттов, и Джеймс, муж Анны, немало поработал на него, возводя дома на Рассел-сквер и Тэвисток-сквер. В последнее время Джеймс упорно старался выдавать себя за аристократа, который лишь волею судеб оказался на службе у Кьюбиттов, и иногда это у него получалось. Он даже сумел подружиться, хотя и не слишком близко, с герцогом и его сыном, лордом Тэвистоксом. Жена последнего, леди Тэвисток, всегда была фигурой незаметной, но очень важной, поскольку служила камер-фрейлиной у молодой королевы, и за несколько лет они с Анной перебрались лишь парой светских фраз, однако, по представлениям Джеймса, этого было достаточно, чтобы поддерживать отношения. Когда старый герцог скончался и новому потребовалась помощь Тренчарда, чтобы продолжать строительство в

лондонских владениях Расселов^[4], Джеймс обмолвился, что Анне хотелось бы побывать у герцогини на «послеобеденном чае» – посмотреть, что это за новинка, о которой так много говорят, – и приглашение не замедлило себя ждать.

Нельзя сказать, что Анна Тренчард не одобряла попыток мужа взобраться на вершину общества. Во всяком случае, она к ним привыкла. Она видела, какое удовольствие доставляет Джеймсу это занятие, – или, скорее, Джеймс сам себя убедил, что оно доставляет ему наслаждение, – и не мешала его мечтаниям. Просто Анна не разделяла амбиции супруга, ни сейчас, ни в Брюсселе тридцать лет назад. Она прекрасно отдавала себе отчет в том, что женщины, которые приглашают их к себе, всего лишь исполняют повеления своих мужей, а те отдают соответствующие распоряжения на всякий случай: вдруг Джеймс в будущем сможет оказаться полезным. Раздавая роскошно оформленные приглашения на балы, обеды и ужины, а теперь вот еще и на новомодное чаепитие, все эти люди намеревались, играя на снобизме Тренчарда, обратить его признательность себе во благо и извлечь пользу. Джеймс сам по себе был им глубоко безразличен и интересовал их разве что как возможный источник дохода. Анна прекрасно понимала, что муж сам поставил себя в такое положение, но, раз он того хотел, подыгрывала ему. Ее задачей было переодеваться четыре-пять раз на дню, часами сидеть в просторных гостиных с неприветливыми дамами, после чего снова возвращаться домой. Она уже свылась с таким образом жизни. Ее больше не пугали лакеи и роскошь, которая год от года хотя и становилась все более помпезной, но по-прежнему не производила на нее впечатления. Анна воспринимала эту жизнь философски, просто как один из способов вести дела. Вздохнув, она стала подниматься по широкой лестнице с позолоченными перилами. На верхней площадке висел портрет кисти прославленного портретиста Томаса Лоуренса: на нем в полный рост была запечатлена хозяйка дома, одетая по моде эпохи Регентства. Возможно, то была копия, вывешенная, чтобы произвести впечатление на лондонских гостей, а оригинал тем временем спокойно хранился в Уоберне^[5].

Поднявшись на верхнюю площадку, миссис Тренчард вошла в очередную гостиную, разумеется, весьма просторную: отделанные голубым дамастом стены, высокие расписные потолки и двери с позолотой. Женщины, сидевшие вдоль стен на стульях, диванах и оттоманках, пытались удержать в руках одновременно тарелки и чашки, то и дело не справляясь с этой непростой задачей. Несколько джентльменов, изысканно

одетых и явно проводивших жизнь в развлечениях, расположились среди дам и непринужденно болтали. Один из них при появлении Анны поднял взгляд и узнал ее, но она заметила в углу комнаты пустой стул и направилась туда, мимо какой-то пожилой леди – как раз, когда та попыталась поймать блюдо с тарталетками. Оно уже заскользило было вниз по ее пышным юбкам, но Анна ловко его перехватила.

– Отлично приняли мяч! – улыбнулась ей незнакомка и откусила от тарталетки. – Я не против легкого полдника с пирогами и чаем, чтобы подкрепиться в ожидании ужина, но почему нам нельзя сесть за стол?

Анна добралась до стула и, раз уж соседка оказалась к ней расположена, решила, что имеет полное право здесь присесть.

– Мне кажется, смысл в том, что гости не привязаны к месту. Можно ходить и разговаривать, с кем понравится.

– В таком случае мне нравится разговаривать с вами.

К ним уже спешила несколько встревоженная хозяйка.

– Миссис Тренчард, как замечательно, что вы к нам заглянули!

По этой фразе можно было заподозрить, что Анну не рассчитывают видеть здесь долго, но, если даже и так, она была этому только рада.

– Так мило с вашей стороны было пригласить меня.

– Вы не хотите нас представить?

Просьба исходила от пожилой дамы, которую спасла Анна, но герцогине явно не хотелось выполнять свои обязанности. Однако, поняв, что отвертеться не получится, она с натянутой улыбкой произнесла:

– Позвольте представить вам миссис Джеймс Тренчард. – (Анна кивнула, молча ожидая продолжения.) – Вдовствующая герцогиня Ричмонд, – объявила хозяйка дома, поставив многозначительную точку, словно тем можно было пресечь все дальнейшие сомнения.

Последовала пауза. Герцогиня Бедфорд смотрела на Анну, ожидая от нее почтительно-восхищенного ответа, но имя это вызвало у гостьи скорее потрясение, если только прилив ностальгической грусти можно назвать потрясением. Анна опомнилась, сообразив, что надо срочно произнести приличествующие случаю слова, чтобы спасти положение, но не успела этого сделать, поскольку хозяйка торопливо добавила:

– Пойдемте, миссис Тренчард, я должна представить вас миссис Карвер и миссис Шют.

Очевидно, она заранее выделила уголок для менее именитых дам, которых намеревалась держать в отдалении от сильных мира сего. Однако герцогиня Ричмонд решила иначе:

– Подождите, не уводите миссис Тренчард! У меня такое чувство, что

мы с ней раньше были знакомы!

Пожилая леди так сосредоточенно пыталась вспомнить, что у нее даже исказились все черты, словно она силилась разглядеть лицо человека, сидящего на другом конце комнаты.

– У вас превосходная память, герцогиня, – кивнула Анна. – Мне казалось, что я изменилась настолько, что меня не узнать, но вы правы. Мы уже встречались. Я приходила к вам на бал. В Брюсселе, накануне битвы при Ватерлоо.

– Вы были на том знаменитом балу, миссис Тренчард? – изумилась герцогиня Бедфорд.

– Да.

– Но мне казалось, что вы лишь недавно... – Она спохватилась, вовремя прикусив язык. – Мне нужно пойти посмотреть, всем ли хватает чая и угощений. Прощу меня извинить. – И поспешила прочь, предоставив двум женщинам беседовать.

– Я хорошо вас помню, – наконец заговорила герцогиня.

– Польщена, если так.

– Конечно, мы тогда плохо знали друг друга...

Анна видела на морщинистом лице собеседницы следы царственной внешности прежней королевы Брюсселя, которая в былые времена не задумываясь раздавала приказания.

– Да, почти не знали. Вас тогда попросили пригласить нас с мужем против вашей воли, и вы были очень любезны, что позволили нам прийти.

– Помню. Мой покойный племянник был влюблен в вашу дочь.

– Возможно, – кивнула Анна. – По крайней мере, сама она была в него влюблена.

– Нет, мне кажется, что и он тоже. В то время я была в этом убеждена. Мы с герцогом долго об этом говорили после бала.

– Не сомневаюсь.

Обе прекрасно знали, что имеется в виду, но какой смысл ворошить прошлое?

– Лучше оставим эту тему. Там моя сестра. Ее это огорчит, даже по прошествии стольких лет. – Герцогиня показала глазами на сидевшую в глубине гостиной статную женщину, одетую в серое шелковое платье с сиреневыми кружевами. С виду она была ненамного старше самой Анны. – Между нами меньше десяти лет разницы в возрасте, и я знаю, что многих это удивляет.

– Вы ей говорили про Софию?

– Это все было так давно. Какая теперь разница? Наши тревоги умерли

вместе с Эдмундом. – Герцогиня умолкла, поняв, что невольно себя выдала. – А где сейчас ваша прекрасная дочь? Видите, я помню, что она была красавицей. Что с ней стало?

Анна внутренне сжалась. Этот вопрос до сих пор каждый раз вызывал у нее боль.

– Как и лорд Белласис, София умерла. – Она всегда сообщала это твердо и буднично, чтобы избежать выражения сентиментальных чувств, которое обычно вызывали ее слова. – Всего через несколько месяцев после бала.

– Значит, она так и не вышла замуж?

– Так и не вышла.

– Мне очень жаль. Представьте, я отчетливо ее помню. У вас еще есть дети?

– Да. Сын Оливер, но... – Теперь настала очередь Анны себя выдать.

– Но София была вашим любимым ребенком.

Анна вздохнула. Сколько бы ни прошло лет, легче не становилось.

– Знаю, полагается верить в эту выдумку, что мы всех своих детей любим одинаково, но у меня, например, не получается.

– А я даже и не пытаюсь, – усмехнулась герцогиня. – Я очень люблю одних своих отпрысков, с остальными нахожусь в неплохих отношениях, но двоих категорически недолюбливаю.

– А сколько всего у вас детей?

– Четырнадцать.

– Боже милостивый! – улыбнулась Анна. – Значит, титулу Ричмондов ничего не грозит.

Старая герцогиня снова рассмеялась. И пожала собеседнице руку. Удивительно, но Анна не чувствовала обиды. Каждая из них играла в той давней истории отведенную ей роль.

– Я помню некоторых ваших дочерей, что были в тот вечер на балу. Одна, кажется, весьма нравилась герцогу Веллингтону.

– И до сих пор нравится. Джорджиана. Сейчас она леди де Рос, но если бы Веллингтон тогда не был женат, он имел бы неплохие шансы. Но, пожалуй, надо идти. Я пробыла здесь уже слишком долго, и мне придется за это поплатиться. – Герцогиня не без усилия поднялась, тяжело опираясь на палку. – Очень приятно было с вами поговорить, миссис Тренчард. Славное воспоминание о более радостных временах. Видимо, в этом и состоит преимущество чаепития не за столом: можно уходить, когда захочешь. – Но прежде чем уйти, пожилой леди захотелось добавить еще кое-что: – Желаю всего наилучшего вам и вашей семье, моя дорогая. Как

бы прежде мы ни относились друг к другу.

– Могу в ответ повторить то же самое, герцогиня.

Анна встала и проводила глазами престарелую даму, осторожно двигавшуюся к двери, а потом огляделась. Миссис Тренчард узнала еще кое-кого из присутствующих женщин, и некоторые в знак вежливости кивнули ей издали, но она прекрасно понимала, где заканчивается их интерес к ней, и не воспользовалась проявленным вниманием как поводом завести беседу. Она лишь улыбнулась в ответ, но предпочла не присоединяться к их обществу. Большая гостиная переходила в комнату поменьше, обитую светло-серым дамастом, а дальше начиналась картинная галерея или, вернее, комната, где выставлялись картины. Анна медленно брела вдоль выставки, восхищаясь работами. Над мраморным камином висело превосходное полотно Тёрнера. Она уже прикидывала, сколько еще времени ей необходимо здесь оставаться, когда внезапно вздрогнула, услышав за спиной чей-то голос:

– Как долго вы беседовали с моей сестрой!

Анна обернулась и увидела ту самую женщину, которую показывала ей герцогиня Ричмонд, мать покойного лорда Белласиса. Представляла ли Анна себе когда-нибудь эту встречу? Возможно. Графиня Брокенхёрст держала в руках чашечку чая на блюдце с тем же рисунком.

– И кажется, я догадываюсь о чем. Наша хозяйка сказала мне, что вы тоже были на том знаменитом балу.

– Совершенно верно, леди Брокенхёрст.

– Значит, у вас есть передо мной преимущество. – Леди Брокенхёрст прошла к пустым стульям, стоявшим у большого окна, которое выходило на тенистый сад на Белгрейв-сквер. Там, на центральной площадке, няня чинно играла со своими подопечными. – Не будете ли вы столь любезны назвать мне свое имя, ибо здесь некому нас представить.

– Я миссис Тренчард. Миссис Джеймс Тренчард.

Графиня глянула на нее с удивлением:

– Значит, я оказалась права. Это и впрямь вы.

– Очень лестно, что вы слышали обо мне.

– Разумеется, слышала. – По тону графини было не понять, хорошо это или плохо.

Подошел лакей с блюдом, полным крохотных сэндвичей с яйцом.

– Такие вкусные, что не устоять, – сказала леди Брокенхёрст, взяв три сэндвича и тарелочку под них. – Странно есть в эту пору, вы не находите? Мне кажется, когда наступит время ужина, мы все равно проголодаемся.

Анна улыбнулась, но ничего не сказала. У нее возникло ощущение, что

ей хотят задать какой-то вопрос, и она не ошиблась.

– Расскажите мне о том бале.

– Вы ведь наверняка немало говорили о нем с герцогиней?

Но сбить леди Брокенхёрст с избранного пути было невозможно.

– Почему вы тогда оказались в Брюсселе? Как познакомились с моей сестрой и ее мужем?

– А мы и не знакомились. Все произошло иначе. Мистер Тренчард был интендантом герцога Веллингтона. По долгу службы мой муж немного знал герцога Ричмонда, руководившего тогда обороной Брюсселя, только и всего.

– Простите меня, моя дорогая, но это не вполне объясняет ваше присутствие на приеме у его жены.

Графиня Брокенхёрст определенно была весьма миловидна; седые волосы еще сохраняли светлый оттенок, а очерченные морщинами губы оставались гладкими. Живое лицо с правильными мелкими чертами; рот, изогнутый, как лук Амура, и резкая, отрывистая манера говорить: наверняка в юности голос ее звучал очень соблазнительно. Графиня чем-то походила на сестру, отличалась тем же властным видом, но в глубине ее серо-голубых глаз затаилось горе, отчего она, с одной стороны, больше герцогини Ричмонд располагала собеседника к себе, однако вместе с тем также казалась несколько отстраненной. Анна, разумеется, знала причину ее скорби, но по вполне понятным причинам не хотела об этом заговаривать.

– Любопытно. Сколько я слышала, вас всегда называли «главный поставщик продовольствия герцога Веллингтона и его супруга». Увидев вас здесь, я решила, что меня ввели в заблуждение и обстоятельства вашей жизни отнюдь не таковы, как мне описывали.

Замечание было невежливым и даже оскорбительным, и Анна прекрасно понимала, что ей стоит обидеться. На ее месте любой бы обиделся. Но, если разобраться, разве леди Брокенхёрст не права?

– Нет, графиня. Все это сущая правда. Понимаю, странно, что мы оказались в числе гостей на том памятном вечере в тысяча восемьсот пятнадцатом году, но с тех пор наша жизнь переменилась. После окончания войны дела у мистера Тренчарда пошли в гору.

– Не сомневаюсь. Он так и продолжает снабжать своих клиентов продовольствием? Должно быть, ваш супруг в этом поднаторел.

Сколько же всего ей еще предстоит выслушать?

– Нет, муж оставил свое прежнее занятие и стал компаньоном мистера Кьюбитта и его брата. Когда мы вернулись из Брюсселя, вскоре после того

сражения, братьям Кьюбитт необходимо было найти пайщиков, и мистер Тренчард решил им помочь.

– Сам мистер Томас Кьюбитт? О боже! Полагаю, тогда он уже не был корабельным плотником?

Анна решила не обижаться и спокойно продолжила беседу:

– К тому времени он уже занялся строительством. Они с братом Уильямом искали средства на постройку Лондонского института на Финсбери-Серкус, и как раз тогда они встретили мистера Тренчарда. Он предложил Кьюбиттам помощь, и они втроем начали совместное дело.

– Я помню открытие института. Нам показалось, что он великолепен.

Насмехалась ли над ней леди Брокенхёрст? Трудно было сказать, искренне ли восхищается собеседница Анны или просто играет с ней, преследуя какие-то собственные цели.

– После этого они вместе работали на строительстве новой площади Тэвисток-сквер...

– Для свекра нашей хозяйки!

– На самом деле там участвовало несколько пайщиков, но основным действительно был герцог Бедфорд.

– Я хорошо помню, какой это был успех, – кивнула леди Брокенхёрст. – А потом, видимо, последовала Белгравия, для маркиза Вестминстера, который, должно быть, богаче Креза – благодаря Кьюбиттам и, как я теперь понимаю, вашему мужу. Как удачно все для вас сложилось! Наверное, вы устали от домов вроде этого? Ведь их в ведении мистера Тренчарда так много!

– Очень приятно видеть, как в новые дома вселяются люди, после того как уберут строительные леса и грязь.

Анна пыталась вернуть разговор в спокойное русло, но леди Брокенхёрст не сдавалась.

– Какая замечательная история! – воскликнула она. – Вы воистину дитя новой эпохи, миссис Тренчард. – Она засмеялась, но тут же опомнилась. – Надеюсь, я вас не обидела?

– Ничуть.

Анна прекрасно понимала, что леди Брокенхёрст ее провоцирует, – возможно, потому, что знает об увлечении своего сына Софией. Другой причины быть не могло. Анна решила расставить точки над «i» и выбить у собеседницы почву из-под ног.

– Вы правы, нынешние успехи мистера Тренчарда не объясняют нашего присутствия на том балу. Армейскому интенданту обычно не выпадает возможность вписать свое имя в список гостей на приеме у

герцогини, но мы состояли в дружбе с любимцем вашей сестры, и он устроил нам приглашение. Возможно, это выглядело не вполне прилично, но на грани войны город живет по несколько иным правилам, нежели те, что действуют в гостиных Лондона в мирное время.

– Не сомневаюсь. И кто же был этот любимец? Я его знаю?

Анне стало намного легче, потому что разговор наконец-то достиг цели, ради которой затевался. И тем не менее она не представляла, в каком направлении вести его дальше.

– Ну же, миссис Тренчард, не скромничайте! Скажите, прошу вас!

Лгать не было смысла, ибо леди Брокенхёрст прекрасно знала, что должна ответить Анна.

– Да, вы очень хорошо его знали. Это был лорд Белласис.

Имя повисло между ними в воздухе, как зловещий меч из греческого мифа. Нельзя сказать, что леди Брокенхёрст потеряла присутствие духа, ибо подобное ей не грозило даже на смертном одре, но она оказалась не готова услышать имя Эдмунда, произнесенное вслух этой выскочкой. Она думала, будто все знает про свою собеседницу, но оказалось, что это далеко не так. Несколько секунд потребовалось графине, чтобы прийти в себя. Пока она медленно пила чай, царило молчание. Анна вдруг почувствовала прилив жалости к этой печальной, сдержанной женщине, столь же суровой к себе, как и к окружающим.

– Леди Брокенхёрст...

– Вы хорошо знали моего сына?

Анна кивнула:

– По правде говоря...

В этот момент появилась хозяйка:

– Миссис Тренчард, вы не хотели бы...

– Простите меня, дорогая, но мы с миссис Тренчард беседуем.

Герцогиню отчитали, словно нерадивую горничную, которая не успела вычистить камин к возвращению хозяев. Не проронив ни слова, герцогиня Бедфорд лишь кивнула и удалилась. Леди Брокенхёрст подождала, пока они снова не окажутся одни.

– Так о чем вы говорили?

– Я только хотела сказать, что моя дочь знала лорда Белласиса лучше, чем я. В то время страсти в Брюсселе накалились в ожидании войны. Город был полон молодых офицеров и дочерей старших командиров. А также мужчин и женщин, которые приехали из Лондона, чтобы увидеть все своими глазами.

– Как моя сестра и ее муж.

– Именно. В то время повсюду царило ощущение неопределенности. Никто не знал, что будет дальше: триумф Наполеона и порабощение Англии или, напротив, победа британского оружия. Нехорошо так говорить, но именно неизвестность и порождала ту особую атмосферу, будоражащую и пьянящую.

Собеседница кивнула:

– И главное, в воздухе витало понимание того, что некоторые из этих улыбчивых, очаровательных молодых людей, салютующих на парадах, разливающих вино на пикниках и вальсирующих с дочерьми командиров, могут не вернуться домой. – Тон леди Брокенхёрст был ровным, но легкое дрожание голоса выдавало волнение. Как хорошо понимала ее Анна! – Да?

– Абсолютно верно.

– Думаю, им это нравилось. Я имею в виду – присутствовавшим там девушкам, таким, как ваша дочь. Ну как же: опасность, романтика – ибо, когда ты молод, опасность представляется романтической. А где сейчас ваша дочь?

Опять. Дважды за один день.

– София умерла.

– А вот этого я не знала! – ахнула леди Брокенхёрст, подтверждая тем самым, что все остальное уже было ей известно. Насколько могла заключить Анна, они с герцогиней Ричмонд наверняка обсуждали всю эту историю бесчисленное количество раз, и это объясняло поведение леди Брокенхёрст до сего момента. – Давно?

– Это случилось вскоре после сражения, – кивнула Анна, – после битвы при Ватерлоо прошло меньше года, так что уже давно.

– Я очень сожалею. – Леди Брокенхёрст впервые заговорила с подобием искренней теплоты. – На словах все всегда понимают, что приходится переживать бедным родителям, но я на самом деле вас понимаю. И знаю, что ничего забыть нельзя.

Анна удивленно смотрела на эту надменную матрону, которая только что старалась указать собеседнице ее место. Наверняка эта женщина в душе ненавидела ее. И все же, когда леди Брокенхёрст узнала, что и Анна тоже потеряла ребенка, что дерзкая девчонка, к которой так часто возвращались ее горькие размышления, мертва, в отношении ее что-то переменялось.

– Как ни странно, ваши слова и впрямь меня утешают, – улыбнулась Анна. – Недаром, видно, говорят, что несчастье не любит одиночества.

– А вы помните Эдмунда на том балу? – Леди Брокенхёрст оставила язвительность, и Анне было неловко наблюдать нетерпение, с которым

графиня жаждала услышать хоть что-то о потерянном сыне.

На этот вопрос можно было ответить честно.

– Прекрасно помню. И не только на том балу. Он не раз заходил к нам в дом вместе с другими молодыми людьми. Все его очень любили. Очаровательный юноша, импозантный и веселый...

– О да. У моего мальчика было немало достоинств.

– У вас еще есть дети? – Едва вымолвив это, Анна прикусила язык. Она прекрасно помнила, что Эдмунд был единственным ребенком в семье. Он сам часто об этом говорил. – Простите меня, пожалуйста. Я вспомнила, что нет.

– Вы правы. Когда мы с мужем уйдем в мир иной, после нас совсем ничего не останется. – Леди Брокенхёрст разгладила шелк своих юбок, остановив взгляд на пустой каминной полке. – Ни следа.

На секунду Анна подумала, что леди Брокенхёрст сейчас расплчется, но решила продолжать вести себя как ни в чем не бывало. Почему бы и не попытаться утешить скорбящую мать? Что тут такого?

– Вы, верно, гордитесь лордом Белласисом? Он был замечательным юношей, и мы очень его любили. Порой мы сами устраивали маленькие балы, на шесть-семь пар, и я играла на фортепиано. Странно сейчас это говорить, но те дни накануне сражения были счастливыми. По крайней мере, для меня.

– Не сомневаюсь, – сказала леди Брокенхёрст и встала. – Я должна идти, миссис Тренчард. Но мне было приятно с вами пообщаться. Даже больше, чем я рассчитывала.

– Кто сообщил вам, что я приду сюда? – поинтересовалась Анна, глядя на нее в упор.

– Никто, – покачала головой леди Брокенхёрст. – Просто я спросила хозяйку дома, кто это беседовал с моей сестрой, и герцогиня назвала ваше имя. Мне стало любопытно. О вас и вашей дочери мне довелось говорить так часто, что нельзя было упустить шанс познакомиться с вами лично. Так или иначе, теперь я вижу, что была к вам несправедлива. Во всяком случае, для меня было истинным наслаждением вспомнить Эдмунда с тем, кто знал его. Я словно бы снова увидела сына – как он танцует, флиртует, наслаждается жизнью в свои последние часы, и мне приятно об этом думать. И я буду об этом думать. И потому спасибо вам.

Графиня удалилась, прямая и величественная, ловко лавируя между группами болтающих гостей, и цвета ее полутраура выделялись на фоне веселой яркой толпы.

Увидев, что она ушла, герцогиня Бедфорд вернулась.

– Боже мой, оказывается, мне вовсе не стоило о вас беспокоиться, миссис Тренчард. Теперь я вижу, что здесь вы среди друзей. – Ее слова были благожелательнее, чем тон, которым она это произнесла.

– Не то чтобы мы были друзьями, но нас объединяют общие воспоминания. А сейчас мне тоже нужно идти. Благодарю вас за прекрасный вечер.

– Приходите еще. В следующий раз расскажете мне все о том знаменитом приеме накануне сражения.

Но Анна почувствовала, что обсуждать тот далекий вечер с абсолютно посторонним человеком ей вряд ли захочется. Разговор со старой герцогиней и даже с ее суровой сестрой очищал душу, ибо каждую из них связывало с тем вечером что-то свое. Но не стоило копаться в этих воспоминаниях вместе с чужаком. Десять минут спустя Анна уже сидела в своем экипаже.

Итон-сквер, может, и больше по размеру, чем Белгрейв-сквер, но дома здесь чуть менее величественны, и хотя Джеймс поначалу твердо решил занять один из роскошных особняков на второй из площадей, он все же уступил пожеланиям жены и согласился на здание поменьше. Дома на Итон-сквер тоже были достаточно помпезны, но Анну это не смущало. Ей там даже нравилось, и она изо всех сил старалась сделать комнаты приятными глазу и уютными, пусть даже они выглядели не так благородно, как предпочел бы Джеймс. «Люблю роскошь», – говаривал он, однако Анна вкусы мужа не разделяла. Но сейчас, пересекая холодный мрачный холл, миссис Тренчард меньше всего думала об обстановке. Улыбнувшись впустившему ее лакею, Анна стала подниматься по лестнице.

– Хозяин дома? – спросила она у слуги, уже сама почувствовав, что муж, видимо, еще не возвращался.

Скорее всего, забежал на минутку, чтобы переодеться, так что разговор, который непременно должен сегодня состояться, придется отложить. Ну что же, они поговорят попозже, после ужина.

На ужине за столом, помимо Анны и Джеймса, присутствовали только их сын Оливер с женой Сьюзен (молодые жили вместе с ними), и вечер проходил непринужденно. Когда все уселись в большом обеденном зале на первом этаже, Анна рассказала домочадцам о чаепитии у герцогини Бедфорд. Прислуживал им дворецкий Тёртон, мужчина лет пятидесяти, вместе с двумя лакеями. Анне это показалось несколько излишним для семейного ужина на четыре персоны, но так любил Джеймс, и она не возражала.

Столовая была красивой, хотя и несколько холодной комнатой. Благородный вид ей придавал ряд колонн в глубине, отделявших буфетную от остального помещения. Здесь стоял камин каррарского мрамора, а над камином висел портрет мистера Тренчарда работы Дэвида Уилки, которым глава семейства очень гордился, хотя сам Уилки, возможно, и не слишком был доволен этим портретом. Картина была закончена за год до того, как художник написал знаменитое полотно, запечатлевшее юную королеву Викторию на первом заседании Тайного совета, после чего гонорары Уилки наверняка взлетели до небес. Портрет Джеймса тем не менее не впечатлял. Агнесса, такса Анны, сидела возле стула хозяйки, с надеждой устремив вверх глаза. Анна тихонько сунула ей кусочек мяса.

– Приучаешь собаку попрошайничать, – проворчал Джеймс, но Анна пропустила замечание мужа мимо ушей.

Их невестка Сьюзен привычно сетовала на жизнь. Это происходило постоянно, так что Анна с трудом заставляла себя сосредоточиться и выслушать очередной поток монотонных жалоб. Сегодня жена Оливера была недовольна тем, что ее не взяли на чаепитие к герцогине Бедфорд.

– Но тебя же не пригласили, – резонно возразила Анна.

– Какая разница?! – чуть ли не со слезами на глазах вскричала Сьюзен. – Да по всему Лондону женщины в таких случаях просто отвечают, что с радостью примут приглашение и приведут с собой дочерей.

– Ты мне не дочь.

Едва произнеся эти слова, Анна поняла, что совершила ошибку, ибо Сьюзен тут же получила моральное превосходство. У молодой женщины задрожали губы. Сидевший напротив Оливер грохнул по столу ножом и вилкой.

– Она твоя невестка, и в любом другом доме это означало бы то же самое, что и дочь! – Голос у сына был довольно резким, и, когда Оливер злился, эта резкость проявлялась отчетливее, а сейчас он был зол.

– Конечно. – Анна потянулась за соусом, стараясь сделать вид, что ничего не происходит. – Просто мне кажется, вряд ли уместно брать с собой кого-то – не важно кого – в дом, с хозяйкой которого ты сама едва знакома.

– К герцогине, с которой вы едва знакомы, а я не знакома совсем.

Сьюзен, судя по всему, успокоилась. Во всяком случае она не собиралась отстаивать свою правоту. Анна глянула на непроницаемые лица лакеев. Очень скоро в комнате для слуг они будут потешаться над этим разговором, но сейчас, будучи хорошо вышколены, и виду не подали, что слышали обмен колкостями.

– Оливер, я сегодня не видел тебя в конторе.

К счастью, Джеймс, так же как и Анна, находил жену своего сына утомительной, хотя их со Сьюзен объединяли честолюбивые планы покорения beau monde^[6].

– Меня там и не было.

– Почему?

– Ходил проверять, как идут работы на Чэпел-стрит. Странно, что мы сделали дома там такими маленькими. Разве мы не отказались в результате от солидной доли доходов?

Анна посмотрела на мужа. Хотя он и терял голову, когда его ослеплял блеск высшего общества, но дело свое, без сомнения, знал хорошо.

– Когда застраиваешь целый район, как в данном случае, необходимо представлять себе всю картину. Нельзя строить только дворцы. Надо где-то размещать и тех, кто обеспечивает живущих во дворцах принцев. Их секретарей, управляющих и старшую прислугу. Необходимо предусмотреть конюшни с жилыми и хозяйственными помещениями, для экипажей и кучеров. Для всего этого требуется место, но оно отнюдь не потрачено попусту.

– Папа, а вы не думали о том, где нам жить? – раздался капризный голос Сьюзен, которая снова вступила в бой.

Невестка Анны была красива. С этим никто не стал бы спорить: свежее лицо, зеленые глаза, каштановые волосы. У Сьюзен была превосходная фигура, и одевалась она изысканно. Но, к сожалению, эта женщина вечно была всем недовольна.

Вопрос о том, где жить Оливеру с женой, был давним и набившим оскомину. По мере того как росла Белгравия, Джеймс предлагал молодым различные варианты, но его идеи никогда не совпадали с идеями детей. Они хотели что-то наподобие особняка на Итон-сквер, а Джеймс полагал, что жить надо по средствам и начинать с чего-то более скромного. Однако Сьюзен упорно не желала снижать планку и решила в качестве компромисса некоторое время пожить пусть и с родителями мужа, но зато в роскошном доме, который соответствовал ее притязаниям. Так возник своего рода ритуал: Джеймс периодически вносил новые предложения, а Сьюзен их отвергала.

– С удовольствием отдам вам лучший свободный дом на Честер-роу.

Невестка презрительно наморщила носик, но засмеялась, чтобы смягчить впечатление:

– Какие-то они все убогие...

– Сьюзен права, – фыркнул Оливер. – Дома там слишком тесные,

чтобы принимать гостей, а мне ведь надо поддерживать реноме как твоему сыну.

Джеймс положил себе еще одну баранью отбивную.

– Не настолько убогие, как первый дом, в котором жили мы с твоей матерью.

Анна засмеялась, что лишь еще больше разозлило Оливера.

– Я рос совсем не так, как начинали свою жизнь вы. Может быть, у меня более смелые ожидания, но ты сам научил меня этому.

Тут, конечно, была своя правда. Зачем, спрашивается, Джеймс настаивал на обучении в Чартерхаусе^[7] и Кембридже, если не хотел, чтобы мальчик вырос, мысля как джентльмен? Если уж на то пошло, женитьба Оливера на Сьюзен Миллер, также происходившей из семьи успешного коммерсанта, стала разочарованием для Джеймса, который рассчитывал найти для сына невесту поблагороднее. Правда, Сьюзен была единственным ребенком и рассчитывала со временем получить немалое наследство. Если, конечно, старый Миллер не передумает и не вычеркнет ее из завещания. Джеймс заметил, что тот становится все менее расположенным оставить деньги дочери, как собирался сделать сразу после свадьбы. «Эта дурочка все разбазарит», – сказал он как-то Тренчарду после обеда с обильными возлияниями, и с этим трудно было не согласиться.

– Хм. Ну ладно, что-нибудь придумаем. – Джеймс отложил приборы, и лакей подошел сменить тарелки. – У Кьюбитта была интересная мысль заняться Собачьим островом^[8].

– Собачьим островом? Но там же ничего нет! – Анна в знак благодарности улыбнулась лакею, когда тот забрал у нее тарелку. Джеймс, разумеется, был слишком занят важными вещами, чтобы думать о таких мелочах.

– Открытие Вест-Индских и Ост-Индских доков чертовски многое изменило... – Он замолчал, поймав взгляд Анны, и поправился: – Потрясающе много изменило. Каждый день вырастают хлипкие домишки, но Кьюбитт считает, что нам удастся создать вполне респектабельный район, если мы предоставим приличным людям – не только рабочим, но и управляющим – возможность найти там достойное жилье. Это же замечательно!

– И Оливер тоже в этом поучаствует? – Сьюзен попыталась спросить это с воодушевлением.

– Посмотрим.

– Конечно нет! – резко ответил Оливер. – Когда меня приглашали

поучаствовать в чем-либо интересном?

– Что-то сегодня мы расходимся по всем пунктам.

Джеймс налил еще бокал вина из кувшина, который держал поближе к себе. Что скрывать, Оливер был его разочарованием, и сын об этом догадывался. Теплым отношениям это не способствовало.

Агнесса заскулила, и Анна посадила ее на колени, укрыв складками юбки.

– Мы почти на месяц отправляемся в Гленвилл, – сказала Анна, желая разрядить атмосферу. – Надеюсь, вы к нам приедете, как только сможете. Сьюзен, ты не останешься там на несколько дней?

Наступило молчание. Гленвиллом назывался их дом в Сомерсете, елизаветинский особняк неземной красоты, который Анна спасла, когда он находился на грани разрушения. До свадьбы Оливеру это место нравилось больше всего на свете. Но Сьюзен была иного мнения.

– Если сможем, приедем, – холодно улыбнулась она. – Уж больно туда дальняя дорога...

Джеймс знал, что, помимо роскошного дома в Лондоне, Сьюзен хотела также обзавестись поместьем, но недалеко от города, чтобы туда можно было добраться всего за несколько часов. Желательно также, чтобы там имелся большой современный дом со всеми удобствами. Неровный золотистый камень старинного Гленвилла, створчатые окна и кривые паркетные полы ее привлекали мало. Но Анна была непоколебима. Она не собиралась отказываться ни от дома, ни от поместья, да Джеймс на это и не рассчитывал. Анна пыталась научить сына и невестку ценить очарование старинного особняка. Ну а если Оливеру он все же окажется не нужен, ей придется поискать другого наследника. К этому она была вполне готова.

Анна не напрасно предположила, что слуги станут с большим удовольствием пересказывать друг другу разговор, происходивший наверху. Билли и Моррис, два лакея, прислуживавшие за ужином, заставили всех сидевших в людской за столом покатываться со смеху. Веселье продолжалось, пока не пришел мистер Тёртон. Он остановился на пороге:

– Надеюсь, никто в этой комнате не позволяет себе непочтительного отношения к хозяевам?

– Нет, мистер Тёртон, – заверил его Билли, но одна из служанок прыснула.

– Мистер и миссис Тренчард платят нам жалованье и поэтому заслуживают уважения.

– Да, мистер Тёртон.

Тёртон занял свое место за столом, смешки прекратились, и ужин для слуг начался.

– Хозяева, конечно, не такие, как желают казаться, и, когда они остаются одни, это заметно еще сильнее, – понизив голос, обратился дворецкий к экономке, миссис Фрэнт, сидевшей, по обыкновению, рядом с ним.

Миссис Фрэнт отнеслась к этому более снисходительно.

– Они достойные люди, мистер Тёртон, обходительные, честные. Знала я благородные дома, где обращение было много хуже, – сказала она и потянулась за соусом с хреном.

– А мне жаль мистера Оливера, – покачал головой дворецкий. – Родители воспитали его как джентльмена, а теперь возмущаются, что он хочет быть джентльменом.

Тёртон несколько не возражал против существующей общественной системы при условии, что в ней и ему найдется местечко.

– Почему бы миссис Оливер и не жить в большом доме, где она может принимать гостей? – подала голос с другого конца стола женщина с узким лицом, в черном одеянии камеристки. – Она принесла в семью достаточно денег. По-моему, несправедливо, что мистер Тренчард заставляет детей жить в кроличьей норе, хотя всем известно, что он хочет заслужить репутацию главы благородного семейства. Это как минимум нелогично!

– Как минимум нелогично? – хмыкнул Билли. – Ну вы и скажете, мисс Спир. И где только слова такие берете?

Но камеристка пропустила его замечание мимо ушей.

– Это миссис Тренчард виновата: рассердила за ужином миссис Оливер, – заметил Моррис.

– Миссис Тренчард не лучше своего мужа, – проворчала мисс Спир, забирая с тарелки большой кусок хлеба с маслом.

– Мне неприятно это говорить, мисс Спир, – начала миссис Фрэнт, – тем более если вы довольны миссис Оливер, своей госпожой, но я считаю, что ей не угодить. Столько манерности! Ну прямо испанская принцесса. То ли дело миссис Тренчард. Та прямо говорит, чего хочет, и причин жаловаться у меня нет! – Защищая своих хозяев, экономка распалялась все больше. – Что касается молодой пары, они мечтают о домах и поместьях, которые будут больше и роскошнее родительских, но чем, интересно, они их заслужили? Вот что я хотела бы знать.

– Миссис Фрэнт, благородные господа не «заслуживают» свои дома. Они получают их по наследству, – возразил ей дворецкий.

– Мистер Тёртон, здесь наши мнения расходятся, так что давайте

останемся каждый при своем.

Мисс Эллис, камеристка миссис Тренчард, сидевшая слева от Тёртона, разделяла мнение дворецкого:

– Мне кажется, мистер Тёртон прав. Мистер Оливер всего лишь хочет жить как полагается, и почему он должен этого лишаться? Я одобряю его попытки выбиться в люди. Но мы должны посочувствовать хозяину. За одно поколение этому трудно научиться.

– Полностью с вами согласен, мисс Эллис, – удовлетворенно кивнул Тёртон, словно бы получив подтверждение своим словам.

И разговор переключился на другие темы.

– Разумеется, ей нельзя ничего говорить! Как тебе только в голову такое пришло?!

Джеймс с трудом сдерживал гнев. Он находился в спальне жены, где обычно ночевал, хотя на том же этаже оборудовал себе отдельную спальню с кабинетом: Тренчард читал, что обычно так принято в аристократических семействах.

Спальня была очень просторной, с высокими потолками; стены выкрашены в нежно-розовый цвет, на окнах шелковые портьеры с цветочным орнаментом. Если комнаты, принадлежавшие мужу Анны, можно было принять за личные апартаменты императора Наполеона, то ее собственная спальня, как и все помещения, которые она обставляла для себя, была скорее уютной, чем роскошной. Сейчас Анна лежала в постели, и супруги были одни.

– Но разве у меня нет перед ней обязательств?

– Каких еще обязательств? Ты сама сказала, что графиня вела себя возмутительно.

– Да, – кивнула Анна. – Но все обстоит гораздо сложнее. Ситуация в целом была весьма необычной. Эта женщина точно знала, кто я, а также знала, что ее сын был влюблен в нашу дочь. Почему бы и нет? У ее сестры не было оснований держать это в секрете.

– Тогда почему она прямо об этом не сказала?

– Ты прав, милый, но, может быть, она пыталась разузнать, что я за человек, прежде чем признать, что нас нечто связывает.

– Судя по твоим словам, она этого пока не признала.

– Если бы графиня все выяснила еще тогда, сразу, она бы яростно отрицала эту связь. Можно не сомневаться.

– Тем больше у нас оснований держать ее в неведении. – Джеймс снял шелковый халат и в сердцах бросил его на стул.

Анна закрыла книгу, аккуратно положила ее на шератоновский^[9] столик возле кровати и взяла колпачок для тушения свечей.

– Но потом леди Брокенхёрст сказала: «После нас совсем ничего не останется...» Если бы ты это слышал, то был бы тронут не меньше моего. Честное слово.

– Ты потеряла рассудок, если считаешь, что мы должны ей все рассказать. Что из этого выйдет? Репутация Софии погибнет, и, как только мы запятнаем себя скандалом, конец всем нашим устремлениям...

Анна почувствовала, как внутри ее поднимается волна гнева.

– Так вот что тебе не нравится! Мысль о том, что леди такая-то задерет нос и отвернется от тебя, поскольку твоя дочь повела себя не так, как следовало!

– А по-твоему, лучше, чтобы Софию помнили как распутницу?! – с негодованием бросил муж.

На некоторое время это заставило Анну замолчать. Когда она заговорила, голос ее звучал уже спокойнее:

– Риск, конечно, есть, но я попрошу графиню держать известие в секрете, хотя заставить ее я, разумеется, не смогу. Однако мне кажется, мы не вправе скрывать от леди Брокенхёрст, что у нее есть внук.

– Мы скрываем это уже больше четверти века.

– Но раньше мы ее не знали. А теперь знаем. По крайней мере, я.

Джеймс забрался под одеяло рядом с женой и задул свечу со своей стороны кровати.

– Я запрещаю тебе делать это, – сказал он, повернувшись к Анне спиной. – Я не потерплю, чтобы кто-нибудь позорил память Софии, а уж тем более ее родная мать. И прогони уже наконец эту собаку с постели!

Анна поняла, что спорить дальше бесполезно, и тихонько задула свою свечу. Подхватив Агнессу на руки, она устроилась под одеялом. Но сон не шел к ней еще долго.

София сообщила родителям новость уже после того, как Тренчарды вернулись в Англию. Первые недели после битвы Джеймсу было не до семьи, но наконец он перевез их всех обратно в Лондон, в новый дом в Кенсингтоне: это был не самый модный район, однако шаг вперед по сравнению с их предыдущим местом жительства. Джеймс продолжал поставлять продовольствие армии, но заниматься снабжением в мирное время – совсем не то, что противостоять трагедии войны, и Анна чувствовала, что мужу наскучили эта работа и мир, в котором он существует, наскучило отсутствие возможностей. Потом он заметил, как

оживилась деятельность лондонских застройщиков. Победа над Наполеоном и наступивший вследствие этого мир прибавили людям уверенности в будущем. Двадцать лет над ними нависала тень французского императора – пусть даже прямой угрозы и не было, – а теперь Наполеона отправили в ссылку на далекий остров в южной части Атлантического океана, и на этот раз он уже не вернется. Вся Европа вздохнула свободно, пора было смотреть в будущее. И вот в один прекрасный день Джеймс вернулся домой, весь раскрасневшийся от воодушевления. Анна с кухаркой проверяла на кухне припасы. Никакой особой необходимости в этом не было. Их образ жизни и доходы позволяли отказаться от былых привычек, что постоянно подчеркивал Джеймс, которому было неприятно видеть, как жена, надев фартук, проводит ревизию продуктов, особенно после того, как Веллингтон удостоил его в Брюсселе особой чести. Но в тот вечер ничто не могло испортить его приподнятого настроения.

– Я встретил удивительного человека! – заявил он.

– Правда? – рассеянно отозвалась Анна, разглядывая ярлык. Мука явно была просрочена.

– Человека, который изменит облик Лондона!

В тот момент Анна этого еще не знала, но Джеймс оказался прав. Он объяснил жене, что Томас Кьюбитт, бывший корабельный плотник, разработал новый метод управления строительством. Он сам нанимал всех необходимых мастеров и лично общался с каменщиками, штукатурами, кровельщиками, водопроводчиками, плотниками, малярами. Заказчику достаточно было встретиться лишь с Кьюбиттом и его братом Уильямом. Все остальное делалось без его участия.

Джеймс перевел дыхание и добавил:

– Разве это не замечательно?

Анна понимала, что система не лишена привлекательности и, вполне возможно, имеет блестящее будущее, однако Джеймс уже сделал как интендант блестящую карьеру, так стоит ли бросать все ради сомнительного предприятия? Но быстро выяснилось, что мужа невозможно сбить с намеченного пути.

– Кьюбитт строит на Финсбери-Серкус новое здание Лондонского института. Хочет, чтобы кто-нибудь помог ему искать средства и разговаривать с поставщиками.

– Как раз то, чем ты всю жизнь занимался.

– Вот именно!

Так все и началось. Явился на свет Джеймс Тренчард Застройщик, и

все было бы светло и радостно, как звон свадебных колоколов, если бы ровно месяц спустя София не взорвала свою бомбу.

Однажды утром она пришла в комнату матери и уселась на кровать. Анна сидела перед зеркалом, а Эллис укладывала ей волосы. Девушка молча дожидалась, пока служанка не закончит свою работу. Анна понимала: грядет что-то важное, но не торопила события. Чему быть, того не миновать.

– Спасибо, Эллис, можете идти, – наконец произнесла она.

Служанку, естественно, снедало любопытство, чуть ли не большее, чем саму мать, но она послушно закрыла за собой дверь, прихватив белье, которое следовало отдать в стирку.

– Что случилось?

Некоторое время София молча смотрела на нее. Потом набрала побольше воздуха и выпалила:

– У меня будет ребенок!

Когда-то в детстве Анну лягнул в живот пони, и сейчас, услышав эти слова, она вспомнила то давно забытое ощущение.

– Когда?

Вопрос прозвучал слишком деловито, но Анна не видела смысла в сложившихся обстоятельствах кричать и биться на полу в истерике, хотя ей и очень хотелось повести себя именно так.

– В конце февраля. Я думаю.

– Ты не знаешь точно?

– В конце февраля.

Анна произвела в уме подсчеты.

– Полагаю, за это надо благодарить лорда Белласиса? – (София кивнула.) – Господи, какая же ты дурочка! – (Девушка снова кивнула. Она даже не пыталась протестовать.) – Но как это произошло?

– Просто я думала, что мы женаты. А потом оказалось, что нет.

Анна не знала, плакать или смеяться.

– Разумеется, вы не были женаты. Что за нелепая мысль?

Неужели эта глупышка и впрямь вбила себе в голову, что Белласис на ней женится? Анна вдруг почувствовала прилив гнева: это Джеймс во всем виноват – убедил бедную девочку, что невозможное возможно.

– Расскажи мне все.

История была ненова. Белласис признался Софии в любви и заверил девушку, что хочет жениться на ней, прежде чем вернется на театр боевых действий. Узнав, что Наполеон движется на Париж, Эдмунд пришел к возлюбленной, умоляя тайно с ним обвенчаться и пообещав, что потом,

когда настанет подходящий момент, непременно откроется своим родителям. В любом случае у нее будет документ, подтверждающий брачную церемонию, и, если с Белласисом что-то случится, София сможет, если потребуется, искать защиты у Брокенхёрстов.

– Но разве ты не знала, что брак не будет считаться законным без разрешения отца? Тебе же восемнадцать лет!

Однако Анна напрасно думала, что этот вопрос смутит Софию. Та лишь посмотрела на нее и сказала:

– Папа дал разрешение.

Пони еще раз ударил копытами. Неужели ее муж помогал Белласису соблазнить собственную дочь? Анна разгневалась настолько, что, если бы сейчас вошел Джеймс, она бы выцарапала ему глаза.

– Так твой отец обо всем знал?!

– Он знал, что Эдмунд хочет на мне жениться, прежде чем возвращаться на войну, и дал разрешение.

София еще раз глубоко вздохнула. Открывшись матери, она почувствовала облегчение: слишком долго бедняжка несла этот груз в одиночку.

– Эдмунд сказал, что нашел священника, который обвенчает нас в одной из походных часовен. После церемонии этот человек выписал брачное свидетельство, и... тогда-то все и произошло.

– Полагаю, венчание оказалось фарсом?

София кивнула:

– Я тогда ничего не заподозрила, ни на секунду. Эдмунд говорил о своей любви и строил планы на будущее, вплоть до того самого момента, как мы покинули бал его тети в ночь перед битвой.

– И когда ты узнала правду?

Девушка встала и подошла к окну. Внизу садился в экипаж отец. София была рада, что он уезжает из дому, – у матери будет время успокоиться и хорошенько все обдумать.

– Когда мы вышли из дома Ричмондов на улицу, там была группа офицеров из Оксфордшира – все верхом, в мундирах. Пятьдесят второй полк легкой пехоты, тот самый, где служил Эдмунд.

– И?..

– Один из них оказался тем самым «священником», который нас обвенчал. И тут только я сообразила, – София устало вздохнула, – что он был солдатом, другом Эдмунда, которого выдали за священника, чтобы меня обмануть.

– Этот человек ничего тебе не сказал?

– Он меня не видел. А если даже и видел, то притворился, что не заметил. Я стояла далеко и, как только узнала его, отпрянула назад.

Анна кивнула. Сцена, которая разыгралась, когда они уходили с бала, вдруг обрела смысл.

– Теперь я понимаю, что в тот вечер привело тебя в такое смятение. Я-то думала, ты убиваешься только оттого, что лорд Белласис отправляется на поле боя.

– Едва увидев того «священника», я сразу поняла, что меня одурачили. Эдмунд никогда меня не любил и не собирался вводить в семью. Со мной обошлись как с уличной девкой: обвели дуру вокруг пальца и попользовались. Эдмунд, останься он в живых, наверняка выбросил бы игрушку в сточную канаву, где, по его мнению, мне самое место.

При свете дня лицо Софии казалось совсем взрослым, да и горечь, которой были пропитаны ее слова, добавляла девушке десяток лет.

– Когда ты поняла, что носишь ребенка?

– Трудно сказать. Начала подозревать уже через месяц, но не признавалась себе до тех пор, пока не стало бесполезно отрицать. Эдмунд был мертв, и некоторое время я вопреки здравому смыслу притворялась, что все осталось по-прежнему. Я не знала, что делать. Чуть ли не сходила с ума. Честно признаюсь тебе: я даже принимала какие-то сомнительные снадобья и заплатила одной цыганке пять фунтов – похоже, за воду с сахаром. Но ничего не помогло. Я до сих пор enceinte^[10].

– А ты сказала отцу правду?

– Он знает, что меня обманули. Я все рассказала ему в то утро в Брюсселе, когда он привез мне весть о смерти Эдмунда. Однако о беременности папа даже не подозревает.

– Надо составить план.

Анна Тренчард была женщиной практичной, и одной из главных ее добродетелей было то, что, столкнувшись с несчастьем, она не горевала попусту, а немедленно начинала искать средство исправить то, что можно, и принять то, что исправить нельзя. Она решила, что в самое ближайшее время ее дочь должна покинуть Лондон. Она внезапно заболает или у нее обнаружится где-нибудь на севере страны родственник, за которым необходимо ухаживать. К вечеру они придумают подходящую историю. София должна отсутствовать как минимум четыре месяца. Если взглядеться, то можно заметить, что фигура девушки уже начинает расплываться. Пока это еще не бросается в глаза, однако времени терять нельзя.

Когда вечером Джеймс вернулся, Анна тут же пришла к нему в

кабинет. Оставшись наедине с мужем, она не стала проявлять к нему снисхождения.

– И тебе даже в голову не пришло со мной посоветоваться? Богатый виконт предлагает прелестной восемнадцатилетней девушке, принадлежащей к иному кругу общества, заключить тайный брак. При этом церемонию венчания должен провести священник, за которого никто не может поручиться. Неужели не ясно, каковы могут быть его мотивы? – Анна изо всех сил старалась не сорваться на крик.

Джеймс кивнул. Он достаточно часто прокручивал все это у себя в голове.

– Когда ты говоришь, все так очевидно, но Белласис казался мне славным юношей, искренне влюбленным в Софию...

– Неужели ты думаешь, что он бы разоткровенничался и признался отцу, что надеется соблазнить его дочь, если все выгорит?

– Нет, конечно, но...

– В тот момент, как ты дал разрешение на брак, София погибла! – гневно выкрикнула она.

– Анна, прошу тебя! – поморщился Джеймс. – Ты думаешь, я сам не сожалею?

– Полагаю, сейчас ты будешь сожалеть еще больше. Наша дочь беременна!

Со временем Анна стала жалеть, что целиком возложила на мужа всю ответственность за падение Софии. Ибо, когда та умерла в родах, он стал считать это наказанием, ниспосланным ему за тщеславие, честолюбие и непомерное самомнение. Он искренне раскаивался и горевал, правда это не излечило его от упомянутых недостатков.

Поначалу ничто не предвещало трагического исхода, но, с другой стороны, как сказал тогда доктор, редко можно предсказать заранее, как пройдут роды. Анна с Софией уехали на север, в Дербишир, и поселились в скромном домике на окраине Бейквелла как миссис Кассон и ее замужняя дочь, миссис Блэк, вдова офицера, погибшего при Ватерлоо. Ни друзей, ни знакомых в округе у них не было, да они ни с кем и не виделись. И жили очень просто. Обе не взяли с собой камеристок, но Эллис и Крофт продолжали выплачивать жалованье до возвращения хозяек. Если служанки и проявляли любопытство, то Анна об этом не узнала, ибо обе они были достаточно хорошо вышколены, чтобы не подавать виду.

Нельзя сказать, что то время было несчастливym. Их жизнь в провинции была довольно приятной, наполненной чтением, разговорами и прогулками по Чатсуортскому парку. Они навели справки и обратились за

помощью к весьма уважаемому врачу, доктору Смайли, и он был доволен тем, как идут дела у Софии. Анна стала подозревать, что доктор знает правду или, по крайней мере, догадывается, что они не те, за кого себя выдают, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы открыто проявлять любопытство.

Даже София понимала, что не может и речи быть о том, чтобы оставить малыша себе. Перед отъездом из Лондона они договорились, что Джеймс подыщет для ребенка подходящую приемную семью. За ним должны были как следует ухаживать, дать ему образование, но при этом воспитать в неведении о том, кто он такой на самом деле. Никто из них троих не хотел, чтобы имя Софии вывалили в грязи, и Анна знала, что муж очень боится, как бы его старания подняться на вершину общества не свел на нет публичный скандал. Если бы их сын стал отцом незаконнорожденного ребенка, отношение окружающих оказалось бы иным, но для дочери это считалось непростительным преступлением. Джеймс действовал оперативно и вскоре разыскал в Суррее священника по имени Бенджамин Поуп. Тот был человеком благородного происхождения, но жил бедно, так что лишние деньги ему не помешали бы. Что гораздо важнее, они с женой были бездетными, и это очень их огорчало. София смирилась с обстоятельствами, когда ей все объяснили, – не без боли в сердце, но смирилась. Заручившись согласием дочери, Джеймс заключил со священником договор, и тот согласился взять младенца на воспитание, выдав его за ребенка своей покойной кузины. Поупы должны были регулярно получать щедрое вознаграждение, что позволило бы им относительно безбедно существовать, а ребенку дать хорошее образование. Условились, что приемный отец будет регулярно отсылать, на условиях полной конфиденциальности, в контору мистера Тренчарда отчеты об успехах его внука.

Доктор Смайли тем временем пригласил опытную акушерку, заранее сделав все приготовления, и приехал в дом, чтобы лично наблюдать за родами. Казалось бы, все должно было пройти гладко. Но когда мальчик благополучно появился на свет, врач не смог остановить у роженицы кровотечение. Анна никогда не видела столько крови, но ей ничего не оставалось делать, кроме как держать Софию за руку и успокаивать дочь, говоря, что все идет как надо и скоро ей будет легче. Она потом до конца жизни не могла забыть, как сидела тогда рядом и все лгала, лгала, лгала... до тех пор, пока ее бедной маленькой девочки не стало.

Несколько недель Анна не могла заставить себя взглянуть на ребенка, который убил ее дочь. Доктор Смайли нашел кормилицу и помощницу по

хозяйству, и эти две женщины ухаживали за младенцем, но бабушка упорно не желала в этом участвовать. Еще когда они только приехали в Бейквелл, Анна наняла кухарку и горничную, так что жизнь продолжалась, один пустой день сменял другой, еда так и оставалась нетронутой, и сама она по-прежнему не в состоянии была видеть внука. И вот однажды доктор Смайли пришел в маленькую гостиную, где Анна сидела у камина, устремив невидящий взгляд на книгу, которую держала в руках, и мягко сказал, что после смерти Софии у нее остался только ее сын. Тогда Анна позволила уговорить себя поддержать ребенка и, как только взяла младенца на руки, уже не смогла его отпустить.

Анна часто спрашивала себя: если бы она раньше научилась любить этого мальчика, попыталась бы она изменить изначальный план и настоять на том, чтобы воспитывать его самой? Но вряд ли бы Джеймс разрешил ей это, и поскольку с Поупами обо всем уже столковались, отказаться от договоренностей было бы сложно. Наконец дом в Бейквелле закрыли, и Анна поехала на юг в сопровождении няни, которая должна была отправиться дальше, в Суррей, дабы доставить ребенка в его новый дом. С няней расплатились, и жизнь вернулась в обычное русло. То есть в обычное, но уже без Софии. Состоялось полное слез прощание с Крофт, в чьих услугах больше не было необходимости. Анна выплатила ей на прощание дополнительное жалованье, чтобы служанка не любопытствовала, отчего умерла ее молодая госпожа. Не исключено, что Крофт догадывалась. Трудно скрыть беременность от камеристки.

Шли годы. Сперва приемные родители хотели выучить Чарльза по духовной части, но мальчик рано проявил талант к математике и, выходя из подросткового возраста, объявил, что хочет попытать удачи в коммерции. Джеймс не мог не чувствовать себя польщенным таким поворотом событий, заключив, что это его кровь дает себя знать, но с внуком они так никогда и не виделись. О молодом человеке Тренчарды могли судить лишь по отчетам преподобного мистера Поупа. На самом деле Джеймсу не терпелось помочь Чарльзу, но он не знал, как это сделать, не открыв одновременно ящик Пандоры: не дай Бог, всплывет правда о происхождении юноши. В результате он ограничился тем, что продолжил выплачивать скромное содержание: приемный отец объяснял Чарльзу, что это подарок от «доброжелателей». Тренчарды жили от письма до письма: Поуп регулярно, четыре раза в год, отсылал им подробные отчеты. Мальчик рос счастливым. В этом дедушка с бабушкой не сомневались. По крайней мере, у них не было причин думать иначе. Следуя распоряжению

Тренчардов, Чарльзу сообщили только то, что его отец погиб в сражении, а мать умерла при родах и поэтому младенца пришлось усыновить. Чарльз принял эту правду, а Поупы искренне полюбили его, так что причин для тревоги не возникало, но все равно, как из ночи в ночь повторяла себе Анна, лежа в темноте без сна, он был их родным внуком, а они даже никогда не встречались.

А теперь с появлением на сцене леди Брокенхёрст все стало еще сложнее. Пусть Анна и не была знакома с Чарльзом Поупом, но она хотя бы знала о его существовании. Знала, что ее дочь не исчезла с лица земли, не оставив по себе и следа. Леди Брокенхёрст чуть не рыдала, говоря о том, что у них нет наследника, в то время как она, Анна, могла бы успокоить ее, рассказав, что у Эдмунда есть сын, здоровый и подающий надежды молодой человек. Анна не удивилась, когда муж приказал ей молчать. Отчасти он руководствовался честолюбивыми соображениями, которые никогда не встречали у нее понимания, но отчасти сделал это, поскольку хотел защитить доброе имя их покойной дочери, и от последнего довода она отмахнуться не могла. Шли часы, Анна лежала рядом с храпящим Джеймсом и никак не могла решить, что ей делать, пока наконец не провалилась в беспокойный сон, от которого пробудилась рано, совершенно не чувствуя себя отдохнувшей.

И так, в тревожной тишине и тоске, прошел целый месяц, пока Анна не составила план действий. Ей не понравилась леди Брокенхёрст. Она даже толком не знала эту женщину и не представляла, способна ли та хранить тайну. Но, поставив себя на место графини, Анна отчетливо поняла, что никогда бы не простила, если бы от нее скрыли существование внука. И поэтому в один прекрасный день Анна села за изящный письменный стол в своей комнате на третьем этаже и написала:

Уважаемая леди Брокенхёрст!

Я хотела бы нанести Вам визит в любое удобное для Вас время. Буду благодарна, если Вы выберете момент, когда мы сможем побеседовать один на один.

Узнать, который именно дом на Белгрейв-сквер занимают Брокенхёрсты, было нетрудно, ибо всю площадь отстроил муж Анны. Она сложила листок, запечатала его сургучом, надписала адрес и сама отдала письмо посыльному. Служанка обернулась бы за десять минут, доставив послание до самой двери, но Анне не хотелось, чтобы ее дела обсуждала потом вся прислуга.

Ждать пришлось недолго. На следующее утро, когда Эллис принесла госпоже завтрак, на подносе, который она поставила Анне на колени, лежала записка.

– Ее принес посыльный, мэм. Сегодня утром доставил какой-то лакей.

– Он ничего не сказал?

– Нет. Только передал записку и ушел.

Вопрос, естественно, лишь подогрел любопытство Эллис, но Анна не намерена была ничего объяснять. Она взяла серебряный ножичек для разрезания писем, лежавший на подносе, и вскрыла конверт. Небольшой лист плотной кремовой бумаги с вытисненной монограммой – графская корона, а под ней заглавная буква «Б» – содержал короткое послание:

Приходите сегодня в четыре. Мы останемся одни примерно на полчаса.

К. Б.

Закладывать экипаж Анна не приказала. Леди Брокенхёрст, возможно, этого бы не одобрила, но миссис Тренчард никакие свидетели были не нужны. День выдался неплохой, и прогулка предстояла недлинная. Но главное, Анна даже не вызвала камеристку, чтобы та помогла ей надеть капор и накидку, а за двадцать минут до назначенного часа поднялась к себе в комнату и оделась сама. Потом спустилась по лестнице и вышла. В холле лакей почтительно распахнул перед ней дверь, так что вылазка не осталась в полной тайне, но разве возможно хоть что-нибудь держать в секрете в доме, где за тобой с самого пробуждения следят любопытствующие глаза?

На улице Анна сперва пожалела, что не взяла на прогулку таксу Агнессу, но потом решила, что это создало бы дополнительные сложности, и отправилась в путь. Небо стало чуть темнее, чем утром, но ей надо было лишь повернуть налево и дойти до Белгрейв-плейс, а потом снова повернуть налево. И вот, не прошло и четверти часа после того, как за Анной закрылась дверь ее собственного дома, она уже стояла перед Брокенхёрст-Хаус. Это было большое здание, расположенное на углу между Аппер-Белгрейв-стрит и Чэпел-стрит, один из трех дворцов, отдельно стоящих по углам площади. Она замешкалась было, но, заметив, что за ней наблюдает лакей, прохлаждающийся у ворот, выпрямила спину и подошла к двери. Не успела Анна потянуть колокольчик, как дверь распахнулась и другой ливрейный лакей пригласил ее войти.

– Миссис Джеймс Тренчард, – назвала она себя.

– Леди Брокенхёрст ожидает вас, – ответил лакей тем особенным, не подразумевающим ни одобрения, ни порицания бесстрастным тоном, которым всегда мастерски владеет опытный слуга. – Ее светлость в гостинной. Прошу вас следовать за мной.

Анна сняла плащ и передала лакею. Тот положил его на один из расшитых золотом диванов и повел гостью по широкой лестнице зеленого мрамора. Когда они поднялись на самый верх, слуга открыл двустворчатую дверь и объявил: «Миссис Тренчард!» – после чего ушел, закрыв за собой дверь и предоставив Анне в одиночку преодолеть путь по бескрайнему ковру «савонери» до того места, где у камина восседала графиня.

– Входите, миссис Тренчард, – кивнула она, – садитесь рядом. Надеюсь, вы не против, что летом разожгли камин? Я вечно мерзну.

Судя по всему, это было самое доброжелательное приветствие, на которое она была способна. Анна села напротив хозяйки в обтянутое дамастом кресло «бержер» времен Людовика XV. Над камином висел портрет красавицы, одетой в стиле прошлого века, с высокой напудренной прической и в платье с кринолином и кружевным декольте. Анна не без удивления узнала на картине леди Брокенхёрст.

– Это работа Бичи^[11], – усмехнувшись, пояснила хозяйка. – Художник запечатлел меня в день моей свадьбы в тысяча семьсот девяносто втором году. Мне было семнадцать. В те времена говорили, что сходство немалое, но сейчас уже никто этого не скажет.

– Я сразу поняла, что это вы.

– Вы меня удивляете.

Графиня замолчала, терпеливо ожидая. О встрече просила Анна, а не она.

Тянуть дальше было нельзя. Момент настал.

– Леди Брокенхёрст, я храню тайну, которую поклялась мужу никогда не раскрывать, и Джеймс будет весьма недоволен, если узнает, что сегодня я приходила сюда... – Анна замолчала. Почему-то было трудно облечь мысли в слова.

Леди Брокенхёрст не имела ни малейшего желания вникать в сложности семейной жизни Тренчардов. Поэтому она просто сказала:

– Вот как?

Анна невольно восхитилась. В самообладании хозяйки чувствовалась огромная сила воли. Леди Брокенхёрст, должно быть, уже просчитала, что сейчас последует новость исключительной важности, но, если судить по ее лицу, она словно бы вела обычную беседу с женой викария.

– Недавно вы говорили, что когда вас с мужем не станет, то после вас ничего не останется.

– Да, говорила.

– Так вот, это не совсем так. – Леди Брокенхёрст едва заметно напряглась. Наконец-то Анна полностью завладела ее вниманием. – Перед смертью София разрешилась от бремени мальчиком, сыном лорда Белласиса.

В этот момент большие двустворчатые двери гостиной распахнулись и вошли два лакея, несущие подносы с чаем. Лакеи накрыли на стол, постелив на него скатерть и разложив сверху все, что принесли с собой, примерно так же, как слуги у герцогини Бедфорд.

Леди Брокенхёрст улыбнулась:

– То чаепитие мне невероятно понравилось, и я стала устраивать подобие своего, каждый день после четырех. Уверена, скоро это войдет в моду.

Анна согласилась, и они оживленно побеседовали о преимуществах званых обедов, а также послеобеденных чаепитий, пока слуги не закончили работу. Когда те наконец ушли, Анне показалось, что прошла целая вечность, а она сама словно бы постарела на несколько лет.

Леди Брокенхёрст налила чай в две чашки и одну передала гостье.

– А где он сейчас, этот мальчик?

Она не проявила ни волнения, ни негодования. В сущности, не выказала никакого чувства. По своему обыкновению.

– В Лондоне, и этот «мальчик» уже мужчина. В феврале ему исполнилось двадцать пять лет. Он работает в Сити.

– Каков он? Вы хорошо его знаете?

– Мы совсем его не знаем. Вскоре после рождения муж отдал мальчика на попечение священника по фамилии Поуп. Сейчас молодой человек живет под именем Чарльза Поупа. Нам всегда казалось, что его происхождение не стоит подвергать огласке. Ему и самому ничего не известно.

– Вам надо оберегать память дочери. Бедняжка! Конечно, я понимаю. Мы должны постараться не винить девушку, ибо она достойна не обвинений, а жалости. Вы сами говорили, что атмосфера в Брюсселе перед сражением была такова, что любой мог на мгновение потерять рассудок.

Если эти слова задумывались как защита Софии, то они своей цели не достигли.

– Я не виню Софию, и она вовсе не теряла рассудок, – твердо сказала Анна. – Она считала, что вышла замуж за лорда Белласиса. Он обманом

заставил мою дочь думать, что венчание состоялось.

Такого леди Брокенхёрст услышать не ожидала.

– Прошу прощения? – выпрямившись, переспросила она.

– Ваш сын обманул ее. Одурачил. Сказал нашей девочке, что устроит церемонию венчания, а потом уговорил своего приятеля-офицера сыграть роль священника. Когда София узнала правду, было уже слишком поздно.

– Я вам не верю, – с непоколебимой убежденностью произнесла леди Брокенхёрст.

Анна была столь же тверда. Опустив чашку, она невозмутимо продолжала:

– Разумеется, это ваше право, но я говорю вам правду. Только когда мы вышли с бала, перед тем как лорд Белласис уехал к себе в полк, София узнала его товарища, приложившего руку к ее гибели. Мнимый священник весело болтал и шутил с друзьями-офицерами и меньше всего напоминал слугителя церкви. София тогда чуть не упала в обморок.

Леди Брокенхёрст тоже решительно поставила чашку обратно на блюдце и встала:

– Мне все ясно. Ваша дочь строила планы поймать моего несчастного мальчика в свои сети, к чему, без сомнения, ее подстрекали родители...

– Теперь моя очередь недоумевать, – резко перебила ее Анна.

Но леди Брокенхёрст продолжала гнуть свою линию, все более распаляясь:

– Когда девица слышала, что Эдмунд погиб, и поняла, что соблазняла его напрасно, то выдумала историю, которая отчасти оправдала бы ее, если бы случилось худшее, а худшее случилось.

Анна почувствовала, что в ней закипает гнев. Она страшно рассердилась на эту холодную, бессердечную женщину, на покойного лорда Белласиса и на себя саму: ну как можно быть такой слепой?

– Вы хотите сказать, лорд Белласис не был способен на подобное?

– Именно это я и хочу сказать. Сама мысль о бесчестном поведении не могла бы прийти ему в голову, – высокопарно произнесла леди Брокенхёрст. Она являла сейчас собой олицетворенное негодование. Она презирала людей круга Анны и не могла судить объективно.

Но миссис Тренчард вовсе не собиралась сдаваться:

– Разве крестным вашего сына был не лорд Беркли?

Анна сразу заметила, что имя это подействовало на собеседницу как пощечина. Графиня даже вздрогнула:

– Как вы узнали?

– Лорд Белласис говорил мне о нем. Он также рассказал, что когда в

тысяча восемьсот десятом году лорд Беркли умер, его старший сын не смог унаследовать титул, поскольку перед рождением мальчика его отец женился на его матери не по закону, как казалось бедняжке, а обманом. Как выяснилось позднее, он попросил приятеля сыграть роль священника, чтобы заманить ничего не подозревающую девушку в постель. Впоследствии они все же обвенчались, но ребенок так и считался незаконнорожденным. Вы прекрасно знаете, что все это правда. – Леди Брокенхёрст безмолвствовала, и Анна добавила: – Только не говорите мне, что и лорду Белласису не могла прийти в голову подобная идея.

Графиня воспользовалась паузой, чтобы собраться с силами и вновь принять привычно невозмутимый вид. Чинно проплыв к камину, она потянула за расшитую веревку колокольчика:

– Скажу лишь одно. Моего сына беззастенчиво соблазнила честолюбивая девица – насколько я понимаю, при поддержке своих столь же честолюбивых родителей. Она хотела воспользоваться хаосом войны, чтобы заключить союз, который вознес бы нахалку еще выше, чем простираются мечты ее отца. Но у нее ничего не вышло. Мой сын сделал ее своей любовницей. Я не отрицаю сей факт, но что с того? Эдмунд был молодым мужчиной, и хорошенькая потаскушка вскружила ему голову. И я не собираюсь просить у вас прощения, поскольку меня эта история совершенно не волнует. А, Питер! Пожалуйста, проводите миссис Тренчард вниз. Она уже уходит.

Последние слова были обращены к лакею, который пришел на звонок колокольчика и ждал в дверях.

В его присутствии Анна, конечно же, не могла отвечать, да и в любом случае она была слишком рассержена, чтобы говорить, а потому просто кивнула своей противнице, чтобы не дать слуге ни малейшего намека на то, что здесь на самом деле происходило. Анна направилась к двери, но леди Брокенхёрст еще не закончила:

– Забавно. Я думала, вы хотели рассказать мне какую-то сентиментальную историю о моем сыне. Счастливую сказку о его последних днях на этой земле. Вы так хорошо говорили об Эдмунде, когда мы впервые встретились.

Анна остановилась:

– Я говорила о том Эдмунде, которого знала до того вечера. Ваш сын действительно был очень приятным человеком. В прошлый раз я не лгала. И не хотела задеть ваши чувства. Но я ошибалась. Вы заслуживали того, чтобы все-таки узнать правду. Мне следовало быть честнее. Если это послужит вам утешением, могу добавить, что никто не удивился больше

меня, когда выяснилось, на что лорд Белласис оказался способен.

Миссис Тренчард задержалась в дверях. Лакей ушел вперед по галерее, и на некоторое время они снова остались наедине.

– Вы сохраните нашу тайну? – Анне неприятно было просить эту женщину, но иного выхода не было. – Вы можете дать мне слово чести?

– Конечно, я могу дать вам слово. – От улыбки графини могла бы заledenеть вода. – К чему мне предавать огласке проступки своего покойного сына?

Анне пришлось смириться с тем, что она позволила леди Брокенхёрст оставить последнее слово за собой.

Миссис Тренчард стремительно покинула комнату, спустилась по лестнице, вышла на улицу и только там позволила себе остановиться, чтобы совладать с яростью, от которой ее буквально трясло.

3. Семейные узы

Лимингтон-Парк был не самым старым родовым поместьем Белласисов, но, без сомнения, самым роскошным. Они начинали свое восхождение среди мелкопоместного дворянства в скромном особняке в Лестершире, но в начале семнадцатого века женитьба одного из Белласисов на богатой наследнице принесла им в качестве желанного приданого поместье в Хэмпшире, и семья охотно переселилась на юг. За отчаянной мольбой о средствах, исходившей от короля Карла I в разгар гражданской войны, последовало обещание графского титула, и слово обезглавленного монарха сдержал его сын, триумфально вернувшийся в Англию во время Реставрации. Когда второй граф Белласис решил, что нынешний дом уже не соответствует их теперешнему положению, ему предложили большой дворец в палладианском стиле, спроектированный Уильямом Кентом^[12]. Предполагалось, что деньги на строительство должны появиться вследствие рачительного вложения капитала, произведенного в первые дни реставрации империи, но внезапно разразившийся кризис помешал предприятию осуществиться. В результате дед нынешнего графа нанял в 1780-е годы архитектора Джорджа Стюарта, чтобы тот спроектировал вокруг уже имеющегося здания новый, более величественный наружный фасад. То, что получилось в результате, нельзя описать как уютное или хотя бы удобное жилище, однако внешний вид особняка свидетельствовал о традициях семьи и высоком положении хозяина. Так что, когда Перегрин Белласис, пятый граф Брокенхёрст, шел по просторному холлу или садился в библиотеке почитать роскошные издания, а собаки ложились у его ног или когда поднимался по лестнице, увешанной с обеих сторон портретами предков, он ощущал, что именно в такой обстановке и подобает жить благородному человеку. Его жена Каролина умела содержать такой дворец или, вернее, знала, как набрать для этого хорошую прислугу, и, хотя восторг леди Брокенхёрст по отношению к этому дому, как и все остальные ее восторги, сошли в могилу вместе с ее сыном, она, несомненно, была женщиной очень деловой и фактически взяла на себя управление поместьем.

Но сегодня утром мысли леди Брокенхёрст были заняты совсем другим. Поблагодарив служанку Доусон, которая поставила ей на колени поднос с завтраком, она посмотрела за окно, где по парку неслышно прошла стайка ланей. Графиня улыбнулась и на секунду застыла,

прислушиваясь к непривычному ощущению внутри себя.

– Вы в порядке, миледи? – с тревогой спросила Доусон.

– Вполне, – кивнула Каролина. – Спасибо. Я позвоню, когда буду готова одеваться.

Служанка сделала книксен и вышла. Леди Брокенхёрст аккуратно налила себе кофе. Почему на сердце вдруг стало так легко? Что такого значительного произошло? Вчера эта мегера попыталась оклеветать ее погибшего сына. Каролина не сомневалась, что мальчик, о котором говорила миссис Тренчард, был внебрачным сыном Эдмунда, и тем не менее... Она прикрыла глаза. Эдмунд любил Лимингтон. Еще в детстве он изучил каждый дюйм поместья. Ребенка можно было спокойно оставить в любой его части с завязанными глазами, и он бы легко выбрался сам. Правда, без посторонней помощи малыш никогда не оставался, поскольку каждый сторож, каждый арендатор, каждый работник просто души в мальчишке не чаял. Каролина прекрасно знала, что ее саму, равно как и мужа, здесь не любили. Их уважали. В определенной степени. Но не более того. Местные жители считали хозяев холодными и бесчувственными, черствыми и даже грубыми, но зато у них с Перегрином родился необыкновенный ребенок. Именно таким мать считала Эдмунда: чудесным мальчиком, который располагал к себе буквально всех. По крайней мере, таким погибший сын стал со временем казаться родителям: один за другим тянулись пустые, исполненные одиночества годы, пока воспоминания не покрыла патина истории и Каролина не пришла к мысли, что она родила идеального ребенка. Конечно, они хотели еще детей. Но в конце концов, после появления трех мертворожденных младенцев, в детских второго этажа обосновался один лишь Эдмунд. «Пусть хоть так, это уже хорошо», – неустанно повторяла себе леди Брокенхёрст.

Пока мальчик рос, арендаторы и деревенские жители ждали день, когда он унаследует поместье. Каролина это знала и, в общем-то, даже не обижалась. Люди связывали с Эдмундом надежды на лучшее будущее, и вполне возможно, что он бы им это будущее и впрямь обеспечил. Однако теперь всем оставалось лишь терпеть Перегрину и ждать, когда поместье унаследует его племянник Джон. Да уж, печально: старика, потерявшего интерес к жизни, со временем сменит жадный, самодовольный индюк, которому будет до окружающих не больше дела, чем до камней на дороге.

Но нынче утром Каролина почувствовала себя иначе. Она оглядела комнату, обитую зеленым в белую полоску шелком, высокое зеркало в золоченой раме над камином и гравюры на стенах, удивляясь, отчего сегодня все не так, как обычно. И вдруг с удивлением поняла, что

счастлива. Похоже, это чувство настолько забылось, что ей потребовалось время узнать его. Однако именно так и было: Каролина была счастлива, что у нее есть внук. Разумеется, это ничего не изменит. Титул, поместья, лондонский дом – все по-прежнему достанется Джону, но у Эдмунда остался сын, и неужели они не познакомятся с родным человеком? Неужели не разыщут его и не помогут? В конце концов, Брокенхёрсты не первая аристократическая семья, которая может похвастаться тем, что среди их наследников есть дитя любви. Юная королева приняла при дворе всех бастардов покойного короля. Так неужели Каролина с мужем не смогут спасти юношу из неизвестности? Ведь должно быть еще какое-то имущество, помимо наследуемого? Воображению рисовались мириады возможностей. Эта ужасная женщина сказала, что мальчика воспитал священник, а не она сама и ее вульгарный муж. Вот и хорошо, что мальчик попал в благородное семейство. При удачном стечении обстоятельств он пошел в отца, а не в мать. Может быть, ее внук даже джентльмен, в какой-то мере. Конечно, она поклялась, что ни словом, ни делом не раскроет никому правды, но так ли необходимо соблюдать клятву, которая дается людям, подобным миссис Тренчард? Графиня поежилась. Каролина Брокенхёрст была женщиной холодной и высокомерной – она и сама это признавала, – но отнюдь не бесчестной или вероломной. Каролина понимала, что не сможет нарушить слово и стать лгуньей. Должен быть какой-то иной выход из этого лабиринта.

Когда она спустилась, лорд Брокенхёрст еще сидел в столовой, погрузившись в «Таймс».

– Все идет к тому, что Пиль может выиграть выборы, – сказал он, не поднимая головы. – Мельбурну, кажется, пора готовиться на выход. Королеве это не понравится.

– Полагаю, принц благоволит сэру Роберту Пиллю.

– Еще бы, – проворчал ее муж. – Он же немец.

Леди Брокенхёрст стало неинтересно продолжать этот разговор.

– Ты не забыл, что к обеду будут Стивен и Грейс?

– А Джона они разве не привезут?

– Думаю, привезут. Он как раз гостит у них.

– Проклятье! – Ее муж так и не поднял взгляда от газетной страницы. – Наверняка опять начнут выпрашивать деньги.

– Спасибо, Дженкинс, вы свободны. – Леди Брокенхёрст улыбнулась дворецкому, который навтыяжку стоял рядом с буфетом. Дженкинс кивнул и удалился. – Право, Перегрин, зачем говорить подобное при слугах?

– Насчет Дженкинса можешь не беспокоиться. Он наверняка знает про

эту семейку побольше нашего.

Дженкинс и впрямь был дитя Лимингтона. Сын фермера-арендатора, он в тринадцать лет поступил в дом графа лакеем да так там и остался, сделав за долгие годы просто головокружительную карьеру и дослужившись до дворецкого. Его преданность роду Белласисов была незыблема.

– Я насчет него не беспокоюсь. Но существуют же какие-то правила приличия. Нравится нам это или нет, но Стивен – твой родной брат и наследник, и к нему надо относиться уважительно, по крайней мере на людях.

– Не хватало еще ломать комедию у себя дома! Кроме того, Стивен станет моим наследником, только если переживет меня, а я уж, черт возьми, постараюсь, чтобы этого не произошло!

– Надо это записать! – язвительно заметила Каролина, но присела рядом и увлекла мужа разговорами о поместье. Она говорила с ним теплее, чем когда-либо за последние месяцы и даже годы, возможно чувствуя вину за то, что умалчивает о главном.

Наконец вскоре после полудня, раньше назначенного времени, приехал почтенный Стивен Белласис с семьей. За обедом он оправдывался, что хотел перед едой прогуляться по парку, но Перегрин был уверен, что они притащились пораньше просто для того, чтобы позлить его. Во всяком случае, никого из Брокенхёрстов не оказалось дома, чтобы встретить прибывших родственников.

Ниже ростом, чем старший брат, и намного более грузный, Стивен Белласис не унаследовал шарма Брокенхёрстов, которому в юности был обязан своей привлекательностью Перегрин, не говоря уже о покойном лорде Белласисе: на балу все оборачивались Эдмунду вслед, любуясь его суровой мужской красотой. У Стивена же лысая макушка из последних сил старалась удержать несколько седых прядей, которые он каждое утро аккуратно зачесывал, а подбородок под необыкновенно буйными длинными седыми усами был мягким и безвольным.

Вслед за Стивеном в зал вошла его жена Грейс. Старшая из пяти сестер, Грейс была дочерью глостерширского баронета и рассчитывала на лучшую партию, чем младший сын графа, тучный и ничего не унаследовавший. Но она переоценивала себя, ибо не слишком котировалась на рынке невест: пусть по рождению и образованию юная Грейс метила высоко, но внешность (бесцветные глаза, тонкие губы) и скромное приданое лишали ее надежды на выгодное замужество.

Снимая плащ, капор и перчатки и отдавая их лакею, Грейс разглядывала огромную вазу с сиренью, стоявшую на столике у подножия широкой пологой лестницы, и вдыхала сладкий аромат. Она любила сирень и с удовольствием поставила бы дома целые охапки веток. Но позволить себе такую роскошь не могла: холл в доме священника был для этого слишком мал.

Джон Белласис прошел мимо матери. Она вечно копалась, а ему не терпелось пропустить стаканчик. Отдав слуге трость, он двинулся напрямик в обеденный зал, направляясь к батарее хрустальных графинов на серебряном подносе, что стоял у большого мраморного камина. Не успел Дженкинс догнать гостя, как тот схватил один из графинов, налил себе солидную порцию бренди и одним махом опрокинул стакан.

– Спасибо, Дженкинс, – сказал он, поворачиваясь лицом к дворецкому. – Можешь плеснуть мне еще.

Дженкинс, гнавшийся за молодым человеком через весь холл, достал небольшую закрытую бутылку.

– Соды, сэр? – уточнил он.

– Давай.

Дженкинс и бровью не повел. Он уже давно привык к выходкам хозяйского племянника. Дворецкий наполнил бокал бренди, на сей раз смешанным с содовой, и протянул его молодому человеку на маленьком серебряном подносе. Джон взял бокал и вернулся к родителям, которые расположились в гостиной по другую сторону холла. С его появлением разговор прервался.

– Наконец-то, – сказала Грейс. – Мы уж недоумевали, что с тобой случилось.

– Могу рассказать, что со мной случится, – ответил он, опершись лбом о холодное стекло и глядя в парк, – если я не добуду средств к существованию.

– Вот это скорость! – заметил лорд Брокенхёрст, появляясь в дверях вместе с женой. – Я думал, мы доберемся хотя бы до пудинга, прежде чем ты начнешь кланчить денег.

– Где вы были? – спросил Стивен.

– На нижней ферме, – коротко ответила Каролина, входя первой. Она холодно поцеловала Грейс, которая встала поздороваться. – Джон? Так что ты там говорил?

– Я вполне серьезно, – сказал Джон. – Положение хуже некуда.

Он обернулся и встретился взглядом с тетужкой.

– Да в чем дело? – спросил Перегрин.

Заложив руки за спину, он грелся у камина. Хотя на улице был приятный и солнечный июньский день, в полном дров камине пылал яркий огонь. Каролина любила, чтобы во всех комнатах было жарко, как в оранжерее.

– Мне нужно оплатить счет от портного и ренту за «Олбани»^[13]. – Джон покачал головой и развел руками, словно показывая, что его вины здесь нет и все эти расходы были кем-то несправедливо ему навязаны.

– А разве не твоя мать платит за проживание в «Олбани»? – с деланным недоумением спросил дядя. – И опять счета от портного?!

– Не знаю, как человек в моем положении может пережить светский сезон^[14] без новой одежды, – пожав плечами, ответил Джон и сделал очередной глоток.

– Не может же он выглядеть как оборванец, – кивнула Грейс. – Особенно сейчас.

– А в чем дело? – вскинула глаза Каролина. – Что такое происходит именно сейчас?

– В этом и состоит причина нашего визита... – улыбнулась невестка.

– Вторая причина, – уточнил Перегрин.

– Продолжайте! – нетерпеливо потребовала Каролина.

– Джон решил заключить помолвку с леди Марией Грей.

– С дочкой лорда Темплмора? – сам того не ожидая, обрадовался Перегрин.

Стивен кивнул. Ему приятно была эта маленькая победа.

– Ее отец умер. Нынешний граф – ее брат.

– Но она же все равно дочь лорда Темплмора, – сказал Перегрин, улыбаясь. Он вдруг почувствовал воодушевление. – Джон, это очень хорошо! Молодец! Прими мои поздравления!

Преувеличенная радость дяди вызвала у Джона некоторую досаду.

– Прошу вас, не надо так удивляться. Почему бы мне и не жениться на леди Марии Грей?

– Никакой причины не жениться нет. Ни малейшей. Прекрасная партия. Еще раз могу повторить, что ты молодец, и я говорю это от души.

– Это для нее хорошая партия, – фыркнул Стивен. – У Темплморов приличных денег нет, а она как-никак выходит замуж за будущего графа Брокенхёрста.

Он вечно не мог удержаться от того, чтобы не уколоть брата и невестку, подчеркнув, что у них самих наследников нет.

Перегрин глянул на него, но ничего не ответил. Стивена он всегда

недолюбливал, еще с тех пор, когда они были детьми. Возможно, виной тому было слишком красное лицо Стивена. Или то, что ребенком он много кричал и постоянно требовал к себе внимания. У мальчиков была также еще сестренка Эллис, но той не исполнилось еще и шести, когда ее унес коклюш. После этого Стивен, который был всего на два года моложе брата, стал в семье самым младшим, и мать вечно с ним сюсюкала. Джон сделал еще один глоток.

– Что это ты там пьешь? – внимательно посмотрел на племянника Перегрин.

– Бренди, сэр, – беззастенчиво ответил Джон.

– Никак замерз?

– Да не особенно.

Перегрин рассмеялся. Джона он тоже не слишком любил, но все-таки предпочитал племянника брату. У парня, по крайней мере, был характер. Перегрин снова перевел взгляд на Стивена и с плохо скрываемым недовольством спросил:

– Почему вы пришли так рано?

– Как у вас дела? – ответил священник, игнорируя вопрос. Он сидел в кресле, положив ногу на ногу. – Влажная погода не вредит здоровью?

– Главное, что тепло, – покачал головой его брат.

– На нижней ферме все в порядке?

– Проверяешь свои будущие владения? – прищурился Перегрин.

– Вовсе нет, – сказал Стивен. – Разве это преступление – поинтересоваться?

– Рада видеть вас, моя дорогая, – соврала Каролина, подсаживаясь к Грейс. Бесконечное пикирование братьев она находила утомительным и бессмысленным.

– Очень любезно с вашей стороны, – уныло отозвалась гостя. Грейс была из тех людей, кто всегда считает, что стакан наполовину пуст. – Я хотела спросить, – продолжила она, – не сможете ли вы выделить мне что-нибудь для церковного праздника? Я ищу вышивки, носовые платки, подушечки – что-нибудь такое. Нам нужно много... Поступает столько просьб о помощи! Старики, инвалиды, молодые вдовы с детьми, оставшиеся без кормильца. Просто сердце разрывается!

Каролина кивнула.

– А как насчет падших женщин?

– Падших женщин? – непонимающе переспросила невестка.

– Я имею в виду матерей, которые никогда не были замужем.

– А-а, понимаю. – Собеседница нахмурилась, словно Каролина

допустила бестактность. – Их мы, как правило, препоручаем приходу.

– А они обращаются к вам за помощью?

– Иногда. – Грейс явно было неловко, что затронута такая тема. – Но мы стараемся не поддаваться сентиментальности. Как еще другим девушкам учиться, как не на печальном примере своих падших сестер?

Она вернулась в более безопасное русло и начала расписывать свои планы благотворительной ярмарки.

Слушая, как Грейс рассказывает об играх, шатрах и кегельбанах, графиня невольно задумалась о Софии Тренчард, забеременевшей в восемнадцать лет. Интересно, если бы та, отчаянно рыдая и сжимая руки, стояла перед бездушными членами благотворительного комитета, то Грейс бы и ее тоже отвергла? Наверное. А что насчет нее самой? Проявила бы она милосердие, обратиться София за помощью к ее семье?

– Я поищу, что может вам пригодиться, – наконец ответила Каролина.

– Благодарю вас, – сказала Грейс. – Комитет будет вам очень признателен.

Ланч был подан в обеденном зале, прислуживали четыре лакея и Дженкинс. Все это было совершенно не похоже на обеды, которые устраивали здесь в былые времена, когда на охоту съезжалось множество гостей. После смерти Эдмунда Брокенхёрсты почти никого не принимали. Но даже если присутствовали только члены семьи, Перегрин ревностно придерживался правил. Подавали шесть перемен блюд: консоме, фрикадельки из щуки, перепелов, бараньи отбивные под луковым соусом, лимонное мороженое и смородиновый пудинг. Такое изобилие могло показаться расточительным, но Каролина знала, что деверь начнет выражать недовольство, как только ему представится для этого хоть малейший повод.

Пока пили консоме, Грейс, ободренная необычной для графини готовностью помочь благотворительной распродаже, решила развлечь хозяев семейными новостями.

– У Эммы снова будет ребенок!

– Это замечательно! Обязательно напишу ей, – кивнула Каролина.

Эмма была на пять лет старше своего брата Джона. Она была славной женщиной, намного более симпатичной, чем вся остальная ее семья, и даже Каролине было приятно услышать о ней хорошие новости. Эмма вышла замуж за местного землевладельца, сэра Хьюго Скотта, баронета, и супруги вели безупречную и простую жизнь, которая была написана им на роду. Ровно через девять месяцев после свадьбы Эмма счастливо разродилась первенцем – дочерью по имени Констанс и с тех пор каждый год дарила

мужу по ребенку. Этот будет уже пятым. Пока что у Скоттов появились три здоровые дочери, но всего один сын.

– Мы полагаем, что прибавления семейства надо ждать осенью, хотя Эмма не уверена. – Грейс торопливо сделала глоток консоме. – Хьюго надеется, что на этот раз будет мальчик. «Один наследник и второй про запас» – так он все время говорит. – Она весело рассмеялась, но, опустив ложку в суп, заметила выражение на лице Каролины и замолкла.

На самом деле Каролина не рассердилась. Ей просто было скучно. Она уже потеряла счет, сколько раз Грейс или Стивен потчевали ее историями о своих многочисленных бойких внуках. То ли эти рассказы преследовали цель обидеть Каролину, то ли ее родственников попросту отличала крайняя бестактность – трудно сказать. Перегрин не сомневался, что Стивен с супругой намеренно стараются уязвить его и Каролину, но жена была склонна объяснять все глупостью, ибо считала Грейс слишком недалекой, чтобы проявлять осознанную злонамеренность.

Лакеи молча убрали со стола. Они привыкли к тому, что хозяин не дает себе труда поддерживать за обеденным столом светскую беседу (да, в сущности, и не только за столом), а в обществе брата становится особенно немногословным. Вложив в молодости немало энергии в возрождение поместья, Перегрин после смерти сына потерял к нему всякий интерес, а в последние годы все больше в одиночку просиживал у себя в библиотеке.

– Итак, – начал Стивен, сделав большой глоток кларета, – я хотел узнать, дорогой брат: могу ли я после ланча перекинуться с тобой парой слов наедине?

– Парой слов наедине? – переспросил Перегрин, откинувшись на стуле. – Мы все знаем, что это означает. Ты хочешь попросить денег.

Стивен кашлянул. Его бледное, покрытое потом лицо ярко блестело в солнечном свете, лившемся через окна. Он поправил воротник, словно тот сдавливал ему горло. И неуверенно произнес:

– Не будем докучать дамам скучными разговорами.

Как отвратительно находиться в положении просителя! А ведь сам Стивен ничуть не хуже Перегрина, просто ему фатально не повезло. Как еще можно назвать то, что он родился всего лишь на пару лет позже, чем красивый и в свое время пользовавшийся популярностью Перегрин? Почему Стивену навязывают эту унижительную роль?

– Ну, мне-то докучать ты готов. – Хозяин дома налил себе портвейна и отправил графин по кругу.

– Не могли бы мы...

– Полно. Выкладывай.

– Отец хочет попросить заем под залог моего будущего наследства, – сказал Джон, уверенно посмотрев дяде в глаза.

– Твоего наследства или же своего собственного? – фыркнул Перегрин. Джон, как и все присутствующие, явно не считал, что отец переживет дядю.

– Нашего наследства, – дипломатично ответил он.

Перегрин не мог не признать, что молодой человек красив, опрятен и хорошо одет. Просто он не любил племянника, и его огорчало, что со временем тот станет его наследником. И он уточнил:

– Стало быть, Стивен хочет получить еще один заем под залог своего наследства?

– Хорошо. Пусть будет так. – Джон не отвел глаза. Смутить его пристальным взглядом было не так-то просто.

Перегрин глотнул портвейна:

– Мне кажется, мой маленький братишка уже немало откусил от своих будущих богатств.

Стивен терпеть не мог, когда его называли маленьким. Ему исполнилось шестьдесят шесть лет. У него было двое взрослых детей, и скоро должен был родиться пятый внук. Он весь так и кипел от гнева.

– Ты же не станешь спорить, что семейная честь требует от нас соблюдать внешнюю благопристойность. Это наш долг.

– Еще как стану, – ответил Перегрин. – Жить надо пристойно, с этим я согласен. То есть так, как подобает сельскому викарию. И, кроме того, от служителя Церкви общество не только не ждет внешнего шика, но и не одобряет его проявлений. Спроси себя, на что тратятся деньги.

– Ни на что такое, что ты сочтешь предосудительным. – Стивен ступил на тонкий лед. Узнай Перегрин, для чего предназначались деньги, он бы счел цель крайне предосудительной. – Ты ведь раньше высвобождал для меня средства.

– Да. И боюсь, делал это слишком часто. – Перегрин покачал головой. Так вот зачем на самом деле брат напросился на ланч. Хотя чему тут удивляться, можно подумать, он сам этого не знал.

Дабы разрешить неловкую ситуацию, Каролина решила взять разговор в свои руки.

– Расскажите мне еще о Марии Грей. Я думала, девочка только-только начала выезжать? – с некоторым удивлением спросила она.

Грейс отрезала себе кусочек бараньей отбивной.

– Нет-нет! Это было еще в позапрошлом году. Сейчас она уже всюю появляется в свете. Ей двадцать один год.

– Двадцать один... – ностальгически вздохнула Каролина. – Как летит время! Я удивлена, что леди Темплмор ничего мне не сказала.

Они с матерью Марии уже много лет поддерживали дружеские отношения.

– Может быть, ждала, пока все определится наверняка, – улыбнулась Грейс.

– Теперь ведь определилось? Они заключают помолвку.

Вольно или невольно тон леди Брокенхёрст дал понять присутствующим, что она считает невероятной саму мысль о браке двух столь не подходящих друг другу людей.

Грейс улыбнулась более натянуто и опустила на стол нож и вилку.

– Надо прояснить еще пару формальностей, после чего мы обо всем объявим, как полагается.

Каролина задумалась о милой умной девушке, которую она знала: неужели той суждено стать женой ее спесивого, бесцеремонного племянника? А потом ее мысли привычно обратились к драгоценному сыну, вот уже много лет спавшему в земле.

– Так что, как видите, мы, то есть Джон, нуждаемся в обеспечении, – сказал Стивен, бросив на жену признательный взгляд.

Она была права, решив разыграть эту карту. Теперь братец явно не откажет им в деньгах. Можно представить, как пострадает репутация семьи, если Перегрин будет держать собственного наследника в нужде. Он побоится пересудов.

Наконец, после того как разделились со смородиновым пудингом и лимонным мороженым, выпили в гостинной кофе и прогулялись по парку, Стивен, Джон и Грейс ушли. Они добыли себе достаточно денег, чтобы заплатить портным, а также раздать остальные долги, о которых Стивен не упомянул. Перегрин удалился к себе в библиотеку.

Он с тяжелым сердцем сел у огня в большое кожаное кресло, рассчитывая почитать Плиния Старшего. Он предпочитал его Плинию Младшему, ибо любил оперировать фактами истории и науки, но сегодня слова не взлетали со страницы, а плыли у него перед глазами. Он трижды прочел один и тот же абзац, когда дверь открыла Каролина.

– Ты все время молчал за ланчем. Что случилось? – спросила она.

Перегрин закрыл фолиант и некоторое время сидел молча. Он обвел взглядом портреты над книжными шкафами из красного дерева: суровые мужчины в париках, женщины в шнурованных атласных платьях – его предки, его семья, чья кровь текла в его жилах, а у него самого наследника, увы, не будет. Потом снова посмотрел на жену:

– Вот скажи, почему мой брат, человек, который за всю свою жизнь ни разу не сказал и не сделал ничего путного, дожил до того времени, когда его дети женятся, а внуки обступают кресло дедушки?

– Перегрин!..

Каролина села рядом с мужем и положила тонкую руку ему на колено.

– Прости, – сказал граф, покраснев, и покачал головой. – Веду себя как глупый старик. Но иногда меня выводит из себя подобная несправедливость.

– А меня, думаешь, не выводит?

– Каролина, – вздохнул он, – ты когда-нибудь представляешь себе, каким бы Эдмунд стал сейчас? Наверняка он был бы потолще, чем мы его запомнили. Он бы, конечно, женился, и у него бы родились дети: умные сыновья и красивые дочери.

– А может, наоборот: умные дочери и красивые сыновья?

– Не все ли равно. Главное, что Эдмунда больше нет. Наш сын покинул нас, и, ей-богу, я не понимаю, почему это должно было случиться именно с нами.

Будучи типичным англичанином, Перегрин Брокенхёрст выражал свои эмоции в той неловкой манере, которая порой бывает пронзительнее красноречия. Он стиснул ладонь жены. Его светлые голубые глаза наполнились влагой.

– Прости меня, дорогая, я очень глупо себя веду. – Он посмотрел на Каролину почти с нежностью. – Наверное, просто не могу не задавать себе вопрос: ну почему все так сложилось? – Он встряхнул головой и горько рассмеялся. – Не слушай меня. Надо перестать пить портвейн. От него я вечно чувствую себя несчастным.

Каролина погладила руку, сжимающую ее ладонь. Как легко было бы рассказать мужу правду, сообщить, что у него есть внук, унаследовавший если не его положение, то хотя бы его кровь. Но она не знала всех подробностей. Правду ли говорила Анна Тренчард? Сперва надо было все как следует выяснить. И еще, Каролина ведь пообещала этой женщине хранить молчание. А леди Брокенхёрст, надо отдать ей должное, была человеком слова.

Никакие валериановые капли не помогали Анне унять жуткую головную боль. Ей казалось, что голову режут надвое стальным ножом. Причину она знала, и хотя не была склонна, к истерикам, однако чувствовала, что после разговора с леди Брокенхёрст обратный путь до Итон-сквер был одним из самых трудных в ее жизни.

Когда Анна вернулась в дом номер сто десять, она так дрожала, что, постучавшись в собственную дверь, не смогла ничего вразумительно объяснить. Билли, открывший ей, был крайне озадачен. Что, интересно, делала госпожа одна на улице, если теперь вся трясется, как желе? Где кучер Кверк? Все это было очень странно и в ожидании ужина дало немало поводов для обсуждения в людской. Но никто, разумеется, не пребывал в таком смятении, как сама Анна, когда она медленно поднималась по лестнице в свои комнаты.

– Миссис Тренчард как будто оцепенела, – сказала ее камеристка Эллис, усаживаясь вечером за стол. – Только собаку свою обнимала да раскачивалась в кресле.

Эллис была не слишком довольна своей судьбой. После бурных дней Ватерлоо, когда улицы Брюсселя кишели симпатичными солдатами, которые только и ждали, как бы переброситься словечком с хорошенькой служанкой, жизнь в Лондоне показалась ей чересчур размеренной. В письмах к своей подруге Джейн Крофт, которая некогда служила камеристкой у мисс Софии, а теперь удачно устроилась экономкой где-то в провинции, Эллис постоянно грозилась уехать и найти себе какую-нибудь новую работу. Но, по правде говоря, она и сама понимала, что уволиться было бы глупо. Ей страсть как хотелось получить место в более благородном доме, и ее беспокоило, что она работает в семье, не имеющей титула, но Тренчарды платили своим слугам более щедро, чем, по слухам, многие аристократы, а еда, которую им подавали в комнате для прислуги, была выше всяких похвал. Миссис Бэббидж выделили на расходы вполне приличную сумму, и она почти каждый день готовила мясо.

– Вроде бы непохоже, что заболела, – кивнул Билли. Вдохнув запах тушеной говядины с картошкой, исходивший из большой медной кастрюли в центре стола, он оживленно потер руки. – Ну скажите сами, слуханное ли дело, чтобы госпожа вот так разгуливала одна по улицам? Она уходила по каким-то своим делам и явно хотела, чтобы хозяин об этом не прознал, точно вам говорю.

– Думаешь, у нее дружок завелся? – хихикнула одна из служанок.

– Мёрси, а ну марш к себе в комнату!

В дверях, уперев руки в боки, стояла миссис Фрэнт в черной блузе с высоким воротником и в черной юбке, а на груди у нее была приколата светло-зеленая камей. Она проработала у Тренчардов всего три года, но многолетний опыт службы говорил экономке, что за такое место стоит держаться, так что глупостей в комнате для прислуги она не терпела.

– Простите, миссис Фрэнт, я только...

– Вы немедленно отправитесь наверх без ужина, а если я услышу еще хоть одно слово, то вы завтра же окажетесь на улице без рекомендаций.

Девушка шмыгнула носом, но защищаться больше не пыталась. Когда она убежала, миссис Фрэнт заняла ее место.

– Вы можете беседовать о чем угодно, но обсуждать наших хозяев я не позволю.

– И тем не менее, миссис Фрэнт, – сказала Эллис, которая всячески старалась показать, что не подчиняется экономке, – согласитесь, что головная боль, от которой нужна валерьянка, – это очень непохоже на хозяйку. Такого недомогания у нее не случалось с тех пор, как они с мисс Софией ездили навещать больного кузена в Дербишир.

И две женщины обменялись многозначительными взглядами.

Поскольку Анна ничего не объяснила, Джеймсу Тренчарду оставалось лишь гадать, почему жена так рано отправилась в постель и попросила подать ей ужин наверх. Он решил, что ее состояние связано с Чарльзом Поупом и с тем, что он запретил супруге рассказывать Каролине Брокенхёрст о существовании молодого человека. И хотя Тренчард не переменил своего мнения, но все же хотел при первой возможности восстановить добрые отношения с женой. Поэтому когда Джеймс нашел среди писем, доставленных с последней почтой, адресованное Анне приглашение на прием в Королевские ботанические сады Кью, то решил немедленно отнести его наверх, надеясь, что таким образом поднимет жене настроение. Она обожала садоводство и, насколько Джеймс знал, активно помогала садам Кью.

– Могу составить тебе компанию! – бодро предложил муж, глядя, как Анна вертит приглашение в руках. Она сидела, откинувшись на подушки, и вид у нее был усталый, но заинтересованный. Джеймс это заметил.

– Неужели поедешь так далеко? – спросила в ответ Анна. – Да ты сад в Гленвилле и то стороной обходишь. – Тем не менее она улыбалась.

– Может быть, Сьюзен захочет пойти? – предположил Джеймс.

– Сьюзен не любит цветы и красоту видит только в том, что сверкает в витрине ювелирной компании мистера Аспрея. На той неделе она заставила меня свозить ее посмотреть новый магазин. Я едва сумела усадить ее обратно в экипаж.

– Могу себе представить, – кивнул Джеймс, улыбаясь. – Кстати, я кое-что вспомнил. После нашего недавнего разговора за обедом я подумал, не стоит ли мне все-таки подучить Оливера делу? Сейчас он занимается всякой ерундой, и, может быть, его нужно слегка направить. Завтра у меня

встреча с Уильямом Кьюбиттом, будем обсуждать проект застройки Собачьего острова, и, если Оливер тоже захочет поучаствовать, как он говорил, я могу попробовать его туда пристроить.

– Думаешь, это он всерьез? – усомнилась Анна. – Вообще-то, такое занятие не в его вкусе.

– Ему неплохо бы стать менее разборчивым.

Джеймс не собирался язвить, но пренебрежение, с которым сын относился к мысли о коммерции и вообще о любом напряженном труде, раздражало его.

– Мне кажется, вреда не будет, – сказала Анна. – Почему бы и не спросить компаньона?

Это была не совсем та реакция, на которую рассчитывал Джеймс. Неудобно было просить Уильяма Кьюбитта поручить его сыну более ответственную работу в деле, к которому Оливер до сих пор проявлял мало склонности и интереса. Хотя сотрудничество Тренчарда с братьями Кьюбитт и оказалось весьма плодотворным, подобная просьба представлялась ему чересчур дерзкой.

Анна понимала причины его беспокойства, да и сама считала так же, но затевать сражение сейчас не было сил. Миссис Тренчард всегда гордилась своей способностью здраво оценить ситуацию; она отличалась проницательностью и не раскрывала понапрасну собственные карты. Анна была не из тех глупых женщин, что готовы разоткровенничаться после бокала шампанского. Так о чем же, спрашивается, она думала, когда рассказала леди Брокенхёрст правду? Неужели оробела перед графиней? Или просто слишком долго несла свою ношу в одиночку? Так или иначе, страшную, великую тайну, способную причинить им неизмеримый вред, она выдала совершенно чужому человеку, о котором почти ничего не знала, и тем самым вручила леди Брокенхёрст оружие, которым та могла уничтожить всю ее семью. Знать бы только, воспользуется ли Каролина этим оружием? Анна позвонила Эллис и велела вывести Агнессу на вечернюю прогулку.

На следующий день Джеймс рано покинул дом. Обычно перед уходом он заглядывал к жене, но сегодня она так плохо спала, что среди ночи даже вставала подышать воздухом, так что вряд ли должна была проснуться раньше полудня. Да он и не слишком волновался за Анну. Что бы ни произошло, она справится. Намного больше его тревожила предстоящая встреча с Уильямом Кьюбиттом. Надо было добраться до конторы и успеть переделать все утренние дела – они встречались в двенадцать.

Для разговора Кьюбитт выбрал «Атенеум», и Джеймс собирался прийти пораньше, чтобы осмотреться. Недавно этот клуб, нуждаясь в средствах, несколько упростил правила приема новых членов, и Джеймс подал прошение о вступлении в «Атенеум». Он не был членом ни одного джентльменского клуба, и это его уязвляло.

Подъехав к дому номер сто семь по Пэлл-Мэлл, Джон поразился внушительным колоннам портика и даже перешел на другую сторону улицы, чтобы разглядеть копию парфенонского фриза на фасаде. Трудно было поверить, что Децимусу Бёртону было всего двадцать четыре года, когда он спроектировал это здание.

Входя внутрь и отдавая слуге перчатки и трость, Джеймс с тревогой размышлял, кого можно расспросить о своем прошении. Уже прошло немало времени, а он так и не получил никакого ответа. Может быть, ему отказали? Но ведь тогда ему должны были об этом сообщить? Как изматывает неведение! Он завистливо оглядел просторный холл с величественной лестницей: та после первой площадки разделялась надвое и взлетала вверх двумя маршами, охватывающими обширное пространство.

– Джеймс! – воскликнул Уильям, вскакивая с кресла, чтобы приветствовать товарища. – Рад вас видеть!

У Уильяма Кьюбитта, худощавого, с густой седой шевелюрой, были доброе умное лицо и большие пронизательные глаза, которые он имел привычку слегка прикрывать, когда внимательно слушал кого-то.

– Вы видели по дороге сюда новый «Реформ-клуб»? Красивый, правда? Толковый парень этот Чарльз Бэрри. Правда, не скажу того же о политике самого заведения, – прибавил он, подняв бровь. – В клубе полно либералов, от которых в любой момент можно ждать неприятностей. Но все равно прекрасная работа.

Построив рынок Ковент-Гарден, зал Гильдии рыботорговцев, портик у железнодорожного вокзала Юстон и много еще чего, Кьюбитт неизменно отмечал детали, которые мало кто видел.

– Вы обратили внимание на решение фасада? Строгая симметрия и простота в сумме дают монументальность. Просто великолепно! – с энтузиазмом продолжал он. – И каковы масштабы! Бедный маленький «Трэвеллерс-клуб» на его фоне совершенно уходит в тень. Ладно, хотите чего-нибудь выпить? Поднимемся в библиотеку?

Библиотека клуба представляла собой огромный зал, занимающий почти весь второй этаж. Увидев расставленные вдоль стен шкафы, которые вмещали великолепное книжное собрание клуба, Джеймс вновь испытал нестерпимое желание попасть в число избранных. По какому праву они не

пускают его к себе? Огромным усилием Тренчард заставил себя сосредоточиться на том, что ему говорят, и постепенно сумел успокоиться. Взяв по бокалу мадеры, они обсудили все идеи и новшества, которые Уильям придумал для Кьюбитт-тауна – «Города Кьюбиттов».

– Название я поменяю, – сказал он, откинувшись в кресле. – Но сейчас пусть называется так.

– То есть план состоит в том, чтобы расширить доки, создать предприятия и построить рядом дома для тех, кто на них работает?

– Именно так. Гончарное производство, производство кирпичей и цемента. Прямо скажем, грязная работа, но делать ее надо, и я хочу быть тем человеком, который за нее возьмется, – заявил Кьюбитт. – Однако нам еще понадобятся дома для счетоводов и клерков. Надеюсь, также получится убедить поселиться в тех местах и кого-нибудь из управляющих, а мы, в свою очередь, постараемся выделить им достаточно безопасные для здоровья территории. Если коротко, нам нужно вдохнуть в этот район новую жизнь и застроить его по-новому как единое целое.

– Много работы предстоит, – заметил Джеймс.

– Безусловно. Сперва надо осушить землю, но после застройки Белгравии мы неплохо знаем, как это делается. Очень надеюсь, что результатами этой работы мы сможем по праву гордиться.

– Как вы думаете, а для Оливера местечка не найдется? Он давно мечтает принять участие в таком деле. – Джеймс постарался, чтобы фраза прозвучала небрежно.

– Что еще за Оливер?

– Это мой сын. – Джеймс почувствовал, как его голос дрогнул.

– А-а, вот какой Оливер! – (На мгновение воздух словно бы застыл.) – Возможно, он со временем найдет свое место в этом предприятии, но я всегда считал, что ваш сын не слишком интересуется архитектурой, – сказал Уильям. – И застройкой тоже. Видите ли, я не против того, чтобы Оливер с нами работал, но может оказаться, что он не захочет взваливать на себя ответственность, сопряженную с таким грандиозным замыслом.

– Нет-нет, Оливер просто жаждет присоединиться, мечтает поучаствовать в его осуществлении, – настойчиво повторил Джеймс, пытаясь преодолеть неловкость и вспоминая замечания Анны. – Это ему невероятно интересно. Просто иногда мой сын... плохо умеет выразить свои чувства.

– Понимаю. – Судя по виду Уильяма Кьюбитта, разубедить его Тренчарду не удалось.

С Уильямом и его старшим братом Томасом Джеймс был знаком уже

около двадцати лет, и за это время деловые партнеры сблизились, постепенно став друзьями. Заработав вместе немало денег, они имели все основания гордиться, но Джеймс впервые попросил одного из братьев об одолжении, и это далось ему нелегко. Он потер висок. Нехорошо. Первый раз он о чем-то их просит, и это просьба взять на работу Оливера. Молодой человек явно произвел на Кьюбиттов нелучшее впечатление, и Джеймс искушал судьбу.

Уильям по привычке прикрыл глаза. Честно сказать, он слегка опешил, ибо не ожидал такого поворота. Оливера Уильям знал с тех пор, когда тот был еще мальчишкой, и за все время работы в компании этот человек никогда не задал ему ни единого вопроса о застройке Блумсбери или Белгравии, да и вообще не проявил интереса ни к одному из предыдущих проектов. Тренчард-младший лишь выполнял свою кабинетную работу. Более или менее прилично. Но без явного энтузиазма или хотя бы любопытства. Однако при этом Уильям высоко ценил Джеймса Тренчарда. Это был умный, дотошный, трудолюбивый и абсолютно надежный человек. Временами, правда, бывал чванлив, а из-за неумных светских амбиций – слегка смешон, но ведь у каждого свои слабости.

– Хорошо. Обещаю поискать возможность привлечь Оливера к работе, – сказал Кьюбитт. – Мне кажется, очень важно, чтобы семьи работали вместе. Мы с братом уже много лет трудимся сообща, так почему бы и вам с сыном не последовать нашему примеру? Вытащим мальчика из кабинета и отправим руководить строительством. Толковые управляющие нам всегда нужны. Скажите Оливеру, чтобы пришел ко мне в понедельник, и направим его на застройку Собачьего острова. Обещаю.

Он протянул руку, и Джеймс, улыбаясь, пожал ее. Хотя, откровенно говоря, он и сам сильно сомневался, что из этого получится что-нибудь путное.

Анна почувствовала себя лучше, и теперь разве что внезапная эпидемия тифа помешала бы ей посетить прием в Королевских ботанических садах Кью. Сады открылись для публики всего год назад, в 1840-м, во многом это произошло стараниями герцога Девонширского, который как президент Королевского садоводческого общества был душой и сердцем этого начинания. Его старания подогревались возрастающим по всей стране интересом к садоводству. В 1840-е годы выращивание растений вошло в моду среди англичан всех сословий. Анна Тренчард постоянно делала пожертвования в фонд, чем наверняка и объяснялось то, что ее включили в список приглашенных. Вообще-то, когда она оказывалась на

людях по велению Джеймса, то обычно держалась замкнуто, а сейчас ее к тому же тревожила леди Брокенхёрст, но тем не менее предстоящий прием вызывал у нее искреннее воодушевление.

Садоводство для Анны не было простым времяпрепровождением – оно стало ее страстью. После смерти Софии Анна начала интересоваться всем, что связано с растениями, и вскоре обнаружила целительный эффект садоводства. Выращивание цветов и наблюдение за ними дарили ее душе умиротворение. Джеймс невольно подтолкнул жену к новому хобби, обнаружив однажды в Блумсбери очень редкую и дорогую книгу Томаса Фэйрчайлда «Городской садовод», изданную в 1722 году, и с того момента неизменно пополнял ее садоводческую библиотеку.

Но не что иное, как приобретение в 1825 году Гленвилла, по-настоящему разожгло ее страсть. Было в этом обветшавшем елизаветинском особняке нечто такое, что заставило Анну в него влюбиться, и самые счастливые моменты жизни она проживала, беседуя с Хупером, старшим садовником. Вместе они обновили сад, разбили славный огород, который сейчас снабжал овощами дом и все поместье, и существенно переделали заросшие террасы, не только используя при этом принятую в прошлом веке свободную планировку, но и возрождая оригинальные формы регулярных садов того периода, когда был спроектирован сам дом. Анна даже велела построить оранжерею, в которой ей удалось вырастить айву и персики. Персиков уродилось немного, но они были ароматными и идеальной формы, и в прошлом году она велела Хуперу отправить их на выставку Королевского садоводческого общества в Чизуике.

За эти годы она завела многочисленные знакомства в садоводческом братстве, и среди ее новых знакомых был Джозеф Пакстон^[15]. Поначалу это был талантливый новичок с необыкновенными, чуть ли не революционными идеями. Анна пришла в восторг, когда Пакстон сообщил ей, что приглашен на работу в сады герцога Девонширского, на его виллу Чизуик-Хаус на окраине Лондона. И еще больше обрадовалась, когда впоследствии Пакстон переехал в Чатсуорт, большой дворец герцога в Дербишире, где отвечал за строительство оранжереи в триста футов длиной. Герцога лично Анна, конечно, не знала, но, занимая пост президента Королевского садоводческого общества, он наверняка питал ту же страсть к садам, что и она сама.

И в тот день Анна прежде всего надеялась встретить в ботанических садах Кью Пакстона. Она заготовила немало вопросов об айвовых деревьях, ибо Пакстон знал о выращивании растений в застекленных

помещениях все, что только можно было знать. Когда миссис Тренчард приехала, в садах было многолюдно. Сотни дам, одетых в изящные одежды пастельных тонов, прогуливались по лужайкам, закрывшись шляпками и зонтиками, восхищались новыми клумбами, а также дорожками (их проложили, поскольку из Лондона приезжали целые толпы энтузиастов), пока не зашло солнце. Анна шла к оранжерее, когда наткнулась на человека, которого искала.

– Мистер Пакстон! Я так и думала, что увижу вас здесь, – сказала она и протянула ему руку.

– Миссис Тренчард, – кивнул он, широко улыбаясь. – Как поживаете? И как поживают ваши призовые персики?

– Вот это память! – воскликнула Анна.

Вскоре они уже обсуждали премудрости выращивания айвы, и то, как трудно заставить эти деревья плодоносить в таком суровом климате, и на что именно будут смотреть судьи, если она отправит свои плоды на выставку Королевского общества. Оба так увлеклись беседой, что даже не заметили, как к ним подошли две импозантные фигуры.

– Вот вы где, Пакстон! – сказал герцог Девонширский. – А я везде вас ищу. – Этот высокий, элегантный мужчина с темными волосами, длинным носом и большими миндалевидными глазами так и источал добродушие. – Слышали новость?

– Какую новость, ваша светлость? – спросил Пакстон.

– Из оранжереи убрали все цитрусовые.

Новость и впрямь была потрясающая.

– Представляете себе? Видимо, там слишком темно. Теплицы построены не под тем углом. Какая жалость, что их проектировали не вы!

Герцог Девонширский улыбнулся, любезно повернувшись к Анне и показывая, что ожидает, когда ему представят даму. Только сейчас Анна заметила его спутницу, которая глядела на нее из-под шляпки.

– Ваша светлость, – сказал Пакстон, отступая назад, – позвольте представить вам миссис Тренчард, страстного садовода и уважаемого члена Королевского общества.

– Мое почтение, миссис Тренчард, – учтиво кивнув, ответил герцог. – Я слышал ваше имя. И не в последнюю очередь от Пакстона. – Он повернулся к стоявшей рядом с ним женщине. – А теперь позвольте...

– Мы с миссис Тренчард уже встречались, – произнесла леди Брокенхёрст, не меняя выражения лица.

– Превосходно! – воскликнул герцог, чуть нахмурившись и переводя взгляд с одной дамы на другую. Он не вполне понимал, где его

приятельница леди Брокенхёрст могла встретиться с этой женщиной, но был рад, что они знакомы. – Пойдемте посмотрим, что там сделали с оранжереей?

Он энергично зашагал вперед, показывая дорогу, и Пакстон с дамами двинулись следом. Герцог не мог этого знать, но его гордая спутница была вне себя от возбуждения: сердце графини словно бы сжала в кулак чья-то крепкая рука. Такую возможность упускать никак нельзя!

– Миссис Тренчард, – начала она, – тот человек, о котором мы на днях говорили...

У Анны комок подступил к горлу. Что ей лучше сказать? Впрочем, тайна уже раскрыта. К чему притворяться?

– Чарльз Поуп? – спросила Анна. Голос у нее сел, и едва ли этому можно было удивляться.

– Да, тот самый. Чарльз Поуп, – кивнула леди Брокенхёрст.

– Что вы хотели о нем узнать?

Анна оглядела гуляющие семьи, мужчин, делающих пометки в блокнотах, женщин, пытающихся призвать к порядку своих детей, и, как уже не раз с ней бывало в подобных случаях, удивилась: надо же, они все живут себе как ни в чем не бывало, даже и не подозревая, что всего в нескольких футах от них происходит нечто чрезвычайно важное.

– Я запомнила, где он живет, этот мистер Поуп.

Теперь уже Пакстон наблюдал за ними. Что-то в тоне собеседниц подсказало архитектору, что он стал свидетелем некоего откровения: похоже, в этих простых вопросах и ответах была заключена некая тайна. Анна заметила это любопытство, и ей захотелось утолить его.

– Я не уверена, что знаю точный адрес.

– А что его родители?

На мгновение Анне показалось, что она сейчас уйдет, извинившись перед остальными, сошлется на головную боль, может быть, даже упадет в обморок. Но леди Брокенхёрст не собиралась оставлять ее в покое:

– Помнится, его отец был священником. Как его звали?

– Преподобный Бенджамин Поуп.

– Ну вот видите. Ничего страшного не произошло, верно же? – От ледяной улыбки леди Брокенхёрст замерз бы даже снег. – А графство?

– Суррей. Но я, правда, ничего больше не смогу вам рассказать. – Анне отчаянно хотелось оказаться подальше от этой женщины, которая держала в руках их судьбу. – Чарльз Поуп – сын преподобного Бенджамина Поупа из Суррея. Надеюсь, этого вам будет достаточно.

Так оно впоследствии и оказалось.

Каролине Брокенхёрст потребовалось не слишком много времени, чтобы отыскать внука. Как и у всех людей ее круга, у нее было немало друзей и родственников среди духовенства, и они были готовы помочь графине найти этого молодого человека, который, как она достаточно быстро узнала, уже начинал приобретать себе имя в деловых кругах. Леди Брокенхёрст выяснила, что Чарльз отличается целеустремленностью и что у него большие планы. Он купил ткацкую фабрику в Манчестере^[16] и сейчас искал на Индостане, и не только там, постоянного поставщика хлопка-сырца, чтобы расширить производство. Бесспорно, он был весьма энергичным юношей, полным идей и готовым на смелые начинания. Ему лишь требовался небольшой начальный капитал. Вот что Каролине удалось выяснить.

Когда леди Брокенхёрст постучалась в дверь кабинета Чарльза Поупа, она чувствовала себя на удивление спокойно. Перед этим она совершенно буднично поговорила с кучером Хатчинсоном, велев тому ехать в Бишопсгейт и назвав адрес. Потом приказала подождать, сказав, что получаса ей будет достаточно. По представлению Каролины, первая встреча должна была быть краткой. Графиня не продумывала подробностей, не репетировала свою речь. Она словно бы не осмеливалась поверить, что история, рассказанная этой Тренчард, – правда. Действительно, а вдруг это на самом деле не так?

– Графиня Брокенхёрст?! Уже здесь? – Молодой человек вскочил с кресла, когда секретарь открыл дверь и объявил имя гостыи. Она стояла здесь же, в дверях, глядя на Чарльза.

Несколько секунд Каролина была не в состоянии пошевелиться. И лишь пристально смотрела на юношу: темные кудри, голубые глаза, тонкий нос, правильной формы рот. Перед нею было лицо ее сына, это был переродившийся Эдмунд – может быть, более насмешливый, явно более общительный, но все же ее дорогой мальчик.

– Я ищу мистера Чарльза Поупа, – сказала она, прекрасно зная, что видит его перед собой.

– Чарльз Поуп – это я, – улыбнулся он, подходя к посетительнице. – Прошу вас, входите! – Он остановился и нахмурился. – Все в порядке, леди Брокенхёрст? У вас такое лицо, словно вы увидели привидение.

Пока он усаживал Каролину в кресло по другую сторону стола, ей подумалось, что она сама виновата. Надо было как следует все обдумать, а не назначать встречу так поспешно, под предлогом вложения капитала в его дело. Было бы легче, если бы сейчас рядом был Перегрин. Правда, тогда

она могла бы разрыдаться, а она и так уже наплакалась достаточно, на всю жизнь. Кроме того, сперва надо было убедиться. Чарльз подал ей стакан воды, и Каролина приняла его. Она не лишилась чувств, но ноги от потрясения отказали. Ну конечно же, сын Эдмунда вполне может быть похож на Эдмунда. Почему она не подумала об этом и не приготовилась заранее?

– Итак, – наконец сказала гостя, – расскажите мне о себе. Откуда вы родом?

– Откуда я родом? – озадаченно переспросил молодой человек.

Он предполагал, что ему придется рассказывать леди Брокенхёрст о своем деле. Чарльз не представлял, каким образом она вообще узнала о нем и его ткацкой фабрике. Было очень странно, что светская леди интересуется подобными вещами, но он понимал, что у графини хорошие связи и она достаточно богата, чтобы иметь возможность вложить средства в его предприятие.

– Это не слишком интересная история, – сказал он. – Я из Суррея, сын викария.

– Понятно.

Каролина сама поставила себя в неловкое положение. Что ей было на это ответить? Как объяснить, что она многое знает о его жизни?

Но юноша спокойно продолжал, не испытывая ни малейшей неловкости:

– Вообще-то, мой настоящий отец погиб еще до моего рождения. И меня воспитал его кузен, преподобный Бенджамин Поуп. Я считаю этого человека своим отцом, но, к несчастью, его тоже больше нет.

– Сожалею.

Лицо Каролины едва не скривилось от боли. Она сидела напротив внука и внимательно его слушала. Как странно, что он считает своим отцом скромного сельского викария. Если бы Чарльз только знал, кем был его настоящий отец! Ей мучительно хотелось задавать юноше вопрос за вопросом, прежде всего, чтобы услышать звук его голоса, но что еще можно было сказать? В глубине души графиня боялась, что если закончит сейчас этот визит, то наутро проснется и обнаружит, что никакого Чарльза Поупа нет и никогда не было и что все это лишь сон. Ибо этот молодой человек воплощал в себе все, что она надеялась видеть в своем внуке.

Наконец, пообещав вложить в его предприятие существенные средства, Каролина решила, что пора откланяться. Она подошла к двери, но вдруг остановилась.

– Мистер Поуп, – сказала она, – в четверг я устраиваю домашний

вечер. Обычно в светский сезон мы принимаем каждый второй четверг месяца, и я хотела спросить: может быть, вы тоже к нам придете?

– Я? – Если раньше молодой человек был озадачен, то сейчас просто остолбенел.

– Начало в десять. Обед к этому времени уже закончится, но к полуночи будет подан ужин. Так что голодным вы не останетесь.

Хотя Чарльз и не имел ни малейшего отношения к высшему обществу, но был о нем достаточно наслышан, чтобы оценить величину преподнесенного ему подарка. Однако с чего ему вдруг выпала такая честь?

– Я не вполне понимаю...

– Мистер Поуп, что тут странного: я приглашаю вас в четверг на званый вечер. Вы придете?

Чарльз не был лишен духа авантюризма. Ничего, рано или поздно все обязательно прояснится.

– Почту за честь, миледи, – поклонился он.

Когда на Итон-сквер прибыл ливрейный лакей, который привез для мистера и миссис Тренчард приглашения на суаре у графини Брокенхёрст, это недолго оставалось секретом. Анна надеялась дождаться возвращения Джеймса и обсудить с ним это известие. У нее не было ни малейшего желания идти в дом к этой женщине. Да и почему, собственно, их пригласили? В садах Кью леди Брокенхёрст продемонстрировала свое отношение к ней совершенно открыто. Графиня была неприятной, заносчивой женщиной, и Анна не хотела иметь с ней больше ничего общего. Но Джеймсу от такого приглашения будет отказаться трудно. Брокенхёрсты принадлежали как раз к тому кругу общества, в котором ее муж столь страстно хотел вращаться. Но не успела она все хорошенько обдумать, как в дверь постучали.

– Мама? – Сьюзен вошла с милой улыбкой на милом личике, и ее намерения были прозрачны, как стекло. Невестка наклонилась и погладила собачку – этот жест всегда ее выдавал. – Правильно ли я понимаю, что вас пригласила на ужин графиня Брокенхёрст? – спросила она, тряхнув кудряшками. Это движение, вероятно, задумывалось как признак девичьей непосредственности, однако свекровь оно совершенно не впечатлило.

– Не на ужин. На прием после ужина, хотя, полагаю, что поесть там тоже будет возможность, – ответила Анна. – Но я не уверена, что мы пойдем.

Она улыбнулась в ожидании, когда Сьюзен сделает следующий ход. Бедная девочка была так предсказуема.

– Не пойдете? А почему?

– Мы едва знакомы с графиней. Да и суаре начинается так поздно, боюсь, мне подобное уже не по силам.

Личико Сьюзен мучительно исказилось.

– Но ведь...

– Что ты хочешь спросить, моя дорогая?

– Я только подумала, что нас тоже... могли бы упомянуть в приглашении.

– Однако не упомянули.

– Пожалуйста, не заставляйте меня упрашивать! Ведь мы же с Оливером живем с вами в одном доме! И тоже хотим попасть в общество! Неужели так невероятно тяжело попросить за нас?

– Ты говоришь так, словно мы непременно пойдём туда.

– Отец наверняка решит, что вы должны это сделать, – раскрыла свои карты Сьюзен.

Это был существенный аргумент. Анна и сама понимала, что Джеймс не позволит жене отказаться, а невестка будет досаждать ей, пока не добьется своего. Спокойствие в доме дороже всего, а сопротивление в любом случае бесполезно.

Рассудив так, Анна в тот же вечер села за письменный стол, взяла перо и написала леди Брокенхёрст ответ, в самых вежливых выражениях попросив, чтобы их сыну Оливеру и его жене Сьюзен тоже было дозволено присутствовать на этом вечере. Запечатывая конверт воском, Анна уже знала, что ее просьбу расценят как дерзкую и, возможно, бестактную, но знала она также и то, что леди Брокенхёрст не откажет.

Но чего Анна не ожидала, так это ответного письма. Получив его, она уронила листок. Ее сердце билось так стремительно, что она едва могла дышать. Пришлось снова перечитать. В конверте, вместе с еще одним пригласительным билетом, на имя мистера и миссис Оливер Тренчард, лежала записка, в которой было коротко сказано:

Я пригласила к нам Чарльза Поупа.

4. Прием на Белгрейв-сквер

Было уже почти десять часов. У Анны Тренчард дрожали руки, а живот от тревоги скрутило в узел. Она глядела на себя в зеркало, мысленно заставляя Эллис, которая возилась с прической, поторопиться. Итак, последние завершающие штрихи, и сейчас все будет готово. На Анне была надета диадема, и несколько шпилек кололи голову. Можно не сомневаться, вечер еще не кончится, как она заработает себе головную боль.

Анна бросила взгляд на позолоченные часы, стоявшие на камине. Циферблат поддерживали два мрачноватого вида херувима. В экипаже до Белгрейв-сквер было меньше пяти минут езды. Невежливо будет приехать намного раньше назначенного времени, но она не могла больше ждать.

Анна сама на себя удивлялась: прежде она редко испытывала воодушевление от выхода в свет. Но, с другой стороны, часто ли случаются такие события: она ведь целых двадцать пять лет ждала встречи с собственным внуком.

Правду ли говорило письмо леди Брокенхёрст? Анна не могла заставить себя до конца поверить.

«Каков, интересно, мальчик собой?» – думала она, поправляя алмазное *collier de chien*^[17]. Раньше у Чарльза были светло-голубые глаза, совсем как у Софии, но ведь все младенцы рождаются голубоглазыми, так что, вполне вероятно, цвет изменился. Анна помнила его запах, теплый, нежный, молочный, и его пухлые маленькие ножки, и коленки с ямочками, и крепкую хватку крошечной ручонки. Помнила все эмоции, которые пережила много лет назад: и обиду на то, что он лишил ее дочери, и невозможную, терзающую душу грусть, когда младенца забрали. Как одно маленькое, беспомощное человеческое существо может вызывать такие чувства? Анна взяла на руки Агнессу, которая сидела у ног хозяйки. Ее искренняя, безусловная любовь согревала душу – или, может быть, такса проявляла верность лишь в силу необходимости, понимая, что иначе останется без еды? Чувствуя вину за то, что усомнилась в преданности собаки, Анна поцеловала ее в нос.

– Готова? – спросил Джеймс, просунув в дверь лысеющую голову. – Сьюзен и Оливер уже ждут в холле.

– Мы не должны приехать туда первыми, – сказала Анна, улыбнувшись энтузиазму Джеймса: для него не было ничего желаннее, чем попасть на пышный светский прием, а немногие из приемов отличались

большей пышностью, чем «домашний вечер» в Брокенхёрст-Хаусе.

– Первыми мы и не приедем. На обед уже соберется целая толпа.

Замечание было вполне справедливым. Они находились, так сказать, во втором ряду приглашенных. Анна знала, что Джеймс душу продал бы, чтобы оказаться в списке гостей, приглашенных к обеду, но сегодня он был слишком воодушевлен, чтобы подобная мелочь испортила ему настроение. Было странно наблюдать, как в своем горячем стремлении быть принятым в Брокенхёрст-Хаусе муж словно бы забыл о главном, что связывает их семьи. Видимо, предполагалось, что они должны вести себя так, будто у них никогда и не было общего внука. Если Чарльз Поуп действительно появится на приеме, это станет для Джеймса отрезвляющим ударом, но волновать его сейчас не было смысла.

– Ну ладно. – Анна встала. – Эллис, принесите, пожалуйста, мой веер. Новый, «Дювельруа».

Несмотря на щедрость Джеймса, Анна мало интересовалась модой, но веера были одной из немногих ее слабостей. У нее собралась неплохая коллекция. «Дювельруа», изящно сделанный и расписанный вручную, был одним из лучших, и Анна приберегала его для особых случаев. Эллис подала веер госпоже. На нем была изображена французская королевская семья, которую десять лет назад возвела на трон революция. Анна засмотрелась на престарелого тучного монарха. Долго ли еще он будет держаться за эту беспокойную жизнь, которую символизирует коварная корона? А сколько времени она сама сможет хранить свою тайну? Как долго Тренчарды будут наслаждаться благоволением судьбы, пока все не рухнет?

Ее мысли прервал нетерпеливый голос Джеймса:

– Нельзя, чтобы лошади простыли.

Она кивнула и, прижимая веер к груди, попыталась успокоиться, пока шла вслед за бодро шагающим к лестнице мужем. Как она надеялась, как молилась, чтобы он понял, каких трудов ей стоило нарушить молчание.

«У меня не было иного выбора, – твердила себе Анна. – И может быть, со временем Джеймс меня простит».

Когда они спустились вниз, она поняла, что ошибалась, считая, будто муж выбросил эту историю из головы.

– Не забудь! – Джеймс легонько тронул жену за рукав. – Ничем не напоминай о том деле. Я категорически запрещаю!

Анна кивнула, но сердце у нее упало. Разумеется, в ту же секунду, как их с мистером Поупом представят друг другу, Джеймс поймет, что тайное стало явным. И что тогда? Бедняжка разрывалась между ужасом

разоблачения и трепетом ожидания.

Тут Анна заметила, что не она одна взбудоражена до предела. Сьюзен сегодня тоже была гораздо оживленнее, чем обычно. Она зачесала каштановые волосы наверх и надела *raging*^[18] из ожерелья, браслета и сережек. Но главное, невестка, вопреки своему обыкновению, не выглядела угрюмой и радостно улыбалась. Наконец-то Сьюзен удалось взять эту цитадель приступом, и она явно намеревалась выжать из своего успеха все возможное. Она три дня просидела с портнихой, добавляя последние штрихи к наряду. Наверное, это было слишком по-ребячески для молодой матроны, но результаты впечатляли: сегодня Сьюзен и впрямь выглядела невероятно хорошенькой. Анне пришлось это признать.

– Как чудесно у тебя лежат волосы, – любезно заметила свекровь.

Она искренне хотела начать вечер на дружеской ноте, но промахнулась. У Сьюзен в волосах сверкали бриллиантовые звезды, и они на самом деле выглядели очень красиво, но лицо женщины моментально помрачнело.

– Жаль, что у меня нет диадемы, – сказала она. – Я бы сегодня ее непременно надела.

– Надо будет потом это исправить, – рассмеялся Джеймс. – А теперь – все на борт!

И первым вышел на улицу, где у тротуара ждал экипаж. Анна решила пропустить замечание невестки мимо ушей. Право, не было ничего более утомительного, чем постоянное дотошное внимание со стороны Сьюзен. Сколько Анна потратила у модистки? Сколько сапфиров в этой брошке? Это была одна из причин, по которой Анне особенно не хотелось жить под одной крышей с сыном и его становившейся все более алчной женой.

Дорога до Брокенхёрст-Хауса заняла мало времени: с того момента, как две семейные пары Тренчард сели в экипаж, и до того, когда они вышли из него на углу Белгрейв-сквер, прошло всего несколько минут. Лакей открыл дверь и провел их мимо расшитых золотом диванов в холл с черно-белым мраморным полом, подвел к великолепной лестнице из зеленого малахита, вдоль которой с обеих сторон неподвижно стояли другие лакеи. С лестницы уже были слышны оживленные голоса гостей.

– Интересно, сколько народу Брокенхёрсты накормили до нас? – шепотом спросила Сьюзен у мужа, подбирая юбки.

– Гостей, похоже, полон дом.

Анна напрасно волновалась, что они приедут слишком рано. Когда Тренчарды прошли через двустворчатые двери гостиной, там уже было многолюдно. В дымке светлых шелков и громком шуршании тафты Анна

различила несколько знакомых очертаний, но большинство гостей она видела впервые. Ожидая, пока дворецкий их объявит, она, в надежде увидеть внука, снова осмотрела комнату, вглядываясь в пары и группы людей, поглощенных разговором. Знать бы еще, как этот внук выглядит! Она улыбнулась про себя, сообразив, что рассчитывает сразу узнать Чарльза, хотя зацепиться ей было не за что. Анна не сомневалась, что его выдаст какая-то характерная деталь – форма подбородка, длинные тонкие брови, как у Софии, – что-нибудь непременно поможет ей узнать родного человека даже в переполненном зале.

– Как хорошо, что вы пришли! – сказала графиня, стоявшая у большой вазы с благоухающими бледно-розовыми лилиями, и направилась навстречу Тренчардам.

– Леди Брокенхёрст, – поприветствовала хозяйку Анна, почувствовав, что голос ее прозвучал чуть испуганно. Она так увлеклась ожиданием Чарльза Поупа, что не в состоянии была думать ни о чем другом.

Графиня перехватила мечущийся по комнате тревожный взгляд гостьи – женщины, которая так долго держала в секрете существование их общего внука. Теперь пришел ее черед пребывать в неведении. Каролине потребовалась вся сила воли, чтобы скрыть торжествующий вид.

– Какие прекрасные цветы! – сказала Анна, пытаясь вести себя как подобает. Но на самом деле ей хотелось схватить эту неприятную женщину за руку и завалить ее вопросами: «Он и вправду придет? Каков он собой? Как же вы все-таки разыскали его?» Но вместо этого Анна лишь прибавила: – И запах совершенно божественный!

– Их сегодня утром привезли из Лимингтона. – Хозяйка охотно подхватила свою роль. – Кажется, мы не знакомы с вашим мужем.

– Леди Брокенхёрст, – сказала Анна, отступая в сторону, – позвольте представить вам мистера Тренчарда.

Он был совсем не таким, как ожидала графиня. Гораздо хуже. Впрочем, Каролина не слишком задумывалась, как этот человек может выглядеть. Она знала, что Тренчард занимается коммерцией, так что на многое и не рассчитывала, но Джеймс был ниже ростом, чем она предполагала, и гораздо упитаннее. За минувшие годы она часто слышала от сестры о красоте Софии и теперь могла предположить, что свои достоинства девушка явно унаследовала от матери.

– Леди Брокенхёрст, было очень любезно с вашей стороны пригласить нас в этот очаровательный дом, который поражает своей красотой! – Джеймс отвесил своеобразный полупоклон, столь же неуклюжий, сколь и неуместный.

Улыбка Анны застыла. Ее муж ничего не мог с собой поделать. Его заискивание и подбострастие ясно говорили всем присутствующим, что Джеймс Тренчард – а значит, и его жена – даже после стольких лет успешной карьеры чужие в гостиных Белгравии.

– Вовсе нет, – возразила леди Брокенхёрст. – Сомневаюсь, мистер Тренчард, чтобы наш дом мог вас удивить. Поскольку вы сами же его и построили.

Джеймс с преувеличенной готовностью засмеялся:

– Позвольте представить вам моего сына мистера Оливера Тренчарда и его супругу.

Сьюзен вышла вперед и склонила голову.

– Графиня, – сказала она, и Анна поморщилась от вульгарности ее обращения. – Какая прекрасная гостиния!

Леди Брокенхёрст кивнула в ответ.

– Миссис Тренчард, – осторожно сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал бесстрастно.

Девушка была довольно мила. Голубое платье и ленты в тон продуманно контрастировали с ее густыми каштановыми волосами. Но самый живой интерес графини вызвал муж Сьюзен. Значит, вот это и есть младший брат Софии: вполне вероятно, что он помнил сына Каролины, хотя, разумеется, и был слишком молод, чтобы присутствовать на том балу у графини Ричмонд.

– Скажите, мистер Тренчард, вы занимаетесь тем же, чем и ваш отец? – спросила леди Брокенхёрст.

– Оливер работает у меня, – встрял Джеймс, не заметив выражения лица невестки. – Вернее, надо сказать, работает со мной, – поправился он. – Мы как раз начали новое предприятие – застройку Собачьего острова.

– Собачьего острова? – Судя по виду леди Брокенхёрст, название ничего ей не говорило.

– Это в Восточном Лондоне.

– В Восточном Лондоне?

Недоумение леди Брокенхёрст росло. Можно было подумать, что они обсуждают какую-то неизвестную цивилизацию, недавно открытую в далеком уголке Занзибара. Но Джеймс ничего не заметил.

– Мы проектируем новую набережную: там будут деловые здания, дома для рабочих и даже квартиры для управляющих. И еще мы расширяем доки. Кораблям уже не хватает места.

Анна пыталась встретиться с Джеймсом глазами. Неужели нельзя остановиться и не говорить о делах? Но он как ни в чем не бывало

продолжал:

– Им нужно больше пространства для погрузки и разгрузки, ведь сейчас со всего мира к нам поступает столько товаров. Чем больше расширяется империя, тем больше...

– Понимаю, – одними губами улыбнулась леди Брокенхёрст. – Как увлекательно вы рассказываете. Но прошу меня извинить.

И под предлогом того, что необходимо кого-то друг другу представить, леди Брокенхёрст уплыла прочь, а Джеймс, Анна, Оливер и Сьюзен так и остались стоять у входа в гостиную, одни, ибо остальные игнорировали их присутствие.

– Странные люди, в разгар лета разжигают все каминны, – вполголоса проворчала Сьюзен, обмахиваясь веером. – Здесь можно задохнуться. Оливер, давай пройдем дальше.

Джеймс двинулся было вслед за сыном и невесткой, но Анна тронула мужа за руку, чтобы тот остался. Джеймс вопросительно посмотрел на нее.

– Давай лучше постоим здесь, – сказала она. – Посмотрим на вновь прибывающих. Вдруг среди них окажется кто-нибудь знакомый, можно будет поговорить.

Анна глянула на дверь. Как раз в этот момент вошла стройная девушка со светлыми кудрями и очень светлой кожей. Девушку сопровождала мать, столь же восхитительная красавица.

– Графиня Темплмор, – объявил дворецкий. – И леди Мария Грей.

Леди Темплмор была одета в синее платье из муарового шелка, с кружевным воротником и широкими юбками на кринолине из конского волоса. Но внимание присутствующих привлекла все же не она, а дочь. Кремовое платье изящно обнимало плечи девушки, гладкие и безупречные, как у мраморной статуи из коллекции лорда Элгина^[19]. Светлые волосы, разделенные пробором, были высоко подняты сзади и опускались по бокам (это называлось «уши спаниеля»), красиво обрамляя ее прехорошенькое личико. Анна смотрела вслед обеим дамам, пока они пробирались между гостями в смежную гостиную, поменьше.

– Мистер Тренчард?

Джеймс резко обернулся и увидел прямо перед собой одутловатого господина, втиснутого в сюртук. У незнакомца были крупное лоснящееся лицо, выдающиеся седые усы и длинный нос, который перекрещивали расширенные вены, похожие на ветви дерева. Этот человек явно питал слабость к долгим ночным попойкам с обилием портвейна.

– Я Стивен Белласис, – представился он.

– Сэр.

– Преподобный мистер Белласис – брат нашего хозяина, – тут же подсказала Анна. О семье Брокенхёрст она знала почти все.

Грейс неловко держалась позади мужа. Взгляд ее светло-карих глаз, устремленный куда-то в гущу собравшихся, казался отсутствующим. Губы супруга Стивена держала плотно сомкнутыми, а ее шелковое коричневое платье явно знавало лучшие времена.

– Миссис Белласис, – кивнул Джеймс. – Позвольте представить вам мою жену миссис Тренчард.

Анна вежливо кивнула. Взгляд Грейс переместился, оценив Анну и ее платье. Миссис Белласис выжала из себя слабую улыбку, которая практически не коснулась ее глаз.

– Вы, как я понимаю, работаете вместе с Кьюбитами, – сказал Белласис, который стоял, выставив одну ногу вперед. – То, что улицы Лондона в одночасье превратились в белую колоннаду, – это ваших рук дело.

– Ну, все произошло не настолько быстро. – Джеймс уже привык к подобным нападкам. Такие упреки и раньше неоднократно швыряли ему в гостиных Лондона, и Тренчард уже потерял счет, сколько раз ему приходилось отбиваться от обвинений в том, что он обставил столицу «свадебными тортами». – Преподобный отец, то, что мы делаем, привлекает людей.

– Бунты тоже привлекают людей, сэр. И революция привлекает людей. Это плохое доказательство.

– Разве вы не в восторге от Брокенхёрст-Хауса?

– Размер комнат и высота потолков здесь достаточны. Но не могу сказать, что предпочел бы его лондонскому дому моих родителей.

– А где он находится?

– На Хертфорд-стрит, в Мейфэре.

Джеймс кивнул:

– Я бы сказал, что новые дома в большей степени, чем старые, предназначены для приема гостей.

– Вот на чем вы сколотили состояние? На желании людей показать себя?

Грейс знала, что Стивен просто злится на то, что у этого странного невзрачного человека намного больше денег, чем у них, но ему не хватает честности признаться в этом открыто, даже самому себе.

Джеймс не нашелся что возразить, и тогда Анна взяла инициативу на себя:

– Посмотрите, сколько уже народу!

На этот раз Грейс была готова поддержать разговор:

– Мы слышали от леди Брокенхёрст, что вы были знакомы с нашим покойным племянником лордом Белласисом.

– Да, это так, – подтвердил Джеймс, благодарный ей за спасение. – Мы хорошо его знали. Но, боюсь, это было уже слишком давно.

– И вы присутствовали на том знаменитом балу?

– Если вы о бале герцогини Ричмонд, то да, присутствовали.

– Как интересно. Сейчас это уже легенда, – улыбнулась Грейс, полагая, что сделала достаточно, чтобы загладить ущерб, нанесенный грубостью мужа.

– Весьма печальная легенда, – кивнула Анна. – Ужасно думать о бедном лорде Белласисе, да и обо всех тех блестящих молодых людях, которые отправились из бального зала умирать.

Стивен начал сожалеть о своей бестактности. И зачем только ему понадобилось идти через всю комнату и оскорблять этого человека, когда тот вполне мог оказаться полезным?

– Вы совершенно правы. Гибель Эдмунда стала ужасной трагедией для всей семьи. Теперь от полного вымирания нас отделяет только мой сын Джон, по крайней мере по мужской линии. Вон он, разговаривает с хорошенькой девушкой в голубом.

Джеймс посмотрел в ту сторону, куда указывал Белласис, и увидел молодого мужчину, поглощенного оживленным разговором со Сьюзен. Она водила указательным пальцем по краю бокала с шампанским и смеялась, бросая на собеседника взгляды из-под ресниц.

– А хорошенькая девушка в голубом – моя невестка, – прибавил Джеймс, глядя, как Джон наклонился к Сьюзен и легонько коснулся ее руки. – Кажется, ваш сын сумел ее развлечь.

– Джон готовится объявить о своей помолвке.

Видимо, Грейс сказала это, чтобы пресечь подозрения в непристойном поведении сына, но эффект получился противоположный.

Анна невольно улыбнулась. Хорошо бы несчастная девушка, кем бы та ни оказалась, узнала, что связывает свою жизнь с дамским угодником.

– Какая это, должно быть, радость для родителей! – вслух сказала она.

– Можем ли мы узнать имя его нареченной? – спросил Джеймс, которому не терпелось продемонстрировать свое знакомство с высшим обществом.

– Леди Мария Грей. – Грейс бросила взгляд в сторону смежной гостиной. – Дочь покойного графа Темплмора, – прибавила она и удовлетворенно улыбнулась.

– Прекрасная новость! – с завистью воскликнул Джеймс. – Правда, Анна?

Анна прежде всего почувствовала жалость к очаровательной девушке, которую она только что видела. Слишком хороша для этого фата. Но Анна ничего не ответила, поскольку все ее внимание привлек молодой человек, внезапно появившийся в дверях. Высокий, темноволосый, голубоглазый, с благородной формы бровями. Это наверняка он! Точная копия Эдмунда Белласиса. Его можно было принять за брата-близнеца Эдмунда. У Анны пересохло во рту, а рука так сжала бокал, что побелели костяшки пальцев. Юноша остановился на пороге, явно не решаясь присоединиться к гостям и оглядывая комнату в поисках кого-то.

Леди Брокенхёрст с неторопливой грацией направилась к нему, ловко уклонившись по дороге от двух разговоров, чтобы поприветствовать только что прибывшего гостя. Анна заметила на лице молодого человека явное облегчение, когда наконец показалась хозяйка. А потом они повернулись и пошли в ее сторону. Как ей следовало себя повести? Что сказать? Анна столько раз представляла себе эту сцену, не только с момента получения письма от леди Брокенхёрст, но и многие годы до того. Как будет выглядеть их встреча?

– Миссис Тренчард, – начала леди Брокенхёрст, подплывая к ней, как галеон под всеми парусами. В голосе графини звучало победное ликование, которое она не сумела скрыть. – Позвольте представить вам моего нового знакомого, – она сделала паузу, – мистера Чарльза Поупа.

Но реакция мистера Поупа оказалась совершенно неожиданной. Вместо того чтобы поприветствовать Анну, он упорно смотрел мимо нее, туда, где стоял Джеймс, и несколько раз беззвучно открыл рот, как рыба.

– Мистер Тренчард, – произнес наконец молодой человек, – что вы здесь делаете?

– Мистер Поуп, – пробормотал Джеймс и выронил бокал.

Громкий звук бьющегося хрусталя немедленно остановил разговоры, и все присутствующие повернулись к группе людей у входа. В центре ее стоял Джеймс, взмокший, растревоженный, ошолбеневший и совершенно растерявшийся, с багровыми щеками и еще более яркими мочками ушей.

Первой пришла в себя, разумеется, леди Брокенхёрст.

– Так-так, забавно! – проговорила она, когда разговоры в комнате возобновились, а два лакея неслышно и деловито закружили вокруг, сметая с паркета стекло. – Я-то считала, что мистер Поуп – это мой секрет, а оказалось, мистер Тренчард, что вы с ним хорошо знакомы. Какая неожиданность! – рассмеялась она. – Давно ли вы знаете друг друга?

– Нет. Недавно, – замявшись, ответил Джеймс.
– Довольно давно, – одновременно с ним сказал Чарльз.
– Недавно? Довольно давно? – повторила леди Брокенхёрст, переводя взгляд с одного гостя на другого.

Анна повернулась к мужу. С того момента, как София объявила о своей беременности, она не чувствовала такого удара под дых. И на этот раз пинок оказался еще более безжалостным. Посещая на протяжении нескольких десятков лет пышные обеды и унылые приемы, где с ней говорили снисходительно и едва скрывая презрение, Анна научилась умело скрывать свои чувства, но сейчас у нее было такое лицо, какого Джеймс не видел за все сорок лет их брака. В ее расширившихся серых глазах ясно читалось понимание предательства и несправедливости, гнев на двуличность единственного человека, которому, как ей казалось, она может доверять.

– Да, дорогой, расскажи-ка нам, – сказала миссис Тренчард, едва только вновь обрела дар речи. – Как давно ты знаешь мистера Поупа?

Джеймс постарался преподнести все так, будто ничего особенного не произошло. Он встретил этого юношу, когда тот начал работать в Сити. Отец Чарльза приходился Джеймсу старым другом и в свое время просил его помочь мальчику советом, подсказать, как делать дела, когда Чарльз решил переехать в Лондон. Юноша произвел на Тренчарда самое благоприятное впечатление, и когда Джеймс услышал о планах Поупа купить фабрику в Манчестере, то понял, что может оказаться ему полезным: и в приобретении фабрики, и в поиске новых поставщиков хлопка.

– А где сейчас покупают хлопок? – спросила леди Брокенхёрст, помогая Джеймсу в его благородных попытках придать разговору обыденность. – Наверное, в Америке?

– Я бы предпочел получать его из Индии, если будет такая возможность, – ответил Чарльз.

– А я раньше торговал с Индией. – Джеймс почувствовал себя свободнее, вернувшись на знакомую почву. – Кое-что знаю о тех краях, и поэтому оказать помощь начинающему коммерсанту было вполне естественно. – Он даже попытался засмеяться, словно показывая, с какой легкостью между ними двоими установилась своего рода дружба.

– И как? – спросила Анна.

– Что «как»?

– Оказал помощь? – Ее голос был холоден как сталь.

– О да, и немалую! – подал голос Чарльз, не замечая летающих во все

стороны стрел и движения подводных течений. – Я изучал бухгалтерский учет в Гилфорде и там же начинал свою коммерческую деятельность, а потому считал, что способен преодолеть любые трудности. Однако когда я перебрался в Лондон, то вскоре понял, что прежде играл в совершенно иную игру. Вмешательство мистера Тренчарда спасло мое дело и помогло мне встать на ноги. Без его любезной помощи я бы не справился. Кстати, это то же самое предприятие, которым интересуетесь вы, леди Брокенхёрст.

– И каким же образом вы «интересуетесь»? – Анна повернулась и посмотрела на хозяйку.

Но Каролину было не так-то легко смутить.

– Надо же какой маленький город Лондон! – Она восторженно всплеснула руками.

– Простите меня, но я не вполне понимаю. – Анне труднее, чем когда-либо, было сдерживать гнев. – Вы и мистер Тренчард... – Она буквально не могла найти слов.

– Вместе ведем дела? – участливо подсказал Чарльз. – В каком-то смысле да, и я очень этому рад.

– И как давно это продолжается?

– Месяцев девять или десять. Однако мистер Тренчард много лет был добрым другом моего отца.

Джеймс с готовностью закивал:

– Да, незадолго до смерти отец мистера Поупа попросил меня помочь сыну. Этот человек был моим давним другом, и, конечно же, я очень серьезно отнесся к его просьбе и охотно ее исполнил.

Леди Брокенхёрст взяла Чарльза за локоть и потянула за собой. У нее были иные планы. Рядом с ней стоял ее внук, сын Эдмунда, и ничто не имело право испортить это мгновение.

– Мистер Поуп, – любезно сказала она, – вы должны познакомиться с лордом Брокенхёрстом.

Тренчарды остались одни. Некоторое время жена молча смотрела на мужа.

– Анна, я... – самым елейным тоном пролепетал Джеймс.

– Не желаю с тобой разговаривать, – прошептала она, готовая немедленно убежать прочь.

– Но ведь сама ты знала, что он здесь будет? – спросил Джеймс. – Почему же мне не сказала?

Анна замялась. Она не умела лгать. В отличие от своего мужа. А тот продолжил, распаляясь от удачно найденного довода:

– Ты рассчитывала увидеть его. Понятное дело, тебя удивило, что я

знаю Чарльза, но ведь ты-то ожидала, что он придет. Иными словами, ты ослушалась моих указаний и все рассказала хозяйке этого дома.

– Говори тише, – прошипела Анна, видя, как несколько гостей повернулись в их сторону.

– Я думал, мы договорились. – Шея Джеймса снова побагровела.

– У тебя нет морального права читать мне нотации, – парировала Анна и развернулась, чтобы уйти. – Ты скрывал от меня, что работаешь вместе с нашим внуком.

– Я с ним не работаю. Не совсем так. Я вложил средства в его дело. Помог мальчику советом. Неужели ты считаешь, что София была бы против?

– Мистер Тренчард! Вот вы где! Я вас искал, – слышался вкрадчивый голос преподобного мистера Белласиса. – Позвольте же познакомить вас с моим сыном, мистером Джоном Белласисом.

Джеймс ничего не мог понять. Что означало присутствие здесь Чарльза Поупа? И почему Стивен Белласис всеми силами старается представить ему своего сына? Может быть, все уже знают, что София приходилась Джеймсу дочерью? Что у него с лордом Брокенхёрстом общий незаконнорожденный внук? Сердце бешено колотилось в груди Тренчарда, когда Джон шагнул к нему и протянул руку.

А леди Брокенхёрст тем временем ходила с Чарльзом от одного гостя к другому. Казалось, она не может удержаться от того, чтобы не похвастаться юношей, и будь она менее сдержанна, возможно, призвала бы всех к молчанию и объявила о его присутствии во всеуслышание. Вместо этого она водила Поупа, как жеребца, победившего на скачках, и молодой человек останавливался, улыбался и любезно кивал, когда она бомбардировала его многочисленными именами и титулами. Всем, кто хорошо знал леди Брокенхёрст, картина представлялась странной. Каролина была не из тех женщин, которые продвигают своих фаворитов, находят гадких утят, а потом выдают их миру в виде прекрасных лебедей. Начинаящий коммерсант мистер Поуп казался вполне славным юношей, и никто не желал ему зла, но что задумала леди Брокенхёрст, превознося добродетели этого скромного торговца хлопком?

Поскольку уйти домой Анна не могла, ей оставалось только перемещаться по залу, заводить светские разговоры и тянуть время, пока не придет пора откланяться. Если покинуть Брокенхёрст-Хаус в разгар суаре, то это неизбежно вызовет сплетни, а сплетни – последнее, что сейчас нужно было Тренчардам.

Леди Брокенхёрст представляла Чарльза многим значительным лицам.

«Какой очаровательный юноша! – думала Анна. – Выдержанный, образованный и, похоже, скромный и добрый. Преподобный мистер Поуп с женой не просто дали Чарльзу образование, но и научили его хорошим манерам. Как бы любила сына София!» Анна просияла гордостью, но тут же одернула себя. Чем ей гордиться? Бабушка, отдавшая внука на воспитание в чужую семью...

А Джону тем временем нестерпимо хотелось отделаться от общества этого вздорного невысокого человечка, который упорно – и весьма пространно – объяснял ему хитросплетения своих деловых операций в Ист-Энде. Конечно, Джона интересовали деньги как таковые, но прилагать усилия, чтобы их заработать, – нет, это его не привлекало. Зачем трудиться, если ему и так уже улыбнулась удача: со временем он непременно унаследует титул и значительное состояние. Пусть отец, который сам начисто лишен способности зарабатывать деньги, восхищается деловыми людьми, но для Джона все обстоит иначе. Ему нужно только подождать. И кто станет осуждать юношу за то, что он развлекается в ожидании богатства? Азартные игры не слишком привлекали Белласиса-младшего, тем более что он имел перед глазами печальный пример отца. Джон питал слабость к женщинам и был большим ценителем красоты. Вне светского общества устроить себе подобное развлечение было сравнительно просто, пусть и накладно. Что же касается респектабельных дам, то тут он склонялся к когорте замужних. Легче всех сдавались скучающие жены, и впоследствии забота о репутации мешала любовницам требовать от Джона больше, чем он был расположен им дать. Угроза скандала крепко держала в рамках даже самых строптивых женщин.

Грядущая помолвка с Марией Грей не особенно повлияла на поведение молодого повесы. Да, Мария была чудо как хороша, и Джона это радовало. Но, по правде сказать, она оказывалась все более и более требовательной и даже – он не мог точно подобрать слово – более интеллектуальной, что ли, чем ему раньше казалось. Молодой человек начинал подозревать, что нареченная находит его – опять-таки, подходит ли здесь это слово? – неинтересным. И это уязвляло тщеславие юноши: еще бы, какая-то девчонка считает его, Джона Белласиса, одного из самых завидных женихов Лондона, скучноватым! Именно поэтому, хотя Мария тоже присутствовала на вечере и он ежеминутно рисковал нарваться на неприятности, Джон не мог оставить без внимания столь явные прелести Сьюзен Тренчард.

Сьюзен вела оживленную беседу с каким-то дипломатом из страны, о которой никогда прежде не слышала, и вдруг заметила, что Джон следит за

ней. Тот подмигнул молодой женщине, и, конечно, Сьюзен следовало бы осудить его, но выразить неодобрение было трудно, и она начала хихикать. Ее собеседник сперва был озадачен, а затем, заметив топтавшегося позади Джона, оскорбился. Коротко извинившись, посланник пошел прочь.

– Мы снова встретились, – сказал Джон, подходя к Сьюзен поближе.

– И правда, мистер Белласис, – улыбнулась она, и ленточки в волосах дрогнули от восторга. – Ну вот, теперь вы заставили меня обидеть милейшего барона, не помню, как его там. А я ведь вела себя совершенно благопристойно.

– Ручаюсь, что ваше поведение всегда благопристойно, – рассмеялся Белласис и вдруг воскликнул: – Скорее! – Он потянул Сьюзен за дверь, в карточную комнату, где было гораздо менее многолюдно, чем в покинутой ими гостиной. – К нам приближался один страшный зануда, в прошлый раз я целых полчаса пытался от него вырваться.

Сьюзен проследила за его взглядом.

– Вообще-то, этот зануда – мой свекор.

– Как вам не повезло! – рассмеялся Джон, и она невольно рассмеялась вслед за ним.

– Знаю я таких людей, как вы, мистер Белласис. Заставляете бедных женщин говорить вещи, которые они говорить совсем не собирались.

– Это еще что! Я надеюсь, что также смогу заставить вас делать вещи, которые вы совсем не собирались делать.

Произнося эти слова, молодой человек пристально смотрел Сьюзен прямо в глаза, так что ей начало казаться, будто она погружается в какую-то очень глубокую пучину. Джон мысленно спросил себя, стоит ли ему предпринимать дальнейшие шаги. Он склонялся к тому, что для одного вечера уже вполне достаточно. Сьюзен была хорошенькой и при этом вовсе не казалась неприступной, но спешить ни к чему. За все время их разговора она лишь мельком упомянула мужа, следовательно, ее с уверенностью можно было отнести к категории скучающих жен. Но сейчас лучше было разойтись. Нет смысла давать повод для толков, когда еще ничего не произошло.

Мария Грей бесцельно бродила по комнатам. Ее мать разговаривала со своей престарелой тетушкой, и вместо того чтобы присоединиться к их беседе и в очередной раз выслушать, как удивительно, что с последней встречи девочка так выросла, Мария решила полюбоваться на висевший над камином портрет молодой графини Брокенхёрст работы Бичи. Но вскоре пышущий жар камина стал ей нестерпим, и она ретировалась на террасу.

– Прошу прощения, – сказала девушка, шагнув в прохладный воздух июньской ночи. – Я не хотела вам помешать.

Заслышав шаги, Чарльз Поуп обернулся. Он стоял у белой каменной балюстрады и задумчиво глядел на площадь.

– О нет, – ответил он. – Боюсь, это я вам мешаю. Если вы хотели побыть одна...

– Ничего подобного.

– Подозреваю, ваша матушка предпочла бы видеть вас в одиночестве. А никак не наедине с незнакомым мужчиной, которому вас даже не представили, – произнес Чарльз с лукавым видом.

Марию незнакомец заинтриговал.

– Моя матушка поглощена разговором с моей двоюродной бабушкой, от которой не вырваться без боя.

На этот раз он рассмеялся:

– Тогда, пожалуй, стоит представиться друг другу самим. Чарльз Поуп. – Он протянул руку, и Мария пожала ее.

– Мария Грей, – сказала она и улыбнулась.

Повисла пауза, во время которой оба обратили взгляды на лежавшую внизу площадь. Тротуары были почти пусты, но вдоль них стояли экипажи; какая-то лошадь изредка била копытом по земле, но с того места, где стояли Мария и Чарльз, привычный лязг металлических подков по камню был едва различим.

– Ну а вы от кого здесь скрываетесь? – наконец спросила она.

– Это так заметно?

Мария вдруг поймала себя на том, что изучает лицо собеседника. Тот был весьма привлекательным молодым человеком, но, похоже, в отличие от Джона, не отдавал себе в этом отчета. Это ей понравилось.

– Мне было так жаль вас, когда наша хозяйка водила вас по залу, всем демонстрируя. Откуда вы знаете Брокенхёрстов? Они ваши родственники?

– Боже мой, нет, конечно! – Чарльз покачал головой и внимательно посмотрел на милую девушку: она так уверенно чувствовала себя в окружении, которое для него самого было пугающе чуждым. – Я оказался здесь совершенно случайно. Я очень простой человек, самый заурядный.

Марию его откровение несколько не поразило.

– Что ж, леди Брокенхёрст, судя по всему, с вами не согласна. Я никогда не видела ее в таком воодушевлении. Хотя, вообще-то, графиня не склонна проявлять чувства.

– Вы правы: леди Брокенхёрст по какой-то причине заинтересовалась мной, хотя, почему это произошло, я сказать не могу. Она хочет вложить

деньги в предприятие, которое я основал.

Это было уже нечто совершенно из ряда вон выходящее.

– Леди Брокенхёрст хочет вложить деньги в деловое предприятие? – ахнула девушка.

Если бы Чарльз сообщил, что хозяйка особняка хочет прогуляться по Луне, Мария вряд ли изумилась бы больше.

– Разделяю ваши чувства. Мне тоже это непонятно, – пожал плечами Чарльз. – Но такое впечатление, что графиня загорелась этой идеей.

– А в чем состоит идея?

– Я купил в Манчестере ткацкую фабрику. Теперь мне нужно наладить поставки более качественного хлопка, а для этого необходимы дополнительные фонды. Леди Брокенхёрст собирается ссудить мне определенную сумму. Не думайте, она не останется внакладе, ибо вернет все с лихвой. Вот увидите.

– Нисколько не сомневаюсь! – Мария была тронута этим явным желанием произвести хорошее впечатление.

Чарльз видел ее веселое удивление. Может быть, он повел себя невежливо? Вряд ли этой красивой молодой женщине интересно слушать о его коммерческих делах. Разве не учили его никогда ни с кем не обсуждать денежные вопросы? И прежде всего, с леди?

– Не знаю, зачем я это сказал. Кажется, теперь вы знаете обо мне все, что возможно.

– Не совсем. – Мария пристально всматривалась в него. – Я думала, индийское производство хлопка находится в полном хаосе. Говорят, доставлять оттуда сырье слишком дорого и себя не окупает. Разве большинство фабрик не перешло на американский хлопок?

Теперь настал черед изумиться Чарльзу.

– Но откуда вам это известно?

– Меня интересует Индия, – улыбнулась Мария. Было приятно его удивить. – Мой дядя служил губернатором Бомбея. К сожалению, пока он занимал этот пост, я была слишком мала, чтобы навестить его, но он прекрасно осведомлен обо всех достоинствах и недостатках этой страны. До сих пор читает индийские газеты, хотя и получает их с опозданием на три месяца. – Мария рассмеялась, и Джон подивился тому, какие ровные и белые у нее зубы.

– Я никогда там не бывал, но полагаю, что это страна с великим будущим.

– В составе Империи. – Произнесла ли она это с неодобрением? Чарльз не разобрал.

– В составе Империи – сейчас, но не навсегда, – сказал он. – Как зовут вашего дядю?

– Лорд Клэр. Он жил в Индии с тридцать первого по тридцать пятый год. Привозил домой шелк, самый тонкий, какой я только видела, и драгоценные камни – просто завораживающей красоты! Вы знаете, что у индийцев есть колодцы, в которые нужно спуститься на тысячу ступеней, прежде чем вы доберетесь до воды? И города, где небо полно воздушных змеев? И храмы, сделанные из золота? Я слышала, там не хоронят своих мертвых, как у нас. Их сжигают или спускают по реке. Мне всегда хотелось поехать в Индию!

Чарльз вглядывался в ее чистые синие глаза, восхищался нежностью ее губ и изгибом волевого подбородка. Никогда еще ему не встречалась столь очаровательная девушка.

– Вы уже знаете, с каким именно регионом Индии будете вести дела? – продолжила Мария, заметив взгляд юноши, но еще не решив, как его воспринимать.

– Пока нет. Думаю, с севером...

– Ага! – Воодушевление окрасило девушке щеки, и Джеймс подумал, что в жизни не видел никого красивее. – Тогда на вашем месте я бы обязательно посетила Тадж-Махал в Агре, – сказала она, тихонько вздохнув. – Его называют самым прекрасным из когда-либо построенных памятников любви. Падишах Империи Великих Моголов был так сражен горем после смерти своей возлюбленной жены, что приказал выстроить мавзолей. Боюсь, жен у него было несколько, что мы, разумеется, решительно осуждаем. – Мария рассмеялась, и Чарльз вместе с ней. – Но она была любимой женой. Как утверждают, мрамор мавзолея меняет цвет: от ярко-розового утром до молочно-белого вечером и золотого, когда он освещен луной. Легенда гласит, что оттенок отражает настроение женщины, которая видит этот храм.

Чарльз Поуп был покорен. Эта манера двигаться и говорить, незаурядный ум, то, как пленительно она не осознавала собственной красоты.

– А мужчины, которые видят мавзолей? – спросил Чарльз. – Что происходит с ними?

– Потеряв ту самую женщину, они вдруг понимают, что найти ей замену гораздо сложнее, чем им казалось.

Они все еще смеялись, когда послышался голос:

– Мария?

– Да, мама, – обернулась девушка.

В дверях вырисовывался силуэт леди Темплмор.

– Нас зовут ужинать, – сказала она, смерив Чарльза взглядом с головы до ног. Было очевидно, что молодой человек не снискал ее одобрения. – Пора найти Джона. Я за весь вечер не перекинулась с ним и парой слов.

И мать с дочерью тут же удалились. Чарльз неподвижно стоял, зачарованно глядя туда, где сидела Мария, и очнулся лишь с появлением леди Брокенхёрст, которая, отыскав юношу на балконе, настойчиво позвала его с собой: только что начали подавать ужин.

Гости столпились в обеденном зале, где уже накрыли льняными скатертями круглые столики, поставили на них серебряные канделябры, тарелки ручной росписи и хрустальные графины. Чарльз никогда не видел такой роскоши. Он знал, что в высшем обществе жизнь устроена на широкую ногу, и слышал, что леди Брокенхёрст славится своими приемами, но подобного размаха увидеть не ожидал.

– Мистер Поуп, – сказала она, указывая на место рядом с собой, – вы сядете здесь.

За столом оставалось всего четыре свободных стула. Чарльз лихорадочно озирался. Может быть, хозяйка все-таки пригласит на это почетное место кого-нибудь другого? Он почувствовал, что краснеет. Графиня постучала по сиденью сложенным веером и улыбнулась, подняв глаза на Поупа. Тому ничего не оставалось, как принять приглашение. Гости приходили и уходили, а лакеи сновали по залу, и вскоре Чарльз уже принялся за тарелку охлажденного супа. Вслед за тем появились холодный мусс из лосося, куропатка, закуска из оленины, ананасы, мороженое и, наконец, засахаренные фрукты. Угощение подавалось на новый манер, «à la Russe»^[20], когда лакеи подносят очередное блюдо и встают слева от гостя, чтобы тот мог взять, что ему хочется. И все это время леди Брокенхёрст была исключительно мила, упорно вовлекала Чарльза в разговор и даже однажды остановила проходившего мимо мужа, чтобы тот выслушал, как Поуп рассказывает о своих планах.

– Что это задумала моя невестка? – сокрушался Стивен Белласис, обращаясь к сыну, который сидел по другую руку от Анны Тренчард. Из-за этого Анна оказалась втянута в разговор, хотя не имела ни малейшего желания поддерживать беседу. – Почему она так суетится вокруг этого ничем не примечательного юнца?

– Не понимаю, – покачал головой Джон.

– В этом зале по крайней мере три герцога, но когда они посмотрели на место по правую руку от нашей дражайшей хозяйки, то увидели, что оно

занято каким-то... А кстати, кем? Кто он вообще такой? – рассуждая вслух, Стивен не забывал сражаться со слишком жесткой куропаткой.

– Думаю, миссис Тренчард знает ответ. – Джон повернулся к соседке. – Миссис Тренчард, этот юноша ведь работает у вашего мужа?

Анна немало удивилась: до сего момента мистер Белласис даже намеком не выдал, что знает, кто она такая.

– Нет, этот молодой человек не работает у моего мужа, – покачала головой миссис Тренчард. – Он работает сам на себя. Они просто знакомы. Может быть, у них есть некие общие интересы. Не более того.

– Значит, вы не можете объяснить воодушевления леди Брокенхёрст?

– Боюсь, что нет.

Анна бросила взгляд на столик, где сидела хозяйка дома. Каролина вела рискованную игру. Даже Джон Белласис заметил, какое внимание она уделяет внуку, и Анна начинала тревожиться. Известна ли правда лорду Брокенхёрсту? Если нет, то наверняка в ближайшее время он обо всем узнает, раз уж его жена решила вести себя столь несдержанно. Сколько времени пройдет до того, как их семейная тайна станет всеобщим достоянием? Как скоро репутация Софии будет порвана в клочья и все, ради чего они не жалели сил, руинами ляжет к их ногам? Анна встретила взглядом с мужем. Джеймс сидел напротив нее, а справа и слева от него – Оливер и эта нудная Грейс. Джеймс поймал взгляд жены и кивнул, давая понять, что видит, как опасно все складывается.

– Полагаю, ваша тетушка интересуется одним из предприятий мистера Поупа, – наконец предположила Анна, оставив свою куропатку и пожалев, что не взяла еще лососевого мусса. Тот, по крайней мере, был мягкий, так что его легко было проглотить. Как оказалось, она едва смогла заставить себя что-нибудь съесть.

– Я веду дела с местным мясником, – возмущенно произнес Джон. – Но я же не приглашаю его за обеденный стол.

– Мне кажется, мистер Поуп не то же самое, что соседский мясник, – как можно дипломатичнее ответила Анна.

– Вот как? – спросил Белласис-младший, глядя через весь зал на Сьюзен и улыбаясь.

Она была вне себя от злости, что ей не достался последний стул за столом Джона, и пыталась довольствоваться обществом нескольких политиков, которые ее игнорировали. Но теперь, после того как Джон послал ей улыбку, Сьюзен была готова запеть от радости.

Было уже пора собираться, когда Анне удалось наконец перемолвиться

с хозяйкой. Да и то пришлось буквально поймать ее на площадке главной лестницы и увести в обрамленную колоннами оконную нишу.

– Что вы делаете? – прошептала Анна.

– Знакомлюсь поближе с внуком, которого вы четверть века от меня скрывали.

– Но зачем же делать это так публично? Разве вы не видите, что половина зала спрашивает, кто такой этот странный молодой человек?

– Конечно вижу, – холодно улыбнулась графиня. – Мне, в отличие от вас, беспокоиться не о чем.

И тут Анна поняла, в какую западню угодила. Леди Брокенхёрст пообещала, что происхождение Чарльза останется в секрете, и долг чести велел ей держать слово, но ничто не мешало графине позволить остальным догадываться об истине. Перед смертью ее сын завел в Брюсселе интрижку. Что в этом предосудительного в глазах общества? Ровным счетом ничего. Всего лишь позволил себе легкое увлечение до свадьбы. В этих переполненных залах, вероятно, мало найдется мужчин, не отметившихся аналогичным поступком. Пусть сегодня незаконнорожденный отпрыск джентльмена и не так легко принимается обществом, как столетие назад, но в любом случае это не преступление. А если кто-то позволит себе высказать догадку, то не рассчитывает же миссис Тренчард, что леди Брокенхёрст станет лгать, покрывая ее? Пусть леди Брокенхёрст и не собирается ничего рассказывать по собственной воле, но едва ли от нее можно требовать, чтобы она все отрицала.

– Вы хотите, чтобы люди сами обо всем догадались, – сказала Анна, у которой внезапно пелена спала с глаз. – Вы хотите, чтобы они догадались и чтобы мы это видели.

Каролина Брокенхёрст уже не испытывала к этой женщине такой неприязни, как поначалу. В конце концов, Анна привела ее к Чарльзу, и за это одно стоит быть ей благодарной или хотя бы проявить снисхождение.

– Кэткарты уходят, – заметила Каролина, бросив взгляд в зал. – Вы простите меня, если я пойду с ними попрощаюсь?

С этими словами она удалилась, спускаясь по лестнице так плавно, словно скользила по ступенькам, едва касаясь их.

Обратный путь до Итон-сквер показался вечностью. Все пассажиры экипажа были настолько переполнены событиями вечера, что никто не проронил ни слова. Кучера Альберта Кверка обычно больше интересовали непостоянство природных стихий да крепость коньяка во фляжке, чем смена настроений хозяев, которым он служит, но в этот вечер и он не мог

не почувствовать общей атмосферы.

– Если такими возвращаться с вечеринки, так, по мне, лучше уж дома сидеть, – сказал он миссис Фрэнт, усаживаясь за стол в людской с большой кружкой чая. – Вы согласны, мисс Эллис?

Но та ничего не ответила, продолжая пришивать оторванную пуговицу.

– От мисс Эллис вы ничего не добьетесь, – хмыкнув, сурово произнесла миссис Фрэнт.

– Так и подобает вести себя камеристке леди, – кивнул мистер Кверк. На самом деле он даже одобрял мисс Эллис.

Как известно, нападение – лучший вид обороны. Когда открылось, что Джеймс тайком вел дела с Чарльзом, он решил возложить всю ответственность на жену. Если бы она хранила их общий секрет, ничего бы не произошло.

Что, разумеется, было справедливо, но весьма кстати прощало ему грех двойной жизни: сам он был знаком с внуком, наслаждался его обществом, а супругу держал в неведении.

Анна не могла даже смотреть на Джеймса. Ей казалось, что мужа, которого она знала и любила, похитили злые феи, подсунув вместо него какого-то совершенно чужого человека.

Оливер не меньше сердился на свою жену, но по более традиционным причинам. Сьюзен весь вечер не обращала на него внимания, непрестанно флиртуя с Джоном Белласисом, который едва снизошел до того, чтобы заметить Оливера. И отец тоже порядком разозлил его. Почему лицо Джеймса просветлело, как только Поуп вошел в комнату? Да кто он вообще такой, этот парень?

Что до самой Сьюзен, то она пребывала в смятении: после унылой жизни в семействе, куда она вошла после замужества, мир, о котором она так долго мечтала и который наконец ей позволили увидеть, показался молодой женщине просто сказочным. Эти сверкающие золотом просторные гостиные и лестницы, величественные галереи и обеденные залы, битком набитые титулованными особами: какие имена, словно читаешь учебник английской истории... А потом еще и Джон Белласис! Сьюзен искоса глянула на сидевшего рядом в экипаже Оливера. Видно было, что муж того и гляди сорвется, но ей было все равно. Она вгляделась в его рыхлое недовольное лицо и с тоской подумала о другом лице, совершенно на него не похожем, на которое она смотрела совсем недавно. Сьюзен знала, что Оливер сердится, а все потому, что он не привык к обычаям света. В высшем обществе никто не упрекнул бы респектабельную замужнюю даму

за легкий флирт, за приятный вечер, проведенный в обществе умного и обаятельного незнакомца. Ну, не совсем незнакомца. Сьюзен призадумалась: неужели ей не доведется ничего больше узнать о мистере Джоне Белласисе? Экипаж остановился. Они приехали.

– Благодарю вас, Уильям. Далее я справлюсь сам. Можете быть свободны.

Оливер любил говорить со своими слугами так, будто играл роль в театре Хеймаркет. Но Билли уже привык, и ему, вообще-то, нравилось быть камердинером. Пусть даже у мистера Оливера. Все лучше, чем драить серебро и прислуживать за столом. Билли не сомневался, что потом, когда будет готов уйти, сможет получить место настоящего камердинера в благородном семействе. Дело верное.

– Хорошо, сэр. Вас разбудить утром?

– Приходите в девять. Опоздаю завтра на службу, но, думаю, меня простят, после той ночи, которую я пережил.

Билли, естественно, очень хотелось услышать подробности, но мистер Оливер уже стоял в халате, так что шанс был упущен. Может быть, удастся поднять эту тему на следующий день. Чуть склонив голову, слуга удалился, тихонько притворив за собой дверь. Оливер подождал несколько минут, дав волю раздражению на весь мир: на Сьюзен, на Чарльза Поупа, на своего глупого камердинера, который и не камердинер даже, а так, лакей. Затем, решив, что Билли уже должен был уйти из коридора, Оливер снял халат и без стука вломился в спальню жены.

– Ой! – испуганно вскрикнула Сьюзен. – Я думала, ты уже спишь.

– Ужасный вечер. – Оливер изрыгнул эти слова, словно выбил пробку из бочки. В каком-то смысле так оно и было.

– А мне показалось, что было интересно! Какие гости – грех жаловаться! Должно быть, половина кабинета министров, и я точно видела маркизу Аберкорн, она разговаривала с кем-то из министерства иностранных дел. По крайней мере, мне показалось, что это она, только в жизни маркиза намного красивее, чем на портрете, который выгравирован на...

– Прием был просто отвратительный! И благодаря тебе он оказался еще хуже!

Сьюзен глубоко вздохнула. Еще один семейный вечер. Она спиной почувствовала, как ее служанка Спир не дыша застыла у двери. Ей очень хотелось, чтобы про нее забыли: хозяйка прекрасно знала эту ее уловку.

– Спир, вы можете идти, – сказала она, стараясь говорить ровно и

непринужденно. – Я вызову вас позже. – Разочарованная камеристка вышла, и Сьюзен повернулась к Оливеру. – Ну что там такое стряслось?

– Ты бы знала, если бы целый вечер не таращилась в глаза этому надушенному идиоту!

– Мистер Белласис был надушен? Я и не заметила.

Но замечание мужа заинтересовало ее, поскольку по этим словам было понятно, что Джон не главная причина его гнева.

– Будешь вести себя как потаскуха, все и будут относиться к тебе соответственно. Думаешь, получила карт-бланш? Да ничего подобного! Если ты бесплодна, это еще не значит, что можно пускаться во все тяжкие.

Некоторое время Сьюзен молчала, собираясь с мыслями. Разговор становился более неприятным, чем она рассчитывала. Она спокойно посмотрела на Оливера:

– Тебе надо лечь. Ты устал.

Он уже жалел о своих словах. Хорошо зная мужа, Сьюзен видела это. Однако на извинения рассчитывать не стоило: не тот человек. Вместо этого Оливер счел за благо переменить тему:

– Кто вообще такой этот Поуп? Откуда он взялся? И почему отец вкладывает деньги в его дело? Вот скажи: в мое дело он когда-нибудь вкладывался?

– У тебя нет дела.

– Не важно! И почему леди Брокенхёрст все время водила Поупа по гостиной, как циркового пони? Как ему удалось заинтересовать графиню? С тобой или со мной она за весь вечер и словом не перекинулась, даже для приличия. – Его голос прерывался, и в какой-то момент Сьюзен испугалась, вдруг муж сейчас заплачет.

Оливер начал ходить по комнате туда-сюда. Сьюзен следила за ним, перебирая в уме впечатления от посещения Брокенхёрст-Хауса. Она и вправду считала, что вечер прошел прекрасно. С Джоном было весело. Он заставил Сьюзен почувствовать себя привлекательной, значительно более привлекательной, чем она считала себя многие годы, и это ощущение было исключительно приятным.

– Мне понравился преподобный мистер... – Она вопросительно глянула на мужа, словно бы имя вылетело у нее из головы. – Белласис! Ну конечно. Отец мистера Белласиса. Такая славная семья.

Сьюзен попыталась представить все так, будто в ее долгой беседе и неприкрытом флирте с Джоном не было ничего особенного. Может быть, Оливер окажется настолько поглощен своим гневом на мистера Поупа, что примет ее невысказанное оправдание.

– Ты хоть знаешь, кто он такой?

– Про кого ты говоришь? – Сьюзен не понимала, о чем толкует муж. – Про преподобного мистера Белласиса?

Оливер посмотрел на жену. Неужели она и впрямь не знает, кто этот человек? Когда дела отца пошли в гору, Оливер не терял времени даром и познакомился с историей большинства старинных аристократических семей. Правда, ему казалось, что он тогда посвящал во все и Сьюзен. Но нет, похоже, она даже не догадывается.

– Преподобный Белласис – младший брат лорда Брокенхёрста и его законный наследник. Хотя, скорее, все унаследует его сын Джон, поскольку лорд Брокенхёрст выглядит куда более крепким, чем младший брат.

– Джон Белласис будет следующим?.. – Сьюзен задумчиво умолкла. В мечтах она уже летела вниз по волшебному склону, уносясь в свои фантазии.

– Да, следующим графом Брокенхёрстом, – кивнул Оливер. – Единственный сын нынешнего графа погиб при Ватерлоо. А других наследников нет.

Время медленно приближалось к трем часам ночи, когда леди Брокенхёрст наконец села у зеркала и сняла алмазные серьги, пока служанка Доусон вытаскивала у нее из волос шпильки.

– Кажется, всем очень понравился вечер, ваша светлость.

Доусон осторожно вынула последние шпильки и подняла тяжелую диадему. Каролина встряхнула головой. Она любила носить свои драгоценности, ей нравилось их великолепие, но когда можно было их снять, наступало облегчение и чувство свободы. Каролина почесала голову и улыбнулась.

– Мне кажется, я постаралась на славу, – лучась удовольствием, заявила она.

В дверь легонько постучали. Появилась голова лорда Брокенхёрста.

– Можно?

– Ну конечно, – ответила жена.

Он вошел в комнату и опустился в ближайшее кресло:

– Как хорошо, когда они все наконец уходят!

– Мы как раз говорили о том, как удачно все прошло.

– Пожалуй. Но нельзя же на протяжении вечера бесконечно осведомляться о здоровье, выражать восторг по поводу беременности королевы и спрашивать, как вы собираетесь провести лето. Кстати, что это за торговец хлопком? Где ты его откопала? И что этот юноша здесь делал?

Каролина внимательно взгляделась в зеркале в отражение лица своего мужа. Догадался ли он? Неужели не заметил, насколько Чарльз похож на их дорогого Эдмунда? Те же глаза. Те же длинные пальцы. Тот же смех. Этот мальчик, несомненно, Белласис. Неужели это не очевидно?

– Ты имеешь в виду мистера Поупа?

– Поуп? Так его зовут? – Перегрин пригладил усы и поморщился: ботинки жали. – Ну что ж, – задумчиво сказал он, разглядывая акварель жены, на которой был изображен Лимингтон-Парк, – он показался мне славным малым, гораздо интереснее, чем дамы, с которыми ты усадила меня за ужином, но я до сих пор не понимаю, с какой стати он целый вечер торчал в нашей гостиной.

– Чарльз Поуп меня заинтересовал.

– Но чем?

– Видишь ли... – Каролина остановилась; замерла и Доусон. Держа одну щетку в правой руке, а другую – в левой, камеристка с любопытством наклонила голову. Самым интересным в ее работе было помогать хозяйке раздеваться после вечера в свете. Небольшое количество вина всегда развязывало языки, а мелкие намеки были хорошей разменной монетой в разговорах среди прислуги. – Дело в том, что...

Но тут Каролина перехватила взгляд Доусон и прикусила язык. Больше всего на свете ей хотелось рассказать мужу правду, но она дала слово. Распространяется ли клятва на мужей и жен? Разве, утаивая друг от друга секреты, супруги не нарушают одну из библейских заповедей? Но даже если и так, Каролина понимала, что не подобает пускать имя Чарльза по волне сплетен и говорить о нем в присутствии прислуги. Доусон, как правило, не отличалась болтливостью, но на благоразумие камеристки никогда нельзя положиться. Доусон могла промолчать, но могла с тем же успехом разболтать новость по всей Белгравии: в пять часов как раз должен прийти от мясника посыльный с окороком. Слуги хуже крыс: ходят из дома в дом, разносят слухи, рассказывая хозяйские тайны кому попало. Каролина знала, как они любят поболтать там у себя внизу, даже самые преданные из них. Нет уж, лучше промолчать. Потом – может быть, но сейчас мужу ничего говорить нельзя. И графиня прибегла к испытанному способу: переменила тему.

– Мария Грей превратилась в хорошенькую девушку, – сказала она. – Раньше всегда была такая серьезная, вечно зарывалась в книги. Теперь она просто красавица.

– Угу, – согласился Перегрин. – Повезло Джону. Надеюсь, он ее заслуживает.

Он скинул ботинки, собираясь с духом, чтобы отправиться в кровать.

– Мария ведь недавно пережила смерть отца.

– Да, страшное дело. Но, похоже, она не очень убивалась.

Доусон продолжила распутывать локоны леди Брокенхёрст. Она уже слышала эту историю: как лорд Темплмор на охоте упал с лошади и разбил голову о камень.

– Леди Темплмор очень хвалила Реджи.

– Какого еще Реджи?

– Это ее сын, брат Марии. Она рассказывала мне, что он фактически ведет все хозяйство в поместье. А ведь ему всего двадцать лет. Правда, леди Темплмор говорит, что у них хороший управляющий, но тем не менее.

– Если этот Реджи хочет уберечь поместье от судебных приставов, хорошего управляющего ему будет мало, – хмыкнул Перегрин. – Полагаю, долги после отца висят на их семействе, как мешок с камнями.

Каролина сочувственно вздохнула:

– Сегодня на них обеих были новые платья: и на матери, и на дочери. Я даже удивилась. Правда, они, видимо, знали, что придет Джон. Нельзя же им выглядеть перед названным женихом так, будто они разорились!

Перегрин сжал голову в ладонях. На него внезапно нахлынула печаль. Отчасти она была связана с приходом лета: в воздухе веяло надеждой, люди развлекались, носились с одного торжества на другое, все строили планы, как убежать от городской жары. И, глядя сегодня, как Джон флиртует с хорошенькой невесткой этого забавного мистера Тренчарда... Кстати, сколько лет его племяннику? Года тридцать два или тридцать три? Немного. Эдмунду сейчас было бы сорок восемь – мужчина в лучшей поре жизни. Но он никогда уже не отправится ни на северное побережье Франции, ни в горы, окружающие итальянские озера. Их бедный мальчик заперт в гробнице, как все доблестные молодые люди, которые погибли много лет назад в то июньское утро. Перегрин надеялся, что переезд в новый дом на Белгрейв-сквер, с его великолепными комнатами для приема гостей, вернет им обоим волю к жизни, придаст сил. Но сегодня произошло прямо противоположное: фривольные манеры, богатые костюмы, легкие разговоры, сверкающие бриллианты – все это послужило лишь иллюстрацией безумства человеческой жизни, которая всегда заканчивается в могиле, полной холода и одиночества. Перегрин с трудом поднялся на ноги и направился к двери.

– Пойду, пожалуй, лягу. Завтра предстоит тяжелый день.

Его печаль облаком висела в воздухе. Каролине мучительно хотелось рассказать мужу новость – теперь, когда она во всем убедилась. У Эдмунда

остался сын! Им снова есть кого любить!

– Дорогой! – Перегрин обернулся. Каролина некоторое время молчала, а потом тепло произнесла: – Хороших снов. Может быть, наутро все покажется тебе иным.

Джеймс Тренчард боялся завтрашнего дня. Да и послезавтрашнего тоже. Ведь в любой момент мог разразиться скандал. «Словно тикают часы, приближая Судный день, – подумалось ему, пока он лежал в постели, вперив взгляд в изящный белый карниз. – Или же как будто вот-вот разорвется граната». Неудивительно, что Джеймсу не спалось. Он лежал вот уже целый час, прислушиваясь к тишине. Анна тоже не спала. Она неподвижно лежала рядом, повернувшись к мужу спиной. Джеймс чувствовал ее напряжение.

Домой приехали в молчании. Джеймс сразу исчез у себя в комнате, Анна выгуляла собаку, потом вернулась в спальню. Она и всегда была не слишком словоохотлива, но сейчас даже Эллис удивилась воцарившейся в комнате тишине. Вежливые попытки служанки вызвать хозяйку на разговор о приеме у леди Брокенхёрст успеха не имели, и Эллис постаралась побыстрее закончить работу и уйти. Когда появился Джеймс, Анна уже лежала в постели, плотно закутавшись в одеяла, и притворялась спящей. Собака свернулась у нее на руках. Тренчард некоторое время постоял босиком и в ночной сорочке, прикидывая, не вернуться ли в свою роскошную спальню – такое за сорок лет брака он проделывал всего несколько раз. Но потом все же забрался в постель, задул свечу со своей стороны и лег на спину, с широко открытыми глазами. Не было смысла уклоняться от столкновения, которое неминуемо должно состояться, поскольку в их мучениях каждый винил другого. Оба кипели гневом, негодовали на скрытность и вероломство друг друга.

– Чарльз наверняка все знает, – наконец сказал Джеймс, не в силах дольше хранить молчание.

– Нет, не знает!

Анна села на кровати, испугав задремавшую Агнессу. Свет газовых фонарей с улицы обрисовывал в темноте профиль мужа. Анне порой недоставало полной тьмы ночного города времен ее юности. Этот вездесущий тусклый свет погрузил мир в постоянные сумерки. Но зато теперь в Лондоне стало безопаснее, что, конечно, не могло не радовать.

Однако Джеймс продолжил развивать свою мысль:

– За ужином леди Брокенхёрст посадила его рядом с собой. Справа. Все заметили, включая и семью Белласис. Это все равно что пропечатать в

«Таймс». Она явно стремилась привлечь к Чарльзу внимание в расчете сделать тайну всем известной, зачем еще бы это ей понадобилось? Если мальчик до сих пор не знает правды, то узнает буквально через несколько дней, а то и часов.

– Как долго ты поддерживаешь с нашим внуком отношения? – спросила Анна.

– Откуда тебе известно, что леди Брокенхёрст ничего ему не рассказала? – продолжил Джеймс, не посчитав нужным ответить. – По какой еще причине он мог получить приглашение? Нет, наверняка он знает правду. Таких людей, как Чарльз Поуп, не приглашают на частные приемы в Белгравии разделить трапезу с половиной пэров Англии. Такие люди, как Чарльз Поуп, не сидят рядом с леди Брокенхёрст. Юноши вроде него просто не имеют возможности познакомиться с титулованными особами. При обычных обстоятельствах графиня Брокенхёрст даже не удостоила бы Чарльза Поупа вниманием, не говоря уже о том, чтобы пригласить его за свой стол!

Джеймс тоже сел на кровати, повернувшись к жене, и его голос становился все громче и громче.

– Не кричи! – прошипела Анна.

Оливер и Сьюзен спали прямо над ними. Кьюбитт заложил в потолки домов раковины, чтобы шум не проходил между этажами, но все же промежуточный слой был не настолько толстым, чтобы полностью заглушать все звуки.

– А что касается этой чуши, что она якобы собирается вложить деньги в его дело...

– Почему чуши? Ты же вложил. Ты уже несколько месяцев поддерживаешь Чарльза, – отнюдь не примирительным тоном заметила Анна.

– Я мужчина. У леди Брокенхёрст нет денег. По крайней мере, денег, которыми она могла бы распоряжаться без разрешения мужа. А с какой стати Перегрин вдруг будет давать деньги не пойми кому и зачем? Нет, поверь мне: все это вздор и пустая болтовня, и дело закончится гибелью семейства Тренчард!

Джеймс недаром преуспел в свободной, не скованной правилами и условностями атмосфере военного Брюсселя. Когда нужно было сыграть грубо, он именно так и поступал. Он все еще оставался сыном рыночного торговца и умел постоять за себя. И сейчас это умение понадобилось Тренчарду. Ведь все, за что он боролся и чего добился, грозило вот-вот рухнуть стараниями его жены. Не чужих людей, а его собственной супруги.

– Я просто не могла допустить, чтобы леди Брокенхёрст продолжала считать себя и мужа последними в роду, – сказала Анна, разгладив вокруг себя простыни.

– Подумаешь! Они же считали так двадцать пять лет. Могли бы и привыкнуть! – Лицо мужа снова побагровело. Дав волю гневу, Джеймс уже не мог его обуздать. – И что в результате изменилось? Чарльз не может иметь к их семье ни малейших претензий. У него нет никаких прав. Поуп незаконнорожденный, и, боюсь, он вряд ли будет тебе благодарен за то, что ты сделала этот факт общественным достоянием!

– Лорд и леди Брокенхёрст имели право узнать о том, что у них есть внук.

– Так вот, значит, зачем они нас пригласили? – спросил Джеймс. – Да?

Анна молчала, ибо не видела никакого смысла продолжать беседу. Однако муж не успокаивался:

– Чтобы мы смотрели, как леди Брокенхёрст водит перед нами Чарльза, а мы даже не можем с ним поговорить? Она решила нам отомстить?

– Ты вполне мог с ним поговорить. Вы же старые друзья. – Голос Анны был холодным как лед.

– И разумеется, его появление на вечере не было для тебя сюрпризом. Так?

– Так, – не без облегчения призналась Анна. – Да, я знала, что Чарльз там будет. И ты ошибаешься, если думаешь, что я вытерплю хоть слово упрека. Позволь заметить, что ты сам заслуживаешь обвинений ничуть не в меньшей степени.

– Я? – подскочил Тренчард. – Да я-то что сделал?

– Ты поддерживал связь с нашим внуком, ты встречался с ним, ты даже работал с ним вместе, и тебе не пришло в голову, что об этом стоит рассказать мне, твоей жене, матери женщины, которая его выносила!

Голос у нее дрогнул. Она это слышала, но, как ни старалась казаться сильной и решительной, слезы продолжали рваться наружу.

– Ты разговаривал с мальчиком. Прикасался к нему. И ничего мне не сказал. Я больше двадцати лет жила в неведении, каждый день гадая, как Чарльз выглядит, какой у него голос, а ты познакомился с ним, не ставя меня в известность. Не было дня, когда бы я не пожалела о своем решении отдать его в чужую семью. Я лишилась нашего дорогого внука, потому что ты боялся получить меньше приглашений на обеды, если мы будем воспитывать его сами. А теперь ты обманываешь меня. Это низко, просто отвратительно!

Разумеется, произнося эту тираду, Анна благоразумно умолчала, что в свое время безоговорочно поддерживала план избавиться от нежеланного младенца, особенно после того, как умерла София. Джеймс хотел было напомнить жене об этом, но решил, что не стоит. Пожалуй, это было бы уже слишком. Слезы, сверкая, текли у Анны по щекам. Она отчаянно стискивала простыни.

– То, что леди Брокенхёрст ни о чем даже не подозревала, не оправдание. С нашей стороны было бы жестоко и дальше хранить от нее этот секрет. Она обязана была узнать, что у них есть внук.

Говорить что-либо еще не имело смысла. Джеймс понимал это, но не смог удержаться от еще одной, последней колкости:

– Твоя сентиментальность нас погубит. Когда имя нашей дочери вываляют в грязи, когда о ней будут говорить как о падшей и распутной женщине, когда все двери, которые мы так долго старались открыть, перед нами закроются, вот тогда тебе останется винить только саму себя.

С этими словами Джеймс Тренчард решительно повернулся спиной к всхлипывающей жене и закрыл глаза.

5. Тайное свидание

Сьюзен Тренчард лежала в постели и прислушивалась к звону колоколов церкви Всех Святых в Айзелуорте. То и дело из-за стены пробивались звуки реки: плеск вёсел, крики лодочников. Сьюзен оглядела комнату. Она была отделана как спальня в аристократическом доме, а не в съемном жилище: тяжелые парчовые гардины, камин в классическом стиле и изысканная кровать с пологом, которая оказалась такой удобной. Другая женщина встревожилась бы, обнаружив, что Джон Белласис держит в Айзелуорте домик: маленькая столовая и просторная, роскошно обставленная спальня – вот, в общем-то, и все, не считая служебных помещений и, вероятно, каморки для единственного, на редкость молчаливого человека, который им прислуживал. Кстати, слуга не задавал никаких вопросов, когда они с Джоном приехали, а просто подал им аппетитный обед и провел в спальню, где уже были задернуты гардины и зажжен свет. И это опять-таки могло бы навести на размышления, что малый подозрительно хорошо знаком с привычками хозяина и подобные визиты ему не в новинку. Но Сьюзен была слишком довольна, чтобы выискивать недостатки во внезапно свалившемся на нее счастье. Давно уже ей не было так хорошо. Она потянулась.

– Тебе, пожалуй, надо одеваться, – сказал Джон, стоя в изножье кровати и застегивая брюки. – Я ужинаю в городе, а тебе надо вернуться, так чтобы успеть переодеться.

– Нам обязательно уходить прямо сейчас?

Сьюзен села на кровати. Каштановые кудри змеились по ее гладким белым плечам. Она подняла глаза на Джона и прикусила пухлую нижнюю губку. В таком настроении она была неотразима и знала об этом. Джон подошел, сел рядом, провел пальцем по ее шее, по изгибу ключицы, и Сьюзен прикрыла глаза. Он взял ее за подбородок и поцеловал.

Как удачно все сложилось! Отправляясь на званый вечер к тетушке, Джон вовсе не планировал заводить очередную интрижку. Их встреча со Сьюзен Тренчард была неожиданной, но за весь светский сезон эта находка оказалась для него самой удачной. Белласис не сомневался, что Сьюзен развлечет его еще не на одну неделю.

Их отношения развивались быстро, за что следовало благодарить Спир, камеристку Сьюзен. Эта костлявая невзрачная женщина на удивление легко взялась помогать ему в соблазнении своей госпожи.

Правда, и саму Сьюзен не пришлось долго уговаривать: трудно устоять перед человеком столь опытным в альковном искусстве, как Джон Белласис. Он всегда безошибочно выделял в толпе женщину, способную на адюльтер. Откровенная скука и нелюбовь миссис Тренчард к мужу стали очевидны, как только Джон подошел к ней в тот вечер в Брокенхёрст-Хаусе. Оставалось только сделать пару комплиментов, сказать, как она красива, с интересом нахмуриться, выслушивая ее болтовню, – и через некоторое время уже можно будет спокойно забрать свой трофей у рыхлого и безвольного Оливера Тренчарда. И сейчас, глядя в голубые глаза Сьюзен, Джон думал о том, что женщины, в сущности, очень примитивные существа. Они будут трепетать от нерешительности, делать вид, что одна только мысль о супружеской измене ввергает их в смятение и наводит ужас. Однако все это были лишь хорошо известные Джону стадии, через которые женщины чувствовали себя обязанными пройти. Как только Сьюзен начала смеяться его шуткам, он уже знал, что она будет принадлежать ему.

После той первой встречи на Белгрейв-сквер Белласис отправил Сьюзен письмо. Из осторожности послал его по почте, наклеив на конверт «красный пенни» – так называлась новая почтовая марка. В письме он в самых цветистых и романтических выражениях описал, как ему приятен был их разговор и какая миссис Тренчард редкая красавица. Он вспоминает о ней с восторгом и никак не может забыть ту встречу. Джон удовлетворенно улыбался, представляя, как она читает всю эту чушь.

Далее Белласис предлагал встретиться: он приглашал Сьюзен на чашку чая в отеле «Морли» на Трафальгарской площади. Это было популярное заведение, куда тем не менее не заходили знакомые Джона. Приглашение служило своего рода пробой. Если Сьюзен принадлежит к тем женщинам, которые в состоянии изобрести предлог проехаться по Лондону и встретиться с ним в середине дня, значит она готова вольно обращаться с правдой, способна на изворотливость, и, следовательно, стоит продолжать ее добиваться. Когда Сьюзен в сопровождении Спир прошла через вращающуюся дверь отеля, Джон едва смог сдержать ликование.

Однако следует сказать, что во многом молодой человек ошибался. Он так высоко ставил свои способности к обольщению, что ему совершенно не приходило в голову: соблазнять Сьюзен вовсе не было необходимости. На самом деле та затеяла собственную игру. Да, миссис Тренчард с первой встречи почувствовала к Джону искреннюю симпатию, но вполне возможно, что этим бы дело и ограничилось, не узнай она в тот же вечер о блестящих перспективах молодого Белласиса. Именно тогда Сьюзен и

решила, что сперва станет его любовницей, а там уже посмотрит, как далеко все может зайти. Джону следовало насторожиться: с какой стати в тайну посвящена камеристка? А иначе просто и быть не могло, поскольку Спир сопровождала госпожу в отель. Однако он ничего не заподозрил и не понял, что миссис Тренчард во всей этой истории – активная, а отнюдь не пассивная участница.

Сьюзен прекрасно знала, что никто не заподозрит ни в чем предосудительном замужнюю женщину, выходящую из дому с камеристкой. Есть масса законных причин передвигаться по Лондону, да и не только по городу: магазины, обед, визиты – при условии, что госпожу сопровождает служанка. Сделав Спир доверенным лицом, Сьюзен обеспечила успех своим планам. Джону она, разумеется, позволит считать, что это он вскружил ей голову и вовлек в грех – все мужчины любят чувствовать, что ведут в танце, – однако на самом деле Сьюзен вполне осознанно приняла решение сойти с прямой дороги.

В назначенный день она сказала Оливеру, что встречается со старой школьной подругой, приехавшей из провинции, а потом заглянет на выставку в Национальную галерею. Оливер даже не дал себе труда спросить, как зовут женщину, с которой она встречается. Кажется, он только обрадовался, что супруга нашла себе занятие.

Спир тактично исчезла, как только они вошли в холл отеля, и предоставила госпоже подойти к Джону одной. Он сидел в углу, рядом с роялем, а за спиной у него стояла пышная пальма в кадке. Джон был еще привлекательнее, чем Сьюзен запомнилось, – намного привлекательнее ее жалкого мужа. Пробираясь между стульями и столиками, Сьюзен, к своему удивлению, вдруг почувствовала, что теперь, когда наступил решающий момент, она волнуется. Только не подумайте, что ее пугала перспектива адюльтера. Миссис Тренчард вот уже год или два знала, что рано или поздно это произойдет – такой убогой стала редкая и неловкая возня в постели с Оливером. И к тому же Сьюзен была бесплодна. Раньше это разбивало ей сердце, но теперь оборачивалось на пользу. Она позволила себе улыбнуться. Видимо, волнение осталось у нее от девичьей скромности, осколок которой каким-то образом уцелел, когда она закалилась, превратившись во взрослую женщину. Сьюзен опустила голову, чтобы не встретиться взглядом с компаниями дам, сидевших за столиками и пивших чай. «Морли» был не из тех отелей, куда заглядывали ее близкие знакомые – по крайней мере, в этом Джон не ошибался, – но осторожность никогда не помешает. Столица Великобритании – город маленький, а репутацию можно разрушить за один день.

Сьюзен быстро села спиной к залу и посмотрела на Джона. Искушенный в любовных делах – или, по крайней мере, считавший себя таковым, – Белласис тут же взялся успокаивать Сьюзен, а та ему не мешала. Миссис Тренчард прекрасно знала, что Джон сможет в полной мере наслаждаться этой интрижкой только в том случае, если будет испытывать азарт завоевания добродетельной женщины, а ей очень хотелось сделать ему приятное. Ее скромность и смущение сыграли свою роль, и, разумеется, вскоре Джон начал предлагать встретиться снова, но на этот раз при несколько иных обстоятельствах.

Оливер Тренчард не удовлетворял Сьюзен как мужчина. Первые пять лет брака они безуспешно пытались зачать ребенка, но потом Оливер практически оставил жену в покое. Она и не винила его. Как только стало понятно, что наследника не будет, мысль о соитии уже не привлекала двух не слишком привязанных друг к другу людей. Они практически никогда не обсуждали это между собой, разве что иногда Оливер, особенно если выпивал лишнего, желая во время ссоры обидеть Сьюзен, упрекал ее в бесплодии. Это случалось редко, однако Сьюзен со временем поняла, что, как бездетная жена, она потеряла влияние на мужа и ей никогда не добиться влияния на его родителей. Отсюда следовало, что если она не будет осторожна, то может остаться ни с чем. Даже родной отец постепенно потерял интерес к дочери. Виной этому, по крайней мере отчасти, было безрассудное поведение Сьюзен, однако сама она предпочла объяснять отцовскую холодность разочарованием: как же, единственная дочь не может родить ему внуков. Тренчарды, полагала она, наверняка были бы рады, если бы невестку унесла какая-нибудь болезнь: это позволило бы Оливеру найти себе другую жену, и тогда детские на Итонсквер уже больше не пустовали бы. Наверное, осознание этой горькой истины и склонило Сьюзен к мысли, что если она хочет чего-то добиться в жизни, то пора уже активно действовать самой. Естественно, этот путь занял немало времени – от оптимизма к разочарованию, а затем к решимости взять судьбу в собственные руки, – и как раз когда эти идеи окончательно сформировались у нее в голове, она встретила Джона Белласиса.

Поэтому, когда в тот день Джон предложил Сьюзен проехаться в Айзелуорт, где у него было «несколько комнат, в которых можно укрыться от лондонской суеты», она едва дала себе труд сделать вид, что колеблется. Однако следовало придумать убедительный повод для поездки в Айзелуорт на целый день. Сьюзен решила не лгать относительно того, в какое место направляется, поскольку ее мог кто-нибудь случайно увидеть и уличить во

лжи. К чему лишний риск? Можно сказать, что она подумывает купить небольшой садик и хочет посмотреть, что сейчас продают. Многие богатые лондонские семейства держали в том районе сады, которые снабжали своих владельцев фруктами до конца лета и даже осенью, и хотя Оливер проворчал, что лишние расходы им ни к чему, возражать не стал. Чтобы окончательно придать поездке невинный характер, Сьюзен решила поехать вместе со Спир и подыскать там место, где служанка будет ждать, пока госпожа не освободится.

Так они и сделали. Чуть дальше по набережной, недалеко от жилища Джона, нашелся отель «Бридж инн», где Спир предстояло коротать время с трех часов дня. Когда все было улажено, Сьюзен ушла пешком, ничего не сообщив кучеру. Она предусмотрительно рассказала всем, даже слугам, о покупке сада, поскольку это давало повод для множества подобных визитов в будущем.

– Я тут подумал, может, дать лошадям отдохнуть и вернуться вместе с тобой? – сказал Джон, погладив ее щеку большим пальцем.

– Это было бы замечательно! – ответила она, сонно потянувшись. – Если бы было возможно.

– А это невозможно? – удивленно спросил Белласис. – Но почему?

Сьюзен одарила его томной улыбкой, обещавшей в будущем, как только представится возможность, намного больше.

– Я еду со служанкой в экипаже своего мужа.

Сначала Джон не мог сообразить, в чем суть затруднения. Можно посадить служанку на козлы с кучером, а самим преспокойно ехать в город в экипаже. Кто-то может увидеть его с хорошенькой замужней женщиной в карете ее супруга? Ну и что? Белласиса это несколько не беспокоило. Но по зрелом размышлении даже он понял, что Сьюзен очень важно сохранить репутацию, так что о совместной поездке не может быть и речи. На секунду Джон заподозрил, что она так же сильна, как он сам, и столь же уверенно управляет событиями, но наваждение тут же исчезло: он видел лишь смеющуюся женщину, с полуприкрытыми глазами, лежавшую на подушках, безумно в него влюбленную. Это его устраивало, и он не стал настаивать.

Со вздохом, который должен был продемонстрировать, что самое страстное ее желание – никогда не разлучаться с любимым, Сьюзен встала с постели и накинула ночную сорочку. Потом босиком подошла к окну, шаркая по роскошному турецкому ковру, и взяла корсет.

– Спир осталась ждать в «Бридж инн», – сказала она, с притворной скромностью поджав губы. – Так что мне потребуется помощь.

Джон удивленно поднял брови и тоже делано вздохнул. Сьюзен засмеялась, и он к ней присоединился, хотя, по правде говоря, сложные детали женской моды находил чрезвычайно утомительными.

– Мне придется зашнуровывать корсет?

– Нет. Это делают только в театральных комедиях. Шнуровку затягивают, но главное другое – самыми упрямыми бывают вот эти крючки спереди.

Чтобы управиться с этими кошмарными крючками, Джону потребовалось больше пяти минут, а потом Сьюзен еще попросила помочь ей застегнуть сзади непослушные пуговички, которые шли по всей спине сверху донизу. В комнате становилось все жарче, и у него вспотели пальцы, пока он возился с желтым шелком.

– Хорошо бы в следующий раз ты надела что-нибудь менее... утомительное, – беззлобно проворчал он.

– Увы, я не могу разгуливать по улицам в халате. Даже ради тебя. Кстати, когда ты помогал мне раздеваться, то так не переживал.

И опять у Джона закралось подозрение, что Сьюзен над ним смеется. Каким-то образом получалось, что это он идет у нее на поводу, а не наоборот, как ему представлялось. Но молодой человек снова решительно отменил эту мысль.

– Давай в следующий раз встретимся в Лондоне? – предложил Белласис, глянув на карманные часы. – Ну или хотя бы где-нибудь поближе?

Сьюзен кивнула:

– Эти новые железные дороги все меняют.

– В каком смысле?

– Я только хотела сказать, – улыбнулась она, – что мы можем встретиться в каком-нибудь удаленном местечке и успеть домой к чаю. Говорят, до Брайтона теперь можно будет доехать за час-два, а до Йорка – всего за пять-шесть часов. Дух захватывает от такой перспективы!

Но Джон не разделял ее восторгов.

– Не понимаю, зачем постоянно что-то менять. Меня все устраивает как есть.

– Ну, что касается нашего сегодняшнего дня, я бы и впрямь ничего не стала менять. – Сьюзен потешила тщеславие любовника именно таким способом, как ему нравилось. Разумеется, она знала об этом. – А теперь мне и правда пора.

Она еще раз поцеловала Джона, проведя языком по его губам – обещание следующей встречи.

– Не заставляй меня ждать слишком долго, – шепнула она ему на ухо и, не успев он ответить, уже вышла и направилась к прихожей, где ждал молчаливый слуга, чтобы открыть ей дверь. Видно было, что малый следует привычному порядку действий, в котором его ничто не удивляет.

Единственной трудностью для Сьюзен было добраться из комнат Джона до отеля «Бридж инн». После этого при ней окажутся служанка и экипаж, и она будет степенна и благопристойна, как истинная лондонская матрона. Сьюзен предусмотрительно надела более густую, чем обычно, вуаль, чтобы любой, кто бросит на лицо женщины случайный взгляд, не мог бы с уверенностью ее опознать. Так или иначе, самообладание не покинуло ее, и обратный путь до отеля она проделала спокойно и без приключений. Спир чинно ждала госпожу с пустой чайной чашкой. Когда Сьюзен вошла, служанка встала:

– Я гуляла, мэм.

– Ну и правильно. Хуже было бы, если бы вы весь день проторчали в пабе.

– Я ходила встречаться с агентом по недвижимости, и он дал мне несколько описаний садов, выставленных на продажу. – Спир достала три-четыре рекламных проспекта. – Подумала: может, пригодится.

Сьюзен молча взяла листки, аккуратно их сложила и убрала в ридикюль. Теперь прочное алиби было обеспечено.

«Действительно ли существует такое явление, как черная полоса? – равнодушно думал Стивен Белласис, глядя, как крупные снова считает его фишки. – Обычно говорят о полосе везения, о счастливой полосе, но бывает же и несчастливая?»

Вопрос сей недаром занимал преподобного Белласиса. Ведь любая полоса должна когда-нибудь закончиться, однако его проигрыши все не кончались и не кончались. Сегодня днем он потерял уже немало. Можно сказать, небольшое состояние. Пока сын развлекался в Айзелуорте с любовницей, Стивен погорел на тысячу фунтов в клубе «Джессопс», неподалеку от Киннертон-стрит.

«Джессопс» не входил в число клубов, куда стремились попасть честолубивые джентльмены; он был одним из тех мест, где в конце концов оказывались моты и транжиры. Клуб состоял из нескольких обшарпанных комнат, разбросанных аж на четырех этажах. В этих грязных, с затхлым воздухом помещениях разномастным игрокам подавали низкосортный алкоголь, пока те спускали на ветер остатки сбережений или деньги, которые им удалось выпросить, занять или украсть. Такова была оборотная

сторона Белгравии.

За несколько лет до этого Стивен состоял в клубе «Крокфордс» на Сент-Джеймс-стрит, где сильные мира сего собирались, чтобы приятно провести время и перекусить. Но Уильям Крокфорд был человеком хитрым. Он изучил историю и нынешнее состояние самых видных семей страны и выяснил, сколько они стоят. Знал, кому можно предоставить долгосрочный кредит, а кому не следует. Нетрудно догадаться, что достопочтенный Стивен Белласис протянул в «Крокфордсе» недолго. Вскоре он смог убедить себя, что к игре совершенно не обязательно должны прилагаться модный французский шеф-повар и изысканное общество, и стал посещать не столь элитные заведения. Он полюбил «Виктория спортинг клуб» на Веллингтон-стрит, где не играли, а «делали ставки», и сам ставил на рысаков на скачках в Аскоте и Эпсоме. К сожалению, с лошадьми ему везло примерно так же, как и с картами.

Но как же он любил ощущение победы! Многого не требовалось, всего лишь легкая удача, всего несколько фунтов выигрыша – и Стивен уходил. Иногда, чтобы насладиться томным очарованием «Аргайл румс», где праздновал удачу на свой манер: взять бутылочку портвейна, а может, запустить руку под юбку хорошенькой танцовщице. В другой раз он позволял себе более отчаянные поступки и перемещался к востоку, в район притонов у Семи углов, куда даже полиция лишний раз не совалась. Как человек, готовый внезапно рискнуть жизнью, Стивен выпивал в тамошних барах, болтал с ворами и проститутками, порой не мешая ночным событиям принимать пугающий оборот и не зная, застанет ли его утро мертвым в канаве, с ножом в боку, или же в супружеской постели, рядом с постылой женой.

Но сегодня победа куда-то запропала. Стивен обладал определенными способностями к висту и частенько отыгрывался, хотя бы частично возмещая потери. Он рассчитывал на это, пока тасовал карты. Но сегодня почему-то все шло наперекосяк. Леди Удача явно покинула его, и Белласис начинал жалеть, что так небрежно обошелся со своими деньгами.

Если называть вещи своими именами, то Стивен не просто сожалел, он был перепуган. Тысяча фунтов – крупная сумма, и заплатить такие деньги он никак не мог, разве что как-то отыграть. По мере того как он продолжал проигрывать, атмосфера этой плохо освещенной комнаты все больше давила на него. В подвальном помещении с темными стенами было нечем дышать, и Стивен ослабил воротник, стянувший влажную шею. Он никогда не надевал за игрой полагающиеся священнику ленты на воротник, но толстый шейный платок, которым он эти ленты заменил, словно бы

душил его своими складками. От поглощаемого дешевого джина Стивену тоже легче не становилось, так же как и от бесконечных клубов дыма из трубки графа Сикорского. Белласис едва дышал.

За грязным, с липкой поверхностью карточным столом сидели еще трое игроков, двое из которых были Стивену хорошо знакомы. Олег Сикорский, стареющий русский аристократ, хозяин обветшавшего поместья в Крыму, которое он уже не в состоянии был навещать, бесконечно говорил о старых добрых деньках в Санкт-Петербурге. Он вспоминал, как пил шампанское в особняке на Фонтанке, не спеша проматывая состояние своей бабушки, почтенной дамы, которая, если верить внуку, в свое время имела влияние на царя Александра I. Рядом с Сикорским сидел капитан Блэк, офицер Гренадерского гвардейского полка и приятель Джона. Он был новичком за столом, и страстью к игре его заразили офицеры. Капитан обладал живым умом и хорошей памятью, но при этом был склонен к поспешным ходам и экспрессивным жестам, что редко приводит к большому выигрышу, хотя сегодня, бог весть почему, дела у Блэка шли неплохо. Четвертым игроком был некий мистер Шмитт, весьма похожий на медведя. Судя по виду, во времена бурной молодости ему в какой-то драке проломили молотком череп. Как ни странно, он пережил это нападение, напоминанием о котором осталась устрашающего вида вмятина во лбу. Шмитт нашел себе неплохой источник дохода: давал деньги в долг. Таким образом, он не только сам получал удовольствие от игры, но и помогал другим заниматься любимым делом. И сегодня он был очень щедр к Стивену. Щедрость его привела к тому, что теперь Белласис был должен Шмитту тысячу фунтов.

– Пожалуй, буду сбрасывать карты, – объявил Сикорский, пыхнув своей тошнотворной трубкой. – Мне надо отдохнуть. Сегодня вечером я иду в театр.

– Вы не можете сбрасывать! – запротестовал Стивен и разом проглотил остатки джина из бокала, отчего сердце снова бешено заколотилось. – Вы мой партнер! У нас вот-вот начнется удачная полоса!

– Удачная полоса?! – фыркнул Шмитт и, положив на стол тяжелые руки, уставился на Стивена. – Что, как у Непобедимой армады?^[21]

– Простите, Белласис, – граф Сикорский, сняв очки, потер руками лицо, – но мне более ничего не остается. Я поиздержался, а мистеру Шмитту я и так уже должен с прошлой недели.

– Двести гиней, – уточнил Шмитт. – Плюс еще триста сегодня. Когда заплатите?

– Не будем утомлять окружающих, – сказал граф, явно не желая делать

публичным достоянием свое финансовое положение.

– Когда заплатите? – повторил Шмитт.

– В пятницу. А теперь мне и правда пора, – кивнул Сикорский.

– Олег, раз вы уходите, – сказал Блэк, – то я тоже не вижу смысла здесь торчать. Не часто простому парню удастся за день сколотить семьсот фунтов! – Он засмеялся и, царапнув по каменному полу деревянным стулом, довольно неуверенно встал на ноги. Они сидели за столом уже три часа, и требовалось время, пока кровь снова побежит по всему телу. – Пожалуй, такого успеха у меня еще не было. – Капитан собрал свои деньги, сунув крупные купюры в котомку. – Не повезло, – сказал он Стивену, сочувственно похлопывая его по плечу. – Увидимся на следующей неделе?

– Нет! – громко ответил тот. В его голосе прозвучала паническая нотка, и все это слышали. И словно чтобы спасти ситуацию, хотя игра уже была проиграна, Стивен издал бойкий смешок. – Прошу вас, господа, не торопитесь уходить. – Он шутливо поманил Сикорского к себе. – Полно, неужели мы не сыграем еще один круг? Потребуется всего-то минут двадцать, тут и говорить не о чем, дольше будем спорить. Кстати, Олег, в театр можно поехать прямо отсюда. Блэк, невежливо просто так уходить из-за стола, надо дать человеку шанс отыграть хоть часть денег! – Он переводил взгляд с одного на другого, и в его маленьких темных глазках застыло умоляющее выражение. – Всего один круг! Это же такая малость...

Стивен замолк. Он понимал, как жалко выглядит, но остановиться не мог. Надо было срочно спасать ситуацию, но что тут сделаешь? Граф и капитан уже вставали из-за стола: сейчас они уйдут, оставив его в темном подвале наедине со Шмиттом. А это такой человек, от которого все можно ожидать. Белласис и прежде попадал к нему в должники, но никогда еще сумма не была такой крупной, как сейчас, и раньше Стивену всегда удавалось вернуть Шмитту долг.

Он продолжал сидеть неподвижно, пока граф Сикорский и капитан Блэк спускались по лестнице, и стук их шагов по деревянным ступеням отдавался неестественно громким эхом. Воск из дешевого медного канделябра медленно капал перед ним на стол.

– Ну что, ваше преподобие? – саркастически произнес Шмитт, вставая со стула и потягиваясь всем своим огромным телом.

– Да? – с вызовом потрянул головой Стивен. Его не запугает этот страшный человек. Белласис напомнил себе, что у него есть связи – друзья, занимающие высокие посты.

– Остается открытым вопрос об одной тысяче фунтов.

Стивен весь внутренне сжался, ожидая, что сейчас этот громила

хрустнет пальцами и стукнет кулаком по столу. Но Шмитт не сделал ни того ни другого. Он лишь расхаживал по каменному полу, и подбитые гвоздями сапоги звякали при каждом шаге.

– Мы оба джентльмены, – начал Шмитт. Стивен с трудом поборол искушение заметить, что Шмитт, ростовщик с проломленной головой, вряд ли может считаться джентльменом. – Кроме того, я человек благожелательный и готов пойти на разумный компромисс.

– Благодарю вас, – едва слышно пробормотал Стивен.

– И поэтому даю вам два дня на то, чтобы раздобыть деньги и доставить их мне. – Он замолчал и вдруг одним движением вдребезги разбил о стол прямо перед Стивеном пустую бутылку из-под джина. Бедняга аж подпрыгнул на стуле. – У вас есть два дня, – прошипел Шмитт и навис над Белласисом своим жутким черепом, по-прежнему продолжая сжимать в руке разбитую бутылку. – Два дня! – повторил он, приближая к шее Стивена ее зубчатый край.

Белласис выбежал из клуба со всей скоростью, на которую только способен тучный коротышка, налившийся джином, и бежал до тех пор, пока не очутился на углу Слоун-стрит. Только когда Стивен остановился и, задыхаясь, привалился к стене, он почувствовал, что с ним что-то не так. Две дамы, совершавшие дневной моцион, испуганно шарахнулись от него. Какой-то мужчина, подойдя поближе, спешно перешел на другую сторону. Стивен провел рукой по лицу. Пальцы почувствовали влагу. Он достал платок и промокнул кожу. Ткань окрасилась кровью. Увидев в ближайшей витрине свое отражение, Белласис понял, что все лицо у него в порезах от крошечных осколков стекла.

На следующий день все казалось уже не таким мрачным. По крайней мере, лицо смотрелось получше, как отметил Стивен, разглядывая себя в зеркало. Всего несколько маленьких царапин, сказал он себе, ничего страшного, ничего примечательного – и это было очень удачно, поскольку Стивен собрался на поклон к брату и должен был выглядеть прилично.

Атмосфера, царившая внизу, в унылой столовой дома Белласисов на Харли-стрит, была ледяной. Откровенно говоря, ни одному из супругов не нравилось здесь жить. Этот дом был свадебным подарком от матери невесты, но, как почти все, связанное с Грейс, уже поувял и поистрепался. Сейчас в столице повсюду шло крупное строительство, и Стивену иногда казалось, что в один прекрасный день Харли-стрит превратится в задворки. Да и сам дом был не слишком удобным: узким, темным и вечно холодным. Какая бы погода ни стояла на улице, внутри воздух оставался промозглым.

То ли Грейс из экономии не зажигала огонь, то ли Белласисам не хватало прислуги, чтобы этот огонь постоянно поддерживать, но результат всегда был одним и тем же. Гости обычно начинали дрожать, едва переступив порог. Правда, и гостей они принимали нечасто. Иногда Грейс навещали женщины из прихода или какого-то из ее благотворительных комитетов, но обычно Стивен обедал в городе, а жена ела одна.

Они держали только самую необходимую прислугу: повара и судомойку; дворецкого, он же камердинер; старшую служанку, которая одевала Грейс; и еще двух служанок, которые увольнялись с поразительной регулярностью. Грейс убеждала себя, что причиной служило маленькое жалование, но уже начинала подозревать, что за некоторыми из поспешных уходов стоял Стивен. Если говорить начистоту, жизнь в столице была их семье не по карману, и, будь у Белласисов побольше здравого смысла, они бы еще много лет назад продали дом и преспокойно жили себе в Хэмпшире, откладывая деньги, которые им сейчас приходилось тратить на помощников священника. Но здравого смысла у них не было. По крайней мере, у Стивена, усмехнулась про себя Грейс. Ни здравого смысла, ни честолюбия, ни даже, видит Бог, желания исполнять свои весьма необременительные обязанности в приходе. Грейс принялась за неаппетитный завтрак. Она всегда гордилась, что не завтракает в постели, как прочие знакомые ей замужние дамы, но сегодня пожалела об этой своей привычке. В спальне, по крайней мере, было тепло.

На столе лежал конверт. Когда снизу пришел Стивен, Грейс читала письмо от дочери и даже не подняла глаз. Она знала, что накануне он играл и, видимо, продулся. Это было понятно по тому, как муж вздохнул, сев за стол. Если бы Стивен выиграл, то, войдя в комнату пружинящей походкой, он хлопнул бы в ладоши и потер руки. Но сейчас ему даже кусок в горло не лез. Сняв крышку со стоявшей на столе кастрюли, он уставился на подсохшую яичницу-болтунью.

– У Эммы все в порядке, – сказала Грейс и, взглянув наконец на Стивена, в ужасе застыла. – Боже милостивый, что с тобой случилось?

– Ничего страшного. Я стоял у окна, а стекло треснуло. Как дети?

Он положил себе полоску остывшего бекона.

– Пишет, что у Фредди кашель.

– Вот и хорошо... – Муж тяжело опустился на стул на другом конце длинного темного стола.

– Что значит «хорошо»? Хорошо, что мальчику нездоровится?!

Стивен несколько секунд рассеянно смотрел на нее:

– Я думал о том, что сегодня надо навестить брата.

– Это имеет какое-то отношение к тому, как ты провел вчерашний день? – спросила Грейс, вставая со стула.

– День был не из лучших, – признался Стивен, не глядя на жену и явно думая о чем-то своем.

Грейс поняла, что дело плохо. Как правило, Стивен сроду не рассказывал ей о своих поражениях и неудачах. Да и в том, что играл, он тоже никогда не признавался.

– А насколько день был плох? – поинтересовалась жена, думая о том, что из ее изрядно опустевшей шкатулки с драгоценностями продать уже почти нечего. Слава богу, что она хоть оплатила Джону ренту за его комнаты в «Олбани», хотя ей было не понять, почему бы мальчику не жить вместе с родителями на Харли-стрит.

– Не волнуйся, ничего особенного. – Стивен уже взял себя в руки и теперь лучезарно улыбался супруге. – Сегодня разберусь и все улажу.

– С лицом своим сначала разберись!

Приехав на Белгрейв-сквер, Стивен не сразу решился войти в дом. Стоя на широкой мощеной улице и глядя вверх на блестящую черную дверь, обрамленную белыми дорическими колоннами, он в который раз сокрушался несправедливости сущего, качая головой и мысленно прокручивая все ту же песню, что и обычно. Почему Перегрин, которому по случайности довелось родиться раньше брата, должен жить в таком великолепии, тогда как ему самому приходится довольствоваться тесным и убогим жилищем? «Как тут не играть! – подумал Стивен. – А кто бы не играл на моем месте, когда жизнь нанесла такой жестокий удар? Стоит ли удивляться, что я ищу утешения в объятиях женщин свободной морали? Моя ли вина, что я пристрастился к азарту и опасностям игры?»

Стивен постучался в дверь. Открыл молодой ливрейный лакей, который проводил его в библиотеку и оставил там дожидаться.

Перегрин не слишком торопился навстречу брату.

– Какая приятная неожиданность! – заявил он, минут через пять войдя в библиотеку. – Я как раз собирался в клуб «Уайтс».

– Тогда я рад, что застал тебя, – сказал Стивен.

Он не знал, как начать разговор, хотя прекрасно понимал, что брат и без того уже догадывается, о чем пойдет речь.

– Что у тебя с лицом? – Перегрин взгляделся в россыпь мелких подсохших ранок на щеках собеседника.

– Неудачно побрился у цирюльника, – ответил Стивен.

Отговорка эта звучала правдоподобнее, чем история про внезапно

треснувшее стекло, хотя брат вряд ли ему поверил.

– Напомни мне, как зовут этого брадобрея, чтобы я к нему не ходил, – хохотнул Перегрин, усаживаясь за стол. – Итак, чем обязан такой честью?

Оба понимали, что он смеется над гостем. Стивену всегда были нужны от Перегриня только деньги, а тот хотел, чтобы младший брат непременно проговаривал это вслух. Если Перегрин и собирался удовлетворить его просьбу, то всегда требовал, чтобы этому событию предшествовало как можно более глубокое унижение.

– Кажется, я попал в большие неприятности, – начал Стивен, опустив голову. Он надеялся, что, изобразив угрызения совести или сделав вид, будто заискивает перед братом, он склонит Перегриня к большей щедрости.

– Насколько большие?

– В тысячу фунтов.

– Тысячу фунтов?!

Перегрин был откровенно потрясен. Любое время от времени может пойти вразнос. Его старый друг герцог Веллингтон был в состоянии за одну ночь просадить за вистом в «Крокфордсе» и значительно бóльшую сумму, но он мог себе это позволить. Неужели Стивен проиграл тысячу фунтов? Перегрин поднял брови. Услышать столь чудовищную цифру он не ожидал. А между прочим, совсем недавно, за обедом в Лимингтоне, он уже выдал брату почти столько же.

– Обычно я не прошу... – начал было Стивен.

– Да ничего подобного, – перебил его Перегрин, – обычно ты как раз просишь. Более того, ты постоянно клянчишь деньги. Не припомню, когда в последний раз ты приходил ко мне в дом с другой целью. – Он помолчал и решительно заявил: – Нет, дорогой братец.

– Нет? – обескураженно переспросил Стивен. – Что ты хочешь этим сказать?

– Нет, денег ты больше не получишь. Полагаю, я выразился достаточно ясно?

– Что? – Стивен не верил своим ушам. Деланое смирение улетучилось и сменилось откровенной яростью. – Но ты должен! Должен мне помогать! Я же твой брат и оказался в безвыходном положении! Где же мне теперь взять деньги?

– Об этом следовало подумать до того, как ты все проиграл. Ты играл на деньги, которых у тебя не было, и вот результат.

– Я их не проиграл! Причина совсем в другом!

Стивен сжал пухлые руки в кулаки. Не такого исхода событий он ожидал. Мысли лихорадочно метались: если он не играл, то какое

придумать оправдание? Куда подевались деньги?

– Мы оба знаем, что это ложь.

Граф Брокенхёрст оставался совершенно спокоен. Его брат был невыносим, лишен малейшего чувства ответственности. Такие люди бесчестят семью. Хочет прожигать жизнь – на здоровье! Но с какой стати Перегрин должен снабжать его деньгами?

– Ты посмел обвинять меня во лжи? – вскинулся Стивен. – Меня, служителя Церкви! Это гнусная клевета!

– Я всего лишь констатировал факт, – покачал головой Перегрин. – Вот что, братец, я больше не стану оплачивать твои долги. Ты имеешь неплохой доход от своего наследства и от Церкви – по крайней мере, должен иметь, – да и жена у тебя тоже не бесприданница. Просто нужно научиться жить по средствам.

– Жить по средствам! – Стивен готов был взорваться. – Да как ты смеешь? Что ты о себе возомнил? Просто потому, что ты на два года меня старше, ты получил титул, дом, поместья и все родительские деньги...

– Не все.

– Ты когда-нибудь задумывался, насколько это несправедливо? Хоть раз задумывался? – захлебывался Стивен. – И тебе еще хватает наглости велеть мне жить по средствам?

– Жизнь вообще несправедлива, – согласился Перегрин. – Здесь ты прав. Но так уж заведено в обществе, и не нам менять систему. Ты всегда знал, что не можешь рассчитывать на большее, чем дано тебе от рождения. Полагаю, нашлось бы немало людей, кто счел бы твою жизнь прекрасной: ты служитель Церкви, живешь в просторном доме и выполняешь, прямо скажем, не слишком обременительные обязанности.

– Ну ничего, в один прекрасный день Джон получит наследство, – торжествующе вздернул подбородок Стивен. – Мой сын, а не твой, получит все!

Это был удар под дых, но Перегрин решил быть выше оскорблений.

– Позволь напомнить, что, когда Джон все получит, это будет означать, что ты уже мертв, так что часть наследства ему придется потратить на оплату папашиных долгов.

Стивен сжал зубы, его израненное лицо стало ярко-розовым. Он был так зол, что не мог найти слов.

– Ну-ну, – наконец сказал он. – Хорошего дня, братец! – И стремительно вышел, так хлопнув дверью, что со стены отвалился кусочек штукатурки.

Оказавшись снаружи, на лестничной площадке, Стивен

приостановился. Он не имел ни малейшего представления, как быть дальше. Перегрин остался внутри. Не побежал следом за братом с пачкой банкнот в руках. Что же делать? Самому долги никак не выплатить. От одной лишь мысли о Шмитте Стивена бросало в дрожь. Он прошелся туда-сюда, размышляя, не стоит ли вернуться: может, рассказать брату, как он сожалеет о случившемся, начать умолять Перегрина, взывая к лучшим сторонам его души? Так остаться или уходить? Нужно было определиться. Стивен схватился за подбородок, глубоко погрузившись в невеселые мысли.

Внезапно из дома послышался женский смех. Стивен бросил взгляд в сторону ярко освещенной лестницы. Смех доносился из гостиной Каролины. Слышала ли невестка их ссору? Уж не над ним ли смеялась? По крайней мере, она определенно смеялась. Неужели радовалась его падению? Стивен подошел к двери. Она там, эта отвратительная женщина, хохочет как сумасшедшая, и... ага, чей-то мужской голос. И кто же это, интересно, так развеселил леди Брокенхёрст? Стивен опустил на корточки и прижал ухо к замочной скважине. Тут дверь распахнулась.

– Боже мой! Стивен! Ты чуть не довел меня до сердечного приступа! – Каролина от неожиданности схватилась за грудь. – Что ты делаешь там, на полу?

– Ничего, – ответил Белласис, не без труда вставая на ноги, и прищурился.

Кто этот темноволосый юноша? Где-то он раньше уже видел его. Щеки у молодого человека покраснели, словно его поймали за чем-то непристойным. Каролина по-прежнему смотрела на Стивена.

– Я тут просто... – начал он и смешался.

– Ты помнишь мистера Поупа? Он на днях был в Брокенхёрст-Хаусе, – сказала Каролина, делая шаг назад и с гордостью демонстрируя своего гостя.

– Да, – кивнул Стивен.

Он действительно вспомнил. Это был тот самый молодой человек, которого усадили рядом с хозяйкой дома на почетное место. Тот самый юнец, которого торжественно водили по всему залу. У него вроде как были какие-то совместные дела с этим чванливым идиотом Тренчардом. И вот, пожалуйста, опять этот коммерсантишка здесь.

– Чарльз как раз рассказывал мне о своих планах. У него ткацкая фабрика в Манчестере.

Каролина просто лучилась от восторга. Стивену это показалось очень странным.

- Вас интересуют ткацкие фабрики в Манчестере? – спросил он.
- Леди Брокенхёрст взяла под покровительство мои начинания, – улыбнулся Чарльз, словно это все объясняло.
- Правда? – Стивен в недоумении переводил взгляд с одного на другого.
- Да, – кивнула графиня, но углубляться в подробности не стала. Вместо этого она проводила Чарльза на лестничную площадку.
- Я и так уже слишком долго его задержала, – улыбнулась она, минуя Стивена, чтобы пройти вместе с Чарльзом вниз по лестнице. – Мне было очень приятно поговорить с вами, мистер Поуп. С нетерпением жду нашей следующей встречи.

В холле лакей подал Чарльзу пальто и открыл дверь. Каролина глянула на верхнюю площадку, но вместо того, чтобы подойти к деверю, ушла в обеденный зал и закрыла за собой дверь. Постояв несколько минут, Стивен сошел вниз. У Белласиса появилось смутное подозрение, что сцена, которую он только что наблюдал, и его потребность в деньгах могут каким-то образом соединиться и обернуться в его пользу, вот только он пока еще не мог сформулировать, каким образом это произойдет.

Чарльз Поуп вышел из Брокенхёрст-Хауса на ярко освещенную солнцем Белгрейв-сквер. Он ликовал: встреча прошла удачно, графиня пообещала ему больше денег, чем он мог надеяться, удвоив сумму, которую изначально предложила. Оставался, правда, мучительный вопрос: почему она так поступает? А почему был столь щедр мистер Тренчард, ссудив ему задаток за фабрику на таких выгодных условиях? А теперь вот новая покровительница дала Чарльзу возможность найти поставщиков хлопка в Индии и расширить предприятие, что, по его прикидкам, должно было занять лет десять. Так все-таки, почему эти люди ему помогают? Все это выглядело весьма загадочно. Поуп был искренне польщен приглашением в особняк леди Брокенхёрст, и она сделала все, чтобы молодой человек чувствовал себя как дома. Но Чарльз не мог не удивляться, чем же он заслужил такой подарок судьбы.

- Кто-то, кажется, очень доволен собой.
- Чарльз резко обернулся и прищурился от солнца:
- Вы?
- Я! – улыбнулась девушка.
- Леди Мария Грей, если не ошибаюсь?

После суаре Чарльз навел у хозяйки дома справки об этой девушке, так что теперь он знал, каково ее положение в обществе. Это стало для него

ударом. Если прежде он надеялся, что Мария находится в пределах досягаемости, то теперь сразу понял, что шансов у него нет. И все же увидеть ее еще раз было приятно. Этого он отрицать не мог.

– Она самая. А вы мистер Поуп.

Сегодня на Марии был застегнутый на все пуговицы модный синий жакет поверх широкой юбки и шляпка, украшенная синими же цветами. Чарльзу показалось, что ничего более приятного его глаза никогда не видели.

– А почему, позвольте вас спросить, вы так переполнены весенней радостью? – мило рассмеявшись, поинтересовалась она.

– Так, дела. Вам будет скучно про это слушать, – сказал Чарльз.

– Откуда вам знать! Почему мужчины всегда заранее считают, будто женщинам интересны только сплетни и моды?

Они так и стояли и смотрели друг на друга, пока сзади кто-то легонько не кашлянул. Поуп обернулся и увидел женщину в черном.

«Должно быть, камеристка леди Марии, – подумал он. – Ну конечно! Юную девушку наверняка никуда не отпускают без сопровождающих».

– Простите меня. – Чарльз отвесил поклон и сложил руки, словно моля о пощаде. – Я не хотел вас обидеть. Просто мне подумалось, что финансирование поставок хлопка окажется не слишком занимательной темой для беседы.

– Это мне судить, мистер Поуп, – улыбнулась она. – Так расскажите же мне о вашей фабрике и о хлопке, а если я сочту разговор утомительным, то зевну в перчатку, и вы поймете, что вам не удалось меня заинтересовать. Годится? – Она кокетливо склонила голову набок.

Чарльз улыбнулся. Мария Грей не была похожа ни на одну женщину из тех, что он до сих пор встречал. Девушка была, без сомнения, красива и мила, но к тому же прямолинейна, требовательна и, возможно, довольно своенравна – чувствовался характер.

– Я постараюсь выдержать испытание, – ответил Поуп. – Вы куда-то шли?

– В новую Лондонскую библиотеку. Хотела записаться. Мистер Карлейль^[22] – мамин друг, и он до небес превозносил достоинства новой библиотеки, которая, если верить ему, существенно превосходит библиотеку Британского музея, хотя в это мне трудно поверить. Райан меня сопровождает.

Мария кивнула на стоявшую рядом с ней женщину, но мисс Райан явно чувствовала себя неловко в подобной ситуации.

– Миледи... – наконец заговорила она.

– Что случилось?

Но служанка молчала, и Мария отвела ее в сторону. Через несколько секунд девушка вернулась, улыбаясь:

– Райан считает, мама не одобрит, что все видят, как мы вместе идем по улице и разговариваем.

– Ваша матушка действительно этого не одобрит?

– Возможно. – Но, судя по всему, эта девушка была не из тех, кто легко отказывается от приключений. – А вы куда направлялись? – спросила она Чарльза.

– Возвращался к себе в контору.

– И где она расположена?

– В Бишопсгейте. Это в Сити.

– Тогда мы пройдем вместе с вами часть пути. Библиотека находится на Пэлл-Мэлл, сорок девять, так что вам не придется делать крюк. А по дороге вы познакомите нас с миром хлопка и расскажете, чем собираетесь заняться в Индии, только постарайтесь сделать это как можно более занимательно. Ну а потом мы расстанемся и разойдемся каждый по своим делам.

Вот так и получилось, что в следующие полчаса, пока все трое брели по Грин-парку, Чарльз Поуп повествовал дамам о тонкостях текстильного производства. Он говорил о том, как собирается расширять фабрику, рассказывал о новом ткацком станке с автоматической системой остановки, которая срабатывает, как только нити рвутся. И все это время Мария наблюдала за его воодушевленным лицом, вслушивалась в его оживленный голос и любовалась движением его энергичных губ. Когда они добрались до Пикадилли, Мария уже знала почти все о сборе и транспортировке хлопка, равно как и о текстильном деле.

– Вы выиграли! – воскликнула она, закидывая сиреневый зонтик на плечо.

– Что выиграл? – не понял Чарльз.

– Мне ни разу не пришлось подавить зевок. Было познавательно и очень интересно. Bravo! – засмеялась девушка и захлопала в ладоши, не снимая перчатки. Чарльз поклонился. – Хотелось бы мне как-нибудь побывать у вас в конторе.

– Боюсь, если ваша матушка считает, что нам нельзя даже вместе пройти, – он покосился на Райан, которая стояла с каменным выражением лица, – то визит в Бишопсгейт она сочтет...

– Ерунда, – перебила его Мария. – Вы говорите, что леди Брокенхёрст заинтересовалась вашей компанией, так почему бы и мне тоже не прийти

посмотреть?

– Не вижу никакой связи, – нахмурился Чарльз. – При чем тут графиня?

Затруднившись с ответом, Мария сказала, не подумав:

– При том, что я... помолвлена с ее племянником.

– Ах вот как!

Как глупо, что он почувствовал разочарование. Даже хуже чем разочарование. Словно он потерял дорогую жемчужину. «А на что, интересно, ты рассчитывал? Что у такой красивой и умной девушки, как Мария Грей, нет кавалеров? Ну конечно, она помолвлена! С юношей своего круга, ведь Мария и сама из благородной семьи, а ты никто, человек без происхождения».

– Может быть, мы с леди Брокенхёрст вместе нанесем вам визит, – продолжила Мария чуть энергичнее, чем следовало.

– Ничто не доставит мне большего удовольствия, – улыбнулся Чарльз Поуп и приподнял шляпу. – А теперь за работу! – воскликнул он и, пожелав своим спутницам хорошего дня, повернулся и зашагал по Пикадилли.

Джон Белласис сидел в ресторане «Мистер Пимм», располагавшемся в доме номер три по Поултри, и потягивал из большой кружки эль, когда внутрь вошел его отец и сел напротив. Как обычно по вторникам, Джон навещал приятеля, биржевого маклера, контора которого находилась за углом, на Олд-Джури. Белласис-младший уже изыскивал способы преумножить свое будущее состояние и удачно вложить средства. «Важно делать вид, что суетишься, – говорил он себе, – чтобы те, кому я сейчас должен, были уверены, что рано или поздно получают свои деньги обратно».

– Вот ты где, – сказал Стивен.

– Добрый день, отец. Как ты узнал, где меня искать?

– Ты всегда здесь торчишь. – Стивен наклонился поближе. – Можешь себе представить, – Белласис с усилием хлопнул руками по столу, – он мне отказал!

– Кто?

Джон поставил на стол недопитую пинту и отодвинул в сторону тарелку с обглоданными на совесть бараньими костями.

– Дядюшка твой, кто же еще! – Стивен потянул себя за две белые полоски ткани, свисающие с воротника. – Что мне теперь делать? – Он чувствовал, что срывается на визг, но его охватила паника. – У меня осталось всего два дня... Вернее, теперь уже один.

– А сколько ты у него попросил?

Джону не было необходимости угадывать причину, по которой огорчился отец: наверняка опять проигрался и влез в долги.

– Тысячу фунтов. – Стивен внимательно разглядывал тарелку Джона, ища, нельзя ли чем-нибудь поживиться. Его пальцы зависли было над костями, но в конце концов выудили кусок остывшей моркови в масле. – Я задолжал Шмитту.

– Шмитту? Этому дикарю?! – поднял брови Джон. – Тогда лучше заплатить, – вздохнул он. – С ним шутки плохи.

– Сам знаю, – закивал отец, жуя морковку. – Можешь придумать, кто бы мне помог?

– Ты имеешь в виду, кто одолжил бы тебе денег?

– А что же еще? Если бы я мог занять и отдать долг Шмитту, это помогло бы мне выиграть несколько дней и договориться о кредите, ну или еще что-нибудь в этом роде. Придется отдавать с процентами, но если я займу хотя бы пятьсот фунтов, то смогу добиться отсрочки.

– У меня нет подходящих знакомств. Но ты наверняка сумеешь раздобыть наличные. Обратись в банк. – Джон побарабанил по столу аккуратно подстриженными ногтями. – Там знают, кто мы, знают, что у семьи есть состояние и что рано или поздно оно перейдет ко мне. Наверное, под него ты можешь взять денег?

– Уже пробовал, – откровенно признался Стивен. – Банкиры считают, что мой брат пребывает в добром здравии и ожидание слишком затянется.

Джон пожал плечами:

– Еще я слышал про одного поляка: Эмиль Кручинский, живет недалеко от Вест-Энда. Он может достать тебе деньги в нужный срок.

– А сколько он берет?

– Пятьдесят процентов.

– Пятьдесят! – надув щеки, фыркнул Стивен. Официантка, наклонившись, протирала отгороженный столик напротив. Ее пышная задняя часть ритмично покачивалась вправо-влево. – Это, пожалуй, слишком.

– Такие сейчас расценки для срочных ссуд, – ответил Джон. – Тебя связывают по рукам и ногам, и все это прекрасно понимают. А что, продать совсем нечего?

– Только дом на Харли-стрит, а он уже заложен-перезаложен по самую крышу. Сомневаюсь, что мы выручим за него хоть пенни.

– Тогда убеди банкиров или иди к поляку, – хмыкнул Джон.

– Знаешь, кого я сегодня видел в доме твоего дяди на Белгрейв-сквер? – нахмурившись, сказал Стивен. – Чарльза Поупа, того самого.

– Протеже Тренчарда? Того, который был на вечере? – озадаченно спросил Джон. – Интересно, с какой стати он опять туда пришел?

– Вот и я о том же, – кивнул Стивен. – Но ведь пришел. Они весело хохотали на пару с твоей тетушкой, причем не где-нибудь, а у нее в гостиной. Я застал их, когда Чарльз уходил. По-моему, это очень подозрительно. Мальчишка покраснел, когда я увидел его. По-настоящему смутился.

– Ты же не думаешь, что у них было романтическое свидание? – усмехнулся Джон.

– Боже упаси! – хохотнул Стивен, снова откидываясь на спинку кресла. – Но что-то там такое происходит, доложу я тебе. Каролина вкладывает деньги в фабрику Поупа.

– Да что ты? – выпрямился Джон. Услышав про деньги, он сразу оживился. – С чего вдруг тетушке интересоваться коммерческим предприятием, да еще предприятием абсолютно постороннего человека, неизвестно откуда взявшегося?

– Вот именно, – согласился отец. – И для людей, которые только недавно познакомились, они вели себя слишком по-дружески. Ты помнишь, как она водила его по комнатам на том вечере? На мой взгляд, это выглядело не слишком прилично. Женщина с таким положением в свете – и вдруг какой-то никому не известный молодой человек...

– А кстати, кто он такой? Кто-нибудь знает о его происхождении? Наверняка мы могли бы откопать что-нибудь интересное.

– Мне, по крайней мере, ничего не известно. У меня и у самого этот Чарльз Поуп не вызывает симпатий, а главное, мне не по душе, какое влияние он приобрел на мою невестку, леди Брокенхёрст. Та выставляет себя полной идиоткой.

– Ты не знаешь, сколько она вложила?

– Судя по тому, что юный мистер Поуп, уходя, выглядел крайне довольным собой, – задумчиво проговорил Стивен, – полагаю, сумма должна быть немалой. С какой стати Каролина дает деньги постороннему человеку, когда мой дражайший братец не желает помочь даже своему ближайшему родственнику?

– Вот-вот, – кивнул Джон.

Оба некоторое время молча сидели за деревянным столом, размышляя о несправедливости.

– Надо выяснить, кто он такой, – произнес наконец Стивен.

– Думаю, тут я смогу тебе помочь, – ответил Джон.

– Как именно? – Белласис-старший заинтересованно глянул на сына.

Тот немного подумал, а потом решился на откровенность:

– Я довольно дружен с младшей миссис Тренчард. Она упоминала, что ее свекор некоторое время назад познакомился с Поупом.

– Насколько дружен? – внимательно глядя на Джона, уточнил отец.

– Я случайно встретил ее в Национальной галерее, и мы вместе выпили чая.

– Это правда? – Стивен прекрасно знал своего отпрыска.

Джон покачал головой:

– Все было совершенно благопристойно. Миссис Тренчард пришла со своей служанкой. Я мог бы порасспрашивать, что еще ей известно.

– Ты хочешь спросить служанку?

– Вообще-то, я имел в виду миссис Тренчард, но, пожалуй, и со служанкой поговорить тоже не помешает. Слуги вечно все разносят. Я хочу собрать как можно больше информации об этом Чарльзе Поупе, вокруг которого творятся странные вещи. Сначала мы узнаём, что он деловой знакомый этого мужлана Джеймса Тренчарда, а теперь вдруг выясняется, что моя разборчивая тетушка не пойми по какой причине заваливает юнца деньгами – тратит на этого выскочку средства, которые, если ветер правильно подует, в один прекрасный день станут нашими. Разве у нас нет причин беспокоиться? Я хочу разрешить загадку!

– Ответ наверняка связан с семейством Тренчард, – энергично закивал Стивен.

– А когда мы во всем разберемся, то сможем проследить и связь с моей тетушкой.

– Их должна объединять какая-то история, – снова кивнул Стивен. – Мистера Поупа и Каролину или, скажем, его и Перегрину. А когда мы выясним правду, то, может быть, раз уж Каролина так вольготно распоряжается сейчас своими финансами, она заплатит и нам, чтобы сохранить эту информацию в тайне.

– Папа, да ты никак предлагаешь шантажировать тетушку? – В кои-то веки Джон был потрясен.

– Ну да, а что здесь такого? Мы всего лишь восстановим справедливость. И для начала тебе придется выведать тайны семейства Тренчард.

Правая нога Стивена энергично закачалась под столом вверх и вниз. Не так уж все и плохо. Даст Бог, его молитвы не останутся без ответа.

Два дня спустя Джон входил в паб «Лошадь и грум» на Грум-плейс. Хотя это место находилось всего в нескольких минутах ходьбы от Итон-

сквер и роскошных домов Белгравии, однако это был совершенно иной мир.

Джону удалось договориться о краткой встрече со Спир на улице возле дома Тренчардов. Под предлогом подготовки нового randevu со Сьюзен он расспрашивал служанку о том, где обитатели особняка обычно проводят свободное время. Конечно, она поняла, что у Джона на уме что-то еще, и он задумался, не попросить ли ее навести для него справки, но потом решил этого не делать. Спир явно пользовалась большим доверием госпожи, а посвящать любовницу в свои дела раньше времени Белласис не хотел. Спору нет, Сьюзен была восхитительна, но готовность, с которой она прыгнула к нему в постель, заставляла насторожиться. Эта женщина явно не слишком осмотрительна, и ей вряд ли можно доверять. В конце концов служанка предложила Белласису, если он хочет найти помощников среди обитателей дома, потолковать с мистером Тёртоном, дворецким: тот частенько выпивает за углом, в «Лошади и груме». Поначалу Джон удивился. Дворецкому обычно платят самое высокое жалованье, а значит, он должен быть предан хозяевам. Но Спир наверняка знает, что говорит.

Когда Белласис-младший вошел в паб, его буквально захлестнул запах пролитого пива и мокрых опилок. Джон вполне привык иметь дело с самыми неприглядными районами Лондона, но даже на его вкус паб «Лошадь и грум» оказался слишком сомнительным заведением.

Джон заказал себе пинту пива, встал в углу, подперев спиной стену, и стал ждать. Спир говорила, что мистер Тёртон всегда заглядывает сюда около пяти пропустить кружечку, и вот ровно в пять, как раз когда били часы над барной стойкой, в дверь вошел высокий худощавый человек с серым землистым лицом, одетый в черное пальто и сверкающий черными начищенными ботинками. В этом заведении он смотрелся довольно неуместно, однако, когда посетитель пододвинул себе стул, подошел трактирщик с бутылкой джина и, не обменявшись с вошедшим ни единым словом, налил ему маленький стаканчик. Тёртон кивнул. Он не отличался красноречием, но явно был рабом привычки и завсегдатаем этого места.

– Мистер Тёртон, не так ли? – осведомился Джон.

Дворецкий проглотил джин, после чего поднял глаза.

– Допустим. – При ближайшем рассмотрении он казался изможденным. – Разве мы знакомы?

– Нет, – сказал Джон, усаживаясь напротив. – Но я думаю, мы с вами могли бы проверить одно дельце.

– Мы с вами? – чуть занервничав, повторил Тёртон.

Он частенько продавал на сторону лишний кусок говядины, отгружал

головку хорошего сыра или несколько бутылочек неплохого кларета, и за все это время ни разу не попался. С кухаркой, миссис Бэббидж, у них был уговор. Она заказывала чуть больше провизии, чем необходимо, – никаких крайностей: чтобы прислали из Гленвилла парочку лишних фазанов, немного больше баранины, чем потребуется, – а он тайком продавал излишки. В пабе Тёртона хорошо знали. Он сидел там каждый день с пяти до шести и вел свои скромные торговые дела. Миссис Бэббидж, естественно, получала свою долю. Может быть, дворецкий давал кухарке меньше, чем та заслуживала, но ведь рисковать-то приходилось ему. Ей всего лишь требовалось совершить преднамеренную ошибку в заказах, а за это вряд ли строго накажут. Тёртон проработал у Тренчардов почти двадцать пять лет, пришел к ним вскоре после смерти их дочери, так что хозяева ему доверяли. Единственным, кто представлял для дворецкого угрозу, была миссис Фрэнт: на редкость навязчивая особа, вечно повсюду совавшая свой нос. Маленький бизнес Тёртона и миссис Бэббидж был четко налажен, и он не собирался позволить эконолке все разрушить. Дворецкий окинул Джона пристальным взглядом с головы до ног, отметив дорогую одежду и золотую цепочку карманных часов. Незнакомец не походил на человека, которому нужен кусок окорока.

– Сомневаюсь, что у нас с вами может быть что-то общее, сэр, – сказал Тёртон.

– Ну, тут вы ошибаетесь, – возразил Джон и пригубил эля. – Мне нужна помощь в одном приватном деле, и для такой работы вы как раз подходящий человек. Разумеется, небольшое вознаграждение не заставит себя ждать.

– Насколько небольшое?

– Зависит от результатов, – улыбнулся Джон.

Тёртон заинтересовался. Распродавать обрезки говядины – это хорошо, но настоящие деньги на черный день тоже весьмагодились бы. И потому он согласился, чтобы этот молодой человек купил ему еще один джин, и приготовился внимательно слушать.

Сорок минут спустя они вдвоем вышли из «Лошади и грума» и направились обратно к Итон-сквер. Тёртон попросил Джона подождать его на углу у конюшен, пообещав вернуться через несколько минут. Дворецкий сообщил, что у него есть на примете как раз такой человек, который нужен его новому знакомому: алчная служанка, проработавшая в семье многие годы.

– Уж эта женщина ни за что не упустит собственную выгоду, – сообщил он, прежде чем скрыться за углом. – Помяните мое слово.

Джон стоял на улице под газовым фонарем, подняв воротник и надвинув на глаза шляпу. Дом Тренчардов был совсем близко, и это его тревожило. Хоть бы дворецкий поторопился. Меньше всего Белласису сейчас хотелось наткнуться на Сьюзен или, скажем, на самого Джеймса Тренчарда.

Наконец Тёртон вернулся, но не один, а с коренастой спутницей. На ней были черная шляпка и дорогая кружевная шаль бордового цвета.

– Сэр, – сказал Тёртон, показывая на женщину, – это мисс Эллис. Камеристка миссис Тренчард. В семье работает уже тридцать лет. Если она чего-то не знает о происходящем в доме, то этого не имеет смысла знать.

Тёртона злило, что пришлось прибегнуть к помощи мисс Эллис, но он понимал: в одиночку с таким поручением ему не справиться. Глава семейства очень неплохо относился к дворецкому, но назвать их наперсниками нельзя было даже при самом буйном воображении, тогда как мисс Эллис... Хозяйка всегда доверяла верной камеристке. Бедная миссис Тренчард и не подозревала, что Эллис может с легкостью выдать секреты госпожи, стоит лишь пообещать ей солидный куш.

– Мисс Эллис, стало быть? Очень приятно, – с достоинством кивнул Джон.

Он досадовал, что Спир не направила его напрямую к этой женщине. Зачем было прибегать к посредничеству дворецкого? Теперь придется платить обоим, а лишние расходы всегда неприятны. Однако Тёртон прав: кому лучше, чем камеристке, известны хозяйские секреты? Белласис не сомневался, что выбрал верный способ. Поговаривали, что половина крупных держав платит слугам и служанкам за шпионаж.

Джон улыбнулся женщине, которая молча ждала, что он скажет дальше.

– Мне кажется, мисс Эллис, мы с вами поладим.

6. Шпион среди нас

Джеймс Тренчард сидел в своем кабинете на Грейс-Инн-роуд за элегантным, инкрустированным позолоченной бронзой столом в стиле ампира. На втором этаже, над его конторой, находилась большая, отделанная деревянными панелями комната с солидными картинами и внушительной мебелью. В комнату вела винтовая лестница. Хотя Джеймс никогда и не произносил этого вслух, но считал себя коммерсантом-джентльменом. Большинство современников Тренчарда сочли бы подобное наименование оксюмороном, но так уж ему хотелось себя чувствовать, и он старался, чтобы окружающее пространство это отражало. В углу на круглом столике были аккуратно расставлены рисунки Кьюбитт-тауна, а над камином висел прелестный портрет Софии. Написанный во время их пребывания в Брюсселе, он изображал дочь в самую пленительную ее пору. Юная и уверенная, она смотрела прямо на вас. На ней было надето кремовое платье, а волосы уложены по моде того времени. Портретное сходство было велико, весьма велико, и девочка была на картине как живая, именно такой отец ее и запомнил. Может быть, по этой причине Анна отказалась повесить портрет на Итон-сквер, где он навевал на нее грусть, но Джеймсу нравилось смотреть на свою любимую потерянную дочь; он любил вспоминать Софию в редкие моменты тишины, когда сидел в одиночестве.

Но сегодня он, как ни странно, разглядывал не портрет, а лежавшее на столе письмо. Его доставили в присутствии секретаря, однако Джеймс хотел прочитать послание один. Он вертел конверт в пухлых руках, изучал витиеватый почерк и плотную кремовую бумагу. Не было необходимости вскрывать конверт, чтобы узнать, от кого письмо, поскольку он уже однажды получил точно такое же, где сообщалось, что мистера Джеймса Тренчарда включили в список кандидатов на членство в «Атенеуме». Сейчас это, видимо, был окончательный ответ от Эдварда Маграта, секретаря клуба. Джеймс затаил дыхание. Ему так неистово хотелось быть принятым, что он никак не решался прочитать письмо. Он знал, что для многих «Атенеум» не вяжется с представлением о модном клубе. Тамошняя еда была печально знаменита своей убогостью, а в высшем обществе заведение считали своего рода лондонским перевалочным пунктом для всевозможных церковников и ученых. Однако, как ни крути, то было место, где встречаются джентльмены, этого никто не стал бы отрицать. Разница состояла лишь в том, что правила в «Атенеуме» были несколько

революционными: клуб принимал в свои ряды выдающихся людей из мира науки, литературы и искусства и даже тех, кто состоял на государственной службе, не слишком интересуясь их происхождением и образованием.

Такая политика привела к тому, что состав «Атенеума» был куда более пестрым и разномастным, чем в прочих джентльменских клубах. Так, его членом стал Уильям Кьюбитт, а разве Джеймс не помог им с братом построить половину фешенебельного Лондона? Разве это нельзя считать государственной службой? Уильям согласился порекомендовать в «Атенеум» Тренчарда и еще несколько месяцев назад подал заявку на его членство. Однако, поскольку никакого ответа от клуба они не дождались, Джеймс принялся надоедать компаньону просьбами похлопотать о приеме. Он понимал, что являет собой отнюдь не идеальную кандидатуру, даже с учетом либеральных правил «Атенеума»: сын рыночного торговца не совсем то происхождение, которому позавидуют столпы влиятельного общества, но неужели Бог будет к Джеймсу так жесток, что отвергнет его? Джеймс знал, что ему никогда не попасть ни в «Уайтс», ни в «Будлз», ни в «Брукс», ни в любое другое истинно элитное место, но разве это справедливо? Кроме того, Тренчард слышал, что клубу требуются наличные деньги, которые у него имелись, и в достаточном количестве. Разумеется, есть риск, что в «Атенеуме» к нему будут относиться с пренебрежением и даже станут насмехаться, да и Анна не поймет, зачем вдруг мужу непременно понадобилось стать членом джентльменского клуба, но Джеймсу, несмотря ни на что, требовалось ощущение, что он принадлежит к миру избранных, пусть даже за эту привилегию и придется заплатить. Справедливости ради следует отметить: в глубине души Джеймс осознавал, что его честолюбивые устремления – вздор. Если великосветские тупицы и франты все-таки нехотя окажут ему снисхождение, это никак не повлияет на подлинную ценность его жизни, но тем не менее... Свою тайную страсть к клубам Тренчард долее сдерживать был не в силах. Это был мотор, который тянул его вперед, а двигаться надо было как можно дальше и как можно быстрее.

Дверь открылась, и появился секретарь.

– Пришел мистер Поуп, сэр. Просит оказать ему честь и принять его.

– Просит принять? Хорошо, пригласи.

– Надеюсь, я не побеспокоил вас, мистер Тренчард, – произнес Чарльз, энергично входя в кабинет, – но ваш секретарь сказал, что вы у себя, а я хочу сообщить вам новости.

Как всегда, его улыбка была теплой, а манеры обходительными.

– Конечно проходите, – кивнул Джеймс, откладывая письмо. Он встал,

чтобы пожать молодому человеку руку, удивляясь, какое удовольствие доставляет ему просто смотреть на своего внука. – Присядете?

– Да, если не возражаете. Простите меня, сэр, я слишком волнуюсь.

– Вот как? Так что у вас за новости?

– Леди Брокенхёрст любезно написала мне, какую именно сумму они с мужем желают вложить в мою фабрику. Так что теперь, полагаю, у меня есть все необходимые деньги!

По Чарльзу было видно, что он вне себя от радости, однако пытается сдерживаться. Без сомнения, он был весьма благовоспитанным молодым человеком.

– Всех необходимых денег нет ни у кого, – улыбнулся Джеймс, хотя его терзали противоречивые чувства.

С одной стороны, он мог только порадоваться за этого полного энергии и энтузиазма юношу, мечты которого вот-вот исполнятся, но с другой... Нельзя было обольщаться. Необычность всей истории – дама из высшего общества вкладывает целое состояние в дело скромного незнакомца – не могла не вызвать пересудов, а вспомнив, какое внимание леди Брокенхёрст по необъяснимой причине недавно оказывала Поупу на званом вечере, кто-нибудь достаточно скоро сложит два и два.

А Чарльз продолжал:

– Если взять вашу долю, сэр, а также средства леди Брокенхёрст, то мне хватит, чтобы выплатить ссуду за фабрику, приобрести новые станки и прочее оборудование и вообще улучшить качество производимого материала. Я смогу отправиться в Индию, наладить поставки сырья, найти там агента, а дальше останется только сидеть и смотреть, как наша продукция выходит в лидеры всей текстильной индустрии. Нет, не подумайте, я вовсе не собираюсь просто так сидеть и смотреть, – прибавил он, засмеявшись.

– Я понимаю, – улыбнулся в ответ Джеймс.

Внутренне он клял себя, что не взялся полностью финансировать предприятие: таким образом необходимость вмешательства графини отпала бы сама собой. Тренчард легко мог бы это сделать, но не желал слишком уж облегчать Чарльзу жизнь, полагая, что мальчику нужно научиться вести дела в современном мире. Однако теперь Джеймсу хотелось кусать себе локти. Впрочем, леди Брокенхёрст наверняка нашла бы другой способ проникнуть в жизнь Чарльза. Как только графиня узнала, кто он такой, ее ничто уже не могло удержать. Вот ведь угораздило же Анну все ей рассказать! Но, в тысячный раз прокручивая в уме ситуацию, Джеймс понимал, что пути назад нет. Катастрофа, которая погубит их семью, уже не

за горами.

– Что ж, признаюсь, я несколько удивлен, – лукаво усмехнулся он юноше. – Ибо когда на днях я услышал, что графиня принимает живое участие в ваших начинаниях, то спросил себя, возможно ли это, и засомневался, что леди Брокенхёрст и впрямь исполнит обещание. Но она его исполнила. Я ошибся и от души этому рад.

Чарльз горячо закивал:

– Я собираюсь начать делать запасы хлопка-сырца, пока не наберу объем, достаточный для работы фабрики в течение года. После этого я отправлюсь на пароходе в Индию, чтобы, так сказать, поставить на место последний фрагмент мозаики. И тогда у меня все будет готово.

– Действительно. А что, мистер Поуп, у вас так до сих пор и нет никаких объяснений, почему леди Брокенхёрст вдруг проявила к вашему предприятию такой интерес? Она никогда не говорила, с какой стати решила помогать? Все это представляется довольно странным.

– Согласен. – Чарльз недоуменно покачал головой. – Леди Брокенхёрст очень хорошо ко мне относится. Говорит, что сочувствует, хотя не знаю, что это может в данном случае означать. Приглашает к себе домой. Но никогда не рассказывает даже то, каким образом обо мне узнала.

– Так или иначе, следует радоваться, что такая особа оказывает вам покровительство.

– Да. Но когда-нибудь я узнаю правду. Графиня сказала, что я напоминаю ей одного человека, к которому она когда-то была очень привязана. Но ведь не это же подлинная причина, верно? – Юноша поднял брови, недоумеая от подобного предположения.

– Остается лишь строить догадки. Возможно, за этим стоит нечто большее. Но я даже не подозреваю, что именно.

«Какой я хороший лжец, – подумал Джеймс. – Сам от себя такого не ожидал: надо же, могу смотреть человеку в глаза и врать ему так же легко, как ставлю подпись на бумагах. Каждый день узнаешь о себе что-то новое».

Он рассеянно взял со стола конверт и вскрыл его. Письмо действительно было от Эдварда Маргата. Джеймс пробежал глазами послание от начала до конца и обнаружил долгожданное: «...И мы с большим удовольствием принимаем Вас в члены „Атенеума“».

Тренчард улыбнулся, но улыбка вышла кривоватой. Много ли пройдет времени, прежде чем его попросят покинуть клуб?

– Хорошие новости, сэр? – спросил Чарльз, сидевший прямо напротив, перед камином, и наблюдавший за реакцией Джеймса.

– Я стал членом клуба «Атенеум», – сказал Джеймс, уронив письмо на

стол.

Какая горькая ирония судьбы: как раз теперь, когда он наконец-то, затратив немало усилий, сделался «своим», хотя бы до некоторой степени, все грозило рухнуть. Леди Брокенхёрст вряд ли станет держать слово. И даже если она промолчит, другие догадаются сами. Прежде всего, Каролина наверняка должна была рассказать все мужу, чтобы договориться о вложении денег в предприятие Чарльза. Однако здесь Джеймс ошибался. Графине потребовалось всего лишь сказать лорду Брокенхёрсту, что она намерена поддержать коммерческое начинание молодого Поупа, и Перегрин охотно пошел на поводу у жены, как делал всегда.

Джеймс с ужасом думал о том, что если тайна, которую они много лет тщательно скрывали, и впрямь станет всеобщим достоянием, то слухи за один день облетят весь Лондон, и тогда Софию заклеят как потаскуху, а к нему, Джеймсу Тренчарду, станут относиться как к отцу гулящей дочери. Они погибнут, а все лишь из-за того, что Анна проявила к графине сострадание.

Чувствуя нависший над головой дамоклов меч, Джеймс Тренчард решил, что надо наслаждаться моментом, ибо продлится он недолго. Поэтому он пригласил Чарльза отобедать в своем новом клубе, чтобы отпраздновать хорошую новость, и они вместе вышли на яркое солнце. Сядя рядом с внуком в экипаж и приказывая Кверку ехать на Пэлл-Мэлл, Джеймс не мог удержаться от мысли, что это, возможно, один из самых счастливых дней его жизни. Ведь он вот-вот войдет в прославленные залы одного из самых фешенебельных лондонских клубов, членом которого мечтал стать много лет, и рядом с ним сидит сын Софии. Он позволил себе улыбнуться.

Когда Джеймс вошел в грандиозный холл, с великолепной лестницей, занимавшей бóльшую часть пространства, с мраморным полом, статуями и белыми с позолотой колоннами, сердце у него забило чуть быстрее. Величественность, которая так подавляла Тренчарда ранее, когда он бывал здесь в качестве гостя Уильяма Кьюбитта, вдруг преобразилась в радушие старого друга.

— Добрый день, сэра, — послышался голос услужливого человека, одетого во все черное, за исключением белой рубашки. Седыми волосами и пронизательными синими глазами он напомнил Джеймсу Робеспьера. — Чем могу вам помочь, сэра?

— Меня зовут Тренчард, — сказал Джеймс, нащупывая в кармане письмо. — Джеймс Тренчард. — Он развернул листок перед слугой,

почувствовав, что уверенность внезапно покинула его. – Я новый член клуба.

– Ах да, мистер Тренчард, – улыбнулся слуга и вежливо поклонился. – Добро пожаловать в клуб. Вы сегодня с нами пообедаете?

– Непременно! – подтвердил Джеймс, потирая руки.

– С мистером Кьюбиттом, сэр?

– С мистером Кьюбиттом? Нет, – смутился Джеймс. Почему они решили, что Уильям тоже придет?

Клубный слуга принял значительный вид. Он чуть нахмурился, демонстрируя легкое смятение.

– Традиционно, сэр, первый обед новый член клуба проводит в обществе человека, который рекомендовал его. – Важность этого типа становилась просто несносной.

– Это правило? – поинтересовался Тренчард с застывшей на губах улыбкой.

– Нет, сэр. Просто традиция.

Джеймс почувствовал, как в груди начинает подниматься хорошо знакомая волна гнева. С одной стороны, ему больше всего хотелось, чтобы его приняли за члена этого общества, но с другой – он жаждал стереть их всех в порошок.

– Значит, сегодня мы этой традицией пренебрежем. Я здесь со своим... – он умолк и поспешно кашлянул, – со своим гостем, мистером Поупом.

– Конечно, сэр. Хотите сразу пройти в обеденный зал или сперва присядете в одной из гостиных?

Джеймс понемногу приходил в себя.

– Пожалуй, мы сразу поедим. Благодарю вас, – сказал он и улыбнулся Чарльзу, вернув себе место в центре собственной вселенной.

Слуга провел обоих через холл, мимо лестницы, в располагавшийся за ней обеденный зал. Из-за больших подъемных окон, выходивших на буйную зелень Ватерлоо-Гарденс, помещение казалось просторным, и, когда их подвели к дальнему столу в правой части зала и спросили, что они будут пить, Джеймс почувствовал благодущие.

Он заказал два бокала шампанского и положил на колени большую льняную салфетку. Все было восхитительно, долго лелеемая мечта сбылась, и, пока официант разливал шампанское, Тренчард оглядел зал: обедающие группами мужчины, огромные вазы с цветами, картины с изображением скаковых лошадей, вешенные в ряд вдоль боковой стены. «Почему все джентльмены непременно должны делать вид, будто интересуются лошадьми?» – мимоходом подумал он, забирая свой бокал.

– За ваше доброе здоровье и за успех вашего нового предприятия!

Он хотел было чокнуться с Чарльзом, но вовремя вспомнил, что этого делать не полагается, и убрал руку. Заметил ли Чарльз его ошибку? Если и заметил, то виду не подал.

«Еще бы! – подумал Джеймс. – Мой внук – слишком джентльмен, чтобы брать в голову такие мелочи». На мгновение он даже позавидовал юноше.

– Я очень вами горжусь, мистер Поуп, – сказал Тренчард, и это была правда.

Его внук был именно таким человеком, которым Джеймс сам отчаянно хотел стать, при этом где-то глубоко внутри чувствуя, что это ему никогда не удастся. Спокойный, уверенный, чувствующий себя в джентльменском клубе как дома. Чарльз, возможно, слегка терялся в закрытых для посторонних залах Брокенхёрст-Хауса, но не здесь, где многие из завсегдатаев хотя и были людьми выдающимися, однако сами зарабатывали себе на жизнь. Может быть, просто открыть ему правду? Новость так и так скоро станет общим достоянием, и он все равно узнает. Не лучше ли сказать Чарльзу, кто он, здесь и сейчас, в этой приятной, безмятежной атмосфере, вместо того чтобы предоставить бедняге случайно услышать правду в виде сплетни на каком-нибудь званом вечере?

– Далеко не каждый способен так быстро запустить подобного рода предприятие, как это сделали вы. Для этого нужно быть человеком особого склада, целеустремленным и решительным, много работать, хорошо ориентироваться в деловом мире. Я вижу в вас свое отражение.

– Это высокая похвала, мистер Тренчард, – засмеявшись, ответил Чарльз, возвращая расчувствовавшегося было Джеймса к реальности.

Нет, конечно, нельзя ничего говорить мальчику сейчас, пока тайна еще не раскрылась. А вдруг никто и не догадается? Может быть, леди Брокенхёрст выживет из ума. Или умрет. Или вдруг случится еще одна война с Францией. Все может быть.

– Я говорю совершенно искренне. Вы хорошо постарались! – поспешно добавил Джеймс, пока эмоции полностью не овладели им. – С коммерческой стороны, – как можно более приземленным тоном продолжил он, доставая из внутреннего кармана бумаги, – мне представляется, что доходы, несмотря на первоначальные издержки, могут быть огромными. И к тому же вам не придется долго ждать, как мне кажется. Людям нужен хлопок, это непреложный факт. – Тренчард разгладил на столе бумаги. – И если вы внимательно посмотрите вот на эту колонку...

– Простите, сэр. – (Джеймс поднял глаза. Перед ним стоял тот же самый человек, что проводил их в клуб.) – Мне очень жаль, мистер Тренчард, но деловые бумаги запрещены во всех помещениях этого здания. И это уже правило. К сожалению, – прибавил он, на тот случай, если его грубость сочтут чрезмерной.

– Да, конечно. – У Джеймса покраснели уши. Ну вот, приходится терпеть очередное унижение. Неужели ему так и не дадут проявить достоинство перед собственным внуком?

– Это моя вина, – вступился Чарльз. – Я попросил мистера Тренчарда показать мне бумаги. Я не член клуба, так что, надеюсь, мое невежество можно простить.

– Благодарю вас, сэр.

Клубный слуга удалился. Джеймс смотрел на сидевшего напротив него молодого человека и думал о том, что этот мальчик никогда не узнает чувства неопределенности собственного положения, так отравлявшее когда-то жизнь его деду. Чарльза Поупа уязвить не так-то легко, он и сам не ударит в грязь лицом, не растеряется на светском рауте.

– До чего же они тут назойливы, – заметил Чарльз. – Лучше бы гордились таким членом клуба, который в состоянии показать деловые бумаги.

Тренчард опустил взгляд на стол. Чарльз явно его выгораживал. Разумеется, он должен был встать на защиту своего покровителя, но, помимо этого, столь открытое проявление чувств означало также, что он испытывает к Джеймсу искреннее расположение. От этой мысли на душе у Тренчарда стало хорошо. Когда прибыла первая перемена блюд, оба с аппетитом принялись за еду, и остаток обеда прошел без происшествий. Ели лосося и куропатку, и яблочные снежки, вслед за которыми подали ломтики чеддера с кубиками айвового желе.

«Я обедаю с внуком!» – думал Джеймс, и сердце плясало в груди так, что чуть не разрывало жилет.

– По-моему, неплохо, а вы как думаете? – Тренчард допил бокал портвейна, который они заказали к сыру. – Учитывая репутацию, которой пользуется здешняя кухня.

– Мне кажется, сэр, что все было просто великолепно, – сказал Чарльз и посерьезнел. – Но, боюсь, мне пора. Я и так уже слишком долго отсутствовал.

Джеймс отодвинул стул и встал:

– Идемте вместе.

Они неторопливо вышли в холл и наткнулись на взбешенного Оливера

Тренчарда.

– Оливер? Как ты узнал, где я?

– У тебя в конторе сказали, что ты поехал в «Атенеум». Я уже двадцать минут жду.

– Почему ты не попросил позвать меня?

– Потому что мне назвали время, в которое ты пришел, и я поверить не мог, что обычный обед займет у тебя целых полтора часа! Когда это тебя приняли в члены клуба?

От его капризного тона становилось неловко. «Ну и дурной же пример для подражания он подает своему племяннику!» – подумал Джеймс, терпеливо дожидаясь, пока Оливер не успокоится и не придет в себя.

– Прошу прощения, что заставил тебя понапрасну потратить время, – сказал Джеймс. – Мы с мистером Поупом отмечали хорошие известия.

– С мистером Поупом? – Оливер резко повернул голову. Ослепленный яростью, он не заметил стоявшего рядом молодого человека. – Мистер Поуп? А вы-то что здесь делаете? – Тренчард-младший едва сдерживался.

– Мы вместе обедали, – вежливо и дипломатично, как он умел, сказал Чарльз, но это не возымело эффекта.

– С чего бы вдруг?

– Мистер Поуп узнал отличные новости, – заявил Джеймс. – Он сумел добыть все средства, которые необходимы для его предприятия. А я только что получил извещение о том, что меня приняли в члены этого клуба, и поэтому мы пришли сюда праздновать.

– Он получил дополнительные средства?! – Оливер переводил взгляд с одного мужчины на другого.

– Ваш отец был ко мне исключительно добр и всячески поддерживал меня, – пояснил Чарльз, но если он хотел таким образом остановить поток гнева, изливаемого Оливером, то цель достигнута не была.

– Но вы ведь уже и так знали, что мой отец согласен дать вам денег. Вы же не это сегодня праздновали?

– Нет. Сегодня я с удовлетворением узнал, что еще один пайщик готов ссудить все необходимые мне средства и даже больше.

Оливер изумленно вытаращился на него:

– Да я смотрю, вы в этом поднаторели, мистер Поуп, ловко научились заставлять людей раскошеляться. И чем только вы вызываете в них такое воодушевление? Вспомнить хоть графиню Брокенхёрст, которая водила вас по своей гостиной, как призовую корову. Мне бы ваши таланты, мистер Поуп, я бы мигом разделался со всеми своими неприятностями.

– Достаточно! – Джеймса терзало чувство вины. Печальная правда

заклучалась в том, что своего незаконнорожденного внука он предпочитал законнорожденному сыну. Видимо, Оливер, хотя и не знал всей правды, но подсознательно это чувствовал и ревновал отца к Чарльзу. – Если леди Брокенхёрст решила поддержать мистера Поупа, – резко начал он, – то нас это не касается...

– Леди Брокенхёрст? – На сей раз лицо Оливера выражало полнейшее изумление. – Стало быть, едва заинтересовавшись вашим сомнительным начинанием, леди Брокенхёрст тут же выдала вам все необходимые средства? Вот это скорость! – Голос Оливера сочился ядом.

Джеймс мысленно выбрал себя. Он сам выдал секрет, совершенно не собираясь этого делать. Ну да что толку теперь сожалеть, сказанного не вернешь.

Чарльз попытался внести ясность:

– Графиня убеждена в успехе моего предприятия, это правда. И она рассчитывает получить с него прибыль.

– План мистера Поупа очень разумный, – подтвердил Джеймс. – Леди Брокенхёрст приняла мудрое решение.

– Да неужели? – прищурился Оливер.

Повисла пауза. Чарльз неловко переминался с ноги на ногу.

– Спасибо за обед, мистер Тренчард, – наконец сказал он. – Но теперь, джентльмены, я должен вас оставить.

Он коротко кивнул Оливеру и вышел из клуба.

Сын повернулся к отцу.

– Не просветишь ли ты меня, как следует обращаться к этому человеку? – спросил он, в притворном удивлении подняв брови. – Я просто не понимаю, с какой стати сперва мой отец, а теперь еще и графиня Брокенхёрст дает деньги какому-то пробивному малому без роду без племени, который неизвестно откуда взялся. Что за этим кроется? Папа, ты явно о чем-то умалчиваешь.

– Ошибаешься. Чарльз умен, талантлив, да и дело он затеял перспективное. – Джеймс и сам чувствовал, что ограничивается общими фразами. – А его покойный отец, преподобный мистер Поуп, был моим старым другом...

– Настолько старым, что я про него никогда не слышал?

– Разве? – сухо улыбнулся Джеймс. – Так вот, он просил меня присмотреть за его сыном, когда Чарльз впервые оказался в Лондоне и заинтересовался торговлей хлопком. Разумеется, услышав, что его отец умер, я почувствовал еще бóльшую ответственность за этого милого юношу и решил помочь ему по мере сил.

– Тебе это неплохо удалось, как я погляжу. – Голос Оливера почти срывался на визг. – Ты весьма помог этому, как ты выразился, милому юноше.

От его насмешливого тона Джеймсу стало не по себе. А Оливер все не унимался.

– Ему ты помог значительно больше, чем собственному сыну. Возьми, – сказал он, сунув отцу ворох бумаг. – Я пришел, чтобы отдать тебе вот это.

Он не стал утруждать себя ожиданием, пока отец возьмет пачку, а быстро убрал руку, и документы посыпались на пол, окружив Джеймса бумажным морем.

– Мистер Тренчард. – К Джеймсу быстро подошел его недавний недруг в черном. – Давайте я вам помогу.

Они вдвоем присели и стали собирать заполненные цифрами листы, к явному неудовольствию двух давних членов клуба, которые в это время выходили на улицу.

Обратно в контору Джеймс в тот день не пошел. Слишком потрясла его грубость Оливера. Но к тому времени, когда он вернулся на Итон-сквер, первая волна гнева, вызванная неслыханным поведением сына, уже прошла, сменившись горечью. «Жаль, что я все устроил именно так, а не иначе», – думал он. Если бы много лет назад они не отдали внебрачного сына Софии в приемную семью, а воспитывали бы мальчика сами, за это время интерес к обстоятельствам его рождения наверняка бы уже угас. И Джеймс мог бы славно обедать в его обществе, как сегодня, не опасаясь при этом, что их увидят вместе, и испытывая законную гордость деда, видящего, как преуспевает его внук. Но стал бы Чарльз таким светским молодым человеком, как сейчас, если бы он вырос в доме Тренчардов? Эта мысль мучила Джеймса. Могло ли оказаться, что Поупы сумели лучше воспитать мальчика, чем это могли бы сделать его родные дедушка и бабушка?

– Ты что-то нынче слишком серьезен, – заметила Анна, когда он проходил мимо открытой двери ее комнаты. Жена сидела за туалетным столиком.

– Правда? – Тренчард остановился. – Я сегодня обедал с мистером Поупом. Он передавал тебе поклон.

Если Анна и удивилась, то ничего не сказала. Джеймсу было не видно, крутится ли где-то в комнате Эллис. Анна еще не успела предупредить мужа, как он продолжил:

– Тебя, наверное, не удивит, что леди Брокенхёрст предоставила Поупу остаток средств, которых ему не хватало, чтобы развивать свое дело.

Вместо ответа Анна повернулась к служанке:

– Спасибо, Эллис, достаточно. И пожалуйста, заберите розовое платье. Посмотрите, можно ли вывести пятно.

Джеймс прокручивал в голове свои последние слова, когда из комнаты показалась служанка с перекинутым через руку платьем и направилась в сторону черной лестницы. Выдал ли он чем-то их тайну? Кажется, нет. Он вошел к Анне в комнату и закрыл дверь.

– Надо придумать какой-нибудь пароль для тех случаев, когда рядом слуги, – сказал он.

Анна печально кивнула:

– До чего мы дожили, в собственном доме приходится таиться. – Она взяла на руки Агнессу и почесала ей за ушком. – Расскажи мне подробнее про обед.

– Чарльз пришел ко мне в контору, весь взволнованный, и сообщил потрясающие новости. Я сводил его в «Атенеум».

– Тебя приняли? Почему ты мне не сказал?

– Сам узнал только сегодня утром. В общем, Каролина дала ему недостающие деньги.

– Ясно.

– Ты хоть понимаешь, к чему это может привести? – По тону Джеймса было ясно, что он очень напуган.

– Я понимаю, что, если правда откроется, объяснить все будет трудно.

– Объяснений не потребуется. Во всяком случае, от нее. Люди сами догадаются, а Каролина только подтвердит.

Анна нахмурилась. Она лучше Джеймса знала, что леди Брокенхёрст нестерпимо хочет, чтобы тайна раскрылась, ведь тогда они с мужем смогут без всяких ухищрений встречаться с внуком. Каролина дала слово никому ничего не рассказывать, но если окружающие сами догадаются, то с какой стати ей отпираться.

– Может, люди и не свяжут это с Софией. – Джеймс попытался ухватиться за соломинку.

Анна покачала головой:

– Еще как свяжут. Сразу вспомнят, какое внимание ты уделяешь молодому человеку. И наверняка отыщется кто-нибудь, кто видел их вместе в Брюсселе. Нет. Как только наружу просочится новость о том, что Чарльз Поуп – сын лорда Белласиса, сплетники достаточно быстро пронюхают и кто его мать.

Анна встала, не выпуская собаку из рук:

– Вот что, я поговорю с Каролиной. Прямо сейчас пойду и сама с ней поговорю.

– И чего ты добьешься?

– Не знаю. Но вреда не будет. И поскольку виновата во всем я, мне и следует попытаться предотвратить катастрофу.

Джеймс ничего не ответил жене на это признание, но гнев его прошел. Ему и самому было понятно, что нет смысла снова и снова обсуждать одно и то же. Вплоть до сего момента Тренчард не задумывался, что проявляемый им интерес к молодому человеку может однажды обернуться против него самого.

– Передать Кверку, чтобы не распрягал лошадей, если он еще этого не сделал?

– Я прогуляюсь пешком. Тут рядом.

– Пойти с тобой?

– Не надо. И не волнуйся. Никто не подвергнет сомнению добродетель матроны шестидесяти с лишним лет.

Анна надела шляпку, взяла накидку и отправилась в путь, пока Джеймс не успел ничего больше сказать.

Анна шла быстро, и прогулка до Белгрейв-сквер оказалась слишком короткой, чтобы она успела передумать. Однако теперь, очутившись на тротуаре возле Брокенхёрст-Хауса, миссис Тренчард призадумалась: что именно она собирается сказать? Обыкновенно Анна не была склонна к поспешным действиям: она все продумывала заранее, тщательно взвешивая «за» и «против». Но что-то в поведении леди Брокенхёрст толкало миссис Тренчард на импульсивные поступки. Бесцеремонность этой женщины приводила ее в бешенство.

Когда Анна постучала в дверь, ей уже было все равно, насколько необычным покажется ее визит. Она была рассержена, и для того имелись все основания. Так что если леди Брокенхёрст нет дома, она найдет скамейку, сядет и будет ждать. Анна бросила взгляд на парк в центре площади. Миссис Тренчард несколько задевало, что хотя все знали о ее страсти к садоводству, однако ни ее мужу, ни мистеру Кьюбитту даже не пришло в голову спросить мнения Анны, когда закладывали этот парк. Правда, надо отдать должное, он получился хоть куда. Тут лакей открыл входную дверь и откровенно озадачился, увидев ее на ступеньках. Ему не было велено никого ожидать.

– Ее светлость дома? – спросила Анна, решительно входя внутрь.

– Как вас представить?

– Миссис Джеймс Тренчард.

– Хорошо, миссис Тренчард, – поклонился лакей и, прежде чем подняться по ступеням, добавил: – Пожалуйста, подождите здесь. Я посмотрю, дома ли графиня.

Анну позабавило это выражение. На самом деле лакей, конечно же, подразумевал, что узнает, готова ли леди Брокенхёрст принять посетительницу. Анна присела на один из расшитых золотом диванов, но тотчас же снова встала. Как ни странно, перспектива открытого противостояния с графиней придавала ей энергии. Кровь так и кипела в жилах, тем более после энергичной ходьбы. Анна повернулась к широкой лестнице, сосредоточив взгляд на закрытых двустворчатых дверях в гостиную на втором этаже. Она заметила, что ручка шевельнулась, и тотчас же повернулась спиной, сделав вид, что разглядывает портрет кого-то из предков лорда Брокенхёрста работы Питера Лели. В старомодном напудренном парике он выглядел очень чопорно. У его ног распластался маленький спаниель.

– Миссис Тренчард? – обратился к ней лакей, внезапно оказавшись рядом. Анна со светской улыбкой на губах обернулась. – Пройдемте со мной, пожалуйста.

Анна вручила слуге накидку и перчатки и последовала за ним вверх по лестнице.

– Миссис Тренчард, – певуче проговорила графиня, как только дверь отворилась, – боюсь, вы чуть-чуть опоздали к чаю. Саймон, вы не принесете чаю миссис Тренчард?

Лакей слегка поклонился.

– Нет-нет, не беспокойтесь, прошу вас, – сказала Анна. – Мне ничего не нужно.

Лакей еще раз поклонился и исчез. Анна снова прошла по розовому ковру «савонери».

– Вы очень любезны, что согласились меня принять, леди Брокенхёрст, – произнесла она самым невозмутимым и уверенным тоном, на который только была способна. – Обещаю, что не займу у вас много времени. Я здесь потому...

Каролина Брокенхёрст прекрасно видела, что нежданная посетительница настроена воинственно, и поэтому перебила гостью, прежде чем та успела назвать вслух причину своего визита.

– Миссис Тренчард, присядьте. – Она указала на обитый дамастом стул. – Вы помните леди Марию Грей, которая была тогда на моем

скромном ужине?

Анна повернула голову к окну, где стояла миловидная светловолосая девушка, одетая в светло-зеленые тона. Оказывается, они были не одни. Анна мимоходом почувствовала признательность к графине: хорошо, что та заставила ее вовремя умолкнуть.

Девушка улыбнулась:

– Я помню вас, вы тоже были на вечере, но кажется, нас не представили друг другу.

– Да, – кивнула Анна. – Боюсь, что так.

– Очень рада, что вы вдруг решили ко мне заглянуть, – произнесла леди Брокенхёрст тоном, который свидетельствовал об обратном.

– Я проходила мимо, – ответила Анна, усаживаясь напротив хозяйки. – И хотела кое о чем с вами поговорить, но это может подождать.

– Пожалуй, я пойду и оставлю вас одних, – сказала Мария.

– Не нужно, – улыбнулась Анна. – Это не так уж важно.

На самом деле ей было не по себе. Теперь, когда она лишилась возможности укорить графиню за неразумную щедрость по отношению к Чарльзу, причин оставаться не было. Она лишь прикидывала, как скоро можно уйти, чтобы это не показалось странным.

– Леди Мария как раз рассказывала мне, что случайно встретила моего юного протеже Чарльза Поупа. Это было позавчера. Он переходил площадь. Думаю, он шел из этого дома. Вы помните этого молодого человека, который тоже был на моем вечере?

Говоря это, леди Брокенхёрст смотрела Анне прямо в глаза. Что за игру она ведет?

– Чарльз Поуп? Ах да! Кажется, помню.

Хозяйка дома провела сложенным веером по ладони, дважды открыла и закрыла его. Ну и как прикажете это понимать? Графиня ждала, какова будет реакция Анны? Играла на ее чувствах просто для развлечения? Надеялась, что вопрос смутит гостью? Если так, то придется ее огорчить.

И миссис Тренчард спокойно произнесла:

– По-моему, просто очаровательный юноша.

– Согласна! – с жаром подхватила Мария, не замечая ведущейся через ее голову игры. – А уж какой он интересный собеседник! Мы вместе прошли до Лондонской библиотеки. Кажется, моя служанка нас не одобрила. А когда про это услышала мама, она просто пришла в ужас, но было уже поздно. – Девушка весело рассмеялась. И повернулась к хозяйке. – Леди Брокенхёрст, а где вы с ним познакомились?

– Уж и сама не помню.

«Каролина, должно быть, искусно играет в карты, – подумала Анна. – Прекрасно скрывает свои чувства».

– Но нас с лордом Брокенхёрстом он весьма заинтересовал. Мы считаем, этот молодой человек далеко пойдёт.

Мария убежденно кивнула:

– Он рассказывал мне о своих планах и о том, что собирается в Индию. Вы бывали в Индии, миссис Тренчард? – Анна успела в ответ лишь покачать головой. У нее не было возможности вставить хоть слово, ибо Мария тараторила без передышки. – Я бы с радостью поехала! Там такие яркие краски! Эта дикая природа! Дядя говорит, что в Индии очень красиво. Я вообще никогда никуда не ездила, ни разу в жизни не путешествовала, – с сожалением призналась она. – Правда, много времени провела в Ирландии, у нас там поместье, но ведь это вряд ли можно считать за границей, да? – Она улыбнулась собеседницам, но обе дамы хранили молчание. Не дождавшись комментариев, девушка продолжила: – И в Италии мне бы тоже очень хотелось побывать. Я бы вообще с удовольствием отправилась в гран-тур^[23] – ну, знаете, как раньше ездили молодые люди: увидеть «Давида» Микеланджело, побродить по галерее Уффици. Вы, должно быть, любите искусство, леди Брокенхёрст? Мама говорит, вы прекрасно рисуете.

– Это правда? – изумленно произнесла Анна, прежде чем подумала, как прозвучат ее слова.

– Разве это так удивительно? – спросила леди Брокенхёрст.

– Но вы так и не объяснили, почему вас заинтересовал мистер Поуп, – напомнила Мария.

«Понимает ли эта юная леди, как откровенно она себя выдает?» – подумала Анна.

– Сейчас я уже и не вспомню, кто первый представил его нам, – осторожно сказала Каролина, – но мы с лордом Брокенхёрстом любим находить и поощрять молодые таланты. Наш единственный сын, как вы знаете, погиб много лет назад, так почему бы не помочь какому-нибудь другому молодому человеку.

Анна посмотрела на нее. Пожалуй, в этих словах была правда. Хотя на самом деле они больше скрывали, чем объясняли.

– Представляете, мистер Поуп пригласил меня посетить его контору, – отважилась признаться Мария.

– Вот как? Очень смело с его стороны.

Лицо леди Брокенхёрст оставалось непроницаемым. Но что-то явно происходило у нее в голове, пока она смотрела на эту девушку. Может

быть, графиня обдумывала некий план? Если так, то в чем он состоял?

– Если честно... – Мария чуть покраснела, – вообще-то, это я сама предложила его навестить, но он не стал меня отговаривать.

Девушка склонила голову набок, опустил глаза. Ее длинные ресницы легонько трепетали, а щеки сияли нежным розовым румянцем. Мария понимала, что ведет себя неразумно. Она помолвлена. Леди Темплмор недвусмысленно заявила дочери, что ее будущее связано с Джоном Белласисом. Земли в Ирландии, которыми она только что хвалилась, были заложены, и, хотя ее брат как мог старался приумножить то, что осталось им от отца, Марии откровенно заявили, что поддерживать мать в старости должна именно она. Девушка колебалась: не признаться ли, чего именно она хочет? Ведь если леди Брокенхёрст принимает живое участие в судьбе Чарльза и если бы ее можно было убедить...

Анна посмотрела на графиню. Неужели та не заметила краску на щеках юной гостьи и то, как она вертит в руках веер? Мария была довольно смелой. Анне она, пожалуй, нравилась.

– Ну что тут сказать... – начала леди Брокенхёрст. Мария Грей была помолвлена с племянником ее мужа, и очевидно, что правила приличия предписывали не поощрять такие встречи. Но Анна была права. У Каролины Брокенхёрст имелся собственный план. Причем появился он только сейчас. – Если вам хочется туда съездить, то не вижу причины, почему бы этого не сделать. Я уже виделась с мистером Поупом в его конторе, но со времени последней встречи у нас появились новые поводы для обсуждения.

Мария едва верила своим ушам.

– Вы так думаете?

Это было крайне необычно. Тетушка Джона Белласиса предлагает ей прогуляться в Сити, чтобы встретиться с мистером Поупом!

– Думаю, не нужно никаких официальных уведомлений, – невозмутимо продолжала леди Брокенхёрст, – иначе мистер Поуп сочтет, что ему необходимо отдельно уделить внимание также и вам, моя дорогая. – Она глянула на Марию. – Думаю, будет проще, если визит окажется для него неожиданностью.

Все три дамы прекрасно понимали, что это означает. Спонтанный визит будет гораздо легче объяснить леди Темплмор, если до этого дойдет дело.

– А можно и мне тоже к вам присоединиться? – спросила Анна абсолютно невинным тоном. Ну просто майская роза, да и только.

Каролина посмотрела на нее. Как странно иметь одну тайну на двоих с

этой женщиной, с которой у нее больше нет ничего общего. Однако эта тайна все же связывала их, по крайней мере до сего момента. Анна была права: Каролина устала от обмана. Она бы охотно сделала их секрет всеобщим достоянием. Общество найдет его забавным, все повеселятся за чтением газет, обсуждая, каким повесой был Эдмунд, так что им с мужем это ровным счетом ничем не грозит. Но, искренне полюбив Чарльза, Каролина все же испытывала определенные угрызения совести при мысли о посмертном порицании бесстыдницы, которая его родила, и даже нечто похожее на жалость к ее матери.

– Конечно можно, – сказала леди Брокенхёрст. – Если хотите, поедemте вместе.

Анна замерла. Неужели она и впрямь навестит своего внука, у нее будет еще одна возможность с ним поговорить? Когда они встретились на вечере, Анна была вне себя от радости, но муж разгневался, и потому она не осмеливалась завести с Чарльзом даже ничего не значащий разговор. Теперь они смогут узнать друг друга получше, ибо участие Джеймса Тренчарда в предприятии молодого человека будет вполне уместным оправданием для знакомства. Конечно, когда истина вскроется, связь между ними подвергнут самому тщательному рассмотрению, но сейчас Анне выпадал шанс еще раз увидеть внука и пообщаться с ним – надо ловить момент, пока не разразилась буря. Устоять было невозможно.

– Очень хочу! – услышала она собственный голос. – Можно будет заодно прогуляться там по магазинам, и получится настоящий выход в город.

Итак, все было решено. Когда Анна возвращалась домой по холодку раннего вечера, ее грело предвкушение грядущей встречи. Пусть даже это и станет еще одним секретом, который придется таить от мужа.

В тот вечер атмосфера за ужином в доме Тренчардов была тревожной. Джеймс сидел усталый и задумчивый, Оливер тоже был подавлен. «Сегодняшний день, – думал он, – должен был стать днем триумфа: главу семейства принимают в джентльменский клуб, и они с сыном впервые вместе там обедают. Однако отец предпочел взять с собой Чарльза Поупа, этого человека из ниоткуда, наглого выскочку, который занимал мысли Джеймса Тренчарда, а заодно и тянул из него денежки. Этот проклятый Поуп оказался объектом всеобщего внимания – заручился поддержкой леди Брокенхёрст, получал приглашения на закрытые вечера в Брокенхёрст-Хаус...» Согласитесь, этого было вполне достаточно, чтобы почувствовать ревность. И Оливер ревновал не на шутку.

Сьюзен тоже была не в духе, но не столько подавлена, сколько встревожена. Со времени свидания в Айзелуорте она не получила от Джона Белласиса никаких известий. Сьюзен ожидала по меньшей мере письма. Он как-то раз переговорил на улице со Спир – служанка обо всем доложила госпоже – под тем предлогом, что якобы собирается устроить еще одно randevu, но никаких приглашений или предложений не последовало. Сьюзен потащила Спир к «Олбани», и они вдвоем, как уличные девки, целый день разгуливали по Пикадилли в надежде случайно наткнуться на Джона, но все оказалось тщетно. При воспоминании о том дне у Сьюзен горели щеки. Она не чувствовала вкуса еды, все время спрашивая себя, не совершила ли она ошибку, так охотно прыгнув к Джону в постель. Не слишком ли легко она сдалась? Сьюзен нахмурилась. Проблема заключалась в том, что ей всерьез нравился Джон Белласис. Он был красив, со вкусом и изысканно одевался да к тому же должен был со временем унаследовать громкий титул и немалое состояние. То есть идеально подходил на роль человека, с которым можно совершить побег из унылой семьи, где Сьюзен чувствовала себя запертой, как в ловушке. Она искоса глянула на мужа, ковыряющего вилкой в тарелке. По сравнению с Оливером Джон был страстным и решительным любовником. Сьюзен невольно вздохнула.

– С тобой все в порядке, моя дорогая? – осведомилась Анна.

– Да, матушка, – ответила Сьюзен. – Конечно.

– Просто вид у тебя какой-то отсутствующий.

– Боюсь, я не вполне хорошо себя чувствую после того дня в Айзелуорте. Должно быть, простудилась за городом. – Она поежилась, чтобы слова прозвучали более правдоподобно.

– Мне очень жаль, – ответила Анна, пристально взглядываясь в невестку.

Та как-то неувовимо изменилась, что-то новое появилось в ее манере держаться, но Анна не могла определить, что именно.

– Как вы поговорили с леди Брокенхёрст? – поинтересовался Джеймс, гоняя по тарелке кусочек лангуста. Ему тоже не хотелось есть.

Анна глянула на бесстрастные лица Билли и Морриса, стоявших по обе стороны от камина.

– Очень хорошо, спасибо.

– Она не удивилась, что ты приехала без предупреждения? – спросил Джеймс.

– Вы ездили к леди Брокенхёрст? – Сьюзен явно расстроилась, что упустила эту возможность. Анна кивнула. – А ее племянника там,

случайно, не было?

– Мистера Белласиса? – Анна нахмурилась. Странно, что Сьюзен задает такой вопрос. – Нет, молодого Джона я не встретила, но зато там была его невеста.

– Его невеста? Правда? – Голос Сьюзен чуть напрягся.

– Леди Мария Грей, – пояснила Анна. – Очень хорошенькая. Она мне понравилась.

– Я видел ее на ужине, – сказал Оливер, кивнув Билли, чтобы тот налил ему еще супа. – Мне она показалась ничем не примечательной.

– А с графиней ты побеседовала? – гнул свое Джеймс.

– Да, мы разговаривали, – ответила Анна, улыбнувшись бестактности мужа. Зачем он задает ей эти вопросы в присутствии слуг, а также Сьюзен с Оливером?

На самом деле Тренчарду так не терпелось услышать, чем же закончился этот визит, что он на время забыл об осторожности. Взгляд Анны напомнил ему о правилах приличия.

– Ладно, – сказал Джеймс. – После расскажешь.

Жена улыбнулась.

Эллис присела на полу, держа в руке крючок для пуговиц, и расстегивала Анне кожаные ботинки. От словоохотливого Билли она услышала, что ее госпожа ходила к леди Брокенхёрст, и была заинтригована.

– Вы хорошо провели день, миледи?

Эллис не вполне поняла, какие именно сведения велел ей собирать мистер Белласис, заплатив вперед, а также не очень представляла, что миссис Тренчард может быть известно об этом человеке, Чарльзе Поупе. Но она твердо знала, что у хозяина и его жены есть некий секрет, которым они не хотят делиться с другими. Тот же самый вывод служанка сделала, когда сегодня днем ее отослали из комнаты. После того как мистер и миссис Тренчард с глазу на глаз обсудили свои дела, хозяйка вышла из дому, никого не предупредив. Теперь Эллис знала, куда та ходила.

– Да, вполне, – ответила Анна, вытаскивая правую ногу из оков. – Спасибо, – прибавила она, разминая пальцы в шелковом чулке. – Знаете, почему-то эти ботинки совсем не изнашиваются.

Ясно, что Анна не расположена была настолько легко делиться сведениями, как надеялась Эллис. Служанка предприняла еще одну попытку:

– Не уверена, что эта обувь предназначена для долгих прогулок,

миледи.

– Я ходила недалеко, – ответила Анна, снимая серьги и глядя на себя в зеркало. – Всего лишь прогулялась до Белгрейв-сквер.

Она заметила сидевшую рядом со стулом Агнессу и взяла ее на руки.

– До Белгрейв-сквер? – Эллис так и замерла с крючком в руке, позабыв о пуговицах.

– Да, – кивнула Анна. Она не столько отвечала на вопросы служанки, сколько рассуждала вслух. На самом деле ее взволновал грядущий визит в контору Чарльза. Очевидно, что обсудить новость с Джеймсом Анна не могла, но поговорить с кем-нибудь об этом ей хотелось. – Что вы знаете о Бишопсгейте?

– О Бишопсгейте, мэм? – Эллис подняла глаза. – А зачем вам туда?

Она стащила второй ботинок.

– Да я просто так спросила, – спохватилась Анна; не хватало еще выбалтывать любопытной служанке все подряд. – Собираюсь навестить одного человека, у которого в Бишопсгейте находится контора. Но я уже много лет там не была. Хотела узнать, стоит ли заглянуть куда-нибудь, если окажусь в тех краях.

– Может, там есть склады, где можно дешево купить ткань, – сказала Эллис. – Я поспрашиваю, вдруг кто знает. Когда вы планируете ехать?

– Еще не решила. Через день-другой. – Анна не собиралась больше отвечать ни на какие вопросы. Она чувствовала, что и так уже наговорила достаточно. А потому сменила тему: – Давайте завтра достанем старое траурное платье из бомбазина. Хочу посмотреть, можно ли его спасти или надо заказывать новое. Всегда стоит иметь в гардеробе приличный наряд на случай траура.

Эллис кивнула. Она узнала достаточно и понимала, что разговор о Бишопсгейте закончен.

Джон Белласис щедро вознаградил Эллис за информацию. Нечасто служанка получает соверен лишь за то, что повторяет слова, которые услышала, пока расстегивала госпоже ботинки. Слушая рассказ о том, как хозяйка Эллис поговорили с глазу на глаз, после чего миссис Тренчард отправилась к леди Брокенхёрст, а потом начала планировать поездку в Бишопсгейт, Джон чуть не расхохотался от радости: кое-что начало проясняться! Он прекрасно знал, кто работает в Бишопсгейте и к тому же представляет интерес как для леди Брокенхёрст, так и для Тренчардов. После рассказа отца о загадочном визите Чарльза Поупа в Брокенхёрст-Хаус Джону захотелось узнать о молодом коммерсанте все, что можно.

- Она не упоминала про мистера Поупа?
- Такого имени не припомню, сэр. В этот раз хозяйка о нем определенно не говорила.
- Даже если и так, все равно Поупа и графиню явно что-то связывает, – заявил Белласис и допил последний глоток джина из стакана, с которым вышел на улицу из «Лошади и грума». – Помимо ее финансовых вложений, я имею в виду.
- Вы так думаете, сэр? Мне трудно в это поверить, – ответила служанка из-под накидки, которая надежно скрывала ее лицо в тени. Эллис надела ее в последний момент перед выходом, на случай если кто-то вдруг увидит, как она разговаривает с мистером Белласисом. Никогда не помешает позаботиться о своей репутации.
- Не поймите меня превратно. Я не беру на себя смелость сказать, что мне известны их дела, но что-то там у них такое происходит. – Джон уверенно покивал, словно этот пункт уже не вызывал сомнений. – И могу ручаться, что всех нас это еще удивит.
- Вам виднее, сэр. – Эллис поцокала языком и скрестила руки на груди. Она любила послушать сплетни, но эта история ей почему-то не нравилась.
- Помяните мое слово, – сказал Джон. – Не сомневаюсь, этот честолобивый выскочка использует леди Брокенхёрст в своих интересах.
- Но как же он может ее использовать, сэр?
- Именно это нам и предстоит выяснить, – уверенно заключил Джон и поставил стакан на землю. – А когда выясним, то, не сомневаюсь, леди Брокенхёрст выложит кругленькую сумму, чтобы сохранить все в тайне.
- Кругленькую сумму? – раскрыла рот Эллис.
- Да, и вы поможете мне получить денежки!

На следующее утро Эллис стояла у входа в цокольный этаж Брокенхёрст-Хауса. Она волновалась и не стыдилась этого. Мистер Белласис предложил ей поговорить со служанкой леди Брокенхёрст и выяснить, нельзя ли что-нибудь узнать о делах ее хозяйки, в частности выведать, почему та среди бела дня принимает в своей личной гостиной, за закрытыми дверями, красивого молодого человека по имени Чарльз Поуп. Начать мистер Белласис посоветовал с вопроса, не оставила ли миссис Тренчард свой веер тогда, на ужине. Никакого веера Анна в гостях, разумеется, не забывала. Веер лежал у Эллис в кармане, на тот случай, если вдруг потребуются его неожиданно «найти». Служанка разгладила плащ и поправила шляпку, собираясь с духом, чтобы постучаться.

– Что вам угодно? – За дверью стоял мальчик-коридорный в темно-зеленой ливрее Брокенхёрстов.

– Меня зовут мисс Эллис, – начала она. – Я камеристка миссис Джеймс Тренчард.

– Кого? – переспросил мальчик.

Эллис в досаде прикусила губу. Работай она у герцогини, ее бы не держали столько времени на пороге.

– Миссис Джеймс Тренчард, – настойчиво повторила она. – На днях моя госпожа приходила на ужин к ее светлости и, кажется, оставила здесь свой веер.

– Вам лучше поговорить с мистером Дженкинсом.

В цоколе Брокенхёрст-Хауса кипела деятельность. В комнатах и коридорах, более широких, чем на Итон-сквер, было больше свободного места и естественного освещения. Все выглядело весьма впечатляюще, и Эллис, присаживаясь на большой деревянный стул у кладовой, почувствовала укол зависти.

Никто не обращал на нее особого внимания. Все занимались своими делами. Через открытую дверь напротив она видела, как три лакея полируют блюдо. Внушительная коллекция серебра: блюда для закусок, сервировочные блюда, подносы, соусники, супницы, чайники для заварки и для кипятка и по меньшей мере два десятка обеденных тарелок – была беспорядочно составлена на стол, накрытый подстилкой из мягкого серого фетра, и слуги понемногу разгребали завалы. Такой работе Эллис не завидовала. Нужно было опустить пальцы в миску с мягким красным порошком, смешанным с нашатырем, и натирать серебро, пока оно не засияет, а на пальцах не появятся волдыри. Но слугам, похоже, это занятие нравилось – может быть, оттого, что давало им возможность поболтать.

– Подождите здесь, я приведу мистера Дженкинса, – пообещал коридорный.

Эллис кивнула. Справа через внутреннее окно, выходившее на кухню, где на стенах висело бесчисленное количество медных сковородок, она видела, как трудится кухарка. Наклонившись над доской, та месила тесто. Поднимала его, снова бросала, хлопая ладонями, вздымая облако муки. В воздухе вокруг нее висела пыль, играя в проникавшем через окно солнечном луче.

– Мисс Эллис?

Камеристка вздрогнула. Движения кухарки так заворожили ее, что она не услышала тихих шагов подошедшего мистера Дженкинса.

– Сэр, – сказала она, вставая.

– Как я понял, вы что-то ищете?

– Да, сэр, веер мой хозяйки. Она считает, что могла оставить его здесь после приема у графини. Я подумала, может быть, его перепутали с веерами ее светлости. Если бы я могла поговорить с камеристкой леди Брокенхёрст...

– Боюсь, никто не находил здесь никакого веера. Извините. – И Дженкинс повернулся к черному ходу, собираясь выпроводить гостью.

– Ой... – На секунду Эллис растерялась. Ей обязательно надо было пообщаться с камеристкой графини, иначе весь визит окажется бессмысленным. – Миссис Тренчард еще просила меня, если можно, узнать у камеристки ее светлости насчет волос...

– Насчет волос? – Широкие седые брови Дженкинса медленно поднялись.

– Да, сэр. На вечере прическа ее светлости произвела на мою хозяйку большое впечатление, и она интересовалась, могу ли я узнать, как достичь такого эффекта. – Эллис улыбнулась. Обезоруживающе, как ей казалось.

Дженкинс нахмурился. Подобные просьбы он слышал не в первый раз. Камеристки постоянно обменивались различными мелкими хитростями.

– Хорошо, я посмотрю, свободна ли мисс Доусон, – ответил он. – Будьте любезны подождать здесь. Может быть, она сейчас у ее светлости, в этом случае я ничем не смогу вам помочь.

Десять минут спустя появилась Доусон. Про себя камеристка сочла просьбу несколько бесцеремонной, но в то же время она ей льстила, поскольку своим парикмахерским искусством Доусон гордилась. Она часами причесывала накладные волосы госпожи, неукоснительно следила, чтобы краска не выцветала и отдельные пряди не выделялись, и в душе обрадовалась, что ее труды кто-то оценил. Вскоре она уже вела Эллис вверх по черной лестнице, затем по коридорам, а потом они вошли в обитую сукном дверь рядом с входом в личные покои хозяйки.

Комнаты леди Брокенхёрст, располагавшиеся на третьем этаже особняка, были просторными и уютными, а из подъемных окон открывался великолепный вид на парк и площадь. У графини была не только огромная спальня с кроватью под пологом, столиком и несколькими изящными креслами, расшитыми золотом, но и личная гостиная и, разумеется, гардеробная.

– Вам нравятся эти акварели? – спросила Доусон, оглядываясь на Эллис, которая шла вслед за ней через спальню. – Большинство из них написано ее светлостью. Вот это их дом. – Она ткнула коротким пальцем в какую-то картину. – Лимингтон-Парк. Семья владеет им с тысяча

шестисотого года.

– Подумать только! А старым особняк вовсе не выглядит.

Эллис было ровным счетом наплевать и на дом, и на акварели.

– Его дважды перестраивали. Поместье занимает более десяти тысяч акров.

Похоже, служанка испытывала необъяснимую гордость за Брокенхёрстов, словно отблеск их величия попадал и на нее тоже. По мнению Доусон, так оно и было.

– Не сомневаюсь, что поместье великолепно, – сказала Эллис. – Должно быть, это замечательно – работать в такой благородной семье... Вот если бы мне так повезло!..

Когда они вошли в гардеробную, Эллис поняла, что задача будет трудной, если вообще выполнимой. Доусон принадлежала к старомодному типу слуг, которые не отделяли свою жизнь от жизни своих хозяев. Крепкая, с широким лицом и неспешной походкой, она была обходительна, но явно не любила сплетничать, по крайней мере с незнакомым человеком, а также наверняка хранила верность хозяевам. В этой семье она служила очень долго и по праву рассчитывала получить небольшое содержание в старости. Ей не было никакого расчета откровенничать с посторонними.

– Раньше я работала у вдовствующей графини, – объявила Доусон.

– Два поколения графинь, как же вам посчастливилось! – восторженно проговорила Эллис, стараясь быть любезной. – И должно быть, вы много путешествовали, намного больше, чем я, и повидали немало интересного.

– Грех жаловаться, – кивнула Доусон. – Я прожила с этой семьей хорошую жизнь.

Эллис внимательно посмотрела на нее. Похоже, Доусон была зверем редкой породы: счастливой прислугой. Она не жаждала отмщения за тысячи мелких обид. Она не считала, что боги отвернулись от нее и обрекли на рабство. Она была всем довольна, и это оказалось выше понимания Эллис. Нельзя сказать, что она не любила миссис Тренчард. Просто считала, что госпожа принадлежит к другой расе, не той, что она сама. Несмотря на то что они долгие годы прожили вместе, подспудно ощущаемая несправедливость в разнице их положений позволяла Эллис предать свою хозяйку без лишних угрызений совести. Все полученные от Анны деньги были честно заработаны. Заработаны годами бесконечного труда, лжи, заискивания, необходимости притворяться, что она рада быть в услужении у своих хозяев, хотя на самом деле все это время она только и желала, чтобы они провалились, убрались куда подальше. Эллис без колебаний солгала бы Анне в лицо. Воровала бы у хозяев, будь она уверена,

что ее не поймают. Подобное отношение Эллис надеялась встретить также и у камеристки леди Брокенхёрст, рассчитывая, что ее сестра по несчастью с большой охотой ухватится за возможность навредить графине. Поэтому теперь, воочию столкнувшись с преданностью Доусон, Эллис пребывала в затруднении и не представляла, как поступить.

– Неудивительно, что вы столько знаете о парикмахерском искусстве, – широко улыбнулась она. – У такого человека, как вы, я могу поучиться, даже в своем возрасте. – Сказав это, Эллис засмеялась, и Доусон к ней присоединилась. – На мою хозяйку прическа графини произвела просто неизгладимое впечатление!

Эллис знала, что умеет очень убедительно лгать. Она прошла суровую школу.

– Да что вы говорите? – Доусон положила ладонь на грудь, невольно тронутая похвалой.

– О да! – продолжала гостья. – Расскажите же мне, как вы добились этих изящных локонов около ушей?

– Тут есть один секрет. – Доусон открыла ящик туалетного столика и продемонстрировала целую выставку щипцов для волос и папильоток. – Вот эти я когда-то давно отыскала в Париже и с тех пор ими пользуюсь. – Она достала очень узкие и изящные щипцы. – Вот в этом месте я нагреваю их на огне.

– А каким образом? – Эллис усиленно изображала почтительное восхищение.

– У меня есть специальное устройство, которое крепится на решетку. – Камеристка графини вытащила наружу медную жаровню.

– Чего только не придумают! – воскликнула Эллис, гадая, долго ли ей еще тут сидеть, пока она дождетсся хоть каких-то существенных сведений.

– Да, это просто великолепно. Сегодня трудно представить, как без всего этого обходились тридцать лет назад. Но самое важное – это, пожалуй, найти хорошие волосы. Я предпочитаю мадам Габриэль, которая живет неподалеку от Бонд-стрит. У нее надежные поставщики. Говорит, что получает волосы по большей части от монахинь, а не от нищих девушек, и, видимо, поэтому качество у них получше. Волосы потолще и блестят.

Пока Доусон объясняла, как нагреть волосы, не вредя им, и рассказывала, что ароматизированные папильотки помогают не обжечь кожу, Эллис украдкой обшаривала глазами комнату. На туалетном столике, стоявшем между двумя высокими окнами, она заметила маленький портрет на эмали. На нем был изображен офицер в мундире, который носили лет двадцать назад, не меньше.

– Кто это? – спросила она.

Доусон проследила за направлением ее взгляда:

– Это несчастный лорд Белласис, сын ее светлости. Он погиб при Ватерлоо. Ужасное было горе для всего дома. Ее светлость так до конца и не оправилась. Это ведь был ее единственный ребенок.

– Какая трагедия! – Эллис повнимательнее всмотрелась в изображение. Ответ Доусон дал ей повод подойти поближе и как следует его рассмотреть.

– Хороший портрет. Работа Генри Боуна. – Камеристка вновь не упустила возможности похвастаться семейными сокровищами.

Эллис прищурилась. Лицо показалось ей странно знакомым. Эти темные кудри и голубые глаза напоминали о ком-то, кто давным-давно приходил к ним в дом. Уж не в Брюсселе ли это было? Вполне возможно, раз лорд Белласис погиб при Ватерлоо... И тут она вспомнила. Точно, этот молодой человек был другом мисс Софии. Эллис помнила, как он был красив. Странно было видеть это изображение на туалетном столике леди Брокенхёрст. Но Эллис ничего не сказала. Она никогда не делилась соображениями, если в том не было особой необходимости.

– Ее светлость осталась довольна недавним приемом? – спросила Эллис.

– Думаю, да! – кивнула Доусон.

– Моей хозяйке понравилось. Очень. Она сказала, что познакомилась со многими славными людьми.

– Не всякому посчастливится попасть в Брокенхёрст-Хаус, – с воодушевлением сказала Доусон, опять преисполнившись гордости за хозяев.

– На ужине был один молодой человек, который особенно поразил мою госпожу. Как же его имя? Кажется, мистер Поуп? – Эллис замолчала, выжидая.

– Мистер Поуп? Да-да! – подтвердила Доусон. – Очень приятный молодой джентльмен. Он в большом фаворе у ее светлости. В последнее время часто здесь бывает.

– Говорите, он часто бывает у ее светлости? – улыбнулась Эллис.

Доусон пришла в замешательство. На что намекает эта женщина? Камеристка собрала инструменты и стала складывать их на место.

– Да, – резко сказала она. – Моя хозяйка и лорд Брокенхёрст заинтересовались его коммерческими делами. Они любят поддерживать молодых людей. И проявляют в этом большую щедрость.

На самом деле, это было не так – по крайней мере, до сего момента, –

но Доусон не собиралась давать неизвестно кому повод думать, будто ее хозяйка совершает нечто предосудительное.

«Если эта женщина намерена продолжать в том же духе, то пусть сама учится укладывать волосы!» – подумала она, с грохотом задвигая ящик.

– Как благородно! – Эллис понимала, что сделала неверный шаг и теперь стремилась загладить неловкость. – Никогда о таком не слышала. Знатная дама принимает живое участие в делах многообещающего молодого человека! Миссис Тренчард, безусловно, очень умна, но мне кажется, ее вряд ли можно назвать деловой женщиной.

– Может, это и необычно, но чистая правда. – Доусон немного успокоилась, Эллис удалось умирить ее негодование. – Через пару дней ее светлость отправляется в Сити, хочет навестить этого самого Поупа у него в конторе. Уж леди Брокенхёрст ни за что не станет вкладывать деньги, если не будет четко представлять, во что она их вкладывает. Это я знаю точно.

– Она вправду дает юноше денег? Видно, он и впрямь очарователен! – не смогла сдержаться Эллис, и в результате лицо Доусон снова приняло суровое выражение.

– Понятия не имею, какое это может иметь значение. У ее светлости множество различных интересов.

Чтобы показать, что здесь нет ничего предосудительного, Доусон чуть было не упомянула, что госпожа берет с собой леди Марию, но тут же одернула себя: с чего это она посвящает какую-то неизвестную женщину в семейные дела? Ее лицо стало каменным.

– Мне больше нечего добавить. А теперь, мисс Эллис, боюсь, вам пора идти. У меня очень много дел, да и у вас наверняка тоже. Всего вам доброго. – Доусон встала. – Полагаю, вы сами найдете черную лестницу?

– Конечно. – Эллис попыталась взять собеседницу за руку. – Вы были очень добры и великодушны. Огромное вам спасибо!

Но на этот раз ей не удалось так легко восстановить утерянные позиции.

– Не стоит благодарности, – сказала Доусон, отстраняясь. – Прошу извинить, но мне надо идти работать.

Выйдя в коридор, Эллис подумала, что во второй раз получить доступ в Брокенхёрст-Хаус будет непросто, но это не слишком ее волновало. Зачем ходить понапрасну, если и так ясно, что мисс Доусон никогда не выдаст ей никаких тайн. Кроме того, Эллис раздобыла для мистера Белласиса весьма существенную информацию, за которую он должен хорошо заплатить. Вопрос в том, что он будет делать дальше?

7. Деловой человек

Когда экипаж леди Брокенхёрст остановился у дома на Итон-сквер, Эллис едва могла сдержать любопытство. Прижавшись к окну в гардеробной миссис Тренчард, так что дыхание ее туманило стекло, она силилась разглядеть, что происходит внизу на улице. Графиня, в элегантной шляпке с пером и с зонтиком в руках, наклонилась к кучеру, отдавая ему приказания. Рядом с ней в коляске, тоже закрываясь от теплого солнечного света изящным зонтиком с бахромой, сидела леди Мария Грей. Она была одета в юбку в бело-голубую полоску и модный облегающий темно-синий жакет в морском стиле. Лицо обрамляла подобранная в тон синяя шляпка, отделанная кремовыми кружевами. Одним словом, Мария выглядела, как она того и добивалась, совершенно неотразимо. Дамы не вышли из экипажа на тротуар. Вместо этого один из форейторов подошел к двери и позвонил в колокольчик.

Эллис знала, что они приехали за хозяйкой, так что стрелой бросилась к лестнице, прихватив все, что может потребоваться. Миссис Тренчард уже ждала в холле.

– Я вам сегодня утром еще понадобится, мэм? – спросила камеристка, сжимая в руках зеленый плащ.

– Не понадобится, Эллис. Спасибо.

– Наверно, едете в какое-то славное место, мэм?

– Да.

Анна была слишком захвачена грядущими событиями, чтобы обратить на вопрос должное внимание. Кроме того, если уж ей чудом удалось скрыть цель своей поездки от Джеймса, так неужели бы она стала откровенничать с камеристкой.

Эллис, разумеется, прекрасно знала, куда направляется хозяйка, но ей хотелось получить подтверждение. Однако если она и огорчилась, то виду не подала.

– Хорошо, мэм. Желаю приятно провести время!

– Спасибо.

Анна кивнула лакею, и тот открыл ей дверь. Зонтик от солнца был у миссис Тренчард с собой. Она хорошо подготовилась.

Обе женщины, и леди Брокенхёрст, и Мария, улыбнулись ей, когда она поднялась по ступенькам экипажа. Мария пересела спиной к лошадям – большая любезность по отношению к человеку более низкого положения, и

Анна это оценила. В общем, ничто не должно было испортить этот день. Леди Брокенхёрст была для Анны не самой желанной спутницей, однако двух женщин кое-что объединяло – ни одна из них не стала бы этого отрицать – и нынче они в каком-то смысле собирались это отметить.

– Вам удобно, моя дорогая? – (Анна кивнула.) – Тогда едем.

Кучер подхватил вожжи, и экипаж тронулся.

Сегодня Каролина Брокенхёрст решила быть с миссис Тренчард любезной. Как и Анна, она предвкушала новую встречу с молодым человеком, и ее жалость к этой женщине, чей мир грозил вот-вот рухнуть, стала даже чуть сильнее, чем раньше. Каролина понимала, что правда уже совсем скоро должна выйти на поверхность, после чего репутация Эдмунда отчасти выиграет, а вот репутация Софии Тренчард будет безвозвратно погублена. Это было весьма печально. Даже сама Каролина это признавала.

Когда они проезжали мимо Букингемского дворца, Анна смотрела на стену, ограждавшую дворцовый парк, и думала о том, как странно устроен мир. Молодая женщина двадцати с небольшим лет стояла на высшей точке социальных устремлений. Очутиться рядом с ней было пределом мечтаний, венцом успешной жизни для таких людей, как Джеймс: умных, талантливых, энергичных. Но что такого она сделала, эта юная леди? Да ничего. Просто родилась в королевской семье. Нет, Анна не была революционеркой и вовсе не желала, чтобы в стране произошли политические катаклизмы. Ей не нравились республики, и она охотно склонилась бы перед королевой в глубоком реверансе, представься ей вдруг такая возможность. И тем не менее миссис Тренчард не могла не удивляться нелогичности системы, в которой она существовала.

– Смотрите! Ее величество в Лондоне!

Взгляд Марии был устремлен вверх. И действительно, на крыше дворца, над стеной, примыкающей к дальней стороне открытого двора^[24], развевался королевский штандарт. Анна разглядывала огромный портик с колоннами с застекленным проездом для карет, предназначенным защищать от дождя и солнца членов королевской семьи, когда они садились в карету или выходили из нее. Всю жизнь на глазах у публики – ужасно, если задуматься. С другой стороны, они, должно быть, привыкли быть объектом всеобщего любопытства.

Экипаж выехал на Мэлл, и вскоре Анна уже восхищалась великолепием Карлтон-Хаус-Террас, которая даже сейчас, через десять лет после постройки, потрясла ее новизной и великолепием архитектуры.

– Я слышала, что лорд Палмерстон поселился в доме номер пять, – сказала Мария. – Вам знакомы эти дома?

– Внутри я никогда не бывала, – ответила Анна.

Но ничто не могло заставить Марию замолчать. Она была взволнованна, как ребенок в магазине игрушек, и обе женщины знали почему.

– Мне ужасно нравится, как выглядит старый герцог Йоркский! Не знаю, по какой причине ему так быстро поставили памятник на площади Ватерлоо, но я очень рада, что колонну установили.

Они подъехали к тому месту, где белые террасы домов прерывались и широкая лестница вела к высокой колонне, служившей постаментом второму сыну короля Георга III.

– Интересно, какого размера эта статуя на самом деле?

– Это я могу вам рассказать, – отозвалась Анна. – Пять лет назад я была здесь, на этом самом месте, когда устанавливали памятник. Он был вдвое больше человеческого роста. Футов двенадцать, наверное, а может, и тринадцать.

Она улыбнулась Марии. Девушка определенно вызывала у нее симпатию. И не только потому, что была влюблена в Чарльза (пусть никакого счастливого исхода у этой истории быть не могло), нет, Мария нравилась миссис Тренчард и сама по себе. Она была смелой девушкой, обладала сильным характером и в иных жизненных обстоятельствах наверняка могла бы совершить немало славных дел. Возможности дочери разорившегося графа, конечно, невелики, но вины Марии Грей в том не было.

На мгновение Анне стало стыдно, что она скрыла сегодняшнюю затею от Джеймса. Надо было и его тоже пригласить с собой. Возможно, муж сказал бы, что день у него расписан по секундам, но на эту встречу он точно выбрался бы. Тренчарду нравилось бывать в обществе внука, которого он знал намного лучше, чем сама Анна, и Джеймс не трудился это скрывать. Ни от кого, даже от Оливера.

И все-таки Анна умолчала о планирующемся визите в контору Чарльза Поупа. Она позволила мужу считать, что, побеседовав с леди Брокенхёрст, убедила графиню впредь вести себя более осмотрительно, когда она захочет выказать Чарльзу знаки внимания. Так что сегодняшняя поездка на службу к внуку, en pleine vue^[25], в экипаже Брокенхёрстов, в обществе графини, собственной жены и юной светской красавицы в придачу, привела бы Джеймса в ужас. Анна прекрасно знала, что Каролине Брокенхёрст нет никакого резона хранить их общий секрет, он должен раскрыться, и эта эскапада лишь ускорит разоблачение, вину за которое Джеймс, разумеется, свалит на нее. Может, именно это и было причиной, по которой она утаила

затею от мужа? И если так, чувствовала ли она вину? Ведь он же сам лгал ей многие годы – по крайней мере, не рассказывал правды. Теперь пришел черед Анны. Так или иначе, сейчас все прочие ее чувства пересиливало желание еще раз увидеть внука.

Три женщины непринужденно беседовали, двигаясь по улицам Лондона по направлению к Сити и конторе Чарльза Поупа в Бишопсгейте.

– Вы нашли свой веер? – спросила леди Брокенхёрст, когда они ехали по Уайтхолл.

– Какой веер?

– Тот славный «Дювельруа», который был у вас на ужине. Я еще обратила внимание, какой он изящный. Было бы обидно его потерять.

– Но я вовсе не теряла его, – ответила Анна, тронутая тем, что графиня запомнила, какой у нее был веер.

– Не понимаю, – проговорила озадаченная леди Брокенхёрст. – Ваша служанка приходила недавно его искать. По крайней мере, так сказала моя камеристка.

– Эллис? Приходила к вам искать мой веер? Ничего не понимаю. Расспрошу ее, когда вернусь домой.

Анна стала размышлять о том, что Эллис в последнее время ведет себя странно. «Как, в сущности, мало всем нам известно о прислуге, – думала она, – даже о камеристках и камердинерах, которые каждый день непосредственно общаются со своими хозяевами. Они разговаривают с господами и смеются, если их поощряют к этому, и порой даже становятся им друзьями. Или, по крайней мере, так это выглядит со стороны. Но много ли хозяева на самом деле знают об этих людях?»

Вскоре экипаж оставил позади фешенебельную часть Лондона и поехал по тесным, извилистым улочкам старого города, застройка которого едва ли изменилась с тех времен, когда на троне находились Плантагенеты. Анну поразило, что отдельные кварталы, расположенные совсем недалеко от главных магистралей, буквально утопают в грязи. Кучер Хатчинсон как мог старался объезжать зланные места, но чем дальше, тем сильнее делался запах открытых сточных канав, тем уж и неприятнее становились улицы.

Путешествие приближалось к концу: они проезжали нищие рыночные ряды неподалеку от церкви Святой Елены. Тротуары и переулки были сплошь забиты торговцами с груженными деревянными тележками. Разговор сидевших в экипаже дам полностью потонул в их громких криках:

– Горох! Шесть пенсов за пек!^[26]

– Ярмутская селедка, три штуки на пенни!

– Вкусные молодые кролики! – завопил какой-то парень. Он шагал

рядом с экипажем, подняв в воздух зажатых в кулаке за задние лапы несчастных зверьков, которые отчаянно пытались вырваться.

– Зачем же их, бедняжек, держать живыми? – вздохнула Мария, обращаясь, скорее, к себе самой, чем к торговцу.

Но тот обернулся и посмотрел ей в глаза:

– А как же еще сохранить их свежими, мисс?

Он еще некоторое время молча глазел на Марию, видимо недоумевая, откуда на их улице взялось это чудесное создание с далекой планеты, а потом не спеша вытер рукой нос и отвернулся, переключившись на пассажиров следующего экипажа.

Повсюду бегали мальчишки и девчонки, по большей части без башмаков, и играли со всем, что попадало им в руки: со старыми коробками, кирпичами, пустыми раковинами от устриц, усеивавшими бульжную мостовую. У одного даже был старый обруч, судя по всему, выброшенный каким-то отпрыском богатой семьи. Но этим детям, занятым игрой, еще повезло. У других их сверстников не оставалось времени на развлечения. Они пытались продать хоть что-нибудь. Анна заметила чумазого мальчугана лет шести, не больше, который апатично пробирался сквозь толпу, высоко подняв связку грязных луковиц в надежде найти покупателя. На каменных ступенях углового дома сидела старуха, перед ней стояла корзина с переложенными вереском яйцами. Она плотно закуталась в толстый черный плащ, несмотря на яркое солнце, а сидящей головой прислонилась к грубой кирпичной стене. Когда дамы добрались до конторы Чарльза Поупа, от вида нужды и голода все их чувства уже успели притупиться.

Мария первой прервала молчание:

– Не могу видеть босоногих детишек. Им, должно быть, очень холодно, бедняжкам! – Она покачала головой.

– Я тоже, – ответила Анна, сочувственно тронув Марию за колено.

Каролина Брокенхёрст была менее сентиментальна.

– Но что мы можем поделать? Никакая благотворительность с этим не справится.

– Этим детям нужно больше, чем наша благотворительность, – сказала Мария. – Им нужно, чтобы все изменилось.

Анна хотя и промолчала, но вежливо кивнула в знак согласия.

Контора Чарльза Поупа располагалась на третьем этаже просторного и довольно старого здания, которое некогда, видимо, являлось жилым, но уже давно было отдано под нужды такого серьезного дела, как коммерция. Комнаты Чарльза находились достаточно высоко, чтобы туда не долетал

шум улицы. Поднявшись на несколько маршей крутой лестницы, дамы вошли, и не успели они еще осведомиться о Чарльзе, как распахнулась внутренняя дверь и появился он сам.

– Леди Брокенхёрст! – воскликнул молодой человек и, широко улыбаясь, двинулся им навстречу. – Какой чудесный сюрприз!

Это и впрямь был сюрприз. Чарльз едва верил своим глазам.

Каролине было приятно видеть столь явную радость внука. Возможно, следовало предупредить его о визите, но леди Брокенхёрст хотелось оценить атмосферу этого места, а если бы Чарльз узнал обо всем заранее, то наверняка постарался бы создать более благоприятное и, возможно, обманчивое впечатление. Про первый визит она написала, чтобы Поуп имел возможность подготовиться к встрече, но на сей раз не стала этого делать. Правда, имелся риск, что они не застанут Чарльза на месте, но графиня решила рискнуть. Она и не догадывалась, что Анна Тренчард, в отличие от нее, не собиралась рисковать понапрасну и накануне отправила лакея Билли осведомиться, будет ли мистер Поуп у себя в конторе завтра днем, строго-настрого приказав слуге не называть никаких имен. В результате Чарльза уведомили, что кто-то едет к нему, вот только не сказали, кто именно. Эллис узнала новость от Билли, после того как госпожа уехала, так что теперь у камеристки появилось о чем доложить мистеру Белласису. Сама Анна, естественно, и не подозревала, какие интриги плетутся вокруг нее.

Теперь же, когда женщины наконец-то оказались в Бишопсгейте, Каролину больше всего интересовало, как отреагирует Чарльз на присутствие Марии Грей.

– Не могу поверить, что вы здесь! – едва увидев девушку, выпалил он. И, чтобы загладить впечатление, добавил: – Я имею в виду, все вы!

Каролина и прежде подозревала, что между молодыми людьми что-то происходит, а теперь она в этом уже не сомневалась. Вернее, скажем так, между Чарльзом и Марией могло бы что-то происходить, если бы они это себе позволили.

– Леди Брокенхёрст упомянула, что будет проезжать мимо, и я решила попроситься сопровождать ее, – пояснила Мария. – Надеюсь, вы не против?

– Вовсе нет. Ничуть. Совсем даже наоборот.

Мария кивнула, протянув Поупу руку, чем привела его в замешательство. Что он должен сделать: пожать руку или поцеловать? Ее шуршащая сине-белая юбка выглядела чуждо в блеклых интерьерах его рабочего кабинета. Светлые кудри, нежные губы. Чарльз едва нашел в себе силы посмотреть девушке в глаза.

– Вы очень добры, мистер Поуп, если и вправду не возражаете против нашего внезапного вторжения, – поспешно сказала Каролина.

«Кажется, леди Брокенхёрст пытается загладить мою неловкость, – подумал он. – Неужели у меня все написано на лице?» И с горечью напомнил себе, что Мария помолвлена с племянником графини. Правда, та с виду не выказывала неудовольствия.

Мария опомнилась первой.

– Мы едем к торговцу шелком, – радостно затараторила она. – «Николсон и компания». – У нее были свои основания скрывать истинные причины их приезда. – Мы не смогли устоять против возможности нагрянуть к вам по пути.

Чарльз, краснея, принял у нее из рук зонтик и отложил его в сторону.

– Что мне предложить вам? Чаю? Вина?

Он обвел взглядом комнату, словно надеялся отыскать изящную бутылочку, когда-то спрятанную и забытую, а теперь таинственным образом оказавшуюся на полке и как раз подходящую для приема благородных дам в такой прекрасный день. И только тут заметил Анну, которая держалась поодаль, позади остальных.

Леди Брокенхёрст вышла вперед:

– Разрешите представить вам Чарльза Поупа. Миссис Тренчард – супруга того самого мистера Тренчарда, который так много вам помогал.

Графиня улыбнулась. Как причудливо качается маятник судьбы, делая то одних, то других хозяевами положения. Меньше месяца назад она даже не подозревала, что у нее есть внук. Анна Тренчард четверть века хранила его существование в тайне. И вот теперь Каролина представляет Чарльза ей самой. Ну просто восхитительная ирония судьбы!

Чарльз смотрел на миссис Тренчард. У нее было приятное, доброе лицо и благожелательные глаза – они внимательно изучали Чарльза из-под шляпки. Что-то подсказывало юноше, что они уже встречались, только он не мог понять, где именно. И вдруг его осенило.

– Мы с вами недавно беседовали в доме леди Брокенхёрст, – сказал он.

– Совершенно верно, – любезно улыбнулась Анна.

В действительности ей хотелось закричать, схватить его и крепко прижать к груди. Но хотя это было невозможно, она все равно была счастлива. Улыбка ее ни в коей мере не была фальшивой.

– С кем вы только в тот вечер не говорили, – деликатно улыбнулась графиня.

Анна метнула в нее взгляд. Леди Брокенхёрст слишком заигралась, наслаждаясь неловкостью ситуации.

– Я слышал про вас от вашего мужа, – продолжил Чарльз. – Мистер Тренчард – мой благодетель, я польщен, я просто потрясен тем, сколько всего ваш супруг сделал для меня. Я бесконечно благодарен ему за немалую помощь, которую он мне оказал, и мне приятно принимать здесь его жену. – Улыбка Чарльза тоже была вполне искренней. – Не хотите ли пройти в мой кабинет?

Он проводил дам во внутреннюю комнату, где нашлись диван и несколько стульев, на которые гости сели, после того как Чарльз собрал бумаги и чертежи, лежавшие почти на всех поверхностях.

– Насколько я помню, наш разговор прервался, когда мой муж уронил бокал, – улыбнулась Анна. Ту сцену она проигрывала в уме много раз.

– Ваш муж был очень добр ко мне, миссис Тренчард, – продолжил Чарльз. – Это правда. Он проявил исключительную щедрость. И главное, он поверил в меня. Если бы не мистер Тренчард, я бы и не мечтал завести собственную фабрику. Ваш супруг буквально изменил мою жизнь.

Леди Брокенхёрст в общем не возражала против сказанного, но на лице у нее мелькнула тень возмущения, что немедленно отследил Чарльз. Графиня не собиралась делить роль благодетельницы с каким-то утомительным и невзрачным человеком.

– Ничуть не меньше я обязан вам, леди Брокенхёрст, – быстро сказал Поуп. – Вы и лорд Брокенхёрст перебросили мост через бурный поток, что отделял меня от моего будущего. Теперь, благодаря вам, я могу начать серьезное дело, – закончил он, решив, что получилось неплохо.

– Сколько слов! – воскликнула Мария. – Если бы я не знала, то подумала бы, что вы пытаетесь нам что-то продать.

Не на такой отклик рассчитывал Чарльз, но девушка весело засмеялась и захлопала в ладоши, увидев выражение его лица, а дверь тем временем открылась, помощник Поупа внес поднос со всем необходимым для чаепития, и момент возразить был упущен. Но от Каролины ничто не укрылось.

– Это Индия? – спросила Мария, глянув на большую карту в раме, занимавшую почти всю стену.

– Индия! – Чарльз обрадовался возможности вернуть разговор на безопасную почву.

Мария поднялась на ноги, желая рассмотреть карту поближе:

– Она новая?

Чарльз подошел и встал рядом.

– Самая последняя, – подтвердил он. – Их все время обновляют. Чем больше наносят провинций, тем подробнее становятся карты.

– Замечательно!

– Вам нравится? – просиял молодой человек.

Чарльз уже досадовал на себя. Ему так хотелось произвести впечатление на юную леди своей солидностью и целеустремленностью, однако вместо этого он каждый раз, как только Мария с ним заговаривала, скалился, словно клоун в цирке.

– Раньше у меня висела карта, где все территории были отмечены по одному принципу: туземные княжества закрашены зеленым, а территории под управлением Ост-Индской компании – розовым. А эта карта демонстрирует, скорее, географические характеристики. Как видите, картографы особенно постарались показать реки, горы и пустыни.

– Трудно представить себе такую огромную страну, – сказала Мария, проводя по бокалу пальцем в лайковой перчатке. – Бенгалия, – прочитала она. – Пенджаб. Кашмир... – Она вздохнула. – Какое это, должно быть, неизведанное и романтическое место!

– Отдельные части страны действительно дики и не тронуты цивилизацией. Там водятся тигры. – Чарльз произнес это с глубокомысленным видом, надеясь, что выглядит экспертом. – А еще слоны, змеи, обезьяны. В Индии множество различных религий и языков. Это просто отдельный мир.

– Как бы я хотела увидеть тигра в джунглях! – воскликнула Мария, поворачиваясь к Чарльзу. Она стояла так близко, что ему казалось, будто он чувствует у себя на щеке тепло ее дыхания.

– Когда увидите тигра, главное, чтобы в этот момент вы сидели на спине слона.

– Они там так передвигаются? – ахнула девушка.

– Жители Индии используют слонов, как мы – экипажи, – пояснил Чарльз. Он прекрасно понимал, что ему следует отстраниться, но не хотел этого делать. Если Мария испытывает неловкость, решил он, то пусть сама отойдет на шаг. Но девушка тоже не сдвинулась с места. Ее широкая верхняя юбка касалась ног Чарльза. Он постарался успокоиться и продолжил объяснения: – Эти животные умны и очень надежны, но ездить на них – все равно как плыть на лодке по морю, раскачиваясь на волнах.

– Могу себе представить, – ответила Мария, мечтательно прикрыв глаза.

– А вот здесь, – Чарльз показал на верхнюю часть карты, – в древности проходила часть Великого шелкового пути, который начинался в Китае, далее шел через эти горы и продолжался до самой Европы.

– А теперь ему пришла пора стать Великим хлопковым путем.

Марии было удивительно хорошо, даже лучше, чем она предвкушала. «Но почему? – мысленно спрашивала она себя. – Неужели виной всему лишь присутствие этого мужчины? Неужели достаточно такой малости?»

– У меня ощущение, что торговля хлопком ведется уже довольно давно, – заметила Анна, подходя к карте.

– Так и есть, миссис Тренчард, – подтвердил Чарльз. – И Индии предстоит со временем занять в этой области лидирующую позицию.

– Полагаю, сейчас главенствующее положение занимают плантации в южных штатах Америки. – Мария явно пришла в контору мистера Поупа в полной мере вооруженная знаниями.

– Но откуда вам это известно?

– Забыла. Где-то читала, – покраснела девушка.

В действительности Мария проштудировала все до единой книги и статьи, которые только смогла отыскать. Зачем? Просто ей хотелось, чтобы было что сказать, когда она встретится с Поупом в следующий раз.

– Своих поставщиков я все-таки предпочел бы найти в Индии, – сказал Чарльз.

– Почему? – искренне заинтересовалась Анна.

Она так привыкла к постоянному ворчанию Оливера, недовольного всем миром, и к жалобам Сьюзен, что уже почти забыла, какого рода разговоры можно вести с молодыми людьми, когда они находятся в самом начале такого серьезного испытания, как взросление. В отличие от ее сына, этот человек имел в жизни цель и был полон решимости добиться успеха. А такое видеть всегда приятно.

– Американцы удерживают низкие цены на хлопок благодаря использованию рабов, а я аболиционист, последователь Уилберфорса и Кларксона. Я противник получения какой бы то ни было прибыли за счет использования рабского труда. – Поскольку присутствующие одобрительно закивали, Чарльз поднял руку. – И прежде чем вы станете превозносить мою добродетель, скажу, что отчасти преследую и свои корыстные интересы. Я уверен, в современном мире рабство проживет недолго, а когда его отменят, Америка не сможет конкурировать с Индией. И я предпочел бы, чтобы в тот день, когда это произойдет, мой бизнес прочно стоял на ногах, и тогда мы окажемся впереди всех конкурентов.

Анна встретила глазами с леди Брокенхёрст. Как он благовоспитан! Анна не могла винить эту женщину в том, что та желала признать внука публично. От миссис Тренчард также не укрылось, какой интерес проявляет к Чарльзу Мария Грей... Неужели о счастливом браке не может быть и речи? Анна видела, что леди Брокенхёрст уже строит какие-то

планы в отношении молодой пары, не задумываясь о племяннике своего мужа. А почему бы и нет? Ведь внебрачные дочери покойного короля, мать которых была актрисой, удачно вышли замуж: графиня Эрролл, виконтесса Фолкленд, леди де Л'Иль... И разве не женился на леди Мэри Кеппель незаконнорожденный сын герцога Норфолка, через десять лет после того, как Тренчарды вернулись из Брюсселя? Анна была уверена, что где-то об этом читала. Так что прецеденты были. Чего бы ожидала от родителей в подобной ситуации София? Это был главный вопрос, который они с Джеймсом должны были себе задать. Анна заметила, что Чарльз смотрит на нее, и как ни в чем не бывало спросила:

– Мистер Поуп, вы уже решили, в какие именно районы Индии поедете? Есть ли там возможности для развития вашего дела? Такой человек, как вы, наверняка полон идей.

– О, идей у него множество! – с восторгом вставила Мария, сложив пальцы домиком. – И всего этого добиться в таком молодом возрасте... – Она обвела кабинет маленькой ручкой в перчатке. Девушка совершенно не подозревала, насколько очевидно выдает свои чувства.

– Мистер Поуп, вы необычный человек, – сказала леди Брокенхёрст, подходя к его рабочему столу. Он был завален кипами перевязанных красной бечевкой бумаг, а также какими-то коробками. – Вы образец активности и трудолюбия, и тем не менее, в отличие от большинства деловых людей, вы родились и выросли в совершенно иной среде. При обычном порядке вещей сын сельского викария – вы ведь сын викария? – поступил бы в армию или во флот, но, скорее всего, проповедовал бы в приходе, ожидая, пока кто-то поможет ему средствами к существованию.

Анна не могла взять в толк, куда клонит леди Брокенхёрст. Если Чарльз проявлял деловые способности, то наверняка унаследовал их от Джеймса, а вовсе не со стороны Белласисов. Ни один Белласис со времен Крестовых походов не стал бы утруждать себя ведением счетных книг. На мгновение Анна почувствовала гордость за мужа. Пусть вечное стремление Джеймса двигаться вверх и казалось ей порой утомительным, но все равно он, бесспорно, был умным человеком, прирожденным коммерсантом.

– А как вы узнали, что я сын викария?

Хороший вопрос. Графиня растерялась, но лишь на долю секунды.

– Вы же сами мне сказали. Когда я в прошлый раз здесь была.

– А-а! – кивнул Чарльз. – Ну, видимо, все дело в том, что мой отец не был обычным викарием. Он был удивительным человеком.

– Был?

– Он недавно умер.

Конечно умер! Анна и забыла. А ведь муж рассказывал ей о смерти преподобного мистера Поупа и даже показывал некролог в «Таймс». Недоставало ли Джеймсу их переписки? Почти двадцать пять лет он получал подробные отчеты о том, как идут дела у Чарльза. Правда, с тех пор, как Джеймс сам начал общаться с внуком, роль мистера Поупа как передаточного звена должна была практически сойти на нет. Однако в любом случае тот неплохо выполнял свой долг.

– Судя по всему, ваш батюшка был замечательным человеком, – вслух сказала Анна.

– Мне очень повезло. – Чарльз поднял взгляд на пастельный рисунок, висевший у него над письменным столом.

На портрете был изображен в профиль пожилой мужчина с проседью в волосах, одетый во все черное. Белые ленты священника подчеркивали тонкие черты лица, а вид у мистера Поупа был одухотворенный, словно бы мыслями он устремлялся к горным сферам. В правой руке викарий держал книгу, которая при ближайшем рассмотрении оказалась Библией. Меловые блики были прописаны очень тщательно, и вся картина напомнила Анне работы Джорджа Ричмонда. В сущности, Анна была благодарна преподобному мистеру Поупу. Может быть, исходным мотивом, побудившим его принять в семью бездомного и нежеланного малыша, и был дополнительный доход, но впоследствии Поуп, без сомнения, полюбил мальчика и дал ему хороший старт в жизни.

– Какая интересная картина, – произнесла леди Брокенхёрст, разглядывая портрет. – По ней можно заключить, что сходство передано точно, хотя я и не была знакома с вашим батюшкой. Судя по портрету, это был умный и добрый человек.

– У моего отца было немало достоинств. По-моему, я рассказывал вам о нем, когда мы встретились в первый раз.

– Расскажите еще!

«Какая невозмутимая лгунья! – Анна почти восхищалась Каролиной. – Вот в чем беда нашего общего положения, – думала она. – Мы все неизбежно превращаемся в обманщиков». Они с леди Брокенхёрст были сейчас воплощением лжи, однако обе выставляли себя невинными перед ничем не подозревающим внуком. Лгала даже Мария, если до сих пор убеждала себя, что собирается выйти замуж за Джона Белласиса, когда было совершенно понятно, что она этого ни за что не сделает, по крайней мере добровольно. Не лгал один только Чарльз, он всего лишь надеялся скрыть, что безумно влюблен в Марию Грей.

– Вообще-то, я не родной ребенок Поупов, – легко произнес Чарльз.

Но действительно, с чего ему было испытывать неловкость? – Моя мать умерла при родах, а отец погиб в сражении незадолго до того. Так мне сказали. Мой отец был двоюродным братом мистера Поупа, и они с женой – я привык считать ее своей матерью – решили, что возьмут меня на воспитание. Супруги были бездетны, так что, видимо, все от этого выигрывали, но главное, они очень хорошо ко мне относились, а мать и сейчас добра ко мне и любит, как родного сына.

– А что же мистер Тренчард? Какова во всем этом его роль? – Теперь, когда первый шаг был сделан, Анну снедало любопытство.

– Изначально мне была уготована церковная карьера, как и предположила леди Брокенхёрст. Но по мере того как я выросл, отец замечал, что мои интересы лежат в другой сфере, и сумел добиться для меня места ученика в банкирском доме. Когда я впервые приехал в Лондон, то сразу увидел, что понять этот мир мне будет нелегко. И тогда отец попросил мистера Тренчарда быть моим проводником, пока я не встану на ноги. Они с батюшкой были давними друзьями.

Анна следила глазами за леди Брокенхёрст. Та слушала тайную историю своего внука с явным удовольствием.

– Какое счастливое стечение обстоятельств, что у преподобного мистера Поупа оказались друзья в деловом мире!

– О-о! Друзья у него были повсюду. К счастью, мистер Тренчард принял во мне живое участие и с тех пор не выпускал меня из виду. Когда я решил оставить службу в банке и пришел к нему с идеей купить ткацкую фабрику, он поддержал мои стремления, что сделало возможным претворить мечту в реальность. А теперь лорд и леди Брокенхёрст любезно предоставили мне все необходимые средства, чтобы я мог полностью запустить производство.

– Фабрика уже работает? – Мария почувствовала, что слишком долго молчит.

– Да, но не очень эффективно на том сырье, которое удастся раздобыть. Теперь я хочу наладить более стабильные поставки, что позволит мне расширить производство. И это стало возможным благодаря леди Брокенхёрст... Распорядиться, чтобы принесли еще чаю?

– Пожалуй, нет. Благодарю вас.

Анна сидела рядом с Марией на диване. Солнечный свет струился через большие окна, завешенные жалюзи, и вычерчивал на деревянном полу полосатый узор. Чарльз собрал чайные принадлежности и составил их на поднос. Анна следила за его плавными, даже грациозными движениями. Просто невероятно, что пухлый писклявый младенец, которого она недолго

поддержала на руках четверть века тому назад, вырос в такого красивого и уверенного в себе мужчину.

Сидевшая рядом Мария тоже внимательно следила за Чарльзом Поупом. Значит, его родной отец был военным, а приемный – священником... Ну и что в этом плохого? Может быть, не самая выгодная партия, но, по крайней мере, он джентльмен. Конечно, Джону Белласису со временем достанется хорошее наследство, но разве Чарльз сам не заработает себе большое состояние? И еще неизвестно, кто из них двоих разбогатеет быстрее. Лорд Брокенхёрст наверняка будет здравствовать еще много лет. Держа все эти соображения в уме, Мария без умолку говорила, задавала вопрос за вопросом, расспрашивая Чарльза о его деле и дальнейших планах, внимательно вслушиваясь в каждое его слово. Сколько времени ему потребуется, чтобы добраться до Индии? Он поедет один? Как он сможет определить, оказавшись на месте, насколько надежны поставщики?

– Прежде всего, важно качество сырья, – разъяснял Поуп, с энтузиазмом расхаживая по кабинету. – Ситуация в Индии сложная, и в настоящее время хлопок продается по большей части низкосортный, но после того как мы найдем нужного поставщика, надо будет налаживать с ними долгосрочные отношения. Только так мы сможем улучшить дела. В целом климат сейчас благоприятный, так что все возможно.

– Золотые слова! – раздался возглас, сопровождаемый медленными, громкими аплодисментами. – Отлично сказано, приятель!

В дверях, опершись о косяк, стоял Джон Белласис. Чарльз уставился на него с недоумением.

– Сэр? Чем я могу вам помочь? – спросил он.

Человек этот вроде бы казался Чарльзу знакомым, но держался гость независимо и даже враждебно, словно они уже стали врагами. Белласис прищурил глаза, стиснул челюсти. Весь его вид выражал высокомерие.

– Джон?! – воскликнула леди Брокенхёрст. – Что ты здесь делаешь?

– То же самое я могу спросить и у вас, дражайшая тетушка. – Ответа он ждать не стал. – Да это ведь леди Мария, разрази меня гром! И вам доброго дня! – продолжал Джон, не обращая ни малейшего внимания на Чарльза, который прошел через весь кабинет и встал рядом с застывшей от ужаса девушкой.

– Как ты узнал, где нас искать? – вновь заговорила леди Брокенхёрст.

– Ну, положим, про всех вас я и не знал. Я ожидал увидеть здесь только вас, тетя, но не... – Он невидящим взглядом посмотрел на Анну. – Прошу прощения?

– Миссис Тренчард, – подсказал Чарльз.

– Да, конечно, миссис Тренчард. Как я мог забыть.

Разумеется, Джон на самом деле прекрасно знал, кто перед ним, – все-таки они сидели рядом за одним столом на том памятном вечере, – но не хотел этого показывать.

– А уж обнаружить здесь леди Марию – это просто благословение небес, – произнес Белласис тоном, который свидетельствовал об обратном.

Получив записку от Эллис, которая просила его прийти на Пикадилли, Джон сперва рассердился: что за дерзость – какая-то служанка смеет посылать за ним. Однако, услышав, что у ее госпожи на сегодня запланирована поездка в Бишопсгейт, он признал, что камеристка поступила разумно. Кто такой этот мистер Поуп, эта взявшаяся из ниоткуда личность, которая так загадочно завладела всеобщим вниманием? Джон просто был обязан докопаться до сути и выяснить, что помогло молодому коммерсанту получить над всеми такую власть. Может быть, брат отца когда-то давно совершил нечто постыдное и теперь Поуп шантажировал его? Допустим, но тогда как это объясняет интерес Тренчардов? Джон дал Эллис монетку, поблагодарил ее и спросил:

– А как сама миссис Тренчард объяснила причину этой поездки?

– Она о ней вообще не упоминала, сэр. Мне лакей сказал. Хозяйка обычно помалкивает.

– Да? Ну ничего, посмотрим, что она запоет, когда я застукаю их в логове этого «молодого льва» – миссис Тренчард и мою дражайшую тетушку!

– Вы меня не выдадите, сэр?

Эллис еще не готова была лишиться места. Она собиралась уйти тогда, когда будет удобно ей самой, но никак не раньше.

– Не волнуйтесь. Мне тоже не выгодно, чтобы вас уволили: ведь тогда я не смогу пользоваться вашими услугами.

Сейчас Джон пребывал в затруднении: ну и как объяснить Анне Тренчард, едва знакомой ему женщине, свое появление на встрече, о которой он не должен был знать?

Сегодня утром Белласис направился в Брокенхёрст-Хаус, и по счастливой случайности лорд Брокенхёрст оказался дома. Джону не потребовалось много времени, чтобы дядюшка сам рассказал племяннику, что Каролина уехала в Бишопсгейт, навестить молодого мистера Поупа.

– Вы оба принимаете в этом юноше такое участие, сэр, – заметил Джон.

– Каролина считает его многообещающим, да и мне этот юноша

кажется довольно милым.

Перегрин никогда не противился, если жена начинала проявлять к чему-либо живой интерес. Слишком редко это случалось после смерти Эдмунда.

– Как странно! – воскликнул Джон. – Я как раз сейчас направляюсь в Бишопсгейт. Ведь случаются же подобные совпадения! Можно заодно заглянуть к Поупу, вдруг застану там тетушку.

Джон знал, куда ехать, – предпринятое им расследование уже дало результаты, а лорд Брокенхёрст даже и не вспомнит, что Джон не спросил у него адреса. Обеспечив таким образом себе алиби, Джон взял кеб и отправился в путь.

Теперь он стоял в кабинете лицом к лицу со своим противником, а заодно и с миссис Тренчард, Марией Грей и своей тетушкой.

– Боюсь, чая уже нет. Но если вы хотите, я распоряджусь, чтобы принесли еще, мистер?..

То, что Чарльз не в состоянии его узнать, привело Джона в страшную ярость. Этот юный выскочка осмелился не запомнить его на ужине? Да откуда взялся этот отвратительный тип, который словно бы зачаровывает всех женщин? Обычно это была прерогатива Джона. Пожалуй, отец прав, решил Белласис: было что-то странное – и до крайности отвратительное – в том, как его тетя возится с этим ничтожеством. А главное, от Джона и его отца уплывали деньги, и это Белласису-младшему совсем не нравилось. До сих пор будущее представлялось ему сравнительно безоблачным. Можно брать в долг, пока не помрет дядюшка, а потом отцовское, а скорее, его собственное наследство все поправит, и жизнь станет легкой, как перезвон свадебных колокольчиков. Но теперь появление мистера Чарльза Поупа грозило опрокинуть его лодку.

– Вы уже встречались с племянником лорда Брокенхёрста мистером Белласисом, это было на суаре, – сказала графиня, вставая со своего места. Нежданное вторжение Джона явно вызвало у нее раздражение. И несколько выбило из колеи. Она встретилась взглядом с Анной. Этот акт пьесы закончен. Пора уезжать.

– Мистер Белласис, ну конечно! – коротко кивнул Чарльз. Сердце его упало. Стало быть, это жених Марии. – Приношу свои извинения. Там было так многолюдно, я с непривычки совсем растерялся.

– По вам это было не заметно, – парировал Джон, разглядывая Чарльза из своего кресла. У этого человека не было ничего за душой, и тем не менее тетя проехала пол-Лондона, чтобы выпить чая в его невзрачном кабинете. – Вот, значит, все мы и собрались, – заключил он, сложив руки домиком.

– И мы хотели бы знать, почему здесь оказались вы? – поинтересовалась Мария.

Она произнесла это с улыбкой, однако глаза ее смотрели настороженно.

– Да, Джон, – кивнула леди Брокенхёрст. – Почему ты здесь?

– Сегодня утром я был у вас дома, и дядя сказал мне, что вы уехали в Бишопсгейт. У меня неподалеку была назначена встреча, и мне стало любопытно еще раз взглянуть на мистера Поупа. Он какой-то таинственный человек. Для меня, по крайней мере. Моя тетушка и моя невеста, а как теперь выясняется, еще и жена одного из самых известных застройщиков Лондона проделали неблизкий путь, дабы побывать в этой скромной конторе, и мне хотелось бы знать почему. Надеюсь, эпитет «скромная» не обидел вас, сэр? – с притворной учтивостью спросил он.

Чарльз выдавил из себя улыбку:

– Нет, что вы, не беспокойтесь.

– Тетя, когда я узнал, что вы едете сюда, – продолжил Джон, – то понял: вот он, мой шанс все узнать.

Чарльз почувствовал, что пора вмешаться и сгладить острые углы:

– Откровенно говоря, мистер Белласис, для меня и самого тоже загадка, почему все вдруг стали проявлять такой интерес к моему благополучию. – На этот раз улыбка Поупа была вполне искренней. – Можете не сомневаться.

– Хотел спросить. – Джон повернулся к Марии. – В четверг я еду в Эпсом. Лошадь моего кузена участвует в скачках, и я подумал, может быть, вы и леди Темплмор захотите составить мне компанию?

– Я, конечно, спрошу маму, но, боюсь, она не слишком любит скачки.

– А вы, Поуп? Как насчет лошадей? Интересуетесь?

– Не особенно, – ответил Чарльз.

Сердце у него запело, когда Мария отвергла предложение провести день с этим человеком. Считать ли это добрым знаком?

– Я так и думал, – сказал Джон. Он встал и подошел к карте, заложив руки за спину. – Наверное, у вас голова слишком забита хлопком, – добавил он и засмеялся, чтобы выдать оскорбление за шутку.

Леди Брокенхёрст стала потихоньку двигаться к двери.

– Не будем отнимать время у мистера Поупа, ему уже пора вернуться к делам, – сказала она. – А у нас с вами, дамы, свои дела. Джон, вы пойдете с нами за покупками?

– Вряд ли, тетя. Если только вы не полагаетесь на собственный вкус. – Говоря это, он обворожительно улыбался. – Как я уже сказал, мне нужно

еще кое-что сделать.

Леди Брокенхёрст кивнула. У Джона явно не было желания провести остаток дня, таскаясь по складу торговца шелком, но она его за это не винила.

У Джона Белласиса и впрямь были иные планы. В тот же день ближе к вечеру он уговорился встретиться со Сьюзен Тренчард в отеле «Морли» на Трафальгарской площади. По зрелом размышлении он решил, что лучшее средство от унижения и досады – переспать с чужой женой.

Джон снял комнату на вымышленное женское имя, и когда он распахнул дверь номера двадцать семь на втором этаже, Сьюзен уже ждала его. Он понял, что любовница здесь, увидев в холле Спир, ее камеристку. Миссис Тренчард говорила, что не располагает временем для поездки в Айзелуорт, и оба понимали, что Джон не может пригласить ее в «Олбани». Пока не может. Его комнаты не вполне соответствовали образу купающегося в роскоши аристократа-сибарита, который Белласис стремился поддерживать. Снимать комфортное жилье в Айзелуорте он еще мог, а вот Пикадилли была ему не по карману. Называя сейчас свой адрес, Джон непременно упоминал, что в «Олбани», в апартаментах под номером А2, некогда жил лорд Байрон, но он никогда не принимал там гостей, даже близких друзей-мужчин, не говоря уже о дамах. Так что на этот раз Белласису пришлось оплатить номер в «Морли». Расходы огорчали, но чуть позже, лежа в постели, обнаженный и довольный, Джон был вынужден признать, что Сьюзен того стоила. Ему нечасто попадалась столь страстная любовница. Большинство женщин, с которыми он имел связь, утомительно беспокоились о риске зачатия и неизбежном скандале, который в связи с этим может разразиться. Это очень утомляло Джона. Однако Сьюзен Тренчард подобные мысли словно бы вообще не тревожили. Она была податлива и предупредительна, и Белласису это очень нравилось.

– Сьюзен, дорогая, – пробормотал он, перекатился на другой бок, придвинулся поближе и принялся целовать ее в плечо.

– Как приятно!

Сьюзен чувствовала, что за этим последует просьба, пожелание, может быть, даже приказ. Она уже неплохо изучила Джона. Ее любовник был человеком эгоистичным и жадным. Однако, несмотря ни на что, отправляясь на свидание с ним, Сьюзен чувствовала, как сильно бьется сердце. Она не знала, любовь это или похоть, но чувство было много сильнее, чем все, что ей довелось испытывать с Оливером. И она ждала приказаний. Она угодит ему, если сможет.

Джон разглядывал ее:

– Мне надо быть осторожнее. Начинаю к тебе привязываться.

Такой комплимент вряд ли мог вскружить голову, но Сьюзен он воодушевил.

– Я рада!

– Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала, – сказал Джон.

– Конечно. Если смогу.

– Я хочу, чтобы ты побольше разузнала о Чарльзе Поупе.

– Что?! – Сьюзен села на кровати. Очарование момента было погублено. – И ты туда же? Все как одержимые носятся с этим несчастным коммерсантом! Оливера это просто бесит.

– Вообще-то, я не склонен в чем-либо соглашаться с твоим мужем, но в данном случае он абсолютно прав, – сказал Джон, усаживаясь рядом с ней. – Не знаю, в чем там дело, но почему-то я этому Поупу не доверяю. Он имеет какое-то странное влияние на мою тетушку, а когда я сегодня зашел к нему в контору, то застал там твою свекровь. А также Ма...

– Кого?

– Не важно.

Ответ заставил ее улыбнуться, и это была совсем не та реакция, которой Джон ожидал. На самом деле Сьюзен знала имя, которое он чуть не произнес. Отчасти ей даже было приятно видеть, что любовник щадит ее чувства. Однажды ей потребуется использовать это против него.

– Зачем ты ходил в контору к Поупу? – спросила она. – Этот человек и на тебя имеет влияние?

– Хотел узнать, чем это он им всем вскружил голову. Ну вот скажи, почему именно его такие люди выбрали в качестве своего протеже?

– Почему его, а не тебя? – засмеялась она.

– Я не шучу. – Голос его был твердым и холодным. Джон умел перемениться в одно мгновение.

– Знаю, – кивнула Сьюзен.

Напрасно Джон считал ее послушной игрушкой в своих руках. Она уже размышляла, как можно обернуть ситуацию в свою пользу.

– Больше всего меня интересует, – проговорил он, повернувшись к любовнице спиной и спустив ноги с кровати, – почему они оба дали Поупу столько денег.

Разглядывая профиль Белласиса, Сьюзен поняла, что это и впрямь немало его беспокоит.

– Как поживает леди Мария?

– Почему ты спросила?

– Да просто так. Но если ты ее сегодня видел...

Она ожидала, что Джон начнет отрицать их встречу, но он молчал. Оба знали, что его злит, когда Сьюзен забредает на территорию его личного пространства, но сейчас Белласис сам проговорился, что девушка была в кабинете Чарльза, а Сьюзен нравилось подразнить любовника. Если она захочет, то сможет доставить ему массу неприятностей, и ей было приятно время от времени напоминать ему об этом.

– Полагаю, у Марии все благополучно. Слушай, а тебе не пора домой?

Но у Марии Грей в этот момент далеко не все было благополучно, или, по крайней мере, она проигрывала в споре, который сознательно спровоцировал Джон. Направляясь на свидание со Сьюзен, он нашел время по пути заскочить в свой клуб на Сент-Джеймс-стрит и набросать леди Темплмор записку, в которой сетовал, что она не любит скачки. В заключение он предлагал в ближайшее время устроить какую-нибудь другую прогулку.

– Почему ты сказала Джону, что я не люблю скачки? – очень спокойно поинтересовалась леди Темплмор, когда они вдвоем сидели в ее изящном будуаре.

Она не отличалась острым умом, но неплохо разбиралась в людях и сейчас была совершенно уверена, что происходят какие-то странные события, которых она интуитивно не одобряла, хотя и не знала, в чем дело.

Под взглядом матери Марии захотелось заерзать на стуле.

– А разве ты их любишь?

– Люблю в той же степени, что и другие бессмысленные занятия, на которые мы вынуждены тратить время.

Мария пристально посмотрела на нее:

– Тогда напиши Джону, что принимаешь приглашение.

– От имени нас обеих?

– Нет, лишь от себя.

Мать и дочь прекрасно понимали, что дело тут не только в скачках, хотя прямо об этом пока еще не говорили.

– Надеюсь, ты не считаешь, что допустимо брать свои слова назад, – сказала леди Темплмор и замолчала, ожидая ответа.

Но Мария ничего не ответила. Она продолжала безмолвно сидеть, сложив руки. Ни подтверждая, ни опровергая предложения матери, что выглядело тревожным знаком. Леди Темплмор именно этого и боялась, и вот уже некоторое время ее подмывало вызвать из Ирландии своего сына Реджи, старшего брата Марии, но она отнюдь не была уверена, что он

займет сторону матери, а не сестры. По большому счету ему ничего не достанется от состояния Джона Белласиса. Это она, Коринна Темплмор, намеревалась, заполучив зятя с деньгами и положением в обществе, надежно обеспечить себе в преклонном возрасте покой, на который, как ей представлялось, она имела полное право рассчитывать.

– Разве я не оберегала тебя с самого детства? Неужели после всего этого я не заслуживаю хотя бы скромной обеспеченной старости? Тебе недолго придется ждать моего конца. – Леди Темплмор сдержала рыдания и откинулась на обитый дамастом бержер^[27], ожидая, что ее слова возымеют ожидаемое действие. Но она просчиталась.

– Мама, ты сильная, как лошадь, ты еще всех нас похоронишь. Что касается заботы, я, разумеется, буду за тобой ухаживать, как только могу, так что тебе нечего бояться.

Коринна промокнула глаза:

– Ты позаботишься обо мне тем, что выйдешь за Джона Белласиса. Это все, чего я прошу. Чем он плохой жених?

– Я не уверена, нравимся ли мы друг другу.

Для Марии это был вполне резонный аргумент, но мать и слышать его не желала.

– Подумаешь! Какой вздор!

Со слезами было покончено; леди Темплмор вернулась к деловому разговору:

– Вот поженитесь, узнаете друг друга получше и непременно полюбите. Когда я вышла замуж за твоего отца, я едва его знала. И откуда бы? Ведь до помолвки нам не разрешалось встречаться без сопровождающих! Да и тогда мы могли только сидеть рядом на диване, но так, чтобы находиться в пределах слышимости наших спутников. Так уж заведено в обществе.

Мария недоуменно смотрела на мать:

– И что, твой брак с моим дорогим папой должен быть идеалом, призванным убедить меня согласиться выйти за Джона?

Это был удар ниже пояса, и Мария даже пожалела, что нанесла его. Но рано или поздно ее родным придется смириться с тем, что она не выйдет замуж за Джона Белласиса. Если прежде девушка еще сомневалась, то после сегодняшней встречи она знала это совершенно точно, так что почву следовало начать готовить уже сейчас.

Разумеется, у нее не было никаких доказательств того, что Чарльз имеет на нее виды. Точнее, никаких явных доказательств. Но Мария была вполне уверена, что Поупа удерживают только два обстоятельства:

помолвка с Белласисом и ее статус в обществе. Она была не настолько невинна, чтобы не видеть, когда мужчина находит ее привлекательной, и не сомневалась, что сможет окончательно влюбить в себя Чарльза, стоит ей только этого захотеть. Относительно реакции брата она не беспокоилась. Реджи, возможно, импонировала мысль о том, что сестра станет графиней, но он не будет заставлять ее выходить замуж против воли. И Чарльз ему наверняка понравится. В этом Мария была вполне уверена. Нет, главная задача состояла в том, чтобы убедить мать принять предложение владельца фабрики в Манчестере вместо предложения будущего графа. Мария хорошо понимала, что это будет нелегко. Но сдаваться не собиралась.

– Но ты же дала согласие!

Сейчас, слушая доводы матери, Мария находила весьма странным, что она дала согласие Джону Белласису. О чем она только думала? Может быть, все дело в том, что раньше она никогда не бывала влюблена и не знала, что означает это слово? А влюблена ли она сейчас? Видимо, да.

– Я буду не первой женщиной, которая передумала, – сказала Мария.

– Ты не можешь вот так взять и перечеркнуть свое блестящее будущее. Я тебе не позволю. Я запрещаю! – Леди Темплмор в отчаянии откинулась на стуле.

Наблюдая за ее поведением, Мария решила пока оставить все как есть. Никакого резона спешить не было. Надо дать матери время свыкнуться с мыслью, что желаемый ею брак не состоится. Приняв это решение, Мария почувствовала, что улыбается. Она впервые признала, что планирует для себя самый настоящий мезальянс. Сердце билось от собственной дерзости, но, так или иначе, именно этого она хотела и собиралась добиться своего.

Обычно Сьюзен не принимала приглашений Анны поехать с ними в Гленвилл. Она презирала это место. Окруженный прекрасными садами большой елизаветинский особняк в самом центре Сомерсета казался ей донельзя скучным и лишенным всякого комфорта.

Прежде всего ее отпугивало утомительное путешествие, требовавшее тщательной подготовки и несметного количества постельного белья. Кверк запрягал просторную дорожную карету, и они постоянно останавливались по пути на станциях, чтобы пообедать, поужинать, лечь спать или сменить лошадей. Ехать приходилось по меньшей мере двое суток, но Анна Тренчард предпочитала закладывать на дорогу все три. Она говорила, что в ее возрасте уже не подобает нестись галопом, и хотела к тому же почаще останавливаться, чтобы выпускать Агнессу побегать. Новая железная дорога должна была вскоре многое изменить, но пока все оставалось по-

прежнему. А значит, Сьюзен грозило без роздыху трястись в карете три дня подряд, обсуждая со свекровью тонкости садоводства, а если вдруг пойдет дождь и карета застрянет в грязи, то они и в трое суток не уложатся.

Но главная причина, по которой Сьюзен восставала против Гленвилла, состояла в том, что она не видела смысла в этой поездке. Ну и чем там заняться, после того как доберешься туда с таким трудом? Опять вести бесконечные разговоры об уходе за садом, ходить по этому самому саду и все время что-то есть за длинным обеденным столом? Иногда на эти обеды приходили всевозможные местные сановники, желающие свести знакомство с Джеймсом Тренчардом в надежде, что смогут убедить его расстаться с частью денег и оказать поддержку тем или иным благородным начинаниям. Представителей местной аристократии Тренчарды почти не видели. «Всем известно, – с иронией думала Сьюзен, – что в провинции подниматься по социальной лестнице гораздо труднее. В Лондоне люди меньше обращают внимание на то, кто ты, если ты как следует одет и говоришь правильные вещи. Жители провинции менее снисходительны». От одной лишь мысли о Гленвилле ей хотелось зевать.

Но на сей раз Джон убедил любовницу, что поездка будет очень кстати. Пока они проводили вместе в постели остаток дня, он изложил ей свой план. Сьюзен предстояло точно узнать, кто такой Чарльз Поуп и почему Джеймс Тренчард так заинтересован в финансировании его предприятия, не говоря уже о причудливом альянсе, складывающемся между тетей Джона и ее собственной свекровью. Сьюзен решила, что по ходу дела могут всплыть какие-то подробности, которыми может воспользоваться и она сама. Во всяком случае, повернуть все так, чтобы Джон Белласис оказался перед ней в долгу. Это вполне сочеталось с планами самой Сьюзен.

Наверное, больше всех удивился Оливер, когда супруга вдруг приняла приглашение провести месяц в деревне с его родителями. Обычно при упоминании Гленвилла у нее случались вспышки раздражения и Сьюзен начинала плакать. Порой ему даже приходилось идти к ювелиру и покупать какую-нибудь безделушку, дабы жена проявила уступчивость. Но на сей раз все произошло по-другому.

Решение Сьюзен порадовало его. В последнее время Оливер стал замечать, что сам предпочитает жизнь в Гленвилле жизни в Лондоне. Тренчард-младший честно старался, по крайней мере так ему казалось, увлечься делами своего отца, однако, положив руку на сердце, он чувствовал себя созданным для традиционной жизни сельского сквайра. А почему бы и нет? Его воспитали как джентльмена, и вот результат. Оливер любил охоту,

и ему импонировала веселая непосредственность сельской жизни. Это доставляло ему намного больше удовольствия, чем долгие часы, проведенные за дотошным изучением планов и счетов в кабинете отца или Уильяма Кьюбитта. А как славно было бы расхаживать по землям поместья, разговаривать с арендаторами, выслушивать их жалобы. В деревне Оливер начинал чувствовать себя человеком деятельным, уважаемым и опытным. В какой-то момент он уже было смирился, что после смерти родителей они с женой ни за что не переедут в Гленвилл, что Сьюзен настоит на том, чтобы найти жилище побольше, побогаче и, главное, поближе к Лондону. Но в последнее время, когда супруги отдалились друг от друга, он стал подумывать, что компромисс, возможно, достигим. Жаль только, что у Оливера не было наследника: Гленвилл стал бы прекрасным родовым поместьем.

Сердце у него взмыло ввысь, когда карета наконец въехала в высокие, медового цвета ворота. В конце длинной подъездной аллеи стоял изящный трехэтажный особняк, пребывавший сейчас в гораздо более ухоженном виде, чем в 1825 году, когда мать впервые его увидела. Преисполнившись грандиозных замыслов, Джеймс велел тогда жене найти для семьи «гнездышко» в деревне. Он рассчитывал, что Анна приобретет скромный домик в каком-нибудь достойном, удобно расположенном месте: в Хартфордшире или Суррее, а может, и сравнительно недалеко от Лондона. Но Анна распорядилась иначе. Случайно наткнувшись на Гленвилл – прекрасный образчик архитектуры переходного периода, когда мода повернулась от средневековой готики к ренессансному классицизму, окруженный садами, парками и тысячами акров возделываемых земель, – миссис Тренчард поняла, что именно его и искала. Может быть, даже всю жизнь. Правда, в здании встречались чуть ли не все виды гнили и жучков-древоточцев, не говоря уже о протекающей в нескольких местах крыше, и сначала Джеймс отказался. Глава семейства видел в мечтах нечто совсем иное. Ему не улыбалось жить в Сомерсете, да к тому же он хотел приобрести уже готовый дом, который не надо будет почти полностью перестраивать. Однако Анна настояла на своем, что за всю семейную жизнь делала лишь считанные разы.

Теперь, спустя почти двадцать лет, оба считали Гленвилл ее главным достижением. Анна методично восстановила дом, влюбившись в его маленькие странности: каменных обезьянок, карабкающихся по крыше мансарды в голландском стиле; скульптуры Девятерых Достойных^[28], каждая в своей нише, стоявшие вдоль восточного фасада. Порой Джеймсу приходило в голову, что этот самозабвенный труд жена рассматривает в

качестве своего рода компенсации: если Анна не смогла спасти собственную дочь, то по крайней мере она постарается спасти этот дивный старый дом. И усилия миссис Тренчард оказались ненеприятными: в Гленвилл словно бы вдохнули новую жизнь, и он все ярче сиял новым светом.

Подлинным триумфом Анны стали сады, разбитые ею на пустырях. Когда карета остановилась перед домом, старший садовник Хупер уже ждал госпожу. Но прежде чем она могла поздороваться и побеседовать с ним, необходимо было соблюсти положенные ритуалы. Тёртон, выехавший из Лондона раньше хозяев, вышел вперед и открыл дверь кареты.

– Мадам, – сказал дворецкий, когда Анна спускалась по ступенькам, держа под мышкой собаку, – надеюсь, путешествие было приятным?

Голос у него был чуть усталым. К поместью Тёртон испытывал примерно те же чувства, что и миссис Оливер. Он тоже ненавидел утомительную дорогу сюда, но еще больше Тёртону не нравилось, что во время этих бессмысленных выездов ему приходилось иметь дело с местной прислугой, квалификация которой оставляла желать лучшего. В отличие от большинства аристократов, чьи основные резиденции находились в родовых поместьях, Тренчарды обосновались в Лондоне. Поэтому основной штат слуг содержался там, и лишь небольшая их группа ездила в Сомерсет и обратно. В Гленвилл семью сопровождали только Тёртон, Эллис, Спир и лакей Билли, в обязанности которого также входило одевать Оливера. Кухарка, миссис Бэббидж, тоже поначалу проделывала весь немалый путь, но поскольку с ее приездом на кухне всякий раз неизбежно возникали скандалы, сильно мешавшие работе, Анна решила нанять женщину из местных, миссис Адамс: та была попроще в общении и вряд ли надумала бы требовать ингредиенты, за которыми надо посылать в столицу. В результате с лица дворецкого не сходило выражение страдания: меню в сельской местности казалось ему слишком простым, а обслуживание – более медленным, чем следовало.

– Благодарю вас, Тёртон. Надеюсь, все уже обосновались?

– С учетом обстоятельств, делаем все, что можем, – трагическим тоном ответил он, но Анна не собиралась немедленно по приезде заниматься проблемами прислуги.

Она прекрасно знала о чувствах Тёртона, но придерживалась мнения, что для процветания Гленвилла необходима в первую очередь поддержка местных жителей, а это означало, что им следует нанимать детей фермеров-арендаторов и работников, занятых в поместье. Куда еще было податься молодым людям? Им нужна была работа, и долгом помещиков

было ее обеспечить. Вот какими соображениями руководствовалась Анна, и ее совершенно не заботило, что Тёртона это раздражало.

– А, Хупер! – воскликнула она и, потирая руки, подошла к садовнику. – Какие у вас есть для меня новости?

– Дорогая, – окликнул жену Джеймс Тренчард, – не хочешь сперва зайти внутрь? Ты, должно быть, устала.

– Сейчас приду. Я только хочу услышать, что происходило в саду, пока нас не было. И Агнессе надо погулять.

– Смотри не переутомись, – сказал Джеймс, заходя в дом со всеми остальными.

На самом деле он не имел ничего против. Он любил, когда его жена чувствовала себя счастливой, а в Гленвилле Анна всегда была счастлива.

В тот же день вечером они сели ужинать в помещении, где раньше располагались хлеборезная и винная кладовая. Дом был слишком старым и не мог похвастаться настоящей столовой, поскольку первые его хозяева обедали вместе со всеми домочадцами в большом зале. Но Анна решила, что ее приверженность елизаветинской эпохе имеет свои пределы: когда чинили крышу, заодно снесли и стену между двумя этими помещениями, чтобы получилось крайне необходимое пространство для совместной семейной трапезы. Стены обшили деревом, а чтобы бороться с холодом от больших окон, выходящих на восточную террасу, в зале поставили основательный камин. Можно сказать, что миссис Тренчард любила эту комнату еще и потому, что сама придумала ее от начала до конца, когда получила дом в свои руки.

Анна шла по галерее к лестнице, и тут ее догнала Эллис и протянула накидку:

– Вам может потребоваться, миледи.

У Эллис было хорошее настроение. В деревне она всегда оживлялась. В отличие от Тёртона, камеристке нравилось быть «майской королевой»^[29]. Ей редко выпадала возможность насладиться чувством собственного превосходства, но здесь, в центре Сомерсета, она становилась неоспоримым источником знаний обо всем, что касалось бомонда. Эллис могла часами повествовать о лондонских событиях, перечислять новые магазины, в подробностях описывать направления моды. Ничто не радовало ее так, как возможность поделиться последними сплетнями о лорде таком-то и леди такой-то, когда вся прислуга усаживалась за стол в людской под лестницей. Работа в деревне тоже была полегче. Возможностей развлекаться и выходить в свет у хозяев оказывалось

меньше, так что Эллис едва ли когда приходилось просиживать до глубокой ночи в будуаре миссис Тренчард, ожидая, когда же госпожа наконец вернется домой.

Анна вошла в гостиную и увидела, что Джеймс съежился у огня. Она знала, что это означает.

– Почему ты не вызовешь Тёртона? Узнай, готов ли ужин. Я бы легла пораньше, если получится.

– Ты не возражаешь?

Он охотно вскочил и потянул звонок. Сьюзен и Оливер уже спустились вниз, и Анна без объяснений понимала, что болтовня Сьюзен сводит мужа с ума. И еще Джеймс надеялся найти облегчение в добром стаканчике кларета. Анна бросила взгляд на невестку. Та действительно вела себя сегодня очень оживленно. Обычно в Гленвилле она пребывала в мрачном настроении, но нынче вечером сделала над собой усилие. На Сьюзен было светло-желтое шелковое платье, в ушах изумрудные серьги в изящной оправе, а волосы Спир заколола ей в пучок.

Почувствовав, что свекровь на нее смотрит, Сьюзен бросила пробный шар:

– Ни за что не догадаетесь, кого я на днях встретила на Пикадилли.

Она не хотела начинать этот разговор, пока они тряслись в карете, но сейчас откладывать его дальше смысла не было.

– Даже и пытаться не буду, – вежливо улыбнулась Анна, поглаживая Агнессу, которая попрошайничала у ее кресла.

– Мистера Белласиса!

– Да неужели? Племянника лорда Брокенхёрста?

– Его самого! Мы как раз познакомились с ним на приеме в Брокенхёрст-Хаусе. Представляете, я шла в сопровождении Спир к перчаточнику, а навстречу он!

– Подумать только.

Анна начинала понимать, что этот разговор к чему-то ведет, и она вовсе не была уверена, что ей хотелось двигаться в том же направлении, что и невестке. К счастью, как раз в этот момент вошел дворецкий, и вскоре они уже сидели за столом в обеденном зале.

Сьюзен держалась, пока не подали первую перемену блюд и все не положили себе по кусочку. Как только лакеи отступили от стола, она продолжила:

– Мистер Белласис сказал мне, что видел вас и свою тетушку в Сити, в конторе мистера Поупа.

– Что?! – воскликнул Джеймс, отложив нож и вилку.

– Ох! – Сьюзен тотчас в деланой тревоге закрыла рот рукой. – Я сказала что-то не то?

– Нет, конечно, – очень спокойно ответила Анна. – Мистер Тренчард проявляет интерес к судьбе этого молодого человека, и поэтому, когда леди Брокенхёрст предложила вместе нанести ему визит, я согласилась. Мне стало любопытно.

– И вполовину не так любопытно, как мне, – подал голос Оливер, и Анна с упавшим сердцем увидела, что сын уже пил до того, как она спустилась. – С чего это вдруг мой дорогой отец проявляет в два раза больше интереса к делам некоего мистера Поупа, чем к нашей с ним работе по строительству Кьюбитт-тауна?

– Вовсе даже не так. – Джеймс приготовился было сделать выговор Анне, но внезапно очутился в ситуации, когда пришлось вести сражение с собственным сыном, причем оборонительное. – Мне импонирует мистер Поуп. Его деловые планы кажутся мне разумными и серьезными, и я рассчитываю, вложив средства, получить с них доход. Я делаю инвестиции в различные области. Мне казалось, ты в курсе этого.

– Еще бы, – кивнул Оливер. – Но всех ли управляющих этих новых предприятий ты водишь на обед в свой клуб? Вот вопрос. А также каждую ли, так сказать, новую возможность для финансовых вложений леди Брокенхёрст торжественно водит по своей гостиной?

Джеймса это начинало сердить.

– Мне нравится мистер Поуп, и я восхищаюсь им, – отрезал он. – Я был бы рад, если бы ты мог похвастаться хотя бы половиной его трудолюбия.

– Не волнуйся, папочка. – Оливер больше уже не мог держать себя в руках. – Мне прекрасно известно, что мистер Поуп обладает всеми добродетелями, которых тебе недостает в твоём собственном сыне.

Сьюзен решила не подливать масла в огонь. Главное, что она выяснила: загадочный мистер Поуп – чрезвычайно важная фигура в этом споре. А форсировать события не стоило. И она откинулась в кресле, предоставив своему вздорному муженьку выставлять себя дураком.

– Оливер, сядь! – Анна попыталась урезонить сына, который вскочил на ноги и грозил отцу пальцем, словно странствующий проповедник на деревенской ярмарке.

– Не сяду! Тёртон! Распорядитесь, чтобы мой ужин отнесли наверх в мою комнату. Не стану оставаться здесь и огорчать папочку. – И Оливер вихрем вылетел из столовой, громко хлопнув дверью.

Некоторое время стояла тишина, потом заговорила Анна:

– Тёртон, сделайте так, как велел мистер Оливер. Попросите, пожалуйста, миссис Адамс найти поднос. – Она повернулась к невестке и решила разрядить обстановку. – А тебе, Сьюзен, хотелось бы заняться чем-то определенным, пока мы здесь, или просто будем каждое утро придумывать развлечения на новый день?

Разумеется, Сьюзен все прекрасно понимала, но рада была подыграть, пустившись в рассуждения о том, как можно развлечься до возвращения в Лондон.

В ту ночь Джеймс не мог заснуть. Судя по легкому, ровному дыханию жены, взрыв ярости, который Оливер продемонстрировал за ужином, не лишил ее сна. Но главное, Анна рано ушла и постаралась заснуть до того, как муж придет в спальню, чтобы у него не оставалось возможности расспросить ее о визите в Бишопсгейт. Он подозревал, что супруга проделала это намеренно, но не будить же ее теперь. И о чем, интересно, Анна только думала, когда поехала туда? Получается, он единственный член семьи, который не пытается разрушить их мир? Оливер ведет себя как избалованный мальчишка. Приревновал к Чарльзу, но если бы не было Чарльза, наверняка придрался бы еще к чему-нибудь. Чего он хочет? На что рассчитывает? Что отец принесет ему все на блюдечке?

Джеймс покачал головой, вспоминая собственное детство. Он помнил, как много работал его отец. Помнил, как много работал потом он сам. Как все эти офицеры заставляли армейского интенданта чувствовать себя на низших ступенях общественной иерархии, когда он добывал для них на грязных улицах Брюсселя хлеб, муку, вино, амуницию. Джеймс вспомнил, на какой риск он пошел, когда, вернувшись в Англию, вложил все свои средства в дело братьев Кьюбитт и строительство новой Белгравии. До чего же нелегкий путь они вместе проделали: бессонные ночи, полные тревог дни. И что в результате? Теперь он сидит в великолепном собственном доме в Сомерсете, в компании с неблагодарным негодяем-сыном и его избалованной женушкой, и оба ожидают от него, Джеймса Тренчарда, что он всегда будет обеспечивать им ту жизнь, к которой они привыкли. Как было бы хорошо, если бы здесь, рядом с ним, была София. В мыслях она представлялась Джеймсу истинной дочерью своего отца, которая не обращает внимания на препятствия, но сбивает их или перешагивает, не хнычет и не жалуется, а просто идет своим путем и берет себе то, что должно ей принадлежать. В сущности, дочь никогда и не покидала его. Едва ли с тех пор, как София умерла, нашлось хотя бы несколько минут, когда бы она незримо не витала рядом, порой смеясь и подшучивая над

отцом, но всегда делая это с любовью. И уже не в первый раз Джеймс почувствовал, что при мысли о навеки потерянной любимой дочери щеки его стали влажными от слез.

Остаток времени в Гленвилле прошел без особых инцидентов, хотя отношения между отцом и сыном оставались натянутыми. Джеймс устроил Анне настоящий допрос относительно поездки к Чарльзу, но она сумела оправдаться, сказав, что узнала о планирующемся визите леди Брокенхёрст и почувствовала, что правильнее будет поехать вместе с ней. Тогда можно будет сгладить неловкости, если графиня вдруг распустит язык. К счастью, Каролина повела себя благоразумно. Джеймс вынужден был признать этот аргумент убедительным и не стал упрекать жену. Но Анна начала свыкаться с мыслью, что придет день – и он уже недалек, – когда правда вырвется наружу. А пока она жила обычной жизнью: выгуливала в парке собаку, обсуждала с садовником, что следует посадить в этом году, и рано ложилась спать.

Сьюзен постоянно пыталась что-нибудь выведать, но не на ту напала: Анна не намерена была выдавать невестке ни крупницы сведений.

– Но ведь должна же быть какая-то причина, по которой отец проявляет интерес к мистеру Поупу? – отважилась однажды напрямую спросить Сьюзен, когда они вместе гуляли по длинной садовой дорожке, а Агнесса семенила за ними следом. – Да ладно бы только он один, но ведь лорд и леди Брокенхёрст тоже. Меня просто снедает любопытство!

– К сожалению, милая, здесь я тебе ничем помочь не могу. Им просто нравится Чарльз Поуп, и они считают, что со временем молодой коммерсант вознаградит их за покровительство. Только и всего.

Сьюзен была достаточно умна и понимала, что это далеко не все, но придумать способ узнать больше она не могла. Сьюзен попыталась было выведать что-то у Эллис, но встретила решительный отказ. У той была своя гордость, и таким, как миссис Оливер, камеристка продаваться не собиралась.

К тому времени, когда Тренчарды вернулись в Лондон, сын и отец снова стали разговаривать друг с другом, хотя рана так и не зажила. Сьюзен, со своей стороны, стойчески выдержала этот месяц пасторали и теперь прикидывала, как сделать так, чтобы то небольшое, что ей удалось выведать, прозвучало в разговоре с Джоном посolidнее.

Долго ждать ей не пришлось. Вскоре Сьюзен получила записку, в которой предлагалось как бы случайно встретиться в Грин-парке, и она

отправилась туда, прихватив Спир.

– Ты говоришь, что Чарльз Поуп – важная фигура. А насколько? – нетерпеливо допытывался Джон. – Я и так знаю, что он важен для мистера Тренчарда, но хочу знать почему.

– Полагаю, это как-то связано с его коммерческими делами.

– Чушь! – покачал головой Джон. – Любому ясно, что причина тут не только в деньгах.

Сьюзен понимала, что любовник прав.

– Оливер просто в ярости. Считает, что это ничтожество отодвинуло его на второй план.

– Я, конечно, всегда сочувствую твоему мужу, моя дорогая, но сейчас от его гнева мне толку мало, – со всей возможной язвительностью проговорил Джон.

– Понимаю.

Сьюзен чувствовала, что не выполнила данное ей поручение, хотя ради этого вытерпела бесконечные недели в Гленвилле. Однако со времени их последней встречи в отеле «Морли» молодую женщину беспокоило кое-что еще. Она собиралась рассказать Белласису о своих тревогах прямо сейчас, но, видя недовольство Джона, решила, что разумнее отложить разговор до лучших времен. Вот только откладывать бесконечно было нельзя.

Он пристально взглянул на любовницу:

– Что случилось? Ты словно чем-то озабочена.

– Правда? – Она по-детски потрянула головой. – Ничего особенного. Так, ерунда.

На самом деле это была далеко не ерунда. И Сьюзен это прекрасно понимала.

Джон проводил Сьюзен домой: на некотором расстоянии шел за ней до самой площади Итон-сквер. Правда, она ничего не заметила, поскольку была слишком поглощена разговором со Спир: отдавала служанке распоряжения купить каких-нибудь лент, что-нибудь для отделки – да чего угодно, лишь бы оправдать перед Оливером свое отсутствие в течение дня.

Джон подождал на углу, встав под уличным фонарем, в надежде, что Эллис сможет на минутку выскользнуть из дому. Он был раздосадован тем, как мало Сьюзен удалось узнать в Сомерсете, но на большее он всерьез и не рассчитывал, а потому дал Эллис поручение поговорить с Доусон, камеристкой его тетушки. Та должна была знать все семейные тайны. Он заранее условился с Эллис, где и в какое время будет ее ждать, и наконец, когда солнце начало клониться к закату, служанка появилась. Увидев Джона

на углу напротив, она подошла к нему.

– Ну? – спросил он. Обмениваться любезностями не было нужды.

– О сэр, – сказала она, с нарочитым подобострастием сжимая руки, – кажется, ничего полезного я вам сообщить не могу.

– Но что-то же наверняка есть?

– Боюсь, что нет, сэр, – продолжала Эллис. – Мисс Доусон совсем не такая женщина, как мы считали.

– Вы имеете в виду, она предана своим хозяевам? – Он произнес это с таким недоверием, что Эллис чуть не рассмеялась, но вовремя сумела прикусить язык.

– Судя по всему, да, сэр.

Джон глубоко вздохнул. Кто-то где-то наверняка что-то знает об этом юноше. Просто надо хорошенько подумать.

– У меня есть для вас задание.

– Конечно, сэр. – В расчете на чаевые Эллис любила лишний раз продемонстрировать услужливость, даже если мало чем могла исправить положение.

– Попросите Тёртона еще раз со мной встретиться. На том же месте. Завтра в семь вечера.

– Мистер Тёртон, вообще-то, имеет привычку к семи часам возвращаться домой, готовится к ужину.

– Ну тогда в шесть.

Джон попытался действовать женским способом, через сплетниц-камеристок и любопытных невесток, но это не помогло. Пора было сменить тактику.

– Смотрите не забудьте! – строго добавил он.

И прежде чем Эллис успела возразить, что такое она забыть никак не может, Джон уже шагнул прочь по тротуару.

Чарльз Поуп в полном недоумении стоял возле Круглого пруда в Кенсингтонских садах. В руке он держал письмо, которое доставили в его контору. Он вертел его в руках, разглядывая легкий четкий почерк. Есть ли смысл торчать здесь? Чего он добьется, кроме новых неприятностей? Леди Мария Грей написала, попросив приехать к ней в дом ее матери на Чешамплейс, но он отказался. Человек его положения не может наносить визит девушке ее круга, особенно если та уже помолвлена. Вместо этого Чарльз отправил Марии записку, в которой предлагал встретиться у Круглого пруда в три часа дня. Место было достаточно многолюдным, и ни у кого не создается ощущения, что происходит нечто неподобающее, если они

случайно встретятся во время прогулки. Или все-таки создастся?

Но сейчас, когда приближалось назначенное время, нервы у молодого человека сдавали. Как он может утверждать, что любит Марию, если готов вот так взять и поставить под угрозу ее честное имя? Но, даже задавая себе этот вопрос, Поуп знал, что просто не в силах не увидеть ее снова.

Когда он пришел сюда, дул сильный ветер. Вода была покрыта рябью, мелкие волны лизали берега пруда и плескались у его ног. Несмотря на погоду, вокруг прогуливалось множество женщин, некоторые парами или небольшими группками, а между ними носились детишки. Мальчики постарше пытались поднять с земли ярко-красного воздушного змея, а позади них собрался целый совет из их встревоженных нянюшек: одни покачивали новенькие плетеные коляски с младенцами, а другие держали своих подопечных на руках.

Чарльз сел на скамейку и стал смотреть на уток, плавающих в пруду. При этом он все время озирался, внимательно всматриваясь в лица прохожих. Где же Мария? Может быть, решила остаться дома? Прошло уже двадцать минут после назначенного часа. Ну конечно, она передумала. Небось посоветовалась с матерью или с камеристкой, и они сочли план безумным, каким он, собственно, и был. Чарльз встал. Ну надо же быть таким идиотом! Эта утонченная и прекрасная девушка отстоит от таких, как он, на тысячу миль. Что он здесь делает? Только понапрасну теряет время.

– Простите меня, пожалуйста!

Чарльз резко обернулся – и вот она! В простом легком твидовом костюме, рукой придерживает шляпку.

– Мне пришлось бежать, – улыбнулась Мария. Ее глаза сверкали, щеки покраснелись, и девушка пыталась отдышаться. – Убежать от Райан оказалось гораздо сложнее, чем я думала.

Тут она засмеялась, потому что Чарльз не ушел, ждал ее, они не разминулись, как она того боялась, и все снова было великолепно. Мария села на скамейку, Поуп – рядом.

– Вы пришли одна? – вырвалось у Чарльза. Он не собирался показывать, насколько изумлен, но она ведь ставила на кон свою репутацию.

– Конечно одна! Не думаете же вы, что мать отпустила бы меня, если бы заподозрила, куда я иду, а Райан доверять нельзя. Она о каждом моем шаге бежит докладывать маме. Мистер Поуп, вам очень повезло, что вы родились мужчиной!

– Я рад, что *вы* не родились мужчиной. – Произнес эти слова, самые

смелые за все время их знакомства, Чарльз умолк, пристыженный собственной дерзостью.

Мария снова рассмеялась:

– Знаете, сегодня я собой, можно сказать, горжусь. Я убежала от своей служанки и поймала кеб, впервые в жизни. Неплохо, правда?

Он не мог избавиться от ощущения, что втягивает девушку во что-то опасное.

– Леди Мария, мне кажется, из нашей встречи ничего хорошего не выйдет. Для вас, разумеется. Вы серьезно рисковали, идя сюда.

– Мистер Поуп, но вы ведь наверняка восхищаетесь людьми, которые умеют пойти на риск? – спросила она, рассматривая уток.

– Я бы не стал восхищаться мужчиной, который позволит своей возлюбленной пожертвовать собственной репутацией. – Чарльз даже не заметил, что невольно проговорился, назвав ее своей возлюбленной.

Зато она заметила.

– Это потому, что я помолвлена? – тихо спросила Мария.

– Да. Но даже если бы вы не были помолвлены... – Поуп вздохнул. Увы, реальности пора было вторгаться в волшебную страну. – Я не тот человек, которого леди Темплмор станет рассматривать в качестве возможного претендента на руку дочери.

Он рассчитывал тем самым пресечь все дальнейшие разговоры, но девушка восприняла его слова иначе: они открыли дорогу тысяче возможных толкований.

– Вы хотите просить моей руки? – спросила она, глядя ему в глаза.

Чарльз не отвел взгляд. Какой смысл теперь лгать?

– Леди Мария, я отправился бы сражаться с драконами, я прошел бы по горячим углям, я вошел бы в царство мертвых, лишь бы получить надежду завоевать ваше сердце.

Несколько секунд Мария молчала, потрясенная таким заявлением. Она выросла в другом мире и привыкла к витиеватым, цветистым речам, но не к искреннему выражению чувств. Теперь она понимала, что разожгла в сердце этого прямого и открытого человека любовь, которая уже не была ему подвластна. Чарльз любил ее всем своим существом.

– Боже, – сказала она. – Всего за несколько простых фраз мы прошли огромную дистанцию. Зовите меня Мария.

– Не могу. И я сказал вам правду, потому что вы заслуживаете правды, но мне кажется, что не в нашей власти осуществить эти мечты, даже если предположить, что и вы тоже этого хотите.

– Я действительно этого хочу, мистер Поуп. Чарльз. Не сомневайтесь.

Она припомнила неловкий, натянутый разговор, который состоялся у них с Джоном Белласисом в утренней комнате в доме ее матери, и с удивлением сравнила две эти сцены. «Так вот что такое любовь, – подумала Мария, – а не та вздорная мешанина светских анекдотов и бледных, неискренних комплиментов».

Чарльз не ответил. Он просто не осмеливался посмотреть в ее прекрасное, полное надежды, гордое лицо, страшась, что окончательно потеряет голову. И что бы Мария сейчас ни сказала, она все равно разобьет ему сердце. Даже если она не имеет такого намерения, даже если она решила быть с ним и в радости и в горести, рано или поздно все придет к одному и тому же. Если Мария сетовала на то, что родилась женщиной, то Чарльз обижался на судьбу за то, что родился сиротой и стал приемным сыном сельского священника.

Тут его внимание привлекла фигура, стремительно шагающая по широкой аллее.

– Уж не матушка ли это ваша? – вдруг спросил Поуп, вскочив на ноги.

Он узнал эту женщину, которую впервые увидел на балконе во время званого вечера у Брокенхёрстов. Он помнил, как леди Темплмор встала в дверях, всем своим видом выражая неодобрение. Еще тогда он понял, что леди Мария Грей ему недоступна. Сегодня вид у ее матери был такой же недовольный.

Девушка побледнела:

– Должно быть, Райан отправилась прямиком домой и сказала ей, что я улизнула. Видимо, служанка услышала адрес, который я назвала кебмену. Вам нужно уходить, и немедленно!

– Я не могу уйти, – запротестовал Чарльз. – Не могу же я допустить, чтобы вы приняли весь удар на себя?

– А что такого? – Мария пожала плечами. – Виновата только я одна. И не волнуйтесь. Матушка меня не съест. Но сейчас не самый подходящий момент, чтобы представить вас в качестве моего возлюбленного. Вы же и сами это прекрасно понимаете. Так что идите!

Мария схватила его руку и пожала ее. После этого Чарльз стремительно ретировался, шагая поперек посыпанных гравием дорожек, и затерялся в зарослях кустарника.

– Кто был этот мужчина? – спросила подошедшая леди Темплмор.

– Просто прохожий, который заблудился. Искал Королевские ворота.

Мария говорила очень убедительно. Леди Темплмор присела на скамейку:

– Дорогая моя, мне кажется, пришло время нам с тобой поговорить.

Чарльз не слышал этого разговора, хотя о его содержании мог догадаться. Но все это было не важно. Ускорив шаг, он возвращался к улице Кенсингтон-Гор, и грудь его чуть не разрывалась от счастья. Мария любит его. И он отвечает ей взаимностью. Ничто иное не имело сейчас значения. Она только что призналась, назвав его своим возлюбленным. Если Мария разобьет ему сердце, это будет стоить одного того мгновения. Поуп не мог даже предположить, что будет дальше, но не все ли равно, если он любит и любим. Этого пока что было вполне достаточно.

8. Обеспеченная старость

Джону Белласису пришлось взять себя в руки, прежде чем переступить порог родительского дома на Харли-стрит. Он и сам не мог сказать, почему так недолго любил его. Может быть, потому, что дом был таким невзрачным по сравнению с роскошным дворцом его тети на Белгрейв-сквер. Может, он напоминал Джону, что его происхождение не настолько блестяще, как хотелось бы. Но не исключено, что все обстояло гораздо проще: отец с матерью наводили на него тоску. Это были скучные люди, обремененные проблемами, которые сами себе создали, и в душе Белласису-младшему все чаще хотелось, чтобы отец уже сошел наконец со сцены, оставив его прямым наследником дяди. Как бы то ни было, когда Джон открыл дверь, он почувствовал упадок сил.

Приглашение пообедать дома с родителями Джон обыкновенно принимал без особого энтузиазма. Как правило, он изобретал какую-нибудь отговорку: срочное дело и его, к сожалению, никак нельзя отложить. Но сегодня – в который уже раз – он нуждался в средствах, так что ничего не оставалось, как быть учтивым с матушкой, ведь она всегда потакала сыну и редко ему в чем-либо отказывала. Крупные суммы Джону не требовались, но надо было как-то продержаться до Рождества, а тут еще приходилось тратиться на Эллис и Тёртона. Но то было вложение средств, как убежденно твердил себе Джон. Небольшие издержки в ожидании крупного вознаграждения, по крайней мере, он очень на это надеялся.

Джон даже не догадывался, что именно могут раскопать дворецкий и камеристка, но чутье подсказывало ему: Тренчарды что-то скрывают. И поэтому любой факт, проливающий свет на личность Чарльза Поупа и его связи, мог оказаться полезен. Джон поставил на дворецкого. Едва увидев Тёртона, Белласис распознал в нем человека корыстного, и к тому же дворецкие традиционно пользовались большей свободой доступа, чем камеристки. Тёртон обладал карт-бланшем на передвижение, имел право бродить по всему дому и мог брать ключи, которые не выдавались слугам более низкого ранга; территория же камеристки ограничивалась покоем ее госпожи. Разумеется, когда при встрече Тёртону было предложено изучить бумаги мистера Тренчарда, он поначалу изобразил удивление и испуг, но Джон нашел аргумент, оказавшийся на удивление убедительным: пообещал ему вознаграждение в размере шестимесячного жалованья.

Войдя в маленькую гостиную, располагавшуюся в передней части

дома, Джон застал отца за чтением «Таймс». Тот сидел у окна на стуле с высокой спинкой.

– А мамы нет? – спросил Джон, оглядывая комнату.

Если мать где-то бродит, то, может быть, удастся обойтись без обеда и сразу перейти к насущному вопросу – обсуждению финансов.

Комната была украшена причудливо. Большая часть мебели и особенно картины, с их тяжелыми позолоченными рамами и сложными сюжетами, выглядели слишком помпезно, не вписываясь в пропорции довольно скромного помещения. Было заметно, что когда-то эти столы и стулья размещались в более просторных интерьерах. Даже лампы казались чересчур громоздкими. От всего этого невольно развивалась клаустрофобия – ощущение, которым был пронизан весь дом.

– Мама на заседании комитета, – сказал Стивен, откладывая газету. – Что-то там насчет трущоб Олд-Никол.

– Олд-Никол? Зачем она тратит время на это гадкое ворье и любителей петушиных боев? – поморщился Джон.

– Не знаю. Спасает их от самих себя, не иначе. Ты же ее знаешь, – вздохнул Стивен и почесал пальцем гладкую макушку. – Пока она не вернулась, мне надо кое-что сказать тебе... – Белласис-старший замялся. Вообще-то, он был не из стеснительных, но сейчас выглядел сконфуженным. – Меня до сих пор тревожит тот долг: ну, помнишь, я брал деньги у Шмитта.

– Я думал, ты с ним уже расплатился.

– Расплатился. Граф Сикорский оказался щедр и в начале лета одолжил мне часть суммы; кроме того, я взял ссуду в банке. Но прошло шесть недель, и Сикорский задает мне вопросы. Хочет получить свои деньги обратно.

– А ты на что рассчитывал?

Стивен пропустил вопрос сына мимо ушей.

– Ты как-то упоминал о польском ростовщике.

– Который берет пятьдесят процентов. И какой смысл обращаться к одному кредитору, чтобы расплатиться с другим...

Джон сел. Разумеется, этот момент рано или поздно должен был настать. Отец взял в долг огромную сумму, не имея возможности ее вернуть. Джону не особенно хотелось заморачиваться отцовскими проблемами, однако ситуацию необходимо было как-то разрешать. Он считал себя безответственным, но женщины, по крайней мере, гораздо более безопасное пристрастие, чем азартные игры.

Стивен с выражением полнейшей безнадежности на лице смотрел в

окно. Он был по уши в долгах, и теперь лишь вопрос времени, когда он окажется на улице и присоединится к армии попрошаек и бродяг. А может, его просто отволокут в тюрьму Маршалси и будут держать там, пока он не заплатит? Смешно, право слово: его жена уехала хлопотать о бедных, а на самом деле для этого вовсе не надо было никуда ехать.

Впервые в жизни Джон искренне пожалел отца, видя, как тот с потеряннным видом бессильно сидит в кресле. Не вина Стивена, что он родился вторым. Джон всегда, сознательно или подсознательно, считал, что во всех его бедах виноваты родители. Их вина была в том, что семья живет не в Лимингтон-Парке, в том, что у них нет большого дома на Белгрейв-сквер, и даже в том, что он, Джон, родился старшим сыном второго сына, а не первого. Он был еще ребенком, когда произошла та давняя трагедия, но сейчас ему казалось справедливым, что Эдмунд Белласис погиб и тем самым сделал наследником его, Джона. По крайней мере, решение всех проблем было не за горами. Иначе ситуация выглядела бы совсем уж безнадежной.

– Полагаю, нам может помочь тетушка Каролина, – сказал Джон, стряхивая с брюк пылинку.

– Серьезно? Ты меня удивляешь. – Отец повернулся и посмотрел на сына. Его руки были сжаты, а в глазах застыла мольба. – Я думал, мы от этой мысли уже отказались.

– Посмотрим. – Джон потер руки. – Я тут продолжаю, как говорится, идти по следу.

– Ты имеешь в виду, продолжаешь разузнавать про этого мистера Поупа?

– Да.

– Что-то явно происходит. Этот выскочка приобрел над ней такую власть, что ситуация выглядит не просто странной, но даже непристойной. – Вспотевшее лицо Стивена блестело под лучами солнца, а взгляд темных глаз так и метался по комнате. – Помяни мое слово, Каролина что-то скрывает!

– Согласен, – кивнул Джон, вставая с кресла. Отчаяние отца почему-то приводило его в замешательство. – А когда у меня будет больше фактов, я предъявлю их тете, а заодно подниму тему нехватки средств и напому, что мы одна семья, а родственники должны помогать друг другу.

– Веди себя осторожнее.

– Хорошо, – кивнул сын.

– Если бы Перегрин помог нам, когда я просил, – продолжал рассуждать вслух Стивен, – то мы бы не оказались в подобной ситуации.

Тут уже Джон не сдержался:

– Мы бы не оказались в подобной ситуации, дорогой папочка, если бы ты не играл на деньги, которых у тебя нет. И вообще, если уж на то пошло, в критической ситуации находимся не мы, а ты. Я, слава богу, не задолжал крупную сумму одному из самых сомнительных заимодавцев Лондона.

Стивен даже не защищался:

– Ты должен мне помочь.

– Джон! – воскликнула Грейс, входя в комнату. – Как хорошо, что ты здесь!

Джон посмотрел на мать. Она была одета в простое темно-серое платье с длинными узкими рукавами и простыми белыми рюшами у шеи. У Грейс весь гардероб был словно специально сшит для серьезных встреч и благотворительных дел. Она считала вульгарным одеваться на подобные мероприятия по последней моде и никогда не одобряла женщин, которые вздыхают о страданиях бедных, а сами носят платья, превышающие по стоимости средний годовой доход простой семьи. К тому же она просто не могла позволить себе подобные наряды.

– Как ты? – спросила Грейс у Джона. Взбив прическу, примятую шляпкой, она подошла к сыну и поцеловала его. – Мы тебя этим летом почти не видели.

– У меня все хорошо. – Целуя мать, он метнул в отца выразительный взгляд. Когда Джону что-то было нужно, он умел включить все свое обаяние.

– Как прошло собрание?

– Отвратительно, – сказала она, поджав тонкие губы. – Почти целое утро мы толковали о так называемом черном понеделнике.

– Это еще что такое?

– День, когда надо платить ренту. Говорят, очереди в ломбарды выстраиваются вдоль всей улицы.

– В ломбарды? – переспросил Джон. – Стало быть, у этих людей есть что заложить?

– Выходит, что так, – кивнула Грейс, усаживаясь напротив Стивена. – В общем, мне рассказать нечего. Кстати, я хотела спросить, нет ли у тебя новостей? – Она пытливо посмотрела сыну в глаза.

– Какого сорта новостей?

– Если отбросить излишнюю деликатность, мы с папой не понимаем, чем вызвана задержка с объявлением помолвки. – Грейс кивнула мужу, чтобы тот поддержал ее, но Стивен был слишком погружен в собственные беды, чтобы помогать жене.

– Ничего про это не знаю, – пожал плечами Джон. – Спросите лучше у леди Темплмор.

Грейс ничего не ответила, но Джон невольно призадумался над словами матери. Действительно, почему они не публикуют объявление? Правда, если уж говорить совсем откровенно, насколько ему самому нужен этот брак? Но вне зависимости от того, хотел Белласис-младший жениться или нет, быть отвергнутым он, разумеется, не намеревался.

По странному совпадению, очень похожий разговор происходил в тот вечер на Чешам-плейс, в гостиной лондонского дома леди Темплмор. Это была очаровательная комната во французском стиле, скорее будуар, чем комната для приема гостей, потому что изначально ее отделкой занималась овдовевшая мать леди Темплмор. Она оставила дом дочери, и, поскольку покойного лорда Темплмора Лондон никогда особо не привлекал, все в доме осталось почти в первозданном виде. Сейчас в комнате шел некий разговор, тема которого явно раздражала как леди Темплмор, так и Марию. Они сидели друг напротив друга, как два шахматиста, готовящихся начать партию.

– Еще раз повторяю: мне непонятен смысл отсрочки, когда все уже улажено. – Надо было слышать, каким тоном леди Темплмор это произнесла.

– А я еще раз повторяю: какой смысл делать вид, что я выхожу замуж за Джона Белласиса, если ты прекрасно знаешь, что этого не будет?

Мария никогда не считала себя бунтаркой. Девушка охотно подчинялась обычаям и традициям, но она вблизи наблюдала печальный пример родителей – брак, заключенный между двумя людьми, совершенно не подходящими друг другу, – и не намерена была допустить, чтобы подобное случилось и с ней тоже.

– Тогда почему ты согласилась?

Мария была вынуждена признать, что здесь мать права. С чего вдруг она приняла предложение Джона? Чем больше она задумывалась об этом, тем меньше понимала, что тогда происходило у нее в голове. Замужество было преподнесено ей как средство спасения из их затруднительного положения, как тихая гавань. Мария знала, что у матери заканчиваются деньги, а у брата нет лишних средств. Об этом ей напоминали достаточно часто. И к тому же Джон был весьма красив. Но неужели она и впрямь такая слабая и ограниченная натура? Оправдать ее действия можно было лишь тем, что, никогда раньше не влюбляясь, Мария просто-напросто не понимала, какой силы это чувство. А теперь поняла.

– Надеюсь, ты не намекаешь, что встретила другого – какого-нибудь неизвестного мне человека – и предпочла его? – Коринна Темплмор при этом так скривилась, словно бы сами слова, которые она выговаривала, были неприятны на вкус.

– Я ни на что не намекаю. Я просто говорю тебе, что не пойду замуж за Джона Белласиса.

– Подумай хорошенько, – покачала головой леди Темплмор. – Как только он получит от дяди наследство, у тебя будет такое положение в обществе, которое позволит тебе заняться множеством увлекательных дел. У тебя будет счастливая и достойная жизнь.

– Кому-то она, может, такой покажется, но только не мне.

Леди Темплмор встала.

– Я не позволю тебе упустить свой шанс. Я была бы плохой матерью, если бы это допустила, – сказала она и направилась к дверям.

– Что ты собираешься делать? – тревожно спросила Мария, чувствуя, что мать уходит непобежденной и что разногласия отнюдь не улажены.

– Увидишь.

Леди Темплмор покинула комнату, и девушка осталась одна.

Когда Джон Белласис вошел в «Лошадь и грум», Тёртон уже сидел за своим обычным столиком, а перед ним, как всегда, стоял стаканчик джина. Дворецкий поднял глаза на Джона и коротко кивнул, но не встал, что, учитывая разницу в их положении, могло бы насторожить Белласиса и заставить его призадуматься. Слегка запыхавшийся, он сел за столик, чувствуя себя виноватым, что было для него необычно.

Обед на Харли-стрит оказался более трудным, чем Джон рассчитывал, и ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. Выяснилось, что мать ему ничем не поможет – не потому, что не хочет, а потому, что не имеет возможности. Лишних денег у Грейс не водилось, и взять их ей было не у кого. Подавленный этим известием, Джон пошел наверх забрать кое-какие вещи в своей бывшей комнате и увидел, что на шкафу стоит коробка. Дальнейшее расследование показало, что в ней находится большая серебряная чаша для пунша, завернутая в зеленое сукно и прикрытая книгами. Джон подозревал, что мать в отчаянии спрятала ее. Может быть, в расчете на Эмму? Во всяком случае, она явно сделала это, стремясь уберечь ценную вещь и от мужа, и от сына, чья простаивающая пустой спальня показалась ей самым безопасным местом в доме. Когда Джону пришло в голову это объяснение, он даже пожалел мать, но чашу все равно взял. Ему были срочно нужны деньги, и поэтому он украдкой вынес свою находку на

улицу, что было непросто, а затем взял кеб и, следуя примеру жителей Олд-Никол, отправился напрямик в известный ему ломбард на Шеперд-Маркет. Там Джону дали хорошие деньги, целых сто фунтов, и, естественно, он сказал себе, что все это только временно, он скоро вернется, чтобы забрать чашу. Но все же он впервые всерьез украл что-то у родителей, и ему требовалось время свыкнуться с этой идеей.

– Итак, – наконец сказал Джон, – у вас для меня что-нибудь есть?

– Добрый день, сэр, – начал Тёртон. Хотя он привык заключать сделки и торговаться о цене бекона, оленины и окороков, ему показалось, что подобного рода договор требует большей солидности. – Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

– Спасибо. Мне бренди, – ответил Джон, ерзая на стуле. Лежавшие в кармане деньги, казалось, прижимали его к земле. Хорошо бы этот напыщенный человек раздобыл что-то стоящее. У него были дела поважнее, чем торчать в невзрачном пабе в обществе слуги.

Тёртон кивнул через весь зал трактирщику. Тот взял большую коричневую бутылку бренди и стакан и направился к их столу. Налил глоток, оставил на столе бутылку, неплотно заткнув ее пробкой, и, шаркая, ушел. Джон выпил залпом. Стало немного легче – поутихло раздражение, оставшееся после семейного обеда, и чувство вины оттого, что последовало за ним. Усугубляла положение еще и настойчивость родителей, которые постоянно поднимали тему женитьбы на Марии Грей. Но что он мог поделать? Назначить дату свадьбы и дать объявление в газетах должна была леди Темплмор. «Девушка, конечно, хорошенькая, – думал он, наливая себе еще бренди, – но, может, найдется и лучше». Его размышления прервал Тёртон, легонько кашлянув. Пора было возвращаться к текущим делам.

– Итак? – снова спросил Джон.

– В общем... – начал Тёртон и замолчал, бросив быстрый взгляд на дверь.

Он явно нервничал, это было видно. И неспроста. Конечно, «Кровавый кодекс» отменили еще двадцать лет назад, и преступления, совершаемые слугами против своих хозяев, больше не классифицировались как «малая измена» и не карались смертью. Но среди представителей имущих классов до сих пор было распространено стойкое предубеждение, что слуги – чужаки, которым под честное слово дано разрешение свободно передвигаться по дому, и что любой обман этого доверия – серьезное правонарушение, требующее исключительных мер. Пусть петля Тёртону больше и не грозила, но попасть в тюрьму он определенно рисковал. Чтобы

получить доступ к личным бумагам мистера Тренчарда, дворецкий позаимствовал у миссис Фрэнт связку ключей и ящик за ящиком обшарил письменный стол хозяина, а также порылся во всех бесчисленных мелких сейфах, пока наконец не нашел бронзовый ключ, которым мистер Тренчард закрывал бюро, где хранил особо важные документы. Если это преступление вскроется, заслужить прощение будет непросто.

По правде сказать, Амос Тёртон не был лишен совести. Он много лет честно прослужил в семье и испытывал по отношению к хозяевам некоторую преданность. Мелкие кражи, которыми он занимался на пару с миссис Бэббидж, этой преданности не умаляли. Да, Тёртон продавал излишки провизии налево, однако считал это одной из законных льгот, сопутствующих его должности. Но отпирать столы и копаться в вещах хозяина – совсем иное дело. С другой стороны, с возрастом Тёртон начинал подумывать об уходе на покой, но его сбережения оказались существенно меньше, чем он рассчитывал накопить к этому периоду жизни. Он привык к определенному комфорту и не намеревался отказываться от него и в будущем. Поэтому, когда Джон снова обратился к нему, дворецкий был готов выслушать его предложение.

– У меня мало времени, – сказал Джон, теряя терпение. Либо у этого человека есть что сказать, либо нет. Зачем темнить?

– А как насчет денег?

– Не беспокойтесь. – Белласис выразительно закатил глаза, словно говоря, что это самая простая часть дела. – Они здесь. – И похлопал себя по карману черного пальто. Уточнять, что деньги появились у него только сегодня, по дороге в паб, он не стал.

– Мне удалось кое-что найти, – начал Тёртон и полез в карман. Джон наклонился вперед, увидев, как дворецкий извлек на свет божий старый пожелтевший конверт. – Он лежал в одном из маленьких ящичков стола, которые запираются отдельными ключами.

Джон ничего не сказал. Какое ему дело до подробностей?

– В этом письме упоминается некий ребенок по имени Чарльз. – (Теперь Джон выпрямился и стал слушать внимательно.) – В письме сказано, что мальчик хорошо успевает на уроках закона Божьего и что это должно порадовать мистера Тренчарда.

– На уроках закона Божьего?

– Да, – подтвердил Тёртон. – Опекун Чарльза также выражает надежду, что его подопечного ждет успешная карьера в Церкви. Мальчик проявляет способности к учению. Во всяком случае, занимается прилежно. Кроме того, автор письма рассчитывает на совет мистера Тренчарда касательно

того, какие следующие шаги ему следует предпринять в отношении своего подопечного, поскольку уже подоспело время.

– Ясно, – сказал Джон и в раздумье почесал затылок.

Тёртон выждал несколько секунд, чтобы добиться наибольшего эффекта, и объявил:

– Письмо подписано преподобным Бенджамином Поупом, но мальчик – не его сын.

– Почему вы так считаете?

– Есть нечто такое в манере, с которой он описывает мистеру Тренчарду успехи молодого человека. Словно бы это отчет, который составляет наемный работник.

– Но я думал, что за советом к мистеру Тренчарду обратились, только когда Чарльз Поуп впервые приехал в Лондон, пытаясь найти применение своим способностям в коммерческой сфере. Разве не так звучала история их знакомства? А теперь вы рассказываете мне, что Тренчард интересовался Поупом, то есть получал о нем сведения, еще с тех пор, когда тот был ребенком, так?

– Выходит, что так, сэр, – кивнул Тёртон.

– Покажите!

Джон хотел взять письмо, но Тёртон оказался проворнее и крепко ухватил конверт своими худыми руками. Дворецкий был не из тех, кого можно легко провести, и мистеру Белласису он доверял лишь до определенного предела. Тёртон хотел получить свои деньги, причем немедленно.

– Положите письмо на стол, а я положу деньги, – предложил Джон. – Идет?

– Конечно, сэр, – улыбнулся Тёртон, опустив письмо на скатерть, но крепко прижав его сверху рукой.

Он внимательно проследил за тем, как Белласис вытащил из кармана толстую пачку банкнот и пересчитал их под столом: двадцать фунтов – такая цена была установлена за любую существенную информацию о Чарльзе Поупе. Такими деньгами не стоило размахивать в любом публичном заведении, а уж в «Лошади и груме» – тем более. Завсегдатаи этого паба были способны убить и за гораздо меньшую сумму.

Джон незаметно подвинул деньги к Тёртону.

– Благодарю вас, сэр, – ответил дворецкий, убирая руку.

Джон открыл конверт и стал, чуть шевеля губами, просматривать содержимое, желая проверить полученные от Тёртона сведения. Он и впрямь получил доказательство того, что Чарльз Поуп был связан с

Тренчардом за много лет до начала их деловых отношений; свидетельство того, что молодой человек рассказывает не все – конечно, если предположить, что он сам знает всю правду. Джон только сейчас начал подозревать, что Чарльз Поуп – внебрачный сын Тренчарда, но ему уже казалось странным, что эта мысль не пришла к нему раньше. Он перевернул письмо, потом осмотрел конверт.

– А где другая страница? – спросил он, глядя на Тёртона.

– Вы о чем это толкуете, сэр?

– Не дерзи! – Пережитый ранее стыд усилился под действием бренди, и Джон подошел опасно близко к тому, чтобы сорваться на крик. – Мне нужна первая страница. Та, где адрес отправителя. Где живет преподобный Бенджамин Поуп?

– Ах вот что, сэр, – с извиняющимся видом улыбнулся Тёртон. – Боюсь, та страница будет стоить еще двадцать фунтов.

– Еще двадцать фунтов! – Джон чуть не вскочил со своего места. Возглас его оказался таким громким, что половина присутствующих в пабе повернули голову.

– Сэр, вы бы говорили немного потише, – сказал Тёртон.

– Ах ты, мерзавец! – прошипел Джон. – Гнусный мерзавец, иначе тебя и не назовешь!

– Может быть, сэр, но мое предложение остается в силе.

– Пошел ты к черту! – рявкнул Джон.

– Тогда прошу меня извинить, мистер Белласис, – ответил дворецкий, вставая. – У меня есть дела. Хорошего дня, сэр.

По следам Чарльза Поупа шли не только Джон Белласис и его отец. Свое собственное расследование проводил также и Оливер Тренчард. Ночью, лежа в постели, он мучился вопросами. Почему этот неизвестный выскочка переходит ему дорогу? Кто этот человек, которому отец так благоволит? Хотя Оливеру казалось, что злит его каждый пенни, попадающий в карман Чарльза, но на самом деле его задевали и выводили из себя внимание Джеймса, явный интерес того к Чарльзу Поупу и симпатия, которую он испытывал по отношению к молодому человеку. Оливер понимал, что не оправдал родительских надежд. Раньше он убеждал себя, что на Джеймса Тренчарда не угодишь, он разочаровался бы в любом сыне. Но теперь стало ясно, что это не так.

Вообще-то, все было вполне ожидаемо. Оливер никогда не выказывал интереса к деловым успехам отца. Он хотел иметь все то же, что и Джеймс Тренчард – деньги и положение в обществе, – но не был готов для этого

работать. Ему было наплевать на деятельность компании, он не горел желанием увидеть воплощенным в жизнь замысел Кьюбитт-тауна. Оливер выполнял какие-то деловые поручения, но чувствовал, какие взгляды бросает в его сторону Уильям Кьюбитт, когда они сидели в кабинете вдвоем. Даже осознание того, что отец пошел на риск, попросив для сына более интересную работу, не прибавило Оливеру рвения. Он вообще собирался продать родительские активы, как только папаша испустит дух. Но чувства здесь играли гораздо бóльшую роль, чем Оливер признавался самому себе. На самом деле он ревновал к Чарльзу Поупу. Его обижало, что отец испытывает привязанность к этому чужаку, прорвавшемуся не на свою территорию. Оливер убеждал себя, что его ревность связана с деньгами, с желанием защитить то, что принадлежит ему по праву, но причина была в ином. Сын любил отца, хотя никогда бы в этом не признался. И сейчас у Оливера Тренчарда впервые в жизни появилась цель. Он положил себе узнать, кто этот не в меру бойкий юнец, и, если получится, разорить его.

Джеймс никогда особо не распространялся о своих финансовых вложениях, и его роль в коммерческих делах Чарльза Поупа не стала исключением. Поуп купил ткацкую фабрику, а Джеймс пытался помочь ему наладить ее работу. Вот и все, что удалось выудить из отца. И еще внимание Оливера привлекла фраза, случайно брошенная матерью, когда они вместе с Агнессой гуляли в садах Гленвилла. Видимо, Анна знала о Чарльзе Поупе намного больше, чем думал сын. По какой-то причине разговор зашел о новой разновидности футбола, изобретенной в школе города Регби в те времена, когда там директорствовал великий Томас Арнолд.

– Правда, сам я в нее ни разу не играл, и подобного желания у меня никогда не возникало, – сказал Оливер. – По мне, так это какая-то бессистемная и агрессивная игра.

– Тебе надо поговорить с мистером Поупом. Он как раз учился в Регби при докторе Арнолде.

Анна не видела никакой опасности в том, что она раскроет этот секрет, и в такой прекрасный день ей было приятно поговорить о Чарльзе. Все равно его связь с Брокенхёрстами скоро обнаружится и Оливеру так или иначе придется узнать правду.

– Откуда тебе это известно?

– Твой отец рассказывал. Он интересуется судьбой мистера Поупа.

– Ты думаешь, я не знаю, – вздохнул Оливер.

Но мать ничего не ответила, лишь нагнулась, чтобы поднять палку и потом бросить ее таксе. Они подходили к удивительно красивой стене

персиковых деревьев, которую Анна восстановила в Гленвилле. Плодов пока еще не было, но все равно в предзакатном свете деревья смотрелись восхитительно. Анна посмотрела вниз, желая убедиться, что Агнесса не потерялась.

– Эту стену называли «стена-зигзаг», и мне это очень понравилось.

Но Оливер не собирался уходить от темы.

– А где еще проходил обучение мистер Поуп?

– В Оксфорде. Линкольн-колледж, кажется.

– А потом? – Он тщательно следил за голосом, скрывая гнев, буквально kloкочущий внутри.

– Мистера Поупа готовили к церковной карьере, но его таланты больше подходили для мира коммерции, и поэтому он нанялся на работу в банк «Шродерс», где хорошо себя зарекомендовал. Тут-то его отец и попросил у Джеймса совета, и именно тогда твой отец впервые обратил на него внимание.

– Видимо, папе очень понравилось то, что он обнаружил. – Оливер изо всех сил старался, чтобы в его голосе не прозвучала горечь. Чем больше он слышал о блистательном взлете этого молодого человека, тем сильнее не любил его. Вырисовывался образ удачливого человека, хорошо разбирающегося в цифрах, любящего свою работу. – Полагаю, в банке мистер Поуп и заработал деньги на фабрику.

– Да, он тогда заработал немного денег. А когда решил открыть собственное дело и нашел в Манчестере фабрику, выставленную на продажу, Джеймс выступил его наставником.

– Уверен, мистер Поуп был очень благодарен моему отцу.

– Думаю, да.

«Что скажет Оливер, когда обнаружит, что у него есть племянник? – подумала Анна. – Поначалу будет очень неловко. Не в последнюю очередь потому, что Оливеру захочется уберечь от поругания память Софии. Но в конце концов они наверняка поладят. Это в том случае, если Тренчардов тоже позовут на праздник. Или же на этом спектакле от начала до конца будут царствовать Брокенхёрсты?»

Анна с удовольствием поведала Оливеру об этих мелких подробностях из жизни Чарльза, потому что лишь недавно узнала о них сама. Тихими вечерами в Гленвилле, когда они уходили в ее комнаты, она просила Джеймса рассказать о внуке все, что тот знает. И Джеймс, в качестве запоздалого извинения перед женой, соглашался. Ему хотелось загладить вину за то, что он обманывал ее все эти годы. По натуре он был человек искренний и с большим облегчением снял с себя эту ношу. В результате

Анна услышала рассказ о том, как все детство Чарльза Джеймс поддерживал связь с викарием, получал известия об успехах внука в школе, о его сильных и слабых сторонах, узнавая мальчика все больше, пусть и заочно. Теперь и Анна смогла почувствовать, что тоже знает Чарльза.

Она посмотрела на небо:

– Кажется, сейчас пойдет дождь. Вернемся в дом? Агнесса не любит бегать под дождем. Как и все таксы.

И они неспешно побрели по усыпанной гравием дорожке к дому. Собачка трусила сзади, Анна щебетала о своих новых идеях обустройства сада, а Оливер молча кивал, обдумывая, как услышанное может помочь ему в его планах по уничтожению Чарльза.

Дождь так и не пошел, и в тот же вечер Оливер отправился на верховую прогулку. Ритм копыт непостижимым образом распутывал все сложности. И вот, в сумерках рысью возвращаясь к дому, Тренчард-младший решил, что неплохо будет съездить в Манчестер. Если что-то и можно узнать о Чарльзе Поупе, то искать эти сведения стоит в городе, где он предпринял первые попытки заняться настоящим делом. Интересно, какой репутацией он там пользуется? Пока что этот человек казался просто неправдоподобно идеальным.

– В Манчестер? – переспросила Анна, когда вся семья собралась за ужином.

– Зачем ты хочешь поехать в Манчестер? – насторожился Джеймс.

Оливер улыбнулся, заметив, как встревожились родители.

– Надо повидаться с кое-какими людьми. У меня есть пара идей, которые я хотел бы хорошенько проработать, прежде чем обсуждать их.

– Даже с нами? – озадаченно спросила Анна.

– Даже с вами.

– Ты ведь не собираешься бросить Кьюбитт-таун?

Джеймс с трудом мог помыслить о том, что напрасно пережил неловкость, пытаясь получить место для Оливера. Не может же сын так с ним поступить.

– Конечно нет. Не беспокойся.

Но всеобщее любопытство разгоралось лишь сильнее, поскольку Оливер не предоставил домочадцам больше никакой пищи для размышления. В тот вечер в постели, задув свечу, Сьюзен спросила:

– Так что ты все-таки собираешься делать в Манчестере?

– Заниматься своими делами, – сказал он и перевернулся на другой бок.

Из Лондона в Бирмингем Оливер Тренчард поехал по новой железной дороге, которая открылась четыре года тому назад. Поезд отправлялся с вокзала Юстон. Оливер хорошо это знал, потому что величественная конструкция из стекла и железа была спроектирована Уильямом Кьюбиттом и он сам присутствовал на церемонии открытия в июле 1837 года. Но тащиться в Бирмингем пришлось в громыхающем вагоне, причем каждый раз, когда Оливер открывал окно, внутрь влетали частицы копоти, и пять с половиной часов пути оказались крайне утомительными.

От Бирмингема до Дерби он ехал по второстепенной железнодорожной ветке, которая была еще более неудобной, а оттуда до конца пути – в экипаже. Когда Оливер, пошатываясь, вошел в гостиницу «Королевский герб» на Сэквил-стрит, ему казалось, что он пересек целый континент, но при этом испытывал некоторое удовлетворение оттого, что все это выдержал.

Оливер опасался, что фабрику Поупа найти будет непросто, но это оказалось легче, чем он предполагал. На следующее утро Тренчард отправился на Портленд-стрит, которая, как ему сказали, была центром текстильного производства. А там, среди аккуратных новеньких складов и фабрик, он спросил, где находится Дэвид-стрит, и был направлен к большому зданию красного кирпича, на котором красовалась вывеска «Фабрика Гиртона». Оливер вошел внутрь и дождался, пока к нему не подошел управляющий, невысокий человек в старом засаленном пальто, представившийся Артуром Свифтом. Да, это фабрика мистера Поупа. Нет, мистер Поуп сейчас в Лондоне. Может ли он, Артур Свифт, чем-нибудь помочь?

Оливер пояснил, что он друг Чарльза Поупа и надеется во время своего приезда в Манчестер осмотреть фабрику. Просьба не смутила мистера Свифта, и он провел для Оливера небольшую экскурсию. Вместе они прошли по производственным помещениям: все они были заполнены, везде кипела работа.

– Кажется, дела идут хорошо, – заметил Оливер.

Свифт с жаром кивнул:

– Очень хорошо, и пойдут еще лучше, когда мы наладим поставки хлопка. Вы, наверное, знаете, что у мистера Поупа далекоидущие планы: он хочет найти постоянного поставщика в Индии.

– Да, он мне рассказывал.

Оливер поднял взгляд на людей, трудившихся на ткацких станках в мутном от пыли воздухе.

– Вы довольны работой? – громко спросил он, перекрывая шум

машин, и те, услышав его слова, прекратили работу и остановили станки.

Вопрос удивил ткачей, и поначалу установилась тишина, потом последовало нечто вроде нестройного утвердительного ответа.

– Зачем вы это спрашиваете? – недоумевающе посмотрел на него Свифт. – С чего бы рабочим быть недовольными?

– Полагаю, причин для недовольства у них нет, – кивнул Оливер. – Я просто полубопытствовал.

Но мистер Свифт вдруг с тревогой понял, что не получал никаких письменных инструкций проявить гостеприимство по отношению к этому подозрительному типу и опрометчиво провел мистера Тренчарда внутрь, хотя тот ничем не доказал своих дружеских связей с владельцем фабрики.

– Если вы уже все посмотрели, сэр, я бы хотел вернуться к своим делам, – твердо сказал Свифт, кивая людям, чтобы продолжали работу, и Оливер сообразил, что его визит подходит к концу. Ну и ладно, он уже сказал то, что хотел, и теперь оставалось ждать результатов.

Тренчард с улыбкой поблагодарил своего гида за время, которое тот так щедро уделил гостю, и вскоре снова очутился на Дэвид-стрит. Там Оливер купил газету и сел в пределах видимости фабрики. Долго ждать не пришлось. Оливер намеренно спланировал свое посещение так, чтобы оно состоялось незадолго до звонка на обед: всем работникам полагался получасовой перерыв, а чтобы отдохнуть от пыли, наполняющей воздух в цехах и забивающей легкие, многие выходили на улицу, перекусить тем, что им удавалось отложить из скудного семейного рациона. И конечно, вскоре ткачи появились, щурясь от солнечного света и оглядываясь в поисках места, где можно передохнуть. Некоторые притащили с собой табуреты и поставили их на тротуар. Но один человек отделился от остальных и перешел на другую сторону улицы, где сидел, прислонившись к стене, Оливер и читал газету. Тренчард поднял глаза.

– Почему вы спросили нас там, в цеху, довольны ли мы? – поинтересовался подошедший к нему мужчина. Он был невысок – все рабочие казались невысокого роста, – с темной щетиной и бледной кожей человека, который мало времени проводит на солнце.

– Ну так как, довольны вы или нет?

– Черта с два мы довольны! – Незнакомец внимательно рассматривал Оливера. – Вы приехали, чтобы устроить неприятности мистеру Поупу?

Они испытывали друг друга. Но Тренчард проделал большой путь, дабы выяснить все, что сможет, и ему показалось, что нет смысла осторожничать.

– А вы хотите мне в этом помочь?

– Приходите в восемь часов в таверну «Голова короля» на Маркет-сквер и узнаете, – зло проговорил рабочий.

– Могу ли я спросить ваше имя?

– Об этом не беспокойтесь. Я приду. Но вам не со мной надо говорить.

Оливер кивнул. Ясно, имени он не узнает, да и зачем ему? Главное, что он нашел людей, которым не нравится Чарльз Поуп, а ведь именно это и составляло цель его путешествия. Пока все шло по плану.

Вечером Оливер достаточно легко нашел паб, но там было многолюдно и накурено, и ему потребовалось время, дабы сфокусировать взгляд и осмотреться. Прежде чем Тренчард успел что-либо разглядеть, он почувствовал, что кто-то взял его за локоть. Это оказался его новый знакомый с фабрики. Он позвал Оливера за собой и провел его к столику в углу, где сидели двое мужчин постарше.

– Здравствуйте. Меня зовут Оливер Тренчард. – На этот раз он решил настоять на именах и рассчитывал, что, после того как представился сам, эти люди вряд ли откажутся назваться.

– Уильям Brent, – кивнул первый. Он был пухлым и с виду зажиточным, но его лоснящееся красное лицо производило несколько отталкивающее впечатление.

– Джейкоб Этли, – подал голос второй. Этли был постарше и более поджарым, чем его товарищ.

«Ни с тем, ни с другим мне не хотелось бы вместе встречать Рождество», – подумал Оливер, занимая место напротив них. Его уже ждали стакан и большой кувшин эля, чем он немедленно воспользовался.

– Итак, джентльмены, – улыбнулся Тренчард, – что вы имеете мне сказать?

– А что связывает вас с Поупом? – Это спросил мистер Этли. Он, видимо, счел, что не обязательно улыбаться в ответ и пытаться вести светскую беседу, как это намеревался сделать Оливер. Этли пришел сюда по делу или, скорее, чтобы свести старые счета.

– Если вам необходимо это знать, мой близкий друг вложил крупную сумму в дело Поупа, и я тревожусь, что он рискует понести серьезные убытки.

– Вы правильно делаете, что беспокоитесь, – кивнул Brent. – Вашему приятелю надо при первой же возможности забрать свои деньги обратно.

– Но если мой друг заберет все, мистер Поуп разорится.

Оливер не был вполне уверен, что это правда, потому что леди Брокенхёрст легко могла вмешаться, чтобы предотвратить катастрофу, но он захотел измерить степень недовольства этих людей. И не был

разочарован.

– Если разорится, то и поделом. Этот тип иного и не заслуживает, – сказал Этли, подняв стакан к тонким губам.

– Могу ли я узнать почему?

– Вы знаете, что фабрику он купил у вдовы Самюэля Гиртона?

– Знаю.

– У нас был уговор с этой старой леди, но Поуп пришел поздно вечером и до смерти напугал ее рассказами о неизбежном разорении и опасностях, от которых спасти ее может только он. В результате вдова согласилась расторгнуть договор с нами и продать фабрику ему.

– Ясно.

Оливер представил себе улыбчивого молодого человека, обходившего гостиную леди Брокенхёрст. Как-то это не вязалось с рассказом Этли...

– Это еще не все, – добавил Брент. – Когда Поуп ввозит в Англию хлопок, он недоплачивает пошлину. Пока груз в пути, платит таможенникам, чтобы занизили цену товара, который ему привозят, и уклоняется от уплаты половины налога, когда товар здесь разгружают.

– Ему нельзя доверять, – сказал Этли. – Посоветуйте своему другу изъять деньги, пока еще возможно.

Оливер посмотрел на человека, который привел его сюда, и осведомился:

– А вы как со всем этим связаны?

Тот поморщился:

– Я должен был заступить на должность управляющего, если бы фабрика досталась мистеру Бренту и мистеру Этли. Поуп это прекрасно знал, но нанял меня работать на станке, вместе с остальными дурачками, которые больше ни на что не годятся.

– Зачем же вы согласились? – спросил Оливер.

– А что мне еще оставалось делать? Надо же кормить жену и четверых пацанят. – От гнева у него на щеках заиграли желваки. – Поуп сказал, что якобы взял меня, дабы смягчить удар оттого, что та работа у меня накрылась.

– Но вы считаете, что на самом деле мотив у него был иной?

Собеседник покачал головой:

– У Поупа ни на грош нет человеколюбия. Это было сделано, чтобы унизить меня: понимал, что выбора у меня нет, и придется согласиться.

Оливер обвел взглядом присутствующих. Последнее утверждение было, конечно, бездоказательно. Тренчард сам был вынужден это признать, но зато он мог немало извлечь из двух предыдущих историй про то, как

Чарльз Поуп запугивал старую женщину и обманывал налоговых инспекторов – последнее обвинение заденет отца больше всего.

– Что из этого вы готовы изложить в письменном виде? – спросил он.

Брент глянул на компаньона:

– Мы не станем свидетельствовать в зале суда. Я ни за какие коврижки не буду связываться с законом.

– Это понятно, – кивнул Оливер. – Мне нужна информация, чтобы убедить своего друга. Но в суд она не попадет. При самом неблагоприятном стечении обстоятельств мой друг может позволить себе потерять то, с чем он уже расстался. Прежде всего, я хочу, чтобы он отказался от дальнейшего сотрудничества и больше не давал Поупу денег.

– С этим мы можем помочь, – решил Брент и глянул на Эстли, дабы удостовериться, что говорит от имени их обоих. – Мы хотим, чтобы этот тип вышел из дела, и будет хорошо, если прежде, чем это случится, на его удочку попадетсся как можно меньше людей.

– Беда в том, что Чарльз Поуп просто очарователен, – вздохнул Оливер. – Люди любят его.

– Ага, любят, пока не познакомятся поближе, – хмыкнул Брент.

Обратный путь показался менее изнурительным, может быть, потому, что Оливер получил то, что хотел. Утром к нему в «Королевский герб» доставили два письма, и он отправился в дорогу, тщательно спрятав их в карман. Если даже вдруг потеряется часть багажа, эти письма он точно не потеряет. Когда Тренчард сел в Бирмингеме на лондонский поезд, настроение у него было приподнятое, и он вдруг заметил, что напевает какую-то мелодию, к немалому неодобрению попутчиков.

Леди Темплмор пришла в спальню дочери, вовсе не имея намерения обыскивать комнату. По крайней мере, так она сказала себе, открывая дверь. Мать только хотела посмотреть, хорошо ли там убрано. Мария гуляла с Райан, а слуги сидели внизу. Так почему бы и не проверить?

Когда леди Темплмор увидела на столе под окном закрытый дорожный столик Марии, придерживаться первоначального замысла стало сложнее. Столик наверняка был заперт, но Коринна знала, где девушка хранит ключ. Она никогда не признавалась в этом Марии, на случай если это знание однажды окажется полезным, и уже не раз просматривала письма дочери. Убеждая себя, что не делает ничего предосудительного, Коринна выдвинула потайной ящик бюро, достала ключ и открыла дорожный столик. Кожаная поверхность для письма была застегнута маленькой

медной задвижкой, которая от прикосновения легко открылась, – и там лежали письма Марии. Коринна бегло просмотрела их. Большинство отправителей были ей знакомы: ее сын Реджи, кузены, друзья Марии с ее первых двух светских сезонов – но один маленький, украшенный гербом конверт удивил мать. Хотя она сразу его узнала.

Письмо было коротким.

Моя дорогая! Если Вы зайдете ко мне в пятницу в четыре часа дня, думаю, мы сможем устроить еще одну поездку в Бишопсгейт.

Каролина Брокенхёрст

Коринна с недоумением смотрела на квадратик розовой бумаги. «Еще одну поездку». Что это значит? Еще одну поездку в Бишопсгейт?! Она знала, кто работает в Бишопсгейте. Когда Чарльз Поуп прошелся с Марией и Райан до Лондонской библиотеки, камеристка доложила хозяйке обо всем, что он говорил. Неужели Коринна сейчас обнаружила причину, по которой все планы начали рассыпаться у нее в руках? И почему леди Брокенхёрст устраивает что-то для Марии, не обратившись прежде за разрешением к ее матери? Потом она вспомнила, как графиня на званом вечере поочередно подводила мистера Поупа ко всем гостям. Это был далекоидущий план? Если нет, то почему Мария ничего не сказала о приглашении? Несколько минут Коринна стояла неподвижно. Сегодня четверг. Визит назначен на следующий день. У нее есть двадцать четыре часа. Очень аккуратно она положила письмо к остальным, заперла стол и вернула на место ключ. За это время она приняла два решения. Во-первых, следует нанести графине визит, который совпадет с визитом дочери, а во-вторых... Коринна поднялась на второй этаж и направилась в дальнюю голубую гостиную, к своему очаровательному *bonheur du jour*^[30]. Через час после того, как мать Марии села писать, она позвонила в колокольчик и отдала лакею два конверта, велев доставить их лично по двум разным адресам.

О результатах своих поисков Оливер решил рассказать отцу не дома, а в конторе. Он вернулся накануне вечером, и сегодня за обедом домочадцы расспрашивали его о поездке на север, но он ни словом не обмолвился ни о чем существенном и лишь выразил удивление тем, как вырос и изменился к лучшему Манчестер.

Оливер подумал, что его открытия могут стать для ничего не подозревающего отца потрясением, и гуманнее дать ему возможность находиться в этот момент под надежной защитой собственного кабинета. Но на следующее утро, когда секретарь провел Тренчарда-младшего в

контору, Джеймс несколько не удивился визиту сына.

– Ты насчет Манчестера? – спросил он, вставая, чтобы поздороваться.

– Почему ты так решил? – заинтересовался Оливер.

– Потому что ты совершаешь таинственную поездку на север, никому не сообщив о ее цели. Потом просишь меня выделить время для разговора, чтобы нам никто не мешал. Очевидно, ты хочешь мне что-то рассказать, и я думаю, это связано с поездкой.

Сын кивнул. Можно было начинать.

– Так и есть. – Он произнес это столь торжественно, что Джеймс едва не рассмеялся.

– Ты выглядишь слишком мрачным.

– Я и вправду мрачен, – ответил Оливер, подходя к столу отца. Он оглядел обшитую деревянными панелями комнату, обратив внимание на большую карту Кьюбитт-тауна и портрет сестры над камином. А его изображения там нет, отметил он. Его портрет никогда и не заказывали, с самого детства. Оливер сел в кресло напротив отца и сказал: – У меня есть новости, которые, подозреваю, тебя огорчат.

– Вот как? – Джеймс откинулся в кресле. – И в чем дело?

– Это касается Чарльза Поупа.

Джеймс не слишком удивился. Он давно подозревал, что Оливер враждебно настроен по отношению к Поупу: достаточно было вспомнить о том обеде в «Атенеуме». Поэтому ясно, что Оливер ездил в Манчестер, дабы покопаться в прошлом Чарльза. Едва заметно вздохнув, отец кивнул:

– Продолжай.

– Моя поездка на север оказалась полезной. Я могу с полным правом это сказать. По крайней мере, надеюсь, что она окажется полезной для тебя.

«Сколько еще времени ему потребуется, чтобы добраться до сути?» – подумал Тренчард.

– Я ездил посмотреть фабрику мистера Поупа.

– Ты видел фабрику Гиртона? – спросил Джеймс. – Хорошее предприятие, правда?

Он терпеливо ждал, что же последует дальше.

– Дело в том, что я случайно встретился там с двумя людьми, которые некоторое время назад вели с нашим мистером Поупом кое-какие дела. Их фамилии Брент и Этли.

– Говоришь, случайно встретился?

– Ну, не совсем. Они услышали, что я знаю мистера Поупа, и сами разыскали меня.

– У меня такое ощущение, что ты узнал нечто предосудительное о

Чарльзе Поупе.

– Боюсь, что так, – развел руками Оливер. – Если верить их словам, Поуп не просто купил фабрику у вдовы Гиртона, он угрозами заставил несчастную женщину заключить сделку, хотя у нее уже была договоренность с другими покупателями.

– Полагаю, с твоими собеседниками.

– Означает ли это, что история лжива? – Джеймс молчал, и Оливер продолжил: – Кроме того, Поуп регулярно обманывает таможенников. Договаривается о занижении цены хлопка, который потом разгружает, и получает фальшивую маркировку. Таким образом он избегает уплаты половины налога, когда товар прибывает в Англию.

– Налоги у нас непомерные, это точно.

– И значит, лгать и воровать – правильно? – Оливер видел, что отец встревожен услышанным. – Ты и правда хочешь вкладывать деньги в предприятие бандита и лжеца?

– Я в это не верю!

Джеймс встал. Он понял, что вся поездка Оливера затевалась с одной-единственной целью: сместить Чарльза с пьедестала, который тот занял в душе его отца. Джеймсу стало не по себе, но не от новостей о Чарльзе, а от горького осознания того, что отношения между ним и сыном еще хуже, чем он боялся.

– Я спрошу мистера Поупа, – пообещал Джеймс.

– У меня есть два письма: одно от Брента, другое от Этли. Я оставляю их здесь, на столе. Не беспокойся, у этих джентльменов нет никакого желания свидетельствовать против Поупа в суде, о чем оба сразу меня предупредили. Но они согласились, что ты должен знать правду.

– Не сомневаюсь, что они откажутся повторить свои истории в суде! – возмущенно произнес Джеймс.

Да кто они такие, эти безликие люди, с какой стати врываются в жизнь Тренчарда и пытаются уничтожить его веру в человека, которого он любит больше всех на свете?!

– Я знаю, отец, что тебе очень неприятно это слышать, и прошу меня простить.

– И вправду просишь простить? – Джеймс посмотрел вниз, на оживленную улицу. – Ладно, пойду поговорю с Поупом.

– На твоём месте я бы сперва прочитал письма.

– Пойду поговорю с Поупом.

Это было сказано таким тоном, что сын понял: лучше не настаивать. Оливер не был убежден в истинности обвинений, выдвинутых Брентом и

Этли. Но он не сомневался, что оба имени окажутся знакомы Поупу и уже одно это его изобличит. В конце концов, задачей Оливера было лишь заставить отца засомневаться. Но он неверно истолковал реакцию Джеймса на полученные известия.

Джеймс Тренчард не стал надолго откладывать встречу с внуком. Ему необходимо было убедиться в невинности Чарльза.

– Как ваш сын познакомился с этими людьми? – спросил Поуп, стараясь держаться спокойно. Джеймс сидел, но Чарльз ходил по кабинету, переваривая услышанное.

– Не знаю.

– Но он ездил смотреть мою фабрику? – На самом деле Поуп уже знал это, так как управляющий Свифт прислал ему телеграмму. – Зачем?

– Этого я тоже не знаю, – пожал плечами Джеймс. – Видимо, у него была какая-то причина.

Он знал причину. Его сын ненавидел Чарльза, Оливеру было неприятно, что отец уделял много внимания молодому коммерсанту. Так что отчасти Джеймс, пожалуй, и сам был виноват.

Чарльз был зол. Он не просил у мистера Тренчарда покровительства. Да, он ценил участие Джеймса и интерес, который тот к нему проявлял. Но сам Поуп никогда ничего не выпрашивал. Так за что же его теперь наказывают?

– Для подобного путешествия у него должны были быть веские основания, – сказал он. – Понятно, что ваш сын не просто так вдруг отправился в Манчестер. Он специально ездил, чтобы увидеться с этими людьми?

– Не уверен. Оливер сказал, что встретил их там случайно. Полагаю, в этих обвинениях нет ни доли правды.

Чарльз находился в затруднительном положении. Он хорошо знал Брента и Этли. Им действительно почти удалось за бесценок выкупить фабрику у миссис Гиртон, и Чарльз успел как раз вовремя, чтобы спасти старую леди. Потом он сам сторговался с ней о покупке предприятия, но уже по рыночной стоимости. Естественно, эти двое ненавидели его, поскольку фабрика была уже почти у них в руках. Что касается обмана таможи, тут все было сложнее, и он не мог взять в толк, каким образом Брент и Этли пронюхали об этой истории. Дело в том, что Поуп заказал и оплатил партию хлопка-сырца из Индии. Он предполагал, что качество будет таким же, как в предыдущий раз, ибо поставщик был один и тот же, а потому заполнил все бумаги соответствующим образом. Но когда груз

вскрыли, оказалось, что случилась какая-то накладка и хлопок существенно чище. Чарльз честно заявил таможенникам о расхождении и уплатил штраф, но инцидент как-никак имел место. Это не ложь. Судя по всему, Брент и Этли знали о цели Оливера, который желал навредить Чарльзу, и охотно предоставили тому информацию. Чарльз, несомненно, мог бы объяснить все Джеймсу, но в этом-то и крылось затруднение. Неужели Чарльз станет восстанавливать мистера Тренчарда против родного сына, когда и так очевидно, что он уже встал между ними? Неужели он вознаградит своего благодетеля за доброту и поддержку тем, что разрушит его семью? Поуп призадумался. Теперь его поддерживали еще и Брокенхёрсты, и, хотя изъятие из дела доли Тренчарда замедлит процесс, все можно будет наладить, правда времени в этом случае понадобится значительно больше. Брент и Этли надеются, что он разорится и фабрика прекратит работу. Тогда они смогут вмешаться и, воспользовавшись благоприятным моментом, перехватить ее у судебных приставов – опять-таки, заплатив значительно меньше того, что она стоит. Однако, чем бы ни закончился нынешний разговор Чарльза с мистером Тренчардом, эту парочку постигнет разочарование.

– Мистер Поуп, я хочу, чтобы вы либо заявили, что Оливер болтает вздор, либо признались, что в его словах есть доля правды. – Джеймс начал терять терпение.

Чарльз еще раз посмотрел на письма, в которых четко, черным по белому, были изложены обвинения.

– Эти письма вручили Оливеру, чтобы он их вам показал?

– Разумеется. Хотя эти люди сразу предупредили его, что давать показания в суде они не станут.

– Надо думать! – На мгновение гнев Чарльза подобрался опасно близко к поверхности.

– Значит ли это, что вы давно знаете Брента и Этли? Что их слова нельзя принимать на веру? Только скажите, и я сообщу Оливеру, что их обвинения ложны.

– Не надо. – Чарльз повернулся и встал лицом к лицу со своим благодетелем. – Все перечисленное имело место. Дело было не совсем так, как вам передали, но часть истины в этих историях есть. Я не хочу, чтобы из-за меня вы ссорились с сыном. Полагаю, следует задуматься о том, как лучше вывести ваши деньги из предприятия. В одночасье этого не осуществить.

Но Джеймс уже поднялся и стоял возле двери.

– Я не собираюсь изымать свою долю, – твердо сказал он. – С чего вы

взяли?

– Полагаю, это стоит сделать. Если ваш сын недоволен нашими партнерскими отношениями.

Тренчард молчал. Он не знал, как разрешить эту головоломку. Возражать, что сын, напротив, вполне всем доволен, было бы глупо, ибо при одном лишь упоминании о Поупе Оливер впадал в ярость, как измученный зубной болью тигр. Джеймс не собирался порывать с Чарльзом, но и жить во вражде с единственным сыном ему тоже не хотелось. Может быть, стоит дать Оливеру понять, что его слова возымели некий эффект, но при этом не наносить вред предприятию внука? А там, глядишь, со временем и утрясется. Как все сложно! А если бы леди Брокенхёрст выдала их тайну, не стало бы им всем гораздо легче?

Чарльз принял молчание Тренчарда за согласие:

– Я все сделаю постепенно и прибавлю десять процентов за причиненные вам неудобства.

– Не знаю, о каких неудобствах может идти речь, – покачал головой Джеймс. – И деньги забирать я не буду.

И тут его снова стала терзать мысль: может быть, все-таки сообщить мальчику, кто он на самом деле? Все равно вскоре правда выйдет наружу, так не лучше ли сделать это самому, прямо сейчас? Однако Тренчард промолчал.

Весь остаток дня Джеймс Тренчард был на взводе, но не потому, что сомневался в Чарльзе. Этот человек, безусловно, был упрям, но также настойчив и готов добиваться своего. В этом он очень походил на мать. Но нечестен? Никогда. Джеймс улыбнулся. Он вспомнил, как много лет назад София решила любой ценой добыть приглашение на бал у герцогини Ричмонд. Ничто не могло ее тогда остановить – и не остановило. Какой прелестной и уверенной в себе была София в ту ночь, как блистала на балу, как была влюблена... Тренчард сел за стол и вздохнул. Конечно, у Чарльза был еще и отец. Не мог ли мальчик пойти в него? А ведь Джеймс всегда симпатизировал Эдмунду Белласису. Как только он не заметил, что под личиной благородного человека скрывается коварный змий? Это кем же надо быть, чтобы соблазнить невинную юную девушку, разыграть свадьбу, привлечь лжесвященника... Ловко же этот гнусный тип сумел всех ввести в заблуждение. Есть ли вероятность, что Чарльз унаследовал нрав от отца? Джеймс покачал головой. Нет. Только не тот Чарльз Поуп, которого он знал.

Анне в тот вечер муж показался притихшим. Весь ужин он просидел в полном молчании, ковыряя вилкой куски в тарелке. Он слушал, как Оливер

повествует домочадцам о современном состоянии Манчестера, но никаких комментариев не делал. Оливеру было что порассказать о столице текстильной промышленности. Увиденное произвело на него огромное впечатление, и говорил он с живостью.

– Значит, поездка была удачной? – спросила Анна.

– Пожалуй, – с неожиданной осторожностью произнес он и глянул на отца.

Сьюзен участвовала в разговоре не больше Джеймса. Весь вечер она казалась задумчивой без видимой на то причины. Она почти не притронулась ни к еде, ни к вину. Рассказ Оливера мало интересовал ее, но она делала вид, что внимательно слушает, в основном для того, чтобы не говорить самой.

Позже, когда Джеймс стоял у себя в гардеробной, вытянув руки, пока его слуга Майлз расстегивал манжеты на руках господина, в дверь, тихонько постучав, вошла жена.

– Майлз, вы не оставите нас одних? – попросила она, садясь в стеганое кресло в углу. Агнесса уютно устроилась у нее на коленях, свернувшись калачиком.

– Конечно, мадам, – с глубоким поклоном ответил слуга.

Майлз временами бывал чересчур угодливым. В семье Тренчардов этот человек работал сравнительно недавно: чуть больше года назад он покинул продуваемый сквозняками замок лорда Гленэйра в Шотландии и переехал в Лондон. Хотя новые хозяева платили ему вдвое больше против прежнего жалованья, место на Итон-сквер Майлз считал для себя временным, рассчитывая впоследствии перейти на службу в более благородный дом. Обязанности свои он тем не менее выполнял исправно.

– Мне потом вернуться, сэр? – спросил Майлз.

– Нет. На сегодня все. Спокойной ночи, – ответил Джеймс.

Как только слуга ушел, Анна поднялась, чтобы помочь мужу расстегнуть пуговицы, предоставив заворчавшей было собаке кресло в ее единоличное распоряжение.

– Ты за весь вечер и слова не произнес. Что случилось? – прямо спросила она.

– Тебе будет неприятно это узнать.

– Говори!

Джеймс рассказал о встрече с Чарльзом.

– И что он ответил?

– Сказал, что в этих историях есть доля правды, хотя дело было и не совсем так. Потом предложил вернуть мне вложения с процентами. Я знаю,

что произошло. Чарльз не захотел встать между Оливером и мной. Уверен, что суть именно в этом.

Джеймс взял со стола щетку и провел ею по голове.

– Мальчик не сделал ничего дурного. В этом я уверена, – заявила Анна.

Но желание Джеймса разрешить ситуацию она поддержала. Может быть, пора уже все сказать Оливеру? Она не слишком доверяла умению Сьюзен хранить секреты, что было поклепом на ее невестку, которая скрывала великое множество собственных секретов, но, похоже, на этот риск все-таки придется пойти. Анна отправилась в спальню и, поразмыслив, решила, что можно с выгодой воспользоваться услугами союзника.

Голос лакея огласил гостиную:

– Графиня Темплмор!

Каролина Брокенхёрст подняла глаза.

– Что?! – не слишком гостеприимно воскликнула она, но леди Темплмор уже подходила к ней.

Каролина, конечно, ждала дочь леди Темплмор, и увидеть вместо нее мать оказалось не слишком приятным сюрпризом. Она на мгновение задумалась: может, отправить к Марии посыльного и велеть ей не приходить? Нет, уже никак не успеть. Графиня встала, дабы поприветствовать непрошеную гостью.

– Как мило, – сказала она, чтобы загладить свою первоначальную не слишком вежливую реакцию. – Чай только что принесли. Могу я вас угостить?

– Благодарю, – кивнула Коринна, усаживаясь в прелестное кресло в стиле Людовика XV. – С удовольствием выпью чая, как только вы объясните мне, что это значит. – С этими словами она достала из ридикюля письмо к Марии и вручила его графине.

Леди Брокенхёрст изумленно смотрела на конверт. Конечно, она узнала письмо еще до того, как оно оказалось у нее в руках.

– Я пригласила Марию на чай. – Она и бровью не повела. – Ваша дочь должна быть здесь с минуты на минуту.

– Чтобы спланировать вашу поездку в Бишопсгейт. Как я понимаю, очередную поездку в Бишопсгейт?

– Мария – прекрасная спутница в дороге. Вам ли не знать? Вы очень хорошо ее воспитали. – Графиня уже разлила чай, и чашка перекочевала в руки Коринны Темплмор.

– К кому вы едете в Бишопсгейт?

– А мы разве к кому-то едем? – Леди Брокенхёрст продолжала вести себя непринужденно.

В отличие от леди Темплмор.

– Это вы мне скажите.

– Дорогая моя, вас что-то тревожит. Надеюсь, вы позволите мне узнать, что именно?

В ответ Коринна расхохоталась. Смена настроения была такой пугающей, что Каролина подумала, уж не больна ли ее гостья. Мать Марии вынула из ридикюля сложенную газетную страницу.

– Напротив, – сказала она. – Я нисколько не встревожена. У меня есть повод для радости, которую, я надеюсь, вы со мной разделите. Вы сегодня утром видели «Таймс»? Или «Газетт»?

– Мы не получаем «Газетт», и я не читала «Таймс». А что случилось? Да что там такое?

Леди Темплмор разгладила газету и передала ее Каролине. Там было написано: «Настоящим объявляется о помолвке между Джоном Белласисом, эсквайром, сыном преподобного Стивена Белласиса и миссис Белласис, и леди Марией Грей, дочерью вдовствующей графини Темплмор и покойного графа Темплмора».

Каролина внимательно изучила объявление. И испытала столь сокрушительное разочарование, что на секунду у нее даже перехватило дух.

– Неужели вы меня не поздравите?

Леди Брокенхёрст подняла глаза от газеты. Коринна внимательно следила за ее реакцией.

– Конечно. Примите мои поздравления. Дата свадьбы уже назначена?

– Пока еще нет. Но я не люблю, когда помолвки тянутся слишком долго.

Не успела Каролина что-либо на это ответить, как к ним снова явился лакей.

– Леди Мария Грей!

Девушка вошла в комнату и в первый момент остановилась как вкопанная, увидев мать. Но когда Мария заговорила, она уже вполне владела собой.

– Я думала, ты сегодня встречаешься с леди Стаффорд.

Мать посмотрела на нее столь же невозмутимо:

– Как видишь, планы изменились. Мне захотелось показать леди Брокенхёрст это объявление.

Девушка молчала.

– Поздравляю вас! – сказала леди Брокенхёрст.

Мария и на это ничего не ответила.

Коринна начала выходить из себя:

– Не дуйся!

– Я вовсе не дуюсь. Я ничего не говорю, потому что мне нечего сказать.

Прежде чем мать успела что-либо добавить, лакей вернулся в третий раз.

– Миссис Тренчард, – объявил он, и в комнату вошла Анна.

– Боже милостивый! – Каролина встала. – Какой удивительный сегодня день!

Увидев в комнате леди Темплмор, Анна растерялась не меньше, чем хозяйка.

– Если бы я знала, что у вас посетители, то не стала бы вас беспокоить. Но меня сразу провели наверх.

– Вот и замечательно. – Каролина в кои-то веки была искренне рада видеть Анну, ибо напряжение между матерью и дочерью становилось невыносимым.

– Разрешите представить вам миссис Тренчард, – сказала она, обращаясь к леди Темплмор.

– Мне кажется, мы виделись здесь на суаре некоторое время назад, – вежливо заметила Анна.

– Правда? Может быть. – Леди Темплмор лихорадочно соображала, как бы поскорее уйти и забрать с собой дочь, пока здесь не назначили никаких новых поездок в Бишопсгейт.

– Здравствуйте, миссис Тренчард, – произнесла Мария, и в первый раз за все это время в голосе ее прозвучала теплота.

– Здравствуйте, моя дорогая! Надеюсь, у вас все хорошо? – спросила Анна, взяв ладонь девушки в свои руки.

Леди Темплмор вдруг почувствовала, что ее возмущает подобная фамильярность. Откуда Мария могла знать этих людей, с какой стати ей так себя вести? Причем все это без ведома матери? А эта женщина – интересно, она тоже здесь, чтобы устроить еще одну поездку в Бишопсгейт? Коринне показалось, что жизнь ее дочери повернула в каком-то неведомом ей направлении.

– Мы празднуем объявление о помолвке Марии! – заявила леди Темплмор.

– Да что вы? – Анна была столь же удивлена, сколь и расстроена. Она

до конца не верила, что это произойдет.

– Сегодня утром это было в газетах, – добавила Коринна.

– Должно быть, я пропустила. Посмотрю, когда вернусь домой.

Анна глянула на Марию и удивилась. Та сидела с совершенно непроницаемым видом и смотрела прямо перед собой; в нужный момент девушка автоматически приняла из рук леди Брокенхёрст чашку чая и сделала глоток.

– Я вас оставлю, – сказала Анна. – Приду в другой раз.

– Нет, прошу вас. – Леди Темплмор встала. – Мы уже уходим. Нам многое нужно обсудить. Мария?

Но девушка не двинулась с места. Вместо этого она спокойно произнесла:

– Ты иди, мама. А я хочу воспользоваться случаем и узнать, какие новости у леди Брокенхёрст. Она ведь будет моей тетей, ты же знаешь.

– Все верно, дорогая, – кивнула Каролина. – А ты – моей племянницей. Идите, Коринна, а позже мы отправим Марию домой в экипаже. Не беспокойтесь, с нами она будет в безопасности.

– Я тоже могу остаться, – сказала леди Темплмор.

– Об этом не может быть и речи. У вас есть значительно более важные дела. Уильям, пожалуйста, проводите леди Темплмор вниз, к ее экипажу.

Каролина говорила, как русский царь, читающий указ, и было понятно, что никаких дальнейших споров она не потерпит. На мгновение Анне показалось, что леди Темплмор все же намерена затеять ссору, но в последний момент она передумала и удалилась. Лакей ушел вместе с ней, а Мария, Анна и Каролина остались в гостиной.

– Я не выйду замуж за Белласиса, если вас это интересует. – Мария произнесла это так, словно приготовилась обороняться, но здесь она была среди друзей.

– Вы позволите мне сказать, что я рада? – Анна снова села.

– И я тоже, – добавила Каролина. – Хотя и страшусь предстоящего разговора с братом и невесткой. Джон предложил бы вам блестящее положение в обществе, но положение – это еще не все, и уж поверьте мне, я знаю, что говорю.

Все засмеялись, Мария – с явным облегчением.

– Как он? – спросила девушка, вспыхнув.

Ни Анне, ни Каролине не было нужды справляться, о ком идет речь.

– Думаю, у него все хорошо, – ответила леди Брокенхёрст. – Правда, я не видела его с тех пор, как мы вместе нанесли ему визит. А вы, миссис Тренчард?

– Я тоже его не видела.

Анна колебалась. Стоит ли обсуждать их внука в присутствии Марии, даже если девушка и влюблена в него? А в том, что она влюблена, Анна только что лишний раз убедилась.

– Продолжайте, – сказала Каролина. – Неприлично напускать на себя таинственность.

– Боюсь, леди Марии это будет неинтересно.

– Нет! Все, что связано с мистером Поупом, мне очень интересно! – немедленно запротестовала девушка.

Но тут вновь вернулся лакей.

– Уильям, что такое?

– Графиня Темплмор на улице, в своем экипаже, миледи. Она ждет леди Марию.

– Спасибо, Уильям, – сказала Каролина. – Леди Мария сейчас спустится.

Вышколенный слуга понял, что ему приказали уйти, и удалился. Три женщины переглянулись.

– Вам лучше идти, моя дорогая. Не стоит перечить матери больше, чем необходимо.

– Если увидите его, передайте ему от меня привет. – Мария явно примирилась с тем, что этот раунд выиграет ее мать. – И скажите, чтобы не верил тому, что читает в газетах, – добавила она и вышла.

– Теперь рассказывайте, – велела Каролина, устраиваясь в кресле поудобнее.

– Хорошо, – кивнула Анна. – Мой сын недавно ездил в Манчестер. Мне кажется, он отправился туда с единственной целью – найти сведения, порочащие Чарльза. Там Оливер встретил каких-то людей, которые обвинили Чарльза в приобретении фабрики нечестным путем, а также в обмане таможи и акцизного управления.

– Я в это не верю, – сказала графиня.

– Я тоже. Не верит и мистер Тренчард. Но моего мужа тревожит иное. По его мнению, причиной для поездки на север и подробного исследования жизни Чарльза стала ревность со стороны Оливера: тому не нравится, что Джеймс оказывает нашему внуку внимание. И теперь Чарльз не хочет вставать между отцом и сыном.

Каролина задумалась.

– Иными словами, обман становится трудно удерживать в тайне и он угрожает единству вашей семьи. Мне кажется, – медленно проговорила она, словно еще продолжая обдумывать мысль, – что нам с лордом

Брокенхёрстом стоит признать Чарльза.

– Что вы имеете в виду? – У Анны перехватило дыхание.

– Подождите, я договорю. Я знаю, что все эти обвинения – полный вздор, но ваш сын явно вознамерился выставить Чарльза в худшем свете. По какой-то причине Оливер резко настроен против Поупа, и его отношение будет становиться лишь хуже. Марию Грей наверняка начнет изводить мать, чтобы как можно скорее отправить бедняжку под венец с моим никчемным племянником. Все эти проблемы можно разрешить, если вы позволите нам дать Чарльзу имя и положение в обществе, публично объявив его членом семьи. Вы знаете Генри Стивенсона? Он внебрачный сын герцога, но женился на дочери графа, и их везде принимают. Мы уже поняли, что Мария будет отбиваться руками и ногами, пока ей не разрешат быть с Чарльзом. Леди Темплмор, конечно, останется недовольна, но будет сопротивляться не так яростно, как только узнает, что за этим браком стоим мы с лордом Брокенхёрстом и что ее дочь всегда будет желанной гостьей в нашем доме. Подумайте, дорогая моя. Чарльза ждет счастливая жизнь, если вы позволите мне обеспечить ему эту жизнь. Пусть этот навет станет переломным моментом, который приведет нас к разрешению непростой ситуации.

У нее получилась целая речь, и сперва Анна всеми фибрами души протестовала, но постепенно вынуждена была признать, что в словах графини есть резон. Разумеется, Джеймс не согласится, но какие аргументы она может противопоставить прямо сейчас?

– Вы намерены объявить это публично?

– Конечно нет, – едва не рассмеялась леди Брокенхёрст. – Я просто сделаю так, что об этой новости случайно узнают. Я неофициально признаю, что Чарльз – сын Эдмунда, и только. – Каролина улыбнулась, довольная тем, как ловко она все придумала. – Правда, у нас мало времени. Мне нужно будет проинформировать лорда Брокенхёрста, и еще остается вопрос, как мы сообщим эту новость Чарльзу... – Она составила пальцы домиком и задумчиво подошла к открытой балконной двери.

– А как же София? – спросила Анна.

– Да, – кивнула графиня. – Мы должны подумать, как быть с Софией.

– Когда вы скажете мальчику, что Эдмунд – его отец, он наверняка задаст вопрос о своей матери.

– Может быть, лучше ничего ему не говорить? Думаю, вам не хотелось бы предавать имя дочери огласке?

– Вы предлагаете вообще вымарать Софию из всей этой истории?

– Я думаю в первую очередь о ее сыне. Он может заключить

прекрасный брак, получить доступ в высшее общество, прожить жизнь счастливо и обеспеченно. Конечно, сейчас вы скажете, что для Софии все эти ценности не имели бы значения...

– Нет. – Какой-то внутренний порыв заставлял Анну говорить откровенно. – Нет, все это было для нее важно. София оценила бы то, что вы хотите сделать для Чарльза.

Леди Брокенхёрст улыбнулась, на этот раз теплее, чем обычно.

– Вы очень любезны. И я тронута. Значит, мы договорились?

– Я должна посоветоваться с Джеймсом, – сказала Анна, но она уже знала, что ни его, ни ее мнение не будет значить для Брокенхёрстов ровным счетом ничего.

Кверк привез ее обратно на Итон-сквер. Потом он рассказывал в людской остальной прислуге, что весь недолгий путь госпожа была молчалива и задумчива. Она так и просидела до самого дома, не сказав ни слова, только смотрела в одну точку перед собой, углубившись в размышления.

Когда они приехали домой, Анна отправилась к Джеймсу в библиотеку. Он сидел за письменным столом и читал.

– Каролина собирается все ему рассказать! – выпалила она, в отчаянии сжимая руки. – Леди Брокенхёрст хочет признать Чарльза своим внуком. По ее словам, люди спокойно отнесутся к тому, что он незаконнорожденный. Общество примет молодого человека, если все увидят, что он член семьи Брокенхёрст. И невесту графиня ему уже подобрала.

– Чарльз на это не пойдет.

– Пойдет, – перебила Анна, поднимая руку. Ей снова приходилось быть честной. – Он относится к леди Брокенхёрст с огромной симпатией. Да и я тоже, если уж говорить откровенно. Графиня очаровательная женщина. Но она уведет Чарльза от нас еще дальше.

Джеймс неподвижно смотрел в огонь.

– А София? Какую роль отведут ей в этой счастливой истории?

– Леди Брокенхёрст считает, что София вообще не должна играть здесь никакой роли. Он будет сыном Эдмунда Белласиса, а его мать останется таинственной возлюбленной, чье имя растворилось в тумане времени. При таком раскладе репутация Софии будет в безопасности и нам не придется расплачиваться.

Джеймс пристально смотрел на жену.

– Тогда, считай, Чарльз для нас погиб.

– Что значит погиб? – не поняла она. – Почему? Это репутация Софии погибнет, если все откроется.

– Нет, – покачал головой Джеймс. Как может его жена, обычно такая проницательная женщина, не видеть истины? И повторил: – Тогда, считай, Чарльз погиб – для нас!

– Каким образом?

– Если лорд и леди Брокенхёрст признают Чарльза своим внуком, то тогда ради нашей дочери мы должны будем уйти в тень и больше не пытаться сделать его частью своей жизни.

– Нет! – Анна почувствовала, что у нее по щекам льются слезы.

– Да, – настаивал Джеймс. Анна должна отчетливо понимать, чем им это грозит. – Если графиня сдержит слово и не станет называть имени матери, то наш долг перед Софией – уберечь от поругания ее память. Чем чаще мы будем видеться с Чарльзом, тем выше риск, что кто-то заподозрит между нами связь. Если мы любим нашу дочь, то должны отказаться от внука.

Анну захлестнуло горе. Ей показалось, что ее прекрасная и гордая София умирает во второй раз.

Джеймс взял жену за руку, словно пытаясь дать ей силы вынести этот удар.

– Увы, ничего не попишешь. Мы отдадим Чарльза семье Брокенхёрст и навсегда потеряем его. Пожелаем ему счастья и будем жить, как прежде.

Джон Белласис был в ярости. Он ненавидел, когда его загоняют в угол, но хуже всего было то, что его обставил слуга, дворецкий. Джон считал себя человеком опытным. И подумать только, он, такой умный, образованный, утонченный, капитулировал перед каким-то простолюдином. Всю дорогу до Бакленда – так называлась деревня в Суррее, где жил преподобный мистер Поуп, – Джона, сидевшего на заднем сиденье кареты, буквально передергивало от раздражения. В конце концов ему все же пришлось заплатить этому отвратительному Тёртону еще двадцать фунтов, чтобы увидеть первую страницу письма и узнать адрес. Разумеется, можно было бы самостоятельно выяснить, каким приходом руководит Поуп, но сколько бы это заняло времени? Белласис корил себя за то, что не начал заниматься этим делом раньше. А теперь дворецкий воспользовался тем, что Джон оказался в безвыходном положении. Ведь если он хочет извлечь из сложившейся ситуации выгоду для себя и для своего отца, то ему обязательно надо встретиться с преподобным мистером Поупом лично и собрать все факты, прежде чем обращаться к тетушке.

Проезжая через деревню, мимо пруда с утками, стайки задиристых кур и крикливых гусей, Джон невольно вспомнил, почему он живет в «Олбани». Наверняка кто-нибудь назвал бы эту картину сельской идиллией – занят своей тяжелой работой кузнец, а через лужайку от него низко согнулся колесник, вставляя спицы в обод, – но Джону было не до буколического очарования. Сельская местность навевала на него скуку, а от свежего воздуха он начинал кашлять.

Неподалеку от приземистой саксонской церкви с примыкающим к ней большим кладбищем, где было множество могил, Белласис обнаружил жилище приходского священника. Домик с фасадом из известняка и заросшим розами садиком был довольно мил, хотя, как с облегчением отметил Джон, скромнее по размеру и менее помпезен, чем дом его отца в Лимингтоне. Было приятно хоть в чем-то почувствовать превосходство над Чарльзом. Джон велел кучеру подождать, а сам пошел по садовой дорожке.

– Что вам угодно, сэр?

Дверь открыла престарелая экономка. Сгорбленная, с убранными под чепец седыми волосами и длинным, похожим на клюв носом, старуха напомнила Джону стервятника, которого он однажды видел, когда вместе с приятелем посетил новый зоопарк в Риджентс-парке, где животных изучали с научной точки зрения. Представившись мистером Сандерсоном, Белласис изложил свое дело, после чего его провели в скромную гостиную. В ней было тепло и уютно, за каминной решеткой горел огонь, а над камином висел пастельный портрет, на котором Джон сразу узнал Чарльза Поупа в юности. Джону тут же вспомнился портрет преподобного мистера Поупа, который видел в лондонском кабинете молодого коммерсанта. Вполне возможно, что автором обеих картин был один и тот же художник. Образ юноши был решен в романтическом ключе: свободного покроя рубашка, которая очень шла Чарльзу, небрежно причесанные кудри, но в голубых глазах читалась скрытая сила. Джону стало неловко разглядывать портрет человека, чью тайну он собирался разоблачить.

– Добрый день, сэр! – послышался женский голос.

Джон обернулся. В дверях стояла полная дама лет пятидесяти с небольшим, в простом черном платье без отделки. Добрые глаза; к убранным назад волосам приколот небольшой вдовий чепец; лишь аккуратные завитки обрамляют лицо.

– И вам доброго дня, мадам, – ответил Джон.

Она указала ему на стул у камина, села сама.

– Чем я могу вам помочь?

– Вообще-то, я надеялся поговорить с вашим мужем.

– Тогда, боюсь, вы зря потратили время на дорогу. Преподобного мистера Поупа больше с нами нет. Во вторник будет год, как он умер. Вам повезло, что вы застали меня здесь. Вскоре мне предстоит освободить помещение для нового викария.

– Как это тяжело, – с участием покачал головой Джон.

– Вовсе нет. Новый викарий позволил мне прожить здесь еще целых двенадцать месяцев, и это очень щедро с его стороны. Вам ни к чему обо мне беспокоиться. Сын перевезет меня в Лондон, и я буду жить там вместе с ним, так что мне предстоит настоящее приключение, а в мои годы это большая удача. – Собеседница покраснела от удовольствия.

Джон досадовал на себя. Почему было не выяснить все заранее? У двери послышалось какое-то движение, и в комнату нетвердой походкой вошла старая женщина, которая впустила его. Она поставила поднос с чайником и чашками на столик в углу. Как только они вновь остались одни, миссис Поуп встала и принялась разливать чай.

– Может быть, я чем-то могу вам помочь?

– На самом деле я хотел поговорить о вашем сыне.

– Вы знаете моего сына, мистер Сандерсон? – улыбнулась вдова.

– Мы встречались. – Джон решил по возможности придерживаться истины. – Я бывал в его конторе в Сити.

– Тут у вас передо мною есть преимущество, – сокрушенно вздохнула миссис Поуп, но ее добрые глаза при этом светились от гордости.

– У него очень хорошо идут дела, – заметил Джон.

Наверняка, назвавшись другом Чарльза, он выведает у матери гораздо больше, чем в качестве врага.

Она чуть не засмеялась от удовольствия.

– Знаю. Чарльз ведь приобрел ткацкую фабрику. Это так далеко от того, на что рассчитывал его отец, когда все только начиналось, но, благодарение Господу, мой супруг прожил достаточно долго, чтобы успеть погордиться достижениями Чарльза.

– Вы сказали, ваш муж рассчитывал на нечто иное, когда все только начиналось?

– Мы оба рассчитывали. Поначалу казалось, что лучшее будущее для Чарльза – служение Церкви, но по мере того как мальчик рос, становилось понятно, что подлинные его таланты лежат в другой сфере. – Миссис Поуп говорила радостно, с удовольствием вспоминая те давние славные деньки.

Джон глотнул чая.

– А почему вы сказали «когда все только начиналось»?

Вопрос был неожиданным, но женщина еще ничего не заподозрила.

– Ну, я имела в виду, когда Чарльз впервые... Когда мы впервые... То есть когда он был еще совсем ребенком и мы начали задумываться о его образовании. Наш сын очень хорошо учился!

Она явно почувствовала, что вновь обрела почву под ногами, и в качестве награды взяла себе печенье.

Джон отважился сделать решительный ход:

– А у вас есть свои дети, миссис Поуп, или Чарльз ваш единственный подопечный? – (Хозяйка дома недоуменно посмотрела на него.) – Я должен был объяснить, – с извиняющимся видом подняв руки, сказал Джон. – Я друг Джеймса Тренчарда. На самом деле именно так я и познакомился с Чарльзом.

Она вновь расслабилась, от мимолетной тревоги не осталось и следа.

– Понятно.

– Как замечательно, что мистер Тренчард с самого начала взял на себя ответственность за мальчика. Он был весьма щедр.

– О да, очень щедр. Всегда.

– Он единственный, кто помогал юному Чарльзу, с тех пор как вы с мужем приняли мальчика в семью? Я имею в виду, кто-то еще участвовал в этом? Вы получали какой-то дополнительный доход, воспитывая чужого ребенка?

Но теперь миссис Поуп наконец заподозрила, что разговор принял весьма странное направление. Ее чело затуманилось.

– Чего вы от меня хотите, сэр? – осведомилась она, отставив чашку. – Какую цель вы преследуете?

– Уверяю вас, я спросил просто так. – В определенном смысле Джон уже получил то, чего хотел, и не слишком боялся, что разговор на этом и оборвется. – Просто я столько слышал о вас от Джеймса, что мне стало любопытно познакомиться с вами лично, раз уж я проезжал мимо.

Но миссис Поуп уже прокручивала в голове весь их разговор, и некоторые реплики гостя, прежде казавшиеся ей вполне безобидными, теперь настораживали.

– Допустим. Но тогда почему известие о кончине моего мужа оказалось для вас новостью? – Она встала. – Я не верю вам, сэр. Непохоже, что вы знаете Чарльза, а если даже и знаете, то я не верю, что вы желаете ему добра. И сейчас я уже сомневаюсь, что мистер Тренчард когда-либо говорил вам о нашей семье. Но я непременно напишу ему, что вы ко мне приходили.

Поскольку Джон назвался вымышленным именем, это его не беспокоило.

– Простите, что расстроил вас, миссис Поуп, но если бы вы...
– Будьте любезны уйти, сэр. – Она подошла к колокольчику, резко подергала его и молча дождалась появления все той же старой женщины. – Джанет, мистер Сандерсон уходит.

Джон встал:

– Извините, если обидел вас, мадам. Спасибо за чай.

Но миссис Поуп не проронила больше ни слова, только ждала, пока он уйдет из комнаты. После этого села за письменный стол, взяла лист бумаги и начала стремительно писать.

Сьюзен Тренчард приехала в Айзелуорт, чтобы объясниться с Джоном или, по крайней мере, поведать ему свои страхи. Но тот не слушал ее. Он был слишком погружен в свои мысли, даже когда Сьюзен отдавалась ему в любовном гнездышке, которое теперь стало ей таким родным. Наконец он рассказал, что его занимает.

– Ты это серьезно? – Сьюзен перекатилась на другой бок, чтобы видеть лицо Джона. Когда она приехала, ей нездоровилось, но новость, которую молодая женщина только что узнала, заставила все прочие тревоги улетучиться у нее из головы. Сьюзен была потрясена.

– Вполне серьезно. Он же как-никак мужчина.

Джон посмотрел на часы. Пора было одеваться. Надо успеть вернуться к ужину, но уходить совершенно не хотелось. Похоже, он и впрямь потихоньку привязывается к этой женщине. Он провел рукой по ее теплой мягкой коже. Да, привычка – большое дело.

– У мистера Тренчарда есть внебрачный сын? – Сьюзен захохотала, и ее глаза засверкали, отражая свет, так что Джон не в состоянии был отвести взгляд. – Но он же такой скучный!

– Даже скучные люди занимаются любовью.

– А то я не знаю! – застонала Сьюзен, вспомнив жалкие, бессмысленные потуги Оливера. – И что же стало с этим мальчиком? Интересно, где он сейчас?

– Этот мальчик уже совсем взрослый. Все произошло двадцать шесть лет назад. И представь себе, мы точно знаем, где он сейчас, – улыбнулся Джон, глядя на любовницу. Он вдруг почувствовал прилив оптимизма.

– Зачем ты меня дразнишь? Скажи, я с ним встречалась?

– Да.

– Мы хорошо знакомы?

– Понятия не имею, насколько хорошо ты знаешь Чарльза Поупа, – пожал плечами Джон.

Сьюзен резко села, ахнув.

– Так это Чарльз Поуп?!

– Похоже на то.

Она снова упала на подушки.

– Ну что же, в этом есть определенный смысл. Оливер вне себя оттого, что мистер Тренчард делает для этого молодого человека все, что только можно. Выделяет ему средства с тех пор, как тот появился в Лондоне, а теперь еще вложил немало денег в предприятие Поупа в Манчестере. Разнообразные знаки внимания льются на Чарльза дождем, а на днях Оливер обнаружил, что они вдвоем обедали в клубе его отца. А слышал бы ты, как мистер Тренчард говорит об этом юноше! Даже имя его не может упомянуть без улыбки. Если бы я не знала своего свекра как облупленного, то предположила бы, что он влюблен в мистера Поупа.

Джон скривился от отвращения:

– Ну и гадости приходят тебе в голову! Как ты думаешь, миссис Тренчард что-нибудь подозревает?

– Я бы не сказала, – нахмурилась Сьюзен. – Она симпатизирует мистеру Поупу, и ты ее видел, когда она приехала посмотреть на его рабочий кабинет. Но это можно объяснить интересом ее мужа к фабрике в Манчестере. Моя свекровь, знаешь ли, всегда была себе на уме. Трудно догадаться, о чем она думает.

– Ты ее любишь?

Сьюзен задумалась.

– Вообще, да, пожалуй. Больше, чем она меня. Если бы мне надо было взять кого-то из них с собой в новую жизнь, я бы выбрала именно Анну.

– Взять в новую жизнь? И когда же эта жизнь начинается?

– Еще сама точно не знаю.

Она провела языком по нижней губе, чтобы та заблестела.

Джон начал одеваться.

– Интересно, что Джеймс держал это в секрете от родных. Большинство мужчин уже давно бы признались. Половина аристократических семейств Англии признала потомков, родившихся в результате внебрачных связей. А Тренчарды чем хуже?

– Ему не хватает смелости, – покачала головой Сьюзен. – Он, вероятно, думает, что, утаив свою связь, он щадит чувства жены или Оливера, который, будь уверен, воспримет эту новость без особой радости. Но на самом деле все не так. Джеймс Тренчард опасается за свое положение в обществе.

– А у него и нет никакого положения в обществе! – рассмеялся Джон.

– Но он-то думает, что есть. Или, по крайней мере, надеется на это.

Теперь она тоже смеялась. Но вдруг посерьезнела.

– погоди. Если Поуп – внебрачный сын Тренчарда, то почему тогда с ним так носится леди Брокенхёрст? Ты же не забыл, как графиня тогда водила его по всем гостиным.

– Прекрасно помню, – кивнул Джон. Он застегнул рубашку и, глянув на себя в зеркало, пригладил волосы. – Слушай, а сколько ей было лет, когда родился Чарльз? Сорок один?

Сьюзен, недоумевающая, уставилась на любовника. На что это он намекает?

– Не говори ерунду, – покачала она головой.

– Почему они вдруг оказались на званом вечере в ее доме? С какой стати леди Брокенхёрст вдруг приглашать Тренчардов? Это ведь люди совершенно иного круга. Так что все сходится.

– Даже слушать не желаю подобную чушь!

Сьюзен вылезла из постели и пошла собирать свое белье, разбросанное по полу.

Но Джон уже начал обдумывать эту идею, и она нравилась ему все больше.

– А почему это так уж невозможно? Это бы все объясняло. В том числе почему твой свекор соблюдает такую секретность.

Сьюзен подошла к любовнику, чтобы тот помог ей справиться с корсетом, и терпеливо стояла, пока он застегивал крючки. Она попыталась вразумить Белласиса:

– Двадцать пять, вернее, двадцать шесть лет тому назад графиня Брокенхёрст, должно быть, была одной из самых роскошных женщин в Англии: дочь герцога, сестра герцогини, дама в расцвете сил и на вершине общества. Джеймс Тренчард, напротив, служил интендантом в армии герцога Веллингтона в Брюсселе. Интендантом! Толстый, приземистый мужчина с лицом мясника, человек плебейского происхождения, да к тому же в те дни у него еще не было приличных денег. Во всяком случае, его тогдашнее состояние было несравнимо с богатствами, которые он обрел позднее. Да с его внешностью, чтобы затащить в постель леди Брокенхёрст, он должен был быть как минимум царем России.

Джона эти рассуждения не убедили.

– Но, держу пари, он даже тогда был пробивным, стремился воспользоваться любой возможностью, которая перед ним открывалась, стремился завоевать положение в обществе. Поэтому неудивительно, что его привлекла моя дражайшая тетушка.

Сьюзен уже надела платье и повернулась к любовнику спиной, чтобы он застегнул ей пуговицы.

– Нельзя так, Джон. Опасно говорить такие слова.

– Возможно, и опасно. Но это не значит, что они неверны. Ладно, может, у тебя есть более убедительное объяснение? Ты можешь предложить иную гипотезу, в которую вписывались бы все обстоятельства, вплоть до последней мелочи?

Сьюзен молча смотрела, как Джон натягивает ботинки. Выпрямившись, он взял плащ. Можно было идти.

9. Прошлое – чужая страна

Анна сидела за завтраком и ела яичницу-болтуню. Они с Джеймсом полночи не ложились, пытаясь понять, что будут делать, когда леди Брокенхёрст признает Чарльза. Но в конце концов Анна была вынуждена согласиться с тем, что муж прав. Они потеряют Чарльза в ту самую секунду, когда графиня введет его в свою семью. Если они хотят защитить память Софии, то не смогут объяснить внуку, кто они такие и как с ним связаны. Придется довольствоваться тем, что Джеймс вложил деньги в дело Чарльза и стал его благодетелем. Через это и надо поддерживать отношения. Хотя вести себя даже в этом случае придется осторожно, чтобы никто не заподозрил правды.

– Еще один тост, мадам? – наклонился к Анне Тёртон.

– Я больше не хочу, благодарю вас, но, может быть, для миссис Оливер.

Дворецкий кивнул и ушел распорядиться. Тёртон разделял мнение Джеймса, что для замужней женщины несколько эксцентрично спускаться вниз ради завтрака. И Джеймс, и Тёртон предпочли бы, чтобы обе дамы завтракали у себя в спальне, как все остальные женщины их круга, но Анне эта традиция казалась признаком изнеженности, и она наотрез отказывалась ей следовать. Джеймс давно уже понял, что переубедить супругу не удастся. Сегодня она сидела, гоняя вилкой по тарелке куски яичницы, не в силах ничего проглотить. То, что должно было произойти, казалось Анне мучительно несправедливым, но, с другой стороны, не сама ли она навлекла на себя эту беду? Разве они с Джеймсом не отдали ребенка на воспитание, желая сохранить все в тайне? А кто пошел и все рассказал леди Брокенхёрст? Опять же, она сама! Анна вновь спросила себя, как спрашивала уже бесчисленное количество раз: можно ли было сделать что-то еще, чтобы спасти Софию? Почему ее славная девочка умерла? А если бы они остались в Лондоне, а не положились на сельского врача? Она не знала, на кого гневаться: на Бога или на себя.

Анна была настолько поглощена этими невеселыми размышлениями, что едва заметила, как в столовую вошла Сьюзен.

– Доброе утро, мама!

Анна подняла голову и кивнула:

– Доброе утро, моя дорогая!

На невестке было очаровательное домашнее платье серого цвета.

Спир, должно быть, добрых полчаса трудилась над волосами госпожи, подколов их сзади и оставив у лица два тугих локона, красиво контрастирующих с прямым пробором.

– У тебя очень хорошо лежат волосы.

– Благодарю, – ответила Сьюзен. Она немного постояла у огня, на котором подогревались блюда, потом повернулась и пошла на свое место за столом. – Тёртон, – сказала она, когда дворецкий вновь появился в столовой, – мне, пожалуйста, только тост и чашку кофе.

– Тост уже готовится, мэ.

– Спасибо. – Она глянула на свекровь, широко улыбнувшись.

Анна улыбнулась ей в ответ:

– Много дел запланировано на сегодня?

– Очень, – кивнула Сьюзен. – Сперва магазины, потом примерка и обед с приятельницей.

Тон ее был таким же радостным, как и улыбка, хотя на самом деле молодой женщине было не слишком весело. Скорее уж, наоборот. Но Сьюзен была хорошей актрисой и знала, что пока она не примет определенного решения, нельзя ни единым движением выдать, что ее тревожит.

– А где Оливер?

– Катается верхом. Хотел опробовать свою новую лошадь. Уехал еще на рассвете, так что груму пришлось нелегко. Оливер решил похвастаться ею в парке, – прибавила Сьюзен и кивнула Тёртону, который принес тарелку с горячими тостами. – Спасибо. – Затем отломила кусочек, но есть не стала, а лишь молча вертела поджаренный хлеб в руках.

Анна пристально следила за невесткой.

– Тебя что-то гнетет, моя дорогая. Я могу чем-нибудь помочь?

– Вряд ли, – игриво тряхнула головой Сьюзен. – Не думаю. Ничего такого. Просто перебираю в уме, что надо сегодня сделать. И портниха меня тревожит. На прошлой примерке юбка совсем плохо сидела, молюсь, чтобы на этот раз все было сделано как следует.

– Ну, если тебя беспокоит только это, тогда и впрямь ничего особенного, – улыбнулась свекровь.

И все же что-то определенно происходило. Когда она внимательно посмотрела на невестку, ей вдруг показалось, что очертания подбородка у Сьюзен стали мягче, а скулы выступают не так резко, как раньше.

«Может, набирает вес, – подумала Анна. – Тогда понятно, почему она не ест». Анна решила ничего не говорить. Что может быть досаднее для молодой женщины, чем услышать, что она растолстела.

Сьюзен подняла взгляд, словно почувствовав, что свекровь ее изучает. Но прежде чем она успела что-либо сказать, вернулся Тёртон с письмом на маленьком серебряном подносе.

– Прощу прощения, мэм, – сказал он, предварительно кашлянув, и подошел к Анне. – Только что прибыло для вас.

– Спасибо, Тёртон, – поблагодарила Анна, забирая с подноса письмо. Она глянула на марку – «новый красный пенни», весьма разумное нововведение^[31], а затем внимательно изучила штемпель – Фейвершем, графство Кент, – но не смогла припомнить никого, кто бы жил в этом городе.

– Оставлю вас наедине с письмом, – произнесла Сьюзен, вставая из-за стола. На самом деле она просто почувствовала приступ тошноты и хотела оказаться одна у себя в комнате, на тот случай, если чутье не подвело ее.

«Как непросто лгать», – уже не в первый раз подумала она.

Анна подняла глаза от конверта:

– Хорошо вам пообедать. С кем, ты сказала, у тебя встреча?

Но Сьюзен уже вышла из комнаты.

Письмо было от Джейн Крофт, женщины, которая много лет назад в Брюсселе служила камеристкой у Софии. Джейн запомнилась Анне как славная девушка, да и София ее любила. В то время они эту тему не поднимали, но Крофт наверняка догадалась о беременности молодой госпожи, хотя, насколько знала Анна, так ничего никому и не сказала: ни до смерти Софии, ни после. Укрывшись, согласно своему плану, в Дербишире, они оставили Крофт в Лондоне на полном содержании, как предполагалось, до возвращения хозяйки. Но София, увы, так и не вернулась, и Крофт нашла другую работу, неподалеку от города. Расстались они тепло, выдали камеристке дополнительное жалованье и превосходные рекомендации. И рекомендации эти, судя по всему, свое дело сделали. Последнее, что Анна слышала о Крофт, было то, что ее взяли экономкой в семью Лонгуорт, которые жили в графстве Кент. Видимо, их дом располагался в Фейвершеме. Анна начала читать, потом остановилась и перевела дух. Если миссис Тренчард была удивлена, что столько лет спустя бывшая служанка решила послать ей весточку, то содержание письма привело ее в полное изумление.

Крофт писала, что они с Эллис продолжали все это время поддерживать связь, несколько раз в год обмениваясь письмами. И вот сейчас бывшую камеристку Софии встревожили слухи о молодом человеке по имени Чарльз Поуп, о котором Эллис упомянула в своем последнем

послании. *«Охотно воспользовалась бы случаем обсудить все это с Вами при личной встрече, мадам. Но писать на этот счет больше ничего не могу»*, – говорилось в письме Джейн Крофт. Анна перечитывала эти строки и ничего не понимала, но чувствовала, что сердце у нее тревожно сжимается.

Разумеется, первым делом хозяйка разгневалась на Эллис. С какой стати та пишет Джейн Крофт о Чарльзе? Что она может о нем сказать? Молодой предприниматель, которого мистер Тренчард поддерживает финансовыми вложениями. Зачем одна служанка пишет об этом другой? И вдруг Анне пришло в голову, что Эллис могла подслушивать, шпионить за своей госпожой, слушать ее приватные разговоры с мужем. При этой мысли ее кинуло в дрожь. Последние несколько месяцев Эллис вообще странно себя вела. И что это, кстати, за непонятная история с потерянным веером, который Анна вовсе даже и не теряла? Миссис Тренчард подняла глаза. Она и не заметила, как Тёртон занял свое место у камина.

– Не могли бы вы попросить Эллис прийти ко мне в гостиную?

Дворецкий выслушал просьбу, как всегда, невозмутимо.

– Конечно, мэм.

Когда Эллис вошла, то сразу поняла, что разговор предстоит непростой, явно не про платье и не про новую отделку для шляпки.

– Закройте, пожалуйста, дверь.

Голос Анны звучал холодно и официально. Выполняя указание хозяйки, Эллис прикидывала, что же могло ее выдать. Может быть, видели, как она разговаривает с мистером Белласисом? Был ли в пабе какой-то человек, который знал их обоих? Она лихорадочно пыталась выдумать правдоподобную историю, которая бы все объяснила, но ничего путного на ум не приходило. Камеристка снова повернулась к госпоже.

– Эллис, – начала Анна, – я получила письмо от Джейн Крофт.

– Да, мэм. – Эллис позволила себе немного расслабиться. Она не знала, о чем пойдет разговор, но в нем явно не будет упоминаться мистер Белласис.

– Зачем вы писали ей о мистере Поупе?

Какое-то время Эллис усиленно изображала, что не понимает, о чем ее спрашивают. Зачем она писала Джейн о мистере Поупе? Наверняка только потому, что им интересовался хозяин. А что еще ей было сказать про мистера Поупа?

– Что именно говорилось в вашем письме?

– Уж сейчас и не припомню, мэм. Наверное, я упомянула, что хозяин

очень добр к своему новому молодому протеже, мэм. Вряд ли там было что-то еще. Мне очень жаль, если вы этим недовольны. Я ни в коем случае не хотела вас задеть.

Ее волнение и самоуничижение пришились весьма кстати. Анна молча смотрела на служанку и думала, что, может быть, ничего особенного тут и впрямь нет. Джеймс действительно проявлял необычный интерес к делам Чарльза. Про это в людской все наверняка прекрасно знают. Ей стало легче. Но необходимо было еще кое-что прояснить.

– Да, кстати, раз уж вы здесь, – сказала Анна. – Объясните мне, зачем вы отправились в Брокенхёрст-Хаус искать веер, который я вовсе не теряла?

Интересно, и как только миссис Тренчард все узнала? Видимо, эта счастливая рабыня Доусон ее выдала. Надо срочно выкручиваться.

– Дело было не совсем так, мэм.

– Да? А как?

– Вечером после приема вы похвалили прическу графини. Вот я и решила встретиться с камеристкой ее светлости, спросить, как она укладывает волосы.

– Не помню, чтобы я говорила о прическе леди Брокенхёрст, – нахмурилась Анна.

– Точно говорили, мэм! А я хотела сделать вам приятное.

Теперь Эллис попыталась изобразить, что оскорблена в лучших чувствах. Уловка сработала отлично.

– А веер тут при чем?

– Это я сама себя запутала, мэм. Не могла найти веер, после того как вы вернулись с вечера, и решила, что вы забыли его у графини.

– Почему же вы не спросили меня?

Эллис улыбнулась. Она уже чувствовала, что одерживает победу.

– Не хотела вас понапрасну беспокоить, ведь все равно же я туда шла, узнать насчет прически.

– И где в конце концов оказался веер?

– Представляете, просто я его не в тот ящик положила, мэм. Наверно, так устала, когда вы вернулись домой, что уже плохо соображала.

Замечание попало точно в цель. Анна не могла избавиться от чувства вины: камеристка, чьей обязанностью было помочь госпоже раздеться, из-за нее не спала допоздна. И Эллис это прекрасно знала.

– Ну хорошо. Но впредь, пожалуйста, хорошенько подумайте, прежде чем писать друзьям о делах нашей семьи. – Анна уже решила, что погорячилась напрасно. – Можете идти. – (Эллис пошла к дверям.) – Да, и

вот еще что. – (Служанка остановилась.) – Крофт приедет меня навестить. Я бы хотела, чтобы она осталась ночевать, если захочет. Можете предупредить миссис Фрэнт?

– Когда она приезжает, мэм?

– Пока не знаю. Через несколько дней. Крофт переезжает к брату в Америку и по пути заглянет в Лондон.

– Хорошо, мэм, – кивнула Эллис и вышла.

Она закрыла за собой дверь гостиной и с облегчением перевела дух. Скандал удалось замять. Но разговор больше поднял вопросов, чем дал ответов. Очень странно: Эллис лишь мельком упомянула Поупа в письме к Джейн, однако подруга сочла необходимым тут же написать своей бывшей госпоже, у которой работала четверть века назад. Почему? И почему миссис Тренчард приняла это близко к сердцу, хотя в письме Эллис не было ровным счетом ничего примечательного? Об этом стоило доложить мистеру Белласису. Не будь она Мэри Эллис, если это не стоит лишнего соверена!

– Мистер Тёртон! – громким шепотом позвала камеристка, спустившись вниз в подвал. – На два слова!

Дворецкому не понравилось, что им помыкает женщина из числа его подчиненных, но в лице Эллис было нечто такое, что заставило его повиноваться. Они оба работали на Джона Белласиса, и камеристка могла засадить Тёртона в тюрьму, если бы пожелала. С этим приходилось считаться. Он поманил ее к себе в кладовую и плотно закрыл дверь.

– Джейн Крофт написала госпоже, что скоро приезжает сюда.

– Кто такая Джейн Крофт?

– Когда-то давно она была камеристкой их дочери. Уехала, после того как мисс София умерла.

– Не понимаю, какое это имеет отношение ко мне, – раздраженно проговорил Тёртон.

– Все это время я общалась с Джейн и недавно, когда писала ей письмо, упомянула про мистера Поупа.

Дворецкий явно был шокирован:

– С какой стати вы это сделали?

– Да ничего такого там не было, – покачала головой Эллис. – Я просто упомянула, что у мистера Тренчарда появился новый любимчик. Но этого хватило, чтобы Джейн Крофт написала госпоже, а та немедленно вызвала Джейн к себе в Лондон.

Дворецкий помолчал, переваривая услышанное. Конечно, о связи Чарльза Поупа с семьей хозяев он знал побольше Эллис. Из письма,

которое он выкрал для мистера Белласиса, стало понятно, что молодой Чарльз Поуп – внебрачный сын мистера Тренчарда, но вот какое место занимает во всей этой истории бывшая служанка покойной мисс Софии? Этого Тёртон не мог взять в толк.

– Мы должны рассказать все мистеру Белласису, – прервала его размышления Эллис.

– Да, – кивнул он, хотя и не был уверен, что подобная информация может пригодиться Джону. Тем не менее это может стать хорошим поводом вновь втереться в доверие. Тёртон знал, что Белласис не простил ему двойную цену, которую он заломил за письмо преподобного Бенджамина Поупа. – Вы правы. Я схожу к нему.

– Нет уж, я сама схожу! – возразила Эллис, почуяв, что дело пахнет чаевыми. – Ведь госпожа сказала все мне, а не вам. А вам, мистер Тёртон, придется придумать отговорку, если хозяйка вызовет меня, пока я отсутствую.

– Только скажите мистеру Белласису, что это я вас послал.

Эллис кивнула. Если раньше она подозревала, что между дворецким и человеком, на которого они оба работали, не все ладно, то теперь она знала это наверняка.

Мария Грей сидела на Белгрейв-сквер и читала, когда, подняв голову, увидела, что к ней подходит мать. Они жили не на площади, но поскольку Чешам-плейс была совсем близко, то устроили так, чтобы получить ключ от парка, и очень ценили эту привилегию. Служанка Райан сидела неподалеку и вязала. Мария так привыкла чувствовать себя пленницей, что уже почти не замечала надзирательницы. Леди Темплмор чуть замедлила шаг, чтобы полюбоваться дочерью. Мария была одета в темно-красное приталенное платье с длинными рукавами. Она напоминала средневековую принцессу, ожидающую возвращения возлюбленного из Крестового похода. Мария, без сомнения, была настоящей красавицей. И мать сказала себе, что все еще может сложиться удачно, если только она, Коринна Темплмор, не будет терять бдительности.

– Чем занимаешься?

– Читаю. – Мария подняла книгу и показала ее матери.

– Не роман, я надеюсь, – заметила та, но все же улыбнулась.

– Стихи. «Адонаис» Шелли. Элегия на смерть Джона Китса.

– Недурно.

Леди Темплмор села рядом с дочерью. Она прекрасно понимала, что надо сдерживаться – не кричать, не поучать, а просто сдерживать себя, –

пока ситуация не разрешится.

– У меня хорошие новости, – сказала мать.

– Какие?

– Я получила письмо от Луизы, она приглашает тебя в Нортумберленд.

– В Нортумберленд?

– Как я тебе завидую! – Леди Темплмор оживленно покачала головой. – В это время года Белфорд просто великолепен!

– Но что мне делать в Нортумберленде? – Мария недоуменно смотрела на мать.

– А что ты делаешь здесь? Гулять, кататься верхом. И читать – это ты всегда любила. – Мать говорила с таким энтузиазмом, словно бы предполагаемая поездка была чудесной наградой, и впрямь достойной зависти. – Как мне хочется оказаться подальше от Лондона, от всей этой грязи и тумана. Только подумай! Ты будешь гулять между скалами, любоваться морем... – Она умолкла, словно захваченная этой соблазнительной картиной.

Дочь, разумеется, прекрасно понимала, что происходит.

– Мама, но мне не хочется уезжать из Лондона. По крайней мере, сейчас.

– Верится с трудом!

– Нет, – решительно покачала головой Мария. – Я никуда не поеду.

– Дорогая моя, – Коринна взяла дочь за руку, – почему ты не хочешь поверить, что я знаю, как лучше? Хотя бы раз? – Ее слова сопровождались улыбкой, сладкой и ироничной одновременно. – Когда ты вернешься, я уже все подготовлю. Все девушки умрут от зависти!

– Что подготовишь?

– Как «что»? Твою свадьбу, конечно. Перед отъездом сходим с тобой на примерку. Потом, когда будет готова модель в ситце, отправим кого-нибудь в Белфорд, чтобы ты прикинула. А последнюю примерку оставим до твоего возвращения. У нас будет день-два, чтобы все привести в порядок.

Мария медленно закрыла книгу.

– Ты уже назначила дату?

Леди Темплмор мысленно удовлетворенно хмыкнула. Дочь, кажется, свыклась с мыслью о свадьбе. Коринна готовилась к слезам и сопротивлению, но все происходило совершенно иначе.

– Мы. Мы назначили. Я списалась с преподобным мистером Белласисом, и мы договорились, что это будет в среду, в начале декабря. Тогда ты сможешь провести осень на севере и вернуться домой

отдохнувшей, счастливой и готовой к новому приключению.

– Под новым приключением ты подразумеваешь Джона Белласиса?

– Брак для юной девушки – это всегда приключение.

Мария мрачно кивнула:

– И где это приключение должно начаться?

– Сперва мы хотели, чтобы вы обвенчались в Лимингтоне, но, если ты не возражаешь, я склоняюсь к Брокенхёрст-Хаусу. Не тащиться же в Ирландию, а с нашей стороны ничего более подходящего нет. Но мне нравятся лондонские свадьбы, и хлопот для всех будет намного меньше. Славная белгравская свадьба. Прекрасно звучит!

Коринна глянула на окна второго этажа, просматривающиеся сквозь ветви. Там как раз был бальный зал, которому вскоре предстояло стать местом действия той свадьбы, что обеспечит будущее их обеих.

– Очень любезно со стороны лорда Брокенхёрста, – сказала Мария.

Леди Темплмор мечтательно кивнула:

– На самом деле он будет рад сыграть свадьбу в любом из двух домов. Мне сказали, что он доволен выбором Джона и более чем рад принять тебя в семью.

Тон этого разговора был настолько невозмутим, что Коринна позволила себе считать, что дело в конце концов разрешится благополучно.

– А леди Брокенхёрст? Что на это говорит она?

Коринна покосилась на дочь, но та смотрела прямо перед собой, не выказывая никаких признаков гнева или волнения. Это был просто вопрос. За ним ничего не стояло.

– Уверена, она тоже будет в восторге.

– Но разве ты еще не говорила с ней?

– Нет пока, – сказала Коринна и счастливо вздохнула, захваченная открывающейся перед ней перспективой. – Я пошлю записку, и завтра утром можем пойти на первую примерку. Пора браться за дело.

Оцепенев от страха, Мария шла следом за матерью обратно на Чешамплейс. Она хоть и привыкла жить под надзором, но никогда прежде не испытывала такого ужаса, какой сковал ее сейчас. Гомон играющих на площади детей, пение птиц, шум ветра и разговоры прохожих – все словно бы растворилось, и единственным звуком, который девушка слышала, был стук ее собственного сердца, отдающийся в ушах. Мария прикусила нижнюю губу и вонзила ногти в кончики пальцев. В голове крутилась одна-единственная мысль: «Я не могу выйти замуж за этого человека, лучше умереть». До сего момента свадьба казалась какой-то далекой призрачной идеей, безумным планом ее матери, который никогда не осуществится. Но

теперь он грозил вот-вот претвориться в жизнь. Мария не могла заставить себя даже думать об этом. Но думать было необходимо. Ибо одно она знала совершенно точно: надо действовать, пока не стало слишком поздно.

Джон Белласис догадывался, в чем, по всей видимости, состоит тайна Джейн Крофт. Едва Эллис начала описывать события утра, как он уже понял, что нашел последний недостающий фрагмент головоломки. Джейн Крофт – мать Чарльза Поупа! Все сходится. Пока Тренчарды жили в Брюсселе, двадцать пять лет назад, она и Джеймс...

– А симпатичная она была, эта Джейн Крофт? – к немалому удивлению Эллис, спросил он. – В молодости?

– В молодости? Пожалуй, да. Более или менее симпатичная. А что?

Эллис сбилась с мысли. Куда клонит мистер Белласис?

Заклучив, что Джейн – мать Чарльза, Джон без труда догадался, по какой причине та приезжает в Лондон. «Ясное дело, хочет встретиться с сыном, – думал он. – Повидаться, прежде чем ехать в Америку. Обратно она уже не вернется и понимает это. Хочет посмотреть, каким стал ее мальчик, прежде чем навсегда покинуть Англию».

Он повернулся к замолчавшей служанке:

– Так, говорите, перед смертью мисс Софии эта Джейн Крофт несколько недель жила на полном довольствии, не выполняя никакой работы, просто ждала? Правильно?

– У нее не было никакой работы, потому что молодая госпожа уехала на север.

Джон кивнул. В голове у него выстраивалась логическая цепочка. «Хозяйева держали Джейн Крофт в доме, кормили, давали отдохнуть и набраться сил, пока не пришло время, и тогда ее тайком отослали куда-то рожать. Джеймс Тренчард все устроил, но ему для этого потребовалось согласие жены. Значит, Анна знала. Пришла ли она в ярость? Или простила неверного мужа? Наверное, второе, если Крофт сейчас, через двадцать пять лет после того, как предала свою госпожу, хочет с ней повидаться». Поскольку Белласис мысли свои вслух не высказывал, его молчание становилось для Эллис гнетущим.

– Мне нужно возвращаться, сэр, а то меня хватятся, – сказала камеристка, не сдвинувшись с места. Она надеялась на вознаграждение, которым не собиралась делиться с Тёртоном.

– Свяжитесь со мной, когда эта Джейн Крофт приедет в Лондон. Постарайтесь вывести как можно больше. Заведите с ней разговор. Покопайтесь в ее вещах. Узнайте все, что она знает о мистере Поупе.

Его охватило возбуждение. Правда, оставалась еще одна неразрешенная загадка, едва ли не самая важная. Как с этой историей связана леди Брокенхёрст? Вполне логично, что матерью Чарльза Поупа оказалась все-таки не она. Пожалуй, Сьюзен была права. Как бы они сошлись с Тренчардом? И тем не менее между его тетужкой и Чарльзом Поупом явно существовала какая-то связь. И ключом к этой загадке могла стать Джейн Крофт. Разгадка тайны принесет ему дивиденды. На это Джон был готов поставить все до последнего пенни. – Идите. Как только что-нибудь узнаете, сразу сообщите мне.

Но Эллис по-прежнему не двигалась, и оба понимали почему. Наконец Джон пошарил в кармане брюк и достал гинею. Служанка взяла ее и пошла прочь. Завидев ее, какая-то фигура метнулась внутрь дома.

Сьюзен Тренчард поспешно скрылась за дверью. Джон еще стоял у основания лестницы.

– Еле успела! – воскликнула она. – Чуть-чуть не столкнулась нос к носу с камеристкой свекрови.

– Надо было сказать мне, когда ты придешь.

– Я сказала. И надеялась, что ты уже приготовил для меня обед.

– Не беспокойся. Отправим слугу, он чего-нибудь принесет. – Джон стал подниматься по лестнице. Он терпеть не мог принимать гостей у себя дома. Ему казалось, что эти скромные комнаты не дают адекватного представления о том, что он собой представляет.

– Почему ты здесь? К чему такая срочность?

Сьюзен посмотрела на него снизу:

– Не на лестнице же рассказывать.

Вот сейчас они поднимутся наверх, окажутся в его комнатах, она сядет и все ему расскажет. И одному лишь Богу ведомо, что случится дальше.

Эллис никогда не считала себя везучей. Она полагала, что родиться прислугой – доля незавидная. Каждый шаг в жизни давался ей с боем. Но в тот день, когда Джейн Крофт приехала на Итон-сквер, чтобы встретиться с миссис Тренчард, Эллис почувствовала, что ей выпала козырная карта.

Со времени их последней встречи с Джоном Белласисом она тщательно обдумывала план. Эллис должна была улучшить минутку и, оставшись наедине со старой подругой, выяснить, что именно Джейн знает о Чарльзе Поупе, а еще лучше – найти возможность порыться в ее вещах. Все это нужно было проделать раньше, чем Крофт сможет поговорить с Анной Тренчард. Задача была непростая, но мистер Белласис настаивал на том, что все следует проделать именно так, и пообещал не скупиться.

В конце концов Эллис все же повезло. Крофт приехала всего через несколько минут после того, как миссис Тренчард отправилась на благотворительное собрание куда-то на Парк-лейн, и домой ее можно было ждать лишь часа через два. Годы пощадили Джейн Крофт – к такому выводу пришла Эллис, оглядывая давнюю подругу. Много лет назад в Брюсселе бывшая камеристка была достаточно привлекательна, чтобы солдаты поворачивали головы ей вслед, когда они с молодой мисс Софией беззаботно прогуливались по городу. Не одна только Эллис подметила, что у войны есть странное свойство: она заставляет людей действовать стремительно и бесшабашно, ибо, когда чуешь запах близкой смерти, хочется прожить отведенное тебе на земле время как можно более полно.

– Хорошо выглядишь! Нисколько не постарела! – воскликнула Эллис.

– Спасибо, – ответила Крофт, приглаживая каштановые волосы, которые лишь чуть-чуть поседели на висках. – И ты тоже! – вежливо солгала она.

– Миссис Тренчард не будет еще несколько часов, – пояснила камеристка. – Давай попросим у миссис Бэббидж хлеба с сыром да поболтаем, как в добрые старые времена! – Эллис указала ей на стул в углу людской, а сама пошла распорядиться насчет угощения.

– Как мило! Спасибо тебе, – сказала ничего не подозревающая Крофт.

За бутербродами и стаканчиком сидра подруги стали делиться новостями. Жизнь Крофт, после того как она ушла от Тренчардов, сложилась хорошо, и ей, похоже, нравилась должность экономки: работа эта была очень ответственной да и оплачивалась соответственно.

– Тогда почему я вдруг слышу, что ты едешь в Америку?

Крофт улыбнулась при мысли о предстоящей ей заманчивой поездке.

– Несколько лет назад, вскоре после того, как мы вернулись из Брюсселя, мой брат эмигрировал в Америку, завел там собственное дело и постепенно развернулся. Он строитель.

– Где он обосновался?

– В Нью-Йорке. С начала века там велось большое строительство – на этой волне мой брат и поднялся. Теперь возводит себе новый дом на улице, которую они называют Пятой авеню, и хочет, чтобы я приехала и вела там хозяйство.

– В качестве прислуги?

– В качестве его сестры. Он так и не женился.

Эллис удивленно подняла брови:

– Если твой брат такой богатый, как ты говоришь, то теперь, может, и женится.

– Он думал об этом. Но все равно хочет, чтобы я жила с ним, обзаведется он семьей или нет.

Эллис почувствовала укол ревности. Крофт оставляет службу, едет за океан и будет управлять богатым домом в другой стране. А ей самой по-прежнему надо кланяться, делать книксены и зарабатывать на жизнь, шпионя и подворовывая. Разве это справедливо?

– Надеюсь, ты привыкнешь к новому климату, – уныло сказала она. – Наверное, там перепады жары и холода очень влияют на настроение.

– Думаю, что справлюсь, – ответила Крофт, прекрасно понимая, какие мысли овладели подругой. – Придется поломать голову, куда девать свободное время. Я раньше не знала, что это такое.

– Да, серьезная проблема! – кисло улыбнулась Эллис. – Когда ты отплываешь?

– В четверг. Утром я поеду в Ливерпуль – далековато, конечно, но я заранее отправила все чемоданы, кроме одного, в тамошнюю гостиницу, так что уже легче. Там переночую в гостинице, а на следующее утро сяду на корабль.

Эллис почувствовала сильное желание сказать об этом приключении какую-нибудь гадость и испортить Крофт ее столь явное удовольствие, но она удержалась. Слишком многое стояло на кону.

– А зачем ты хочешь встретиться с миссис Тренчард? – спросила Эллис.

– Да так, ничего особенного... – повела плечами Крофт. Она колебалась, не зная, стоит ли говорить что-либо еще.

– Между прочим, у меня были неприятности из-за того, что ты рассказала ей о моем письме, где упоминалось про мистера Поупа.

– Я этого не знала. Прости меня, пожалуйста! – Эллис искренне огорчилась.

– Так что с тебя объяснение.

Крофт кивнула. Она думала, что Эллис просто слегка ей завидует, только и всего. Джейн и в голову не приходило, какие интриги против миссис Тренчард плетет бывшая подруга.

– Когда я собирала вещи, то привела все в порядок, просмотрела старые письма и прочее, нашла много ненужного хлама, который выбросила. Ну, ты понимаешь.

– Конечно.

– Так вот, я наткнулась на какие-то бумаги покойной мисс Софии и решила передать их хозяйке. Не знаю, решит ли она эти документы хранить, но мне показалось, что я не имею права их уничтожать. И я

подумала, а почему бы перед отъездом не завезти сюда всю пачку самой? Хотя, скорее всего, как только я выйду из комнаты, миссис Тренчард тотчас же бросит бумаги в огонь.

– Неблизкий ты проделала для этого путь.

– Да нет, я же еду из Кента в Ливерпуль, так что Лондон мне по пути. И потом, я уже много лет не была в столице. Слышала о грандиозном строительстве, которое ведет мистер Тренчард, читала в газетах описания новых зданий, но мне самой хотелось, прежде чем уеду, взглянуть, каким стал город. Неизвестно, суждено ли мне оказаться здесь еще раз...

Эллис сразу поняла, что надо брать быка за рога.

– Понятно. В таком случае советую тебе отправиться на прогулку прямо сейчас, до возвращения госпожи еще уйма времени. Ее не будет по крайней мере часа два. Давай составлю список улиц и площадей, которые обязательно надо посмотреть. Устрой себе экскурсию, порадуй себя.

Крофт кивнула, но как-то не слишком уверенно.

– Ты ведь, наверное, вряд ли со мной пойдешь? А я уж и не припомню, когда в последний раз была в Лондоне.

– Я бы не отказалась! – Эллис издала смешок. – Но вот только работы по уши. Да ты не волнуйся, хочешь – дам тебе денег, возьмешь кеб, проедешься.

– Нет, деньги у меня есть, – покачала головой Крофт.

– Тогда не упusti шанс. А то потом больше не представится.

– Это правда. А что делать с чемоданом?

– Попрошу кого-нибудь из коридорных отнести его наверх, в комнату. Сегодня ты ночуешь вместе со мной.

Крофт встала и отправилась за накидкой, которая висела в коридоре.

Не прошло и пяти минут, как Эллис отнесла чемодан в комнату Тёртона. Они вдвоем принялись изучать содержимое. И почти сразу обнаружили то, что искали. Внутри большой кожаной папки, вместе с прочими бумагами, лежала связка писем.

– Нам надо поторопиться, – сказала Эллис, глядя, как дворецкий методично просматривает бумаги.

Но Тёртон в задумчивости произнес:

– Сколько он нам за них заплатит?

– Эти бумаги выкрасть нельзя, иначе нас разоблачат, как только госпожа придет домой. Надо сделать копии прямо сейчас, пока Крофт не вернулась.

Тёртон продолжал пребывать в сомнениях.

– Но как мы узнаем, что нам заплатят достаточно?

Эллис начала терять терпение:

– Мистер Тёртон, я не знаю, почему вы поссорились с мистером Белласисом, но это не дает вам рассуждать логично. Лично я ни с кем не ссорилась. Давайте не будем упускать свой шанс. Потом можем с ним поторговаться, а сию секунду нам надо сделать копии, чтобы мистер Белласис мог купить документы, если захочет, а он наверняка захочет. Поскорее все скопируйте, вернем оригиналы на место, и никто ничего не заметит.

– Почему бы вам самой этим не заняться?

– Потому что я... – Эллис на секунду замолчала.

Она хотела сослаться на то, что не умеет писать, но это была неправда. Она умела. Но не настолько хорошо, чтобы представить свою писанину мистеру Белласису. И ее раздражало то, что дворецкий об этом прекрасно знает, но все равно спрашивает.

Тёртон смотрел на камеристку, наслаждаясь ее замешательством:

– Ну хорошо. Я постараюсь как можно быстрее переписать бумаги, и тогда вы отнесете их мистеру Белласису. Но не отдавайте ничего ему в руки, пока не назначите цену. Или, может, лучше мне пойти самому?

– Нет. Мистер Белласис на вас зол, а потому постарается заплатить поменьше.

Тёртон кивнул. Определенная логика в этом была.

Приняв решение, дворецкий действовал быстро: тут же сел за свой письменный стол, вооружившись ручкой со стальным пером и чернильницей, а Эллис встала на страже. Тёртон трудился, почти ничего не говоря, только царапал пером по бумаге, переписывая текст. Как только работа была закончена, он угрюмо кивнул своей сообщнице:

– Оригиналы положите обратно, а эти бумаги отнесите ему.

– Как, по-вашему, они чего-нибудь стоят?

Тёртон задумался.

– Либо стоят очень много, либо совсем ничего.

Эллис не поняла его.

– Это как? – спросила она, но дворецкий не стал пускаться в объяснения.

Вместо этого он отдал камеристке кожаную папку с бумагами. Эллис положила папку обратно в чемодан и отнесла его наверх, в свою спальню, которая находилась на чердаке, на женской половине для прислуги.

Через полчаса Эллис стояла у входа в «Олбани». На крыльцо вышел слуга и подтвердил, что мистер Белласис дома и примет ее.

Реакция Джона на бумаги была не совсем такой, как рассчитывала Эллис. Он изучал их в полном молчании, и служанка все это время ждала у двери. Один из документов он перечитал несколько раз, и лицо его при этом было неподвижно, словно у статуи. Эллис не могла понять, рад он, удивлен или напуган. Наконец Джон поднял глаза:

– Где оригиналы?

– Мы положили их обратно в чемодан мисс Крофт. Он стоит наверху, в моей комнате.

– Принесите оригиналы.

Его тон был безапелляционным, как у главнокомандующего, отдающего приказ о наступлении.

– Не могу, – покачала головой Эллис. – Крофт сразу поймет, кто их взял. И что тогда?

– А мне наплевать! Принесите их немедленно. Если потеряете место, я заплачу вам тысячу фунтов в качестве компенсации.

Эллис не верила своим ушам. Сколько?! Тысячу фунтов, деньги, о которых она и не мечтала, за какие-то бумаги, про которые Крофт сказала: «Да так, ничего особенного»! Она недоверчиво уставилась на Джона.

– Я ясно выразился?! – рявкнул тот, и Эллис кивнула, все еще не в состоянии двинуться с места. – Тогда ступайте! Ну!

Его окрик словно бы вывел женщину из оцепенения, она открыла дверь и быстро пошла вниз по лестнице. Оказавшись на Пикадилли, служанка побежала со всех ног, не обращая внимания на то, что прохожие оборачивались и смотрели ей вслед.

До двери дома номер сто десять по Итон-сквер она добралась, уже совсем задыхаясь, с трудом ловя ртом воздух. Тёртон по-прежнему был у себя в кладовке.

– Как все прошло? – спросил он, подняв глаза.

– Джейн Крофт вернулась? – ответила она, проигнорировав вопрос.

– Да, минут двадцать тому назад.

Сердце громко стучало у Эллис в груди.

– А госпожа пришла?

– Да. Спрашивала вас, но я сказал, что вы вышли, и она, кажется, ничего не заподозрила. Пошла наверх, сняла плащ и капор и сразу направилась в гостиную.

– Так, значит, Джейн... – У Эллис упал голос.

– Сейчас она там, в гостиной. Миссис Тренчард позвонила и вызвала ее, как только мисс Крофт устроилась в комнате. Она только что поднялась наверх.

Перед Эллис забрезжила надежда. Если Крофт сразу пошла к хозяйке, то, может быть, бумаги до сих пор лежат у нее в чемодане. Не говоря ни слова, камеристка развернулась и помчалась вверх, перескакивая через ступеньки, мимо этажа, где находилась гостиная, мимо двух этажей семейных спален, пока наконец не очутилась на чердаке. Там она бросилась к себе в комнату, но чемодан стоял на кровати открытый, и кожаная папка исчезла.

Никогда в жизни Мэри Эллис не была так близка к тому, чтобы получить тысячу фунтов. Ну до чего же обидно.

Миссис Тренчард не могла сдержать радость, глядя на Джейн. Та постарела, конечно, но не настолько изменилась, чтобы ее было не узнать. Анна всегда любила камеристку Софии. Разговор унес обеих женщин в прежние счастливые времена. Анна предложила служанке, которая уже больше не была служанкой, сидеть в ее присутствии. Перед ее приходом она приказала принести ликера и сейчас предложила гостье рюмочку.

– Вы помните тот знаменитый бал у герцогини Ричмонд? – спросила Анна.

– Как не помнить, мадам. Меня столько о нем расспрашивали все последующие годы... – Джейн сделала глоток. Напиток ей не понравился, но честь быть приглашенной на рюмку ликера с госпожой сама по себе льстила. Совершенно необязательно, чтобы еще и ликер оказался приятным на вкус. – И еще я помню, как прелестна была мисс София, в том своем платье, – улыбнулась Крофт.

– И прическа была великолепна. – Анна тоже погрузилась в воспоминания.

– Ну и помучилась я тогда с ней, доложу я вам! – сказала Крофт, и обе рассмеялись.

«Как приятно иногда смеяться и не плакать, – подумала Анна, – делиться друг с другом перед расставанием счастливыми воспоминаниями о Софии».

Но те же самые воспоминания заставили ее переменить тон.

– В ту ночь, когда мы вернулись домой, моя дочь была очень расстроена.

– Да, – кивнула служанка, но продолжить мысль не осмелилась.

– Дело прошлое, и я рада слышать, что у вас все сложилось хорошо. Не сомневаюсь, что жизнь в Америке будет благополучной и полной. Но поскольку мы можем больше и не встретиться... – Анна в нерешительности умолкла.

– Мы больше не встретимся, мадам, – тихо сказала Крофт.

– Да. – Анна отвела взгляд и стала смотреть на горящий за решеткой огонь. – Поэтому я хотела спросить: можем ли мы быть честны друг с другом в эти последние минуты вместе?

– Конечно, мадам.

– Вы знаете, что случилось в ту ночь на балу?

Крофт кивнула. Странно было вести этот разговор с женщиной, перед которой она некогда делала книксен. Сейчас они говорили почти как равные. Впрочем, по отношению к той давней истории в некотором смысле так оно и было.

– Я знаю, что лорд Белласис, которого все мы считали истинным джентльменом, одурачил и предал мисс Софию, и в тот вечер она это поняла.

– Значит, вам и раньше было известно про фарс с венчанием?

– Нет! Мисс София ничего мне не рассказывала, пока не выяснилось, что церемония ненастоящая, – торопливо сказала служанка, чтобы ее не сочли соучастницей. – И она ведь только потом... – Крофт отпила ликера и опустила глаза.

– Только потом узнала, что беременна.

Анне тоже было странно, что она говорит на эту тему еще с одним человеком, не со своим мужем и не с леди Брокенхёрст. Раньше такого никогда не происходило.

– Я просила мисс Софию немедленно признаться во всем вам, мэм. Но она тогда ходила как в тумане и, похоже, была не в состоянии рассуждать здраво.

– В конце концов она мне все рассказала.

– Да, – кивнула Крофт.

Женщины переглянулись. За исключением разве что Джеймса, никто не знал об этой истории столько, сколько они. Даже леди Брокенхёрст, которая полагала, что в курсе всего, ведь графиня не была знакома с Софией.

– Дочь вовремя сказала, так что мы успевали устроить поездку на север, – снова заговорила Анна. – И все могло бы кончиться хорошо, если бы...

– Если бы она не умерла. – По щекам Крофт побежали слезы, и Анна готова была любить бывшую служанку за то, что та плачет о ее погибшем ребенке. – Теперь малыш, наверное, уже взрослый. Он так и живет у преподобного мистера Поупа? Или он сейчас в Лондоне? Полагаю, это тот самый молодой Чарльз Поуп, о котором писала мне мисс Эллис?

– Но как вы узнали о преподавшем мистере Поупе?
– Простите, мэм, – глянула на нее Крофт. – Не знаю, приятно ли вам будет услышать... – Она умолкла.

– Продолжайте, – сказала Анна. – Прошу вас.

– Видите ли, мэм, мисс София много писала мне, – извиняющимся тоном начала гостя, решившись раскрыть тайны давно минувших дней. – Вплоть до самого конца. Мы обсуждали судьбу ее будущего ребенка, и мисс София написала мне, что малыш – или малышка – отправится в семью Поуп в Суррей. Я помню, что супруги, кажется, были бездетными, но я потеряла то письмо, где об этом говорилось.

– Значит, вам все известно, – произнесла изумленная Анна.

– Я не рассказывала ни одной живой душе! Клянусь вам! – Крофт прижала руку к сердцу. – И впредь ни с кем никогда не буду это обсуждать.

– Не волнуйтесь, – ответила Анна. – Мне даже приятно, что дочь так вам доверяла.

И тогда Крофт положила себе на колени кожаную папку:

– У меня здесь кое-какие бумаги, мэм... Одна из них подтверждает фиктивное венчание. Она подписана человеком, который выдал себя за священника. Это некий Бувери. Полагаю, не будь этот документ фальшивкой, его можно было бы назвать брачным свидетельством. Потом еще письмо от Бувери, где он описывает, как молодая английская пара, оказавшаяся вдали от родного дома, приехала венчаться в Брюссель. – Она замолчала и достала два документа. – София отдала их мне в ту ночь в Брюсселе, когда вернулась домой после бала, и велела сжечь, но я так и не сожгла. Духу не хватило. Мне казалось, что раз бумаги не мои, то и уничтожать их я не имею права.

– Понимаю. – Анна взяла бумаги и проглядела их содержание.

– Но теперь я уезжаю из страны, да еще мисс Эллис упомянула в письме про мистера Поупа, и я подумала: будет лучше отдать все вам. Не знаю, станете ли вы их хранить. Может быть, вам захочется самой сжечь документы. В любом случае решать вам, а не мне. – С этими словами она вручила кожаную папку Анне.

– Спасибо, Крофт, вернее, мне надо теперь называть вас мисс Крофт, это очень благородно и мудро с вашей стороны. – Анна приняла папку и заглянула внутрь. – А что тут еще?

– Письма от мисс Софии, в которых она рассказывает мне о том, когда должен появиться ребенок, о докторе, об акушерке и тому подобном. Я не хотела рисковать: вдруг отдам концы и все это попадет в чужие руки. Так что пусть уж лучше все будет у вас. Я отложила себе одно письмо на

память, но в нем нет ничего такого, что нельзя было бы прочесть постороннему человеку.

Анна тепло улыбнулась, чувствуя, как глаза снова начинают наполняться слезами, и взглянула на знакомый почерк. Она медленно провела пальцем по завиткам каждой буквы на конверте. Милая София... Сразу видно, что писала совсем юная девушка. Петельки и завитушки... София всегда разукрашивала свои письма. Анна так и представила ее сидящей за столом с пером в руке.

– Спасибо, – повторила она, глянув на гостью. – Я очень тронута. Понимаете, у нас ведь так мало осталось от мисс Софии. Не хватает воспоминаний. Как замечательно, что после стольких лет что-то к нам вернулось.

В тот вечер у себя в спальне Анна снова и снова перечитывала эти письма. Ей было не унять слез, но любовь к потерянной дочери, счастье снова слышать ее голос были столь сильны, что она чувствовала душевный подъем. Джеймсу она решила пока ничего не говорить. Пусть письма немного побудут с ней. Анна встала и заперла их в шкафчик у себя в комнате, пока не появился муж.

Оливер не мог дождаться, когда они с отцом пойдут обедать в «Атенеум». Разоблачение сомнительного прошлого Поупа оказалось делом утомительным и затратным, но оно все-таки состоялось, и Оливер надеялся, что это приведет к его сближению со строгим родителем. Как-никак сын оказал Джеймсу услугу, дал ему возможность вывести деньги из сомнительного предприятия, пока он не попал впросак с этим Поупом и его несчастным хлопком. Джеймс сказал, что Чарльз не отрицал обвинений, и это удивило Оливера. Письма, конечно, были документальным свидетельством, но все же Тренчард-младший ожидал, что Поуп начнет как-то выкручиваться. Однако тот не стал этого делать. Интересно почему? Ну да бог с ним. Оливеру и Джеймсу пора было жить дальше, в атмосфере семейной любви и взаимного доверия, ведь сын доказал отцу свою преданность.

– Добрый день, сэр, – сказал клубный слуга, забирая у гостя трость с серебряным набалдашником, перчатки и цилиндр.

Оливер улыбнулся. Ему здесь нравилось – все очень цивилизованно. Вот где ему самое место. Следуя за слугой, он пересек холл, миновал монументальную лестницу и вошел в просторный обеденный зал со знаменитыми высокими, почти от пола до потолка, окнами. Помещение хотя и было огромным, но темная деревянная обшивка стен и темно-

бордовый узорчатый ковер придавали ему уют и душевность.

– Отец! – Он махнул Джеймсу, который ждал его за круглым столом в углу.

Тот встал, встречая сына.

– Оливер! – сказал Джеймс, широко улыбаясь. – Рад тебя здесь видеть. Надеюсь, что ты голоден.

Джеймс был настроен побаловать сына. Предыдущие несколько месяцев выдались тревожными и неприятными, и ему не терпелось вновь навести мосты и развеять напряженную атмосферу, в которой они некоторое время существовали. Но сегодня вряд ли получится достичь этой цели, учитывая то, что ему придется сказать.

– Превосходно! – ответил Оливер, садясь и потирая руки.

Джеймс видел, что сын излучает оптимизм и уверенность, и прекрасно понимал, в чем причина. Тем не менее он не торопился начинать разговор.

Они взяли меню.

– Где ты был сегодня утром? – спросил отец.

– Катался верхом, – ответил Оливер. – День был великолепный, и Роттен-роу в Гайд-парке оказалась переполнена, но этот новый мерин очень меня радует.

– Я думал увидеть тебя на встрече на Грейс-Инн-роуд.

– На какой еще встрече? – Оливер прищурился, вчитываясь в меню. – А что такое «хоггет»?

– Старше, чем ягненок, но моложе, чем баран. – Джеймс чуть слышно вздохнул. – Мы обсуждали этапы застройки нового участка. Тебе разве не говорили, что планируется встреча?

– Может, и говорили. – Оливер подозвал официанта. – Закажем что-нибудь выпить?

Джеймс смотрел на Оливера, пока тот заказывал бутылку сабли для начала, а потом еще бутылку кларета. Почему сын постоянно его огорчает? Джеймсу удалось заполучить для него место в одной из самых перспективных компаний страны, а мальчик не проявляет даже малой толики интереса. Безусловно, в данный момент строительство находится не на самой увлекательной стадии – осушение обширных заболоченных участков в Ист-Энде, – но не это главное. Беда в том, что Оливер не понимает: достичь чего-либо в этом мире можно только упорным трудом. Жизнь как череда сиюминутных удовольствий еще никому не приносила удовлетворения. Надо обязательно вкладывать усилия – в собственную жизнь и в себя самого.

Узнай Тренчард-младший, о чем думает его отец, он бы наверняка

обиделся. Он был готов прикладывать усилия, просто его не привлекала та жизнь, что придумал для него отец. Оливер предпочел бы поселиться в Гленвилле, а на светский сезон приезжать в Лондон. Ему хотелось заниматься хозяйством, и разговаривать с арендаторами, и занимать в графстве видное положение. Ну и что здесь плохого? Разве это позорно? Нет. Просто отец не желал принимать систему ценностей, отличную от его собственной. Так заявил бы Оливер, и справедливости ради надо сказать, что в этом была своя доля правды. Но сейчас, когда они сидели в клубе с бокалами вина в руках, оба знали, что над ними витает тень Чарльза Поупа, что он незримо присутствует на встрече отца и сына, стоит за их стульями, и что рано или поздно разговор неизбежно должен будет переключиться на него. Первым не выдержал Оливер.

– Ну как, ты легко расстался с мистером Поупом? – спросил он, разрезая мясо.

– Что ты имеешь в виду?

– А как ты думаешь? Ты же всегда был поборником того, что дела следует вести честно. Только не говори мне, что снижаешь критерии.

– Да, я оставил деньги в компании мистера Поупа, – осторожно произнес Джеймс. – И по-прежнему считаю, что это выгодное вложение.

Оливер подался вперед.

– А как же письма, которые я тебе привез? – Его голос стал тише и агрессивнее. – Ты сам сказал, что предъявил их Поупу и он ничего не отрицал.

– Верно.

Джеймс заказал куропатку и уже пожалел об этом.

– И что дальше?

Тренчард-старший заговорил медленно и ровно. Если бы ему пришлось умирять дикое животное, и то его голос не мог бы звучать более размеренно.

– Мне показалось, что все это не совсем... верно.

– Не понимаю. – Оливер поджал губы. – Ты хочешь сказать, что это ложь? В таком случае получается, что я лжец? Так?

– Нет, – сказал Джеймс, пытаясь успокоить сына. – Никто не солгал. Или, по крайней мере, не ты...

– Если бы люди, которые написали эти письма, сказали неправду, Поуп бы все отрицал.

– Я бы не был столь уверен. И, кроме того, когда занимаешься коммерцией...

Оливер поморщился. Почему отец никак не хочет забыть свое

торгашеское прошлое и двигаться дальше? Неужели это так сложно?

– Когда занимаешься коммерцией, – твердо и с нажимом повторил отец, – начинаешь чувствовать людей. Чарльз Поуп не стал бы обманывать таможенников. Это не в его натуре.

– Так в чем тогда дело: почему Поуп ничего не отрицал? – Оливер скомкал салфетку.

– Не повышай голос. – Джеймс огляделся. Несколько человек, обедавших в зале, начали бросать взгляды в их сторону.

– Мне еще раз спросить? – громче прежнего поинтересовался Оливер. И специально швырнул на тарелку нож и вилку, стараясь произвести как можно больше шума.

Джеймсу уже не нужно было озираться, он и так чувствовал, что весь обеденный зал наблюдает за этим спектаклем, который впоследствии станет в библиотеке предметом оживленных разговоров. Именно этого он как раз и хотел избежать.

– Ну хорошо. Если настаиваешь, отвечу. Я считаю, что Чарльз Поуп не хотел становиться причиной ссоры отца и сына. Он не стал оправдываться, потому что не пожелал вставать между нами.

– Но он и так уже встал между нами, папочка! Разве нет? Этот твой распрекрасный мистер Поуп уже давно вбил между нами клин! – Оливер резко отодвинул стул назад и вскочил, весь кипя гневом. – Конечно, ты принял его сторону. И как я мог хоть на секунду усомниться, что будет иначе? Хорошего дня, отец! Удачи тебе с мистером Поупом! – Он изрыгнул эти слова, словно яд. – Пусть он будет тебе поддержкой. Потому что я тебе отныне больше не сын!

В зале стояла тишина. Когда Оливер повернулся, то увидел не меньше дюжины любопытных глаз, и все были нацелены на него.

– Идите вы все к черту! – выкрикнул он и, тряхнув головой, направился к выходу из клуба.

В это самое время Чарльз сидел у себя в кабинете и смотрел на портрет приемного отца. Преподобный Бенджамин Поуп был бы доволен, говорил себе Чарльз. Наступает ключевой этап его карьеры. Предприятие получило финансирование, включая средства на предполагаемую поездку в Индию, и все складывается просто великолепно. Вот только покидать Лондон молодой человек не хотел, и открывающиеся перед ним перспективы теперь уже не казались ему такими блестящими, как прежде. И подлинной причиной, по которой ему расхотелось уезжать, была Мария Грей. Чарльз взял перо. Неужели он всерьез готов пожертвовать всем, ради

чего так долго трудился, чтобы остаться рядом с той, которая никогда не сможет стать его женой? Ну почему жизнь так устроена? Как это могло случиться? Он влюбился в девушку, которая помолвлена с другим, да и вообще занимает в обществе столь высокое положение, что совершенно для него недостижима. Эта любовь не может закончиться хорошо, впереди лишь страдания и унижения. Чарльз снова поднял глаза на пастельный портрет. Какой совет дал бы ему этот мудрый человек?

– Простите, сэр. – В открытую дверь тихонько постучал секретарь, державший в руках конверт.

– Да?

– Это для вас, сэр, – пояснил секретарь. – Только что принес посыльный. Он сказал, это срочно.

– Спасибо, – кивнул Чарльз, протягивая руку за письмом. И, взглянув на почерк, заинтересовался: – Посыльный еще здесь?

– Нет, сэр.

– Спасибо, – еще раз повторил Поуп и, дождавшись, когда секретарь уйдет, открыл конверт.

*Мой дорогой Чарльз! – Читая, он слышал ее голос. – Мне нужно немедленно с тобой увидеться. Сегодня до четырех часов я буду в книжном магазине Хэтчарда. Пожалуйста, приходи.
С любовью,*

Мария Грей

Несколько секунд Чарльз смотрел на письмо, потом выхватил из кармана часы. Сердце лихорадочно билось. Было уже пятнадцать минут четвертого. У него в запасе очень мало времени. Поуп схватил цилиндр и пальто и на глазах удивленных клерков выбежал из кабинета.

Чтобы добраться до Пикадилли, оставалось три четверти часа. Чарльз ринулся вниз по ступенькам и выбежал из здания, бросая нетерпеливые взгляды влево и вправо по Бишопсгейт в поисках наемного экипажа. Но экипажей не было. Он стоял на тротуаре, окруженный морем рабочего люда, спешившего по своим делам. Как быстрее всего попасть на Пикадилли? Если бегом, успеет ли он вовремя? Ладони вспотели, грудь тяжело вздымалась. Поуп почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы досады. Он побежал было по тротуару, но передумал и выскочил на дорогу, в отчаянии высматривая кеб.

– Эй! – заорал на него крупный мужчина, ехавший на телеге. – С

дороги!

– Господи, прошу Тебя, – молился Чарльз, мчась бегом в сторону Лиденхолл-Маркет. – Я больше никогда ничего у Тебя не попрошу. Только пошли мне сейчас кеб.

И – вот удача! – едва только свернув на Треднидл-стрит, он сразу увидел наемный экипаж.

– Сюда! Сюда! – закричал Чарльз, размахивая руками.

– Куда ехать, сэр? – спросил кучер, останавливаясь.

– Книжный магазин Хэтчарда на Пикадилли, пожалуйста, – сказал Чарльз и рухнул на обитое кожей заднее сиденье. Сердце продолжало бешено колотиться. – И пожалуйста, как можно скорее. – Он прикрыл глаза и вполголоса проговорил: – Благодарю Тебя, Господи! – Хотя, конечно, и сам понимал, что в будущем наверняка попросит Создателя о новых милостях.

Было без пяти минут четыре, когда экипаж остановился у дверей книжного магазина. Чарльз выскочил из кеба, расплатился, добавив чаевых, и ринулся в двустворчатые двери между эркерными окнами. И тут же остановился как вкопанный. Где искать Марию? Чарльз уже забыл, насколько огромен магазин, да к тому же в это время дня он был заполнен женщинами, и на всех надеты капоры, прикрывающие лицо. Он снова глянул на часы. Конечно, Мария подождет. Она ведь уверена, что он придет.

Но где же все-таки ее искать? Поуп оглядел полки с художественной литературой, пробравшись через океан широких юбок, вольготно лежащих на широких нижних юбках. Он попытаться было заглядывать под капоры, тихонько выкликая: «Мария? Мария?» Одна девушка ему улыбнулась, но остальные бросали на незнакомца настороженные взгляды и отворачивались, спеша отойти. Он взял роман Джейн Остин «Мэнсфилд-парк» и, сделав вид, что читает, стал разглядывать проходы. Где она может быть? Что ей нравится? Какой предмет может ее интересовать?

– Индия! – вдруг громко воскликнул Чарльз, и оказавшиеся около него покупатели отодвинулись подальше. – Простите! – Он подбежал к человеку, который расставлял книги на полке. – Где я могу найти литературу об Индии?

– В отделе «Путешествия и империя». – Продавец хмыкнул, удивляясь такому невежеству. – Третий этаж.

Чарльз рванул вверх по лестнице, как лошадь на короткой дистанции. Ну слава богу – вот она! Мария стояла в нише и листала книгу. Она не заметила его появления, и теперь, когда Поуп нашел Марию, он позволил

себе роскошь несколько секунд полюбоваться ею. На девушке были бежевая юбка и жакет, а также капор в тон, с отделкой в виде листьев из лимонно-зеленого шелка. Мария полностью сосредоточилась на содержании книги, и ее лицо было еще прелестнее, чем прежде.

«Вот ведь странность какая, – с удивлением подумал Чарльз, – как бы прекрасна ни была Мария в моих мечтаниях, всякий раз, когда я снова вижу ее, она оказывается еще прелестнее».

Девушка подняла глаза, словно почувствовав его взгляд.

– Чарльз! – воскликнула она, прижав книгу к груди. – Я думала, ты уже не придешь.

– Я получил твою записку только в четверть четвертого. Бежал со всех ног!

– Должно быть, останавливался по пути, злодей!

Но она улыбалась. Чарльз здесь. Все снова хорошо. Она пожала ему руку, но он не ответил. Теперь Мария вспомнила, зачем вызвала Поупа, и убрала руку. Ее лицо посерьезнело.

– Ты должен мне помочь.

Она говорила так взволнованно, что Чарльз сразу понял: его позвали отнюдь не по романтическим причинам.

– Конечно помогу!

Мария решила рассказать ему всю правду.

– Мама хочет отослать меня к кухне в Нортумберленд, чтобы я не торчала в Лондоне, пока она будет готовить мою свадьбу с Джоном Белласисом. Она уже назначила дату.

К собственной досаде, Мария расплакалась, но вытерла глаза перчаткой и потрясла головой, чтобы прогнать минутную слабость.

Не обращая внимания на голос благоразумия, Чарльз позволил себе легонько приобнять ее за плечи.

– Теперь я здесь, – просто сказал молодой человек, словно это все меняло, – собственно, именно так он и считал.

Мария, настроенная самым боевым образом, решительно взглянула на него.

– Давай убежим, – прошептала она. – Бросим всё и всех.

– Мария! – в смятении чувств проговорил он. Каждой клеточкой своего тела он хотел сказать, что любит ее с тех самых пор, как впервые увидел на балконе в тот памятный вечер на приеме у леди Брокенхёрст. Больше всего на свете Чарльз желал немедленно убежать с ней. Убежать и никогда не возвращаться обратно. Он дотронулся рукой до ее нежной щеки. – Мария, но ты прекрасно знаешь, что это невозможно.

Она отшатнулась, словно ее ударили.

– Почему?

Поуп вздохнул. За ними наблюдало несколько покупателей. У Чарльза появилось гнетущее чувство, что окружающие с удовольствием смотрят этот спектакль: еще бы, объяснение влюбленных, причем женщина готова вот-вот расплакаться.

– Потому что я не желаю погубить тебя. Пойми, если ты убежишь с торговцем из Ист-Энда, все двери Лондона захлопнутся у тебя перед носом. Разве могу я так поступить с женщиной, которую люблю?

– А ты меня любишь?

– Ну конечно. И именно поэтому я не стану орудием твоего падения, – сказал Чарльз, печально качая головой. – Даже эта встреча и то грозит тебе серьезными неприятностями. – Он огляделся по сторонам. – Кстати, как ты избавилась от камеристки?

– Сбежала от нее. У меня это уже неплохо получается. – Мария попыталась произнести это игриво, но ее голос прозвучал грустно. – Ну и что ты предлагаешь? По-твоему, лучше, чтобы я умерла старой девой? Потому что я не выйду замуж за Джона Белласиса, даже если мама запрет меня в башне и до конца моих дней заставит жить на хлебе и воде.

Поуп не удержался от улыбки, наблюдая ее воинственный настрой.

– Надо идти, – сказал он. – Мы начинаем привлекать к себе внимание.

– Кому до этого есть дело? – Вся ее печаль исчезла. Теперь Мария являла собой воплощенный бунтарский дух.

– Мне есть. – Чарльз лихорадочно размышлял. Что можно сделать, чтобы защитить Марию, но при этом не погубить ее? И вдруг он понял, кто может им помочь. – Пошли со мной, – сказал он уже более решительно. – У меня появилась идея.

– Стоящая? – спросила Мария. К ней начало возвращаться присутствие духа. Пусть Чарльз и отказался с ней бежать, но и бросать ее он тоже явно не собирался.

– Надеюсь, что да. Скоро узнаем.

И он мягко потащил ее за собой к лестнице.

Была половина пятого, когда экипаж остановился возле Брокенхёрст-Хауса на Белгрейв-сквер. Мария и Чарльз вышли, расплатились и быстро направились к дверям.

– Графиня непременно придумает, что нам делать, – заверил Марию Чарльз, когда они стояли на крыльце. – Не буду утверждать, что мы с ней хорошо знакомы, но она благоволит к нам обоим. И наверняка сможет

посоветовать что-нибудь толковое.

Мария не разделяла его убежденности:

– Все может быть, но Джон – племянник ее мужа, а в наших кругах кровь всегда одерживает верх над дружескими чувствами.

В этот момент дверь открыл лакей в парадной ливрее. Едва войдя внутрь, оба сразу почувствовали, что в доме бурлит жизнь, служанки готовы принять дамские плащи, а лакеи выстроились у лестницы.

– Что происходит? – спросил Чарльз.

– Ее светлость устраивает званое чаепитие, сэр. Вы разве не приглашены? – нахмурился лакей. Он впустил их, полагая, что они в числе гостей.

– Я уверен, что леди Брокенхёрст будет рада нас видеть, – невозмутимо заверил его Чарльз.

Лакей принял сказанное к сведению, но занервничал. А что, если эти двое не были приглашены намеренно? Он попытался прикинуть, какая промашка – отказать желанным гостям или впустить нежеланных – навлечет на него больше бед. И в конце концов решил, что поскольку уже видел обоих в доме хозяйки, то, пожалуй, будет лучше отправить их наверх. Он кивнул человеку, стоявшему у подножия лестницы:

– Проводи мистера Поупа и леди Марию Грей в гостиную.

Они начали подниматься по ступеням.

– Поразительно, что этот человек помнит наши имена, – сказал Чарльз.

– Это его работа, – ответила Мария. – Но ты уверен, что мы правильно поступаем?

Когда они подошли к главным гостиным Брокенхёрст-Хауса (ибо тех было две; помещения соединялись двустворчатыми дверями), им сперва показалось, что обе комнаты заполнены одними лишь женщинами. Хотя нет, кое-где все же можно было увидеть нескольких мужчин в черных визитках, составляющих резкий контраст с окружающим их разноцветным морем, на котором, словно лилии на поверхности озера, покачивались широкие юбки дамских одеяний. Между гостями расхаживали слуги с блюдами сэндвичей и пирожков и доливали в чашки чай из чайников. Одна-две дамы с любопытством подняли глаза.

– Где же нам ее искать? – растерянно спросила Мария, но в ответ позади них немедленно раздался голос графини:

– Я здесь.

Они обернулись и увидели хозяйку дома, улыбающуюся и, может быть, слегка удивленную.

– Просим прощения, что вторглись на ваш прием без приглашения,

леди Брокенхёрст... – начал Чарльз, но договорить не успел.

– Ерунда. Я очень рада вас видеть. – Графиня позволила себе несколько секунд полюбоваться ими. – Я бы пригласила вас обоих, если бы знала, что вам это будет хоть немного интересно.

Графиня была одета в платье из светло-розового дамаста, отделанное кружевом, с небольшим воротничком – наряд несколько чопорный, но все же довольно симпатичный. Одна лишь Мария знала, что вплоть до недавнего времени леди Брокенхёрст ни за что не стала бы одеваться в такие цвета.

– Нам нужен ваш совет, – сказал Чарльз.

– Я польщена.

– Но может оказаться, что вам не захочется давать совет подобного рода. – Мария явно была настроена менее оптимистично, чем ее спутник. – Может быть, вам захочется поддержать другую сторону.

– Значит, предстоит принимать чью-то сторону? – Каролина Брокенхёрст иронично выгнула правую бровь. – Как интересно! Пройдемте ко мне в будуар, моя дорогая. Надо всего лишь пересечь лестничную площадку.

Мария несколько опешила:

– А не страшно, что мы оставим ваших гостей?

– Думаю, нет.

Леди Брокенхёрст давно знала, что именно готовится, и некоторое время напряженно ждала развития событий. Так что решение у нее уже было готово.

– А Чарльз?

– Мистер Поуп может остаться здесь. Мы покинем его ненадолго. Надеюсь, он не будет возражать?

– Нет, ни в коем случае не буду, – заверил ее Чарльз. Его обрадовало, что хозяйка дома с такой готовностью согласилась разделить с ними их беды.

Женщины направились к двери, но не к той, через которую вошли Чарльз и Мария, а к другой. Внезапно леди Брокенхёрст остановилась и сказала:

– Должна вас предупредить, мистер Поуп. Я жду в гости леди Темплмор.

Мария встретила глазами с Чарльзом. Новость была не из приятных.

– Считайте, что предупредили, – кивнул молодой человек.

Леди Темплмор тем временем стояла в дверях на противоположном конце гостиной. Внизу ей сообщили, что ее дочь уже прибыла в

сопровождении мистера Поупа, и эту новость Коринна восприняла в гробовом молчании. Нечто подобное она ожидала, когда Райан доложила ей, что Мария улизнула. Но обнаружить, что они здесь, и вдвоем, – это было настоящее потрясение. Это должно было означать, что молодые люди считают леди Брокенхёрст своим другом. Но как такое возможно? Коринна Темплмор и помыслить не могла, что ее давняя союзница способна на подобное коварство. Вернее, не могла помыслить вплоть до этого момента, когда буквально у нее на глазах улыбающаяся Каролина увела куда-то из гостиной Марию, а мистер Поуп, предоставленный самому себе, остался скучать в окружении престарелых красавиц. Несколько дам кивнули Коринне, но она ни к кому не подошла. Мать Марии заметила среди приглашенных благородного вида женщину лет под шестьдесят, сидевшую напротив нее на обитом дамастом бержере. Платье из синего шелка с золотым позументом, гарнитур из жемчуга: тяжелое кольцо и серьги. Волосы у дамы были завиты и подколоты сзади, а на коленях лежал веер из перьев.

Женщина обратила внимание на то, что Коринна не сводит глаз с молодого человека в противоположном конце гостиной, и ей стало любопытно. Что это – любовная связь? Вряд ли, очень уж у них большая разница в возрасте. Однако тут наверняка имела место некая интрига, и дама в жемчугах была заинтригована.

– Леди Темплмор! – сказала она. – Очень рада вас видеть!

Приветствие заставило Коринну выйти из оцепенения.

– Герцогиня, добрый день, – ответила она. – Вы, должно быть, довольны успехом моды, которую ввели? Похоже, традиция послеобеденного чая всех нас переживет.

Герцогиня Бедфорд восприняла комплимент с подобающей скромностью.

– Вы очень добры, но не в наших силах предугадать, что останется жить, а что нет, – заметила она, посмотрев вслед за леди Темплмор на сидевшего в дальнем конце гостиной очаровательного молодого человека.

Коринна холодно улыбнулась:

– Может быть. Но зато порой мы знаем, кого определенно не следует впускать в свою жизнь. – Она произнесла это таким тоном, что герцогиня сразу поняла: что бы ни связывало ее собеседницу со смуглым незнакомцем, это точно была не тайная страсть. – Прошу меня простить.

С этими словами она двинулась вперед, лавируя в толпе и ловко подбирая юбки, и не смотрела по сторонам, пока не очутилась лицом к лицу с Чарльзом Поупом.

Тот разговаривал с какой-то дамой и поначалу не заметил Коринну.

– Мистер Поуп! – сказала она.

Чарльз обернулся:

– Леди Темплмор! Добрый день.

Он мысленно возблагодарил леди Брокенхёрст за предупреждение, иначе появление этой женщины могло стать для него потрясением.

– Мне следовало сразу понять, что вы в этом замешаны, – с каменным лицом произнесла леди Темплмор.

– В чем я замешан?

– Не лгите мне.

Чарльз почувствовал, как по всему его телу разливается странное спокойствие. Он знал, что настанет день, когда придется вступить в бой с матерью Марии. И даже когда он говорил себе, что Мария для него недостижима, и пытался свыкнуться с этой мыслью, в глубине души все равно оставалось предчувствие того, что этот бой неизбежен.

– Я не лжец, – как можно более вежливо произнес Поуп. – Если хотите, могу все вам рассказать. Я случайно встретил вашу дочь в книжном магазине Хэтчарда. Она была расстроена, и поэтому я привел ее сюда. Сейчас она с леди Брокенхёрст.

– Я знаю, что вы тайно встречаетесь. Не думайте, что это мне неизвестно. Я все про вас знаю.

Коринна старалась говорить тихо, но тем не менее какая-то женщина, сидевшая рядом с ними, встала и пересела, поняв, что это не обычные светские сплетни и что любому, кто случайно услышал беседу, следует отойти подальше и дать этим двоим спокойно выяснить отношения.

Конечно, Коринна знала о Поупе далеко не все, хотя и довольно много. После первой встречи служанка Райан рассказала госпоже достаточно, чтобы та навела справки. Не потребовалось много времени, чтобы узнать: Чарльз Поуп – сын сельского викария, начинающий коммерсант. То, что этот молодой выскочка возомнил, будто может ухаживать за ее дочерью, задевало леди Темплмор до глубины души.

Чарльз, не желая привлекать к ним обоим любопытные взгляды, тоже говорил тихо и лишь надеялся, что его слова звучат твердо. Он не собирался терпеть грубости от этой женщины, пусть даже она и была матерью Марии.

– Мы встречались несколько раз, это правда, но отнюдь не тайком, – сказал он.

Чарльз и сам понимал, что это лишь слова. Так, например, встреча в Кенсингтонских садах происходила хотя и в публичном месте, но тем не менее тайно. Достаточно вспомнить, как он при появлении леди Темплмор

метнулся в кусты, словно беглый каторжник. Но Чарльз оправдывал себя тем, что не имеет права раскрывать их тайну. Это должна, когда придет время, сделать сама Мария. Вдруг она передумает и решит все-таки выйти за Джона Белласиса? Хотя, откровенно говоря, он уже больше так не считал. Если девушка была готова бежать с возлюбленным, то, наверное, ей достанет сил и на разговор с матерью.

Коринну можно было понять. Хотя ее собственные родители были и не слишком богаты, она происходила из благородной семьи и в юности была так хороша собой, что вполне могла рассчитывать на блестящую партию. Однако в шестнадцать лет девушку выдали замуж за человека, вечным состоянием которого с той минуты, как новобрачные вышли из церкви, был гнев. В результате она почти тридцать лет провела в промозглом доме на краю света, выслушивая от мужа постоянные оскорбления. Он даже умер от гнева. На охоте его лошадь заартачилась перед прыжком, и всадник с такой яростью хлестнул ее, что животное встало на дыбы и сбросило его. Он разможил себе череп о камень, и так закончилась жизнь пятого графа Темплмора. Пережив бурю собственного несчастливого брака, мать Марии видела в Джоне Белласисе тихую гавань и утешение, которое она, безусловно, заслужила, и предвкушала скорое счастье для себя и для дочери. И ведь дело было уже на мази, но тут вдруг откуда ни возьмись появился этот чужак и нарушил все планы.

Но с ее стороны было ошибкой пойти на конфликт с Чарльзом. Будь Коринна более выдержанной, попытайся женщина поговорить с Поупом по душам, воззвать к его чести, она могла бы рассчитывать избавиться от него. Однако, ринувшись в лобовую атаку, леди Темплмор была обречена добиться прямо противоположного эффекта. Разглядывая злое, раскрасневшееся лицо стоявшей перед ним женщины, Поуп вдруг с горькой иронией почувствовал, что леди Темплмор заставила его переменить решение. В книжном магазине он отказал Марии в ее просьбе, поскольку считал своим долгом убедить девушку оставить его, но эта своенравная, высокомерная дама изменила его точку зрения. И если бы в этот момент вернулась Мария и снова предложила Чарльзу бежать, он бы, пожалуй, согласился.

Как бы то ни было, Коринна Темплмор явилась сюда не для того, чтобы перебрасываться словами с этим наглым выскочкой. Она испытывала по отношению к нему такой гнев, что боялась, не сдержавшись, дать волю языку и устроить прямо здесь и сейчас сцену, рассказ о которой к вечеру облетит всю Белгравию. В попытке взять себя в руки мать Марии некоторое время молча разглаживала сиреневый шелк платья. Когда ей

показалось, что она может собой управлять, она снова посмотрела Чарльзу в лицо и сказала:

– Мистер Поуп! Мне очень жаль, что я сейчас была так груба.

– Прошу вас, забудьте об этом! – Юноша примирительно поднял руку.

– Вы меня не так поняли. Я сожалею лишь о своем тоне, но не более того. Вынуждена заметить, если вы хотя бы допускаете мысль о том, что между вами и моей дочерью может возникнуть какая бы то ни было связь, то совершаете этим либо преступление, либо непростительную глупость. Вам самому виднее, что именно.

Она ждала ответа.

Чарльз смотрел ей прямо в глаза.

– Мария и я... – начал он.

– Леди Мария, – поправила мать и замолчала в ожидании продолжения.

Поуп перевел дух и предпринял новую попытку:

– Леди Мария и я...

Но она снова его перебила:

– Мистер Поуп, не может быть никакого «леди Мария и я». Это абсурдное представление. Вы должны понять: моя дочь – драгоценный камень, и она стоит настолько выше вас, что недостижима, как звезды. Не только ради нее, но и ради себя самого забудьте Марию. Оставьте ее в покое, если у вас есть хоть малая толика чести.

Произнеся это, леди Темплмор вернулась на место рядом с герцогиней, взяла у проходившего мимо слуги тарелку и чашку и принялась болтать со своей соседкой, не удостоивая ни единым взглядом человека, чью жизнь она только что попыталась втоптать в грязь.

Едва лишь они оказались в будуаре, Каролина закрыла дверь и предложила девушке сесть.

– Полагаю, речь пойдет о племяннике моего мужа?

– Отчасти, – кивнула Мария. – Что бы ни говорила мама, я не выйду за него замуж.

– Вы достаточно ясно дали это понять, когда мы слышали, что об объявлении вашей помолвки напечатано в газетах.

– С тех пор все стало еще хуже.

Пока они говорили, Мария позволила себе окинуть взглядом уютную комнату с изящной мебелью и мерцающим за каминной решеткой огнем. За позолоченную раму зеркала было воткнуто несколько приглашений. На рабочем столике лежала незаконченная вышивка, растянутая на круглых

пальцах. Книги, цветы, письма – все это органично сочеталось и соединялось воедино, создавая атмосферу очаровательного и успокаивающего беспорядка. «Как легка и безмятежна, должно быть, жизнь леди Брокенхёрст», – с завистью подумала Мария. И тут же одернула себя, вспомнив, что хозяйка дома потеряла единственного сына.

Каролина некоторое время внимательно на нее смотрела и наконец заметила:

– Вы заставляете меня терять терпение.

– Да-да, простите! – Мария кашлянула. Пора было приступить к рассказу. – Мама приказывает мне уехать из Лондона и пожить со своей кузиной миссис Мередит в Нортумберленде.

– А вам там будет неприятно?

– Не в том дело. Я люблю кузину. Но мама хочет, пока меня не будет, заняться приготовлениями к свадьбе, так чтобы я вернулась домой и несколько дней спустя обвенчалась с Джоном.

Каролина задумалась. Значит, она была права. Ситуация достигла кризиса. Момент, который графиня так долго себе представляла, был близок. Но она давно уже решила, что должна сделать. Каролина почувствовала легкий укол совести, поскольку собиралась нарушить данное Анне Тренчард обещание, но что делать, если иного выхода просто нет? Анна простит ее, когда узнает, как все случилось.

– Мария, – начала леди Брокенхёрст, – я должна вам кое-что сказать, но я бы хотела, чтобы мы сохранили это в тайне от Чарльза Поупа. Не навсегда, а лишь на некоторое время. Рано или поздно он узнает всю правду, обещаю.

– А почему вы не можете сказать ему прямо сейчас?

– Потому что тайна напрямую касается его самого, и, естественно, для него это откровение окажется более болезненным, чем для вас. И еще, я должна объяснить все лорду Брокенхёрсту, а его сейчас нет дома. Вы будете присутствовать, когда я расскажу все Чарльзу, но вы не должны ничего сообщать ему раньше меня. Мне придется взять с вас слово.

За всю свою жизнь Мария еще не слышала ничего более загадочного.

– Ну хорошо... – осторожно произнесла она, прибавив: – Только если потом он все узнает.

– Я собираюсь сообщить вам это известие сейчас, потому что, как вы сами убедитесь, оно повлияет на ваше положение. И многое изменит – не так, как хотелось бы вашей матери, но для вас определенно многое переменится, и, возможно, ее тоже удастся переубедить.

Только что леди Брокенхёрст недвусмысленно дала понять, чью

сторону поддерживает.

– Хорошо, если так. Но что же мне делать сейчас?

– Пока вы останетесь со мной, здесь, в этом доме.

В непоколебимой уверенности, стоявшей за каждым словом леди Брокенхёрст, было что-то пугающее. Графиня ни на секунду не сомневалась в том, что ей удастся добиться для влюбленной пары благоприятного исхода.

Мария тряхнула головой, словно для того, чтобы очиститься от сверкающих мечтаний, которые проникали ей в ум и сердце.

– Мама ни за что не согласится выдать меня за Чарльза. Я была бы счастлива, но она не уступит. Если мы хотим быть вместе, нам с ней придется расстаться и жить собственной жизнью, отдельно от мамы.

– А что думает сам Чарльз?

– Он никогда не пойдет на это. – Мария встала, подошла к окну и посмотрела на стоявшие внизу на площади кареты гостей. – Он говорит, что не станет причиной скандала, который может мне навредить.

– Иного я от него и не ожидала. Он благородный юноша.

Мария вернулась обратно:

– Может быть. Но вы же видите: мое положение безнадежно.

Леди Брокенхёрст улыбнулась. Она явно не была согласна с подобным заключением.

– Сядьте, моя дорогая, и слушайте. – И только когда Мария устроилась на обитом атласом диванчике рядом с креслом Каролины, та продолжила: – Думаю, вы знаете, что у нас с лордом Брокенхёрстом был сын Эдмунд, который погиб при Ватерлоо.

– Я это знаю и очень сожалею.

До чего же странно, подумала Каролина. Она снова может говорить об Эдмунде как о персонаже светлой и жизнеутверждающей истории, не отделяя себя от сына пеленой слез. Теперь Чарльз и эта молодая женщина станут центром ее жизни.

– Так вот, перед смертью...

10. Прошлое возвращается

Джон Белласис сидел в большом кожаном кресле в библиотеке «Клуба армии и флота» на Сент-Джеймс-сквер, попивал кофе и читал «Панч», новый журнал, о котором он был наслышан, но который прежде еще ни разу не видел. Джон был одет в модные кремовые брюки, голубой жилет «Валенсия», белую сорочку и черный сюртук – он явно хорошенько принарядился. Сегодня приезжал его друг Хьюго Вентуорт, и Белласис не хотел показаться неудачником.

Клуб для офицеров всех родов войск открылся всего четыре года назад, в 1837 году – в год восшествия на престол юной королевы Виктории. И Вентуорт, служивший в Пятьдесят втором полку легкой пехоты, был его полноправным членом, однако Джон не завидовал приятелю. Белласис бывал здесь несколько раз и всегда находил разговоры с военными пресноватыми, а еду... Еда оставляла желать лучшего. Неспроста капитан Хиггинсон Дафф окрестил это заведение «Лохмотья». История гласила, что, вернувшись из клуба, он отозвался о поданном ему неаппетитном ужине как о «пайке в „Лохмотьях и голоде“». «Лохмотья и голод» был убогим игорным домом, где отметился и отец Джона. Заведение было печально знаменито своими грязными залами и отвратительными обедами, так что замечание капитана явно задумывалось как оскорбление. Но члены клуба не обиделись, а восприняли все с юмором, и с тех пор клуб получил прозвище «Лохмотья».

– Белласис! – раздался рокошующий бас Хьюго Вентуорта, который стоял в дверях и показывал пальцем на Джона. – Вот ты где! – Он прошел через весь зал, невообразимо великолепный в своем мундире, и турецкий ковер смягчал топот его тяжелых башмаков. – Выглядишь франтом, – сказал он. – Ты умеешь себя подать.

– Ерунда, – покачал головой Джон. – Все мы знаем, что никакой гражданский костюм не составит конкуренцию военной форме.

Хьюго кашлянул:

– Сейчас, наверное, еще рано для бокала мадеры?

– Для бокала мадеры никогда не рано, – ответил Джон.

Но эта светская беседа уже начала его утомлять. Ему не терпелось перейти к делу, которое привело его сюда.

– Отлично, отлично! – Хьюго огляделся и подозвал клубного официанта. – Мадеры, пожалуйста, – сказал он, когда тот подошел. – Нам

обоим.

– Что у тебя нового? – спросил Джон.

Видимо, прежде чем Вентуорт начнет свой рассказ, придется все же вытерпеть некоторое количество пустой болтовни.

– Мне только что сообщили, что я отправляюсь на Барбадос, – посерьезнев, ответил Хьюго. – Откровенно говоря, мне это совсем не улыбается. Не выношу жару, а там такой климат...

– Еще бы. Представляю себе.

– Ну да ладно, будь что будет. Кстати, видел в «Таймс» объявление о твоей помолвке. Мои поздравления! Она очаровательная девушка!

– Мне очень повезло, – покривил душой Джон.

– Когда свадьба?

– Думаю, скоро.

Его тон недвусмысленно давал понять Вентуорту, что пора уже сдвинуться с мертвой точки, и капитан наконец это сделал.

– Вот, – сказал он, достав пакет и вытащив из него несколько бумаг. – Я тут немного порылся кое-где, как ты и просил.

– И?.. – Джон выпрямился.

Именно за этим он сюда и пришел. Он был сам не свой с тех пор, как изучил копии документов, которые принесла ему Эллис. Правда, служанка не смогла раздобыть оригиналы, однако было ясно, что подобной информацией пренебрегать нельзя. В первом письме София писала своей камеристке, что носит под сердцем ребенка, которого сразу после рождения должны отдать на воспитание в семью неких Поупов. Это известие Джон воспринял легко. Он давно уже понял, что Чарльз Поуп состоял в кровном родстве с одним или несколькими основными игроками этой партии. Но раньше Джон предполагал, что Поуп – сын Джеймса Тренчарда. Теперь оказалось, что он его внук, сын покойной дочери. Все становилось понятно: Тренчард стремился сохранить тайну, чтобы защитить доброе имя дочери, и Джон понимал почему. Письма также позволили ему найти недостающий фрагмент головоломки. Отцом ребенка Софии Тренчард был Эдмунд Белласис, кузен самого Джона. Теперь все встало на свои места: покровительство, оказываемое Тренчардом Чарльзу Поупу; нескрываемая нежность к нему со стороны леди Брокенхёрст. Одним словом, может, Джон слегка и удивился, но это вовсе не стало для него сенсацией.

Но потом Белласис прочитал остальные бумаги. Сверху лежал документ, подтверждающий венчание в Брюсселе. Именно тогда он и пообещал заплатить Эллис неслыханную сумму в тысячу фунтов, если та добудет оригиналы. Служанка умчалась, а Джон призадумался. Если брак

действительно был зарегистрирован, если София и Эдмунд были мужем и женой, то зачем было скрывать ребенка и отдавать его Поупам? Почему мальчика не воспитывали бабушка с дедушкой в роскоши Лимингтон-Парка? Почему Чарльз не был официально признан виконтом Белласисом, наследником своего деда, предшествующим в линии наследования и Стивену, и самому Джону? В пачке оставались еще письма, в них-то и обнаружился ответ. София Тренчард писала камеристке, какой она испытала ужас и стыд, узнав, что над ней «подшутили». Значит, вот в чем дело? Настоящего венчания не было? Брачное свидетельство – фальшивка, а Эдмунд Белласис обманом убедил девушку, что оно настоящее? Видимо, так все и произошло. Никакого иного объяснения, учитывающего все обстоятельства, Джон придумать не мог. Тогда кто же такой этот Ричард Бувери, который подписал поддельное свидетельство и составил письмо, объясняющее, почему церемония была проведена в Брюсселе? Скорее всего, какой-нибудь офицер, приятель Эдмунда, его сослуживец. Иначе почему он тоже там оказался? Одно было ясно: София считала, что коварный Бувери сыграл роль священника, чтобы помочь Эдмунду затащить ее в постель.

Но прежде, чем ликовать, – и прежде, чем решать, что делать дальше, – Джон решил удостовериться, что пресловутый Бувери и впрямь самозванец. Если это подтвердится, то тогда Джон знает, что ему делать. Когда Эллис в тот день так больше и не появилась, Белласис понял, что не сможет, как надеялся, обезопасить себя, швырнув оригиналы в пламя, мерцающее в камине его скромной гостиной. Прихватив бутылку бренди, Джон упал на диван и стал размышлять. Уже за полночь он вспомнил про своего приятеля, капитана Хьюго Вентуорта, который не просто служил в Пятьдесят втором полку легкой пехоты, но и очень интересовался его историей. А ведь Эдмунд Белласис на момент своей гибели был приписан к этому же воинскому подразделению, так что Вентуорт наверняка сможет поднять документы в полковом архиве и выяснить, служил ли там Бувери. И тогда Джон написал Хьюго, предоставив ему ту информацию, которую был готов доверить бумаге, попросив его оказать старому другу скромную услугу и «немного порыться в документах».

И теперь бумаги лежали перед Джоном.

– Вот. – Хьюго похлопал себя по груди. – Я принес то письмо, где ты спрашиваешь про Ричарда Бувери... Такой человек и впрямь существовал. Ричард Бувери, младший сын лорда Тидуорта, на самом деле был капитаном Пятьдесят второго полка, как и твой кузен лорд Белласис. Они вместе погибли при Ватерлоо.

При этих словах Джон почувствовал прилив облегчения. Эдмунд повел себя как подлец, да и его приятель-офицер, помогавший соблазнить Софию, ничуть не лучше. В результате на свет появился Чарльз Поуп, и, поскольку тот был незаконнорожденным, он, Джон, по-прежнему может претендовать на наследство.

– Может, опрокинем еще по бокальчику? Или это будет многовато? – улыбнулся он Вентуорту.

– Я бы не возражал! Но подожди, я не закончил, есть кое-что еще.

Хьюго развернул лист бумаги, исписанный своим мелким почерком.

Джону показалось, будто бы чья-то ледяная рука прикоснулась к его спине.

– Что такое?

Хьюго откашлялся и стал читать, разбирая свои записи:

– После подписания с Наполеоном в тысяча восемьсот втором году Амьенского мирного договора капитан Бувери вышел в отставку и принял духовный сан.

– Но ты же сказал, что он сражался при Ватерлоо, – непонимающе уставился на приятеля Джон.

– Вот какая получается вещь. – Хьюго разгладил бумагу. Было видно, что Вентуорт выяснил нечто исключительное и наслаждается этим.

– Продолжай, – проговорил Джон замогильным голосом.

– Судя по всему, он принял решение вернуться в Пятьдесят второй полк сразу после того, как в феврале пятнадцатого года Наполеон бежал с острова Эльба.

– Но разве это разрешено? Священнослужителю?!

– Все, что я могу сказать, – да, в этом случае было разрешено. Может быть, отец его потянул за нужные рычаги. Кто знает? Ричард Бувери был снова принят в полк. Так сказать, образчик Церкви воинствующей^[32]. – Хьюго хохотнул, довольный собственной шуткой. – Думаю, он был храбрым малым. Когда старина Бони снова вошел в Париж, без единого выстрела, то наверняка понимал, что антифранцузская коалиция не потерпит его возвращения и что грядет крупная битва. Очевидно, Бувери счел своим долгом сражаться за родную страну.

У Джона лихорадочно билось сердце. Некоторое время он молчал, чтобы восстановить дыхание. А затем поинтересовался:

– Но обладал ли Бувери полномочиями совершать венчание, когда снова стал офицером?

– Конечно. Он же был священником до начала сражения и погиб священником.

– Значит, если накануне битвы он обвенчал в Брюсселе какую-то пару, то брак будет считаться законным?

– Да, об этом можно не беспокоиться. Кого бы Бувери тогда ни обвенчал, эти двое определенно являются мужем и женой. Так что, надеюсь, я развеял все твои тревоги на этот счет.

Он ждал, что Джон что-нибудь скажет, но Белласис молчал и лишь в ошолоблении смотрел на друга.

– Как я тебе и говорил, новости хорошие. – Хьюго помахал слуге, указав на пустые бокалы, и вскоре тот вернулся с графином. – Знаю, ты будешь меня благодарить, но, право, не стоит. Мне и самому было крайне интересно. Я даже подумываю, не написать ли что-нибудь о том времени. Вот только не знаю, хватит ли мне усидчивости.

Но Джон и сейчас ничего не сказал. Удивленный упорным молчанием приятеля, Хьюго предпринял еще одну попытку:

– А я знаю участников венчания, которое так тебя взволновало? За твоей просьбой, видимо, стояла какая-то история?

– Нет-нет, – очнулся Джон. – Просто один мой родственник... В общем, его мать умерла при родах, а отец погиб в сражении. Их сын беспокоится о своем статусе, ты же понимаешь. – Джон картинно закатил глаза, и его собеседник рассмеялся.

– Ну, в таком случае можешь передать своему родственнику, что ему не о чем тревожиться. Он такой же законнорожденный, как и сама королева Виктория, и обладает всеми правами.

Каролина мыла кисти в своей личной гостиной в Брокенхёрст-Хаусе. Перед ней стояли мольберт и деревянная палитра, покрытая завитками разложенных по кругу красок; тут были самые разнообразные цвета и оттенки: темные и светлые, коричневые, синие, зеленые, желтые, красные. Рядом на подносе валялся целый ворох тряпок, шпателей и кистей всевозможной ширины, толщины и формы.

– Не двигайтесь, – выглядывая из-за холста, велела она Марии, сидевшей на бледно-розовой тахте. – Боюсь, я долго не рисовала красками, так что уже забыла, как это делается.

Каролине нравилось, что Мария живет у нее в доме. Поначалу она предложила девушке убежище с целью защитить ее ради своего внука, но со временем графиня обнаружила, что ей приятно общество Марии само по себе. Леди Брокенхёрст ловко сделала еще один мазок: на холсте потихоньку начинало проступать миловидное бледное личико. Раньше Каролина даже не понимала, насколько ей было одиноко. Она была одинока

с тех пор, как погиб Эдмунд, но, как и все люди ее круга, никогда бы в этом не призналась. Однако сейчас, когда Каролина сидела в гостиной с Марией, ей показалось, что бремя последних двадцати пяти лет вдруг стало чуть легче, словно бы мир снова начинал оживать.

Правда, в изначальный план леди Брокенхёрст пришлось внести коррективы. Когда Мария пришла молить о помощи, графиня намеревалась отвезти девушку в Лимингтон, пригласить с собой Чарльза, а там бы она рассказала правду сразу и мужу, и внуку. Но на следующий день после чаепития Каролина получила письмо от Перегринна, который пока оставался в имении. Муж писал, что отправляется на охоту в Йоркшир и собирается вернуться через Лондон. Поэтому они с Марией задержались на Белгрейв-сквер, ожидая прибытия лорда Брокенхёрста домой.

– Есть новости от вашей мамы? – спросила Каролина.

– Никаких, – покачала головой ее гостья. – Думаю, приедет на днях с Реджи или с кем-нибудь еще, чтобы забрать меня отсюда.

– Тогда мы схватим вас за другую руку и не отдадим. Как думаете, а в какую сторону будет тянуть вас Реджи?

Мария улыбнулась. Она считала, что может рассчитывать на брата, если дело дойдет до драки.

У дверей послышался какой-то звук, и леди Брокенхёрст подняла глаза:

– Что такое, Дженкинс?

– Ваша светлость, леди Темплмор в холле.

Дворецкий был достаточно осведомлен и знал, что поступил правильно, не проводив графиню прямо в гостиную.

Каролина посмотрела на Марию:

– Легка на помине.

– Действительно, – ответила девушка. – Но ведь рано или поздно все равно придется встречаться с мамой, так почему бы не сейчас? – Она встала и расправила юбки.

Хозяйка дома, поразмыслив, кивнула:

– Пожалуйста, проводите леди Темплмор в гостиную.

Дворецкий слегка поклонился и ушел.

– Вам, наверное, лучше остаться здесь, моя дорогая. – Каролина встала, сняла испачканный красками фартук и взглянула на себя в зеркало, висевшее над камином.

– Нет, – сказала Мария. – Это моя битва, а не ваша. Я встречу с мамой.

– Ну, по крайней мере, одна вы туда не пойдете, – заявила Каролина, и

две женщины вместе двинулись по коридору навстречу неприятелю.

«Мы словно идем в зал суда», – подумала Мария, глядя на соединявшие балюстраду лестницы с лепным потолком зеленые мраморные колонны, которые придавали их шествию официальность.

Когда Каролина вошла в комнату, леди Темплмор уже сидела в обитом дамастом бержере времен Людовика XV. Она была полна достоинства, но при этом выглядела до того одинокой, что Каролина почувствовала укол совести.

– Могу ли я вам что-нибудь предложить? – как можно любезнее спросила она.

– Мою дочь, – без тени улыбки ответила леди Темплмор.

В этот момент вошла Мария. Она остановилась в коридоре у зеркала поправить волосы, прежде чем предстать перед суровым взглядом матери.

– Я здесь, мама.

– Я пришла забрать тебя домой.

– Нет, мама, – категоричным тоном, как она умела, произнесла Мария.

Столь неожиданное заявление оказалось для леди Темплмор настоящим шоком. Она даже не сомневалась, что сможет по первому же требованию получить своего ребенка обратно. На некоторое время в гостиной воцарилась тишина.

Первой нарушила молчание леди Темплмор:

– Моя дорогая...

– Нет, мама. Я не вернусь домой. По крайней мере, пока не вернусь.

Коринна Темплмор из последних сил пыталась сохранить душевное равновесие.

– Но если люди об этом узнают – а не узнать они не могут, – то что про нас подумают?

Мария держалась очень спокойно. Мнение о ней леди Брокенхёрст становилось с каждой минутой все выше.

– Подумают, что я гощу у тети своего жениха, и сочтут это совершенно нормальным. Правда, вскоре мы объявим, что свадьба не состоится. И что вместо этого я выхожу замуж за некоего мистера Чарльза Поупа. Все найдут это весьма интересным и, без сомнения, примутся горячо обсуждать. «Да кто он такой, этот мистер Поуп, и откуда он взялся?» – станут говорить люди, и эта новость займет общество до тех пор, пока не появится новая. Получив известие о чем-нибудь тайном побеге или о том, что какой-то крупный коммерсант из Сити разорился, окружающие переключатся на свежую сплетню, а мы постепенно отойдем на задний план и будем жить своей жизнью.

Мария сидела на диване и, закончив говорить, решительно сжала ладони и опустила руки на колени.

Леди Темплмор недоверчиво смотрела на свою девочку или, вернее, на злого оборотня, который украл ее настоящую дочь и теперь занял ее место. Но Коринна ничего не ответила Марии. Вместо этого повернулась к леди Брокенхёрст и сказала:

– Вот чего вы добились. Вы испортили моего ребенка. Зачем вы это делаете? Ревнуете, да? Вам завидно, что мои дети живы, а ваш сын мертв? Так?

Коринна произнесла это спокойным и даже вежливым тоном, отчего все прозвучало даже более пугающе, чем если бы она кричала и рвала на себе волосы.

Леди Брокенхёрст потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться. Наконец она смогла заговорить.

– Коринна... – начала она, но леди Темплмор, вытянув руку, заставила ее замолчать:

– Прошу обращаться ко мне, как положено. Мое имя – только для моих друзей.

– Мама, – сказала Мария, – нам нельзя ссориться, словно мы бандиты, которые дерутся на улице.

– Я бы предпочла, чтобы на меня напал бандит, чем собственная дочь.

Девушка встала. Ей нужно было воспользоваться этим моментом, чтобы изменить направление разговора. Иначе они все окажутся в тупике.

– Мама, прошу тебя, – как можно рассудительнее сказала она. – Я не вернусь домой, пока ты не свыкнешься с мыслью, что твои планы выдать меня за Джона Белласиса не осуществятся. Когда ты будешь в состоянии осознать этот факт, я уверена, мы быстро сможем восстановить былые отношения.

– Чтобы ты смогла выйти замуж за мистера Поупа? – язвительно поинтересовалась Коринна.

– Да, мама, – вздохнула Мария. – Однако тут все, пожалуй, не так плохо, как ты думаешь.

Она покосилась на Каролину в надежде, что хозяйка дома перехватит инициативу. Сама Мария не знала, насколько много (или мало) можно рассказать матери.

Леди Брокенхёрст кивнула:

– Мария права. Мистер Поуп не столь скромного происхождения, как могло бы показаться.

– Вот как? – бросила на нее взгляд леди Темплмор.

– Судя по всему, его отец был сыном графа.

Наступила тишина. Коринна переваривала неожиданную новость. Подумав, она уточнила:

– То есть его отец был незаконнорожденным? Или сам мистер Поуп – бастард? Поскольку никакого третьего объяснения вашему заявлению быть не может.

Леди Брокенхёрст сделала глубокий вдох. Разыгрывать все свои карты она еще не была готова.

– Могу напомнить вам, что пятнадцать лет назад незаконнорожденный сын герцога Норфолка женился на дочери графа Олбермарля и сегодня их везде принимают.

– И вы считаете, что если это сошло с рук Стивенсонам, то сойдет и Чарльзу Поупу? – скептически осведомилась леди Темплмор.

– Почему бы и нет? – Голос Каролины был таким мягким и вкрадчивым, каким Мария его никогда не слышала. Графиня буквально умоляла, и девушка знала, в чем причина.

Но Коринна Темплмор упорно стояла на своем:

– Почему нет? Для начала потому, что герцог воспитал Генри Стивенсона как своего сына и признал его с момента рождения. И во-вторых, я не уверена, что леди Мэри Кеппель разорвала помолвку с графом, чтобы выйти за него замуж. Ваше вмешательство лишило мою дочь положения в обществе, которое позволило бы ей преуспеть. Что, небось довольны тем, что разрушили ее будущее?

– Думаю, что я смогу преуспеть и в том случае, если буду замужем за Чарльзом! – Неуступчивость матери начинала раздражать Марию.

Услышав это, графиня Темплмор наконец встала. Каролина была вынуждена признать, что в манере этой женщины держаться было что-то завораживающее. Элегантно одетая, с прямой как палка спиной, она была неумолимо суровой и от этого еще более величественной.

– Тогда, моя дорогая, тебе придется справляться с этой задачей без помощи матери, ибо я больше не желаю о тебе слышать. Приехав домой, я первым делом отправлю сюда Райан с твоими вещами. Если хочешь, можешь оставить ее себе в качестве камеристки, но жалованье изволь платить ей сама. В противном случае Райан получит расчет. Я попрошу мистера Смита из банка Хоура написать тебе и подробно объяснить, какой доход ты получаешь по распоряжению покойного отца. И далее, моя дорогая, ты будешь общаться с ним, а не со мной. Отныне я отрекаюсь от тебя. Ты отправляешься в свободное плавание, так что впредь будешь сама править своей лодкой. Что касается вас, – она повернулась к Каролине, и в

глазах у нее засверкала ненависть, – вы украли мою дочь и погубили мою жизнь. Я проклинаю вас за это.

С этими словами леди Темплмор развернулась, быстро вышла из гостиной и спустилась по парадной лестнице, оставив Марию и леди Брокенхёрст одних в полной тишине.

Сьюзен Тренчард не могла точно описать свое настроение. Иногда она была полна надежд, и ей казалось, будто ее жизнь вот-вот изменится к лучшему. Но порой краски сгущались, и она трепетала, как если бы вдруг оказалась на краю пропасти.

Сьюзен призналась Джону, что беременна, в последний раз, когда заходила в «Олбани», – сразу, как они поднялись по ступеням и оказались в его маленькой гостиной. Он выслушал любовницу озадаченно, даже удивленно, хотя вроде бы совершенно не рассердился.

– Я думал, ты не способна зачать, – сказал он. – Мне казалось, что в этом-то и состоит вся проблема.

Фраза сия прозвучала весьма странно.

– Что это значит? Какую проблему ты имеешь в виду?

Он увильнул от ответа, поинтересовавшись:

– Полагаю, ты уверена?

– Вполне. Хотя к доктору еще не ходила.

– Сходи, – кивнул Джон. – У тебя есть врач, которому ты можешь доверять?

Сьюзен недоуменно посмотрела на него:

– Я замужняя женщина. Зачем мне нужен доктор, которому я могу, как ты выразился, доверять?

– Тоже верно. Ладно, в таком случае обратись к врачу, который знает, что надо делать.

И снова формулировка была причудливой, но Сьюзен видела, что Джона в данный момент занимает что-то другое. Чуть-чуть не столкнувшись в дверях с камеристкой своей свекрови, она вполне резонно предположила, что Джон что-то узнал – возможно, некую новость о таинственном мистере Поупе, – и это отвлекает все его внимание.

Одним словом, тогда они решили, что Сьюзен посетит врача, а потом расскажет Джону о результатах, и договорились, в какой именно день она вновь навестит его в «Олбани». Так что сейчас Джон должен был ждать Сьюзен, однако дома его не оказалось. Молчаливый слуга проводил гостью внутрь, указал ей на кресло в гостиной и пояснил:

– Хозяин отправился на встречу в Сент-Джеймс, и та, должно быть,

затянулась дольше, чем он рассчитывал. Но в любом случае мистер Белласис должен вскоре вернуться.

– «Вскоре» – это когда? – уточнила Сьюзен.

Этого слуга не знал, и она вот уже почти целый час торчала в холодной гостиной, придвинувшись поближе к чахлому огню.

Отсутствие Джона дало Сьюзен возможность хорошенько обдумать свое положение. Рассчитывала ли она, что они поженятся и что этот брак спасет ее от безнадежного уныния дома Тренчардов? В мечтах – да, но теперь, когда первый порыв страсти миновал, Сьюзен понимала, что глупо надеяться стать следующей графиней Брокенхёрст. Разведенная дочь торговца? Ее трудно будет вписать в историю династии Белласисов. Да и сколько еще времени все займет? Ведь чтобы получить развод, требуется разрешение парламента, причем в каждом случае вопрос решается индивидуально. Найдут ли они лояльного члена парламента, который поможет им повернуть все достаточно быстро, чтобы они успели пожениться раньше, чем родится ребенок? Вряд ли.

Тогда чего же она хотела? Навечно остаться любовницей Джона? Снять где-нибудь дом и воспитывать внебрачного ребенка? Когда умрет дядя Джона, у него будет достаточно денег, и все же... все же... Сьюзен не была уверена, что такая жизнь для нее подходит – жизнь за чертой светского общества, пусть даже такого скучного и заурядного, как то, в которое ей удалось проникнуть. Но вытерпит ли она необходимость остаться с Оливером, да и будет ли у нее такая возможность? Оливер Тренчард – человек невеликого ума, но он мигом поймет, что ребенок не от него, поскольку сам уже несколько месяцев даже не приближался к жене. Забавно, что много лет Сьюзен считалась бесплодной, все жалели ее, выражали сочувствие, а причина-то на самом деле была в Оливере. Теперь, разумеется, он во всем обвинит жену. Может быть, лучший из имеющихся выходов – согласиться стать содержанкой Джона? Наконец дверь распахнулась.

– Ну что? – спросил Белласис, едва войдя в комнату.

– Я прождала тебя почти час.

– И вот я уже вернулся. Давай рассказывай!

Сьюзен кивнула, прекрасно зная, что бессмысленно даже пытаться заставить Джона Белласиса испытывать чувство вины.

– Я сделала все, как ты велел. Сходила к доктору, и тот подтвердил, что я беременна. Срок не меньше трех месяцев.

Джон снял шляпу и нервно отшвырнул ее:

– Надеюсь, он сделает все, что нужно? Или уже сделал?

Его слова резанули ее, как нож. «Все, что нужно»?! Сьюзен обдумывала множество различных вариантов, но все они непременно включали ребенка. Ни разу ей не пришло в голову, что от него можно избавиться. Сьюзен десять лет безуспешно пыталась зачать, и теперь, когда она наконец беременна, Джон заставляет ее рисковать жизнью и делать аборт. Он даже, кажется, не понимал, что здесь можно обсуждать.

– Конечно нет! – Сьюзен с досадой потрясла головой и некоторое время молчала, пытаясь успокоиться. – Я вовсе не хочу избавляться от малыша. Неужели ты думаешь, что я бы на такое пошла? Ты что, не испытываешь к этому ребенку совсем никаких чувств?

Джон недоумевающе посмотрел на нее:

– А с какой стати мне испытывать к нему чувства?

– Потому что ты его отец.

– Кто это сказал? Какие тому имеются доказательства? Позволь тебе напомнить, что ты при первой же возможности прыгнула ко мне в постель. Так что нечего тут изображать из себя новую мадам Велевскую^[33], которая была чистой и непорочной, пока не попала на глаза императору! – Он грубо расхохотался, налил бренди из ожидавшего его на столике графина и одним махом опрокинул содержимое стакана в глотку.

– Ты прекрасно знаешь, что ребенок от тебя.

– Сильно сомневаюсь. – Джон снова наполнил бокал. – В любом случае это твои трудности, а не мои. Как друг я мог бы заплатить, чтобы ты их разрешила, но если ты отказываешься, то я умываю руки.

Он рухнул в кресло.

На мгновение Сьюзен почувствовала такую ярость, словно проглотила огонь, но она умела сдерживать свои чувства. И прекрасно понимала, что, подняв сейчас крик, ничего этим не добьется. Нет, надо найти способ переубедить Джона, пока еще ничего не потеряно.

– У тебя все в порядке? – спросила она, меняя тему. – Ты выглядишь озабоченным.

Он окинул любовницу взглядом, удивленный мягкостью ее голоса.

– Можно подумать, что тебе есть до этого дело.

Сьюзен всегда была талантливой актрисой.

– Джон, за тебя я, конечно, говорить не могу, – она улыбнулась подкупающей улыбкой, – но сама я вот уже много месяцев тебя люблю. Твое счастье означает для меня больше, чем все сокровища на земле. Конечно, мне есть дело.

Произнося эти слова, Сьюзен подумала, что, пожалуй, перегнула палку, однако, как ни странно, они возымели желаемое действие. Ну до

чего же доверчивы мужчины! Как собаки: ласково потрепleshь их – и они твои на всю жизнь.

– Так как, милый, расскажешь мне, что случилось?

Джон вздохнул и откинулся в кресле, закинув руки за голову:

– Что случилось? Да ничего особенного: только то, что я все потерял.

– Не преувеличивай, не может все быть настолько плохо.

– Еще как может! Сьюзен, у меня ничего нет, совсем ничего. Я нищий. И всегда буду ничем.

Он встал, подошел к окну и стал смотреть вниз, на спешащих по своим делам людей. Все они жили своей повседневной жизнью, тогда как его собственная жизнь растворилась, как струйка дыма.

Сьюзен начинала понимать: похоже, и впрямь произошло нечто особенное.

– Да что стряслось? – спросила она.

– Я выяснил, что никогда не стану следующим графом Брокенхёрстом. Я не унаследую состояние дяди. И Лимингтон-Парк. И Брокенхёрст-Хаус. Не получу совсем ничего. Мне не достанется никакого наследства.

Джону было наплевать, что он выдает тайну Сьюзен. Анна и Джеймс Тренчард уже наверняка видели бумаги Софии и рано или поздно непременно кому-нибудь их покажут. А как же иначе. И тогда они узнают истину и опубликуют ее в газетах, чтобы прочитал весь мир.

– Не понимаю. – Это невероятное известие на время отвлекло Сьюзен от переживаний по поводу собственного незавидного положения. – Но кто же тогда наследник?

– Кто наследник? Да все тот же человек, Чарльз Поуп. Мой вечный соперник. Похоже, он родной внук моих дяди и тети.

– Но он же вроде как оказался сыном моего свекра? Так ты раньше говорил.

– Тогда я и впрямь так думал. Но ошибался. На самом деле он сын моего кузена Эдмунда.

– Тогда почему его не признали как сына Эдмунда? Почему он носит фамилию Поуп? Разве он не должен быть... Какой там титул учтивости?^[34]

– Виконт Белласис.

– Отлично. Почему он не виконт Белласис?

– А он как раз таки виконт Белласис. – Джон горько рассмеялся. – Просто сам пока еще об этом не знает.

– Почему?

– Все думали, что Чарльз незаконнорожденный. Поэтому его и спрятали в приемной семье, дали другую фамилию, воспитывали подальше

от Лондона.

Сьюзен слушала с неподдельным интересом. Ум ее работал, как паровоз новой железной дороги.

– А когда выяснилась правда?

– Это я выяснил правду! Ни Брокенхёрсты, ни Тренчарды еще ничего не знают. Эдмунд и дочь Тренчардов заключили брак. В Брюсселе. Накануне битвы при Ватерлоо. Но они думают, что венчание было спектаклем. Что это была уловка, дабы соблазнить Софию.

Сьюзен потрясла головой. Сколько тайн сразу! Стало быть, Софию, покойную сестру Оливера, чью память в доме чтили как священную, соблазнил Эдмунд Белласис. То есть на самом деле не соблазнил. По крайней мере, сперва они заключили брак. Осознать это все сразу было невозможно.

– Ты утверждаешь, они еще не знают правды?

– Думаю, что нет. Понимаешь, я попросил одного своего друга посмотреть этот документ, и брак оказался вполне законным.

Джон вытащил из внутреннего кармана пачку бумаг.

– Они считают, что священник, проводивший венчание, на самом деле был простым солдатом и поэтому церемония недействительна. Но все оказалось гораздо сложнее: да, он был солдатом, но при этом еще и англиканским священником. И доказательство этого у меня вот здесь.

– Я удивлена, что ты не сжег эти бумаги. Если никто еще ничего не знает.

Джон снова расхохотался:

– Напрасно удивляешься. Сжег бы, но нет смысла. У меня только копии, доказывающие законность брака. А оригиналы – у них.

– Но если никто не видел документов, найденных твоим другом...

– Рано или поздно и Тренчарды, и Брокенхёрсты все равно узнают правду. Не могут не узнать.

И тут Сьюзен сообразила, какой ей выпал шанс. Пожалуй, то, что Джон все потерял, даже к лучшему. Теперь ей будет гораздо проще добиться своей цели.

– Джон, – осторожно начала она, – если все действительно так ужасно и титула ты не получишь...

– И денег тоже.

– И денег, – кивнула она. – Тогда почему бы нам не пожениться? Я знаю, ты не выбрал бы меня, если бы рассчитывал стать главой семьи, но теперь ты навсегда остаешься сыном младшего сына. Я могу развестись с Оливером и обратиться за помощью к своему отцу. У него есть деньги, и

много, а я его единственный ребенок. Я все унаследую. Мы с тобой заживем счастливо. Мы будем обеспечены. У нас родятся еще дети. Ты можешь взять патент на офицерский чин, или купим земли. Возможно, у тебя есть на примете более родовитые женщины, но мало кто из них сможет обеспечить тебя так, как я.

Сьюзен замолчала. Ей показалось, что она предложила Джону выгодную сделку. У нее будут муж и положение в обществе, а у него – средства, необходимые, чтобы жить как джентльмену. Чем плохо? Он ничего не потеряет, а, напротив, многое приобретет.

Джон в упор смотрел на любовницу; казалось, это продолжалось целую вечность.

Потом он запрокинул голову и засмеялся. Он не просто смеялся. Он ревел от смеха. Хохотал до тех пор, пока слезы не потекли по щекам. Потом остановился и повернулся к Сьюзен:

– Ты что, вообразила, будто я, Джон Белласис, племянник графа Брокенхёрста, чьи предки сражались еще в Крестовых походах, а потом участвовали чуть ли не во всех главных европейских сражениях, могу когда-нибудь... – Джон смотрел на нее со злобой; взгляд его глаз был жестким и холодным, как камень. – Ты всерьез вообразила, что я могу жениться на разведенной дочери какого-то грязного торговца?

Сьюзен, ахнув, отшатнулась, словно ее окатили ледяной водой. А Джон снова начал хохотать, и это сильно смахивало на истерику. Словно бы все его унижение от внезапного падения нашло выход в этом жестоком, дикарском веселье.

Это была чувствительная и злая пощечина. Сьюзен встала, прижав руки к щекам. У нее отчаянно билось сердце.

Но он еще не закончил:

– Неужели ты не понимаешь? Мне нужно заключить блестящий брак. Сейчас больше, чем когда-либо. И жениться не на Марии Грей, этой девице с понурым видом и пустым кошельком. Блестящий, ты слышишь? Так что извини, моя дорогая, но тебя в этом сценарии быть никак не может. – Он покачал головой. – Бедная маленькая Сьюзен Тренчард. Распутная женушка грязного мелкого коммерсантишки. Смех, да и только.

Некоторое время она стояла молча и неподвижно, не проронив ни слова, не двинув и бровью, пока не почувствовала, что снова полностью владеет своим телом и своим голосом. И только тогда заговорила:

– Не соблаговолишь ли попросить своего слугу вызвать мне наемный экипаж? Я уеду немедленно.

– А ты что, не можешь спуститься и сама поймать экипаж?

Он разговаривал с ней так, словно она была ему посторонней.

– Джон, прошу тебя. Давай расстанемся по-хорошему.

Были то крохи приличия или последние следы чести, однако что-то заставило Джона Белласиса буркнуть: «Ладно» – и выйти из комнаты, чтобы отдать соответствующие распоряжения. Как только он вышел, Сьюзен схватила бумаги, которые любовник бросил на кресло, сунула их в ридикюль и быстро выбежала из комнаты. Она уже была на середине лестницы, когда услышала, как Джон зовет ее по имени, но лишь ускорила шаги и выбежала через двор на улицу. Минуту спустя Сьюзен уже сидела в кебе и ехала домой. Когда Джон выскочил на тротуар и ринулся по Пикадилли, бросая яростные взгляды направо и налево, она отпрянула от окна и откинулась на сиденье.

Оливер Тренчард сидел в библиотеке Джеймса на Итон-сквер, пил бренди и листал «Таймс». Отец наверняка бы с ним не согласился, но, по его собственным меркам, день у Оливера сегодня выдался трудный, хотя ни строительная контора, ни работа у братьев Кьюбитт не имели к этому никакого отношения. Почти все утро он катался верхом в Гайд-парке, затем наведился к своему портному на Сэвил-роу, дабы одобрить покрой охотничьих бриджей, а потом был званый обед на Уилтон-Кресент, после которого он составил компанию друзьям на партию в вист. Правда, заядлым игроком Оливер не был. Он настолько не любил проигрывать, что выигрыши не компенсировали досады, возникающей от поражений. И вообще, хотя недостаточное трудолюбие и вызывало неудовольствие его отца, пороки Оливера были отнюдь не велики. Да, он пил, когда бывал расстроен, и с удовольствием завел бы интрижку на стороне, но каждый раз, когда пытался назначить свидание, был просто не в состоянии избавиться от образа своей жены. Сьюзен тотчас появлялась у него в уме, с этой своей надменной улыбкой и глазами, вечно ищущими объект для флирта, флирта с кем угодно, но только не с мужем... Картина, возникавшая перед мысленным взором, была столь отчетливой, что Оливер оставлял свои планы и шел домой. Если бы он научился забывать о жене, то был бы счастливее. По крайней мере, так он думал, когда уселся в кресло и поднес к губам бокал, надеясь в ближайшее время не встретиться ни с отцом, ни со Сьюзен.

Несмотря на то что они жили в одном доме с родителями, Оливер после того неприятного обеда в клубе у Джеймса успешно избегал разговоров с отцом. Каждое утро он специально уходил из дому пораньше, задолго до того, как Джеймс отправлялся на работу, а возвращался

зачастую под утро, надеясь, что мать и отец уже давным-давно улеглись спать. Но сегодня Тренчард-младший ошибся в расчетах, решив, что Джеймс вышел пообедать. Как только он поставил бокал и сложил газеты пополам, в библиотеку вошел отец.

Джеймс остановился на полпути. Он тоже явно не ожидал увидеть здесь сына.

– Все «Таймс» читаешь? – спросил он, испытывая некоторую неловкость после столь затянувшегося молчания.

– Могу отдать тебе, папа, если тебе нужно, – достаточно вежливо ответил Оливер.

– Нет-нет. Продолжай. Я только найду одну книгу. Ты не знаешь, где мама?

– Наверху. Устала после долгой прогулки. Хотела отдохнуть перед обедом.

– Значит, с мамой ты разговариваешь спокойно?

– С ней я не ссорился, – невозмутимо сказал Оливер.

– Только со мной.

Джеймс начинал чувствовать, что напряжение между ними вот-вот достигнет критической точки. Может быть, настало время сойтись в битве, которую оба так долго откладывали?

– С тобой и с Чарльзом Поупом.

Это было выше понимания Джеймса.

– Неужели ты не любишь этого человека до такой степени, что готов был проехать всю Англию, только чтобы попытаться погубить его доброе имя?

– А оно у него было, это доброе имя, чтобы я его погубил? – фыркнул Оливер и вернулся к газете.

– Признайся, ты заплатил тем людям в Манчестере, чтобы они написали компрометирующие письма? – спросил Джеймс.

– Этого не потребовалось. Они не меньше моего хотели разорить Чарльза Поупа.

– Но почему? – Джеймс недоверчиво покачал головой.

Слишком трудно было все понять. Вот сидит Оливер, который путешествует по жизни пассажиром, читает «Таймс» в этой милой библиотеке, обустроенной по образцу лучших библиотек джентльменов, какие только доводилось видеть Джеймсу. Золоченые корешки поблескивают в свете масляных ламп. Над каминной плитой висит портрет короля Георга III, а между книжными шкафами, стоящими вдоль длинной стены, примостился инкрустированный столик. Что может быть приятнее

глазу? Как это все не похоже на обшарпанные, осыпающиеся, потертые декорации, в которых прошла его собственная юность. И спрашивается, что сделал Оливер, чтобы все это заслужить? Ничего. Но был ли он когда-нибудь удовлетворен жизнью, счастлив или хотя бы доволен?

– Значит, ты нарочно проделал весь путь до Манчестера, чтобы только найти какие-нибудь факты, которые бы навредили мистеру Поупу в моих глазах?

– Да. – Оливер больше не видел смысла темнить.

– Но зачем тебе сводить счеты с человеком, который ничего тебе не сделал? – недоуменно спросил Джеймс.

– Ничего мне не сделал? – удивленно повторил Оливер. – Да он украл у меня отца и вот-вот украдет мое состояние. И это называется «ничего»?

– Чушь! – с негодованием пожал плечами Тренчард-старший.

Но на этот раз Оливер решил высказать все. Отец хотел знать, что стоит за его ненавистью к Поупу? Отлично. Пусть теперь слушает.

– Ты слишком щедро одариваешь своим вниманием постороннего человека – этого чужака и выскочку! И, не скупясь, выдаешь ему деньги и похвалу!

– Я верю в него.

– Допустим. – Оливер чуть не плакал. Он чувствовал, что его начинает трясти. – Но, видит Бог, в меня ты не веришь и никогда не верил! Ты сроду меня не поддерживал, тебе всегда было на меня наплевать, ты даже не прислушивался к моему мнению...

Джеймс чувствовал, как в груди его поднимается волна гнева.

– Позволь тебе напомнить, что я рисковал дружбой с Кьюбиттами, людьми, которых я уважаю больше всех ныне живущих, чтобы сделать тебе карьеру. И что я получаю взамен? Ты пропускаешь все собрания, отменяешь деловые встречи, чтобы пойти покататься верхом, пострелять, прогуляться в парке! И после всего этого я же не имею права разочароваться в тебе? Не имею права чувствовать, что мой сын не стоит всех тех неприятностей, через которые я ради него прошел?

Оливер глядел на отца, на этого простецкого вида низкорослого мужчину с красным лицом, вечно одетого в тесный сюртук, человека, который ничего не понимал в утонченной светской жизни, и удивлялся. С одной стороны, Оливер презирал этого человека. С другой, жаждал его уважения. Он сам не мог понять сложившегося положения вещей и чувствовал, что окончательно запутался, однако просто не мог больше молчать о том, что больше всего его беспокоило.

– Прости, отец, но я не могу поменяться местами с Софией, хотя мы

оба понимаем, что тебе хотелось бы именно этого. Увы, я не могу лечь в могилу сам, а ее оттуда освободить. Это не в моих силах.

И с этими словами Оливер распахнул дверь и оставил Джеймса в одиночестве возле мерцающего огнем камина.

Сьюзен была необычно тихой, пока Спир перед ужином укладывала ей волосы. Служанка заподозрила, что у ее госпожи с мистером Белласисом не все обстоит гладко, но она могла только догадываться, что там у них такое произошло. Естественно, Спир знала, что миссис Оливер беременна – такие секреты от камеристки не утаишь, – и нимало не сомневалась, что отец – мистер Белласис, поскольку за одиннадцать лет жизни с мужем у Сьюзен не случилось даже выкидыша. Похоже, хозяйка во всем призналась сегодня своему любовнику и тот дал ей от ворот поворот.

– Вы готовы одеваться, мэм? – спросила камеристка.

– Чуть позже. Сперва мне нужно кое-что сделать. Вот что, Спир, вы можете принести мне лист бумаги и ленту?

Сьюзен терпеливо дождалась, пока служанка не вернется и не доставит ей все необходимое. После чего достала из ридикюля пакет с письмами, закатала их в лист белой бумаги, завязала лентой и запечатала воском, который стоял у нее в углу письменного стола. Потом повернулась к Спир:

– Мне нужно, чтобы вы здесь кое-что написали. Просто напишите: «Джеймсу Тренчарду, эсквайру».

– Но зачем, мэм?

– Не важно зачем. Просто мистер Тренчард не знает вашего почерка, а мой знает. Я не прошу вас хранить это в тайне. Вы и так уже знаете столько, что хватит, чтобы меня повесить.

Недоумевающая камеристка послушно села за стол и сделала то, что было велено. Сьюзен поблагодарила ее, взяла пакет и вышла.

Джеймс был уже почти одет к ужину, когда услышал стук в дверь.

– Кто там?

– Это я, отец.

Он не помнил, чтобы Сьюзен когда-либо приходила к нему в комнату. Но Тренчард был человеком благовоспитанным, и к тому же для завершения туалета ему надо было только накинуть сюртук, поэтому он открыл дверь и пригласил невестку войти, отпустив своего слугу.

– Что случилось? – спросил он.

– Мне на улице вручили этот сверток, когда я подходила к входной двери нашего дома. – Она протянула пакет, и свекор взял его.

Сьюзен выглядела сегодня какой-то слишком кроткой, что было на нее не похоже, и Джеймсу на секунду показалось, что за ее словами стоит нечто большее. Он недоуменно посмотрел на пакет, который молодая женщина сунула ему в руки.

– Кто вручил?

– Не знаю. Какой-то мальчишка. Он сразу убежал.

– Странно.

Но конверт он открыл и принялся просматривать содержимое. Джеймс читал страницу за страницей и становился все бледнее. Наконец он снова посмотрел на Сьюзен.

– Этот мальчик – он был чей-то слуга? Паж?

– Не знаю. Просто мальчик.

Джеймс неподвижно стоял еще несколько секунд, которые показались Сьюзен бесконечными.

– Я должен поговорить с женой.

– Прежде чем вы пойдете к ней, я хочу сказать вам еще кое-что. – Сьюзен собрала всю свою храбрость, решив пойти ва-банк. Она приняла подобающе скромный вид, чуть ли не покраснев от смущения, но стараясь не переусердствовать. Пора. Сьюзен набрала побольше воздуха и выпалила: – У меня будет ребенок!

И внезапно счастье Джеймса удвоилось, утроилось, учетверилось. В одно мгновение он узнал, что имя его дочери избавлено от позора, что его внук по праву займет высокое положение в обществе и что у его сына, следующего Тренчарда в линии наследования, тоже будет ребенок. Джеймсу показалось, что сейчас его сердце разорвется от радости. Буквально за несколько минут, прошедших с тех пор, как невестка переступила порог его комнаты, его жизнь полностью переменялась.

– Дорогая моя! Ты уверена?

– Вполне. Но теперь вам нужно идти к матушке.

– Ей можно сказать?

– Конечно!

В общем, когда Сьюзен вернулась к себе в спальню, где Спир возилась с одеждой госпожи, на душе у Сьюзен было легко. Она достойно отомстила Джону Белласису, окончательно разорив негодяя. Если Тренчарды до сегодняшнего дня не знали правду, то сейчас они ее знают. Теперь можно было заняться осуществлением плана по спасению собственной репутации, и, хотя исход этой игры не был предрешен, Сьюзен радовало хотя бы то, что финал уже близок.

Джон Белласис на чем свет стоит бранил себя за то, что не сжег свидетельство о рукоположении Бувери в сан. Зачем он сохранил эту бумагу? Какая ему была от нее польза? Ведь если бы он ее уничтожил, Сьюзен показала бы свекру и свекрови только копии документов, которыми Анна Тренчард и так уже располагала. Кто знает, как долго еще Тренчарды пребывали бы в уверенности, что этот брак – фикция? Но теперь из-за собственной глупости он погиб и утратил контроль над ситуацией – стараниями этой вздорной женщины. Если бы в этот момент у него была возможность задушить Сьюзен, он бы ни за что ее не упустил.

Повинуясь порыву, Джон взял кеб до Итон-сквер, но, выйдя из экипажа, призадумался. Что произойдет, если он позвонит в дверь? Его проведут внутрь, и потом кто-нибудь – скорее всего, не Сьюзен – увидит его, и что тогда сказать? Постояв еще пару минут, Белласис решил не ждать, пока кто-то из семьи или из прислуги заметит, что он слоняется вдоль решетки сада на площади. Вместо этого он свернул за угол и направился в заведение «Лошадь и грум», где всегда встречался с Тёртоном. Если дворецкий там, можно постараться его уговорить... на что? Выкрасть бумаги обратно? Но что это даст? Сьюзен уже наверняка показала документы родным, и все знают, что Бувери был настоящим священником. Если потребуется, Тренчарды легко найдут и другие доказательства. Ну и ладно. Надо выпить, чтобы успокоиться, а потом можно пройтись пешком обратно до «Олбани». Может быть, двадцать минут на прохладном вечернем воздухе остудят его ярость. Джон толкнул дверь, вошел внутрь и огляделся.

Но вовсе не Тёртона увидел он у поцарапанной и заляпанной пятнами деревянной стойки. Там, привалившись к длинному деревянному прилавку, опоясывающему чуть ли не весь тесный и прокуренный зал, с бокалом какой-то жидкости, похожей на виски, стоял Оливер Тренчард. И как только Джон Белласис увидел этого человека, ему в голову пришла идея. Она была безумной, но отчаянные времена порождают отчаянные шаги. От Сьюзен Джон знал, что Оливер ненавидит Чарльза Поупа, винит его в разладе с отцом и готов на все, лишь бы избавиться от наглого выскочки. Со слов бывшей любовницы Джон знал также, что Поупа очень огорчает то, что он невольно встал между отцом и сыном, став причиной их ссоры. Оливер сказал жене, что Поуп якобы не отрицал выдвинутые против него обвинения, но Джеймс сам не поверил, что они соответствуют действительности. Сьюзен достало мудрости сообразить, что Чарльз Поуп даже не предпринял попыток оправдать себя, поскольку не желал усугублять ситуацию. Джон нахмурился. Можно ли использовать эту ссору

в своих интересах? Поуп, видимо, был готов на все, чтобы восстановить отношения. Нельзя ли Джону сделать Оливера своим орудием?

В голове у Белласиса понемногу складывался план. Оливеру Тренчарду нужно было любой ценой убрать Поупа с дороги, он не делал из этого секрета. Оливер изобличил Поупа перед многими людьми, включая свою жену. Если вдруг с Чарльзом Поупом что-то случится, то кто окажется первым подозреваемым? А уж если полиция найдет доказательства того, что Оливер и Поуп договаривались встретиться...

Тренчард поднял глаза. Он заметил наблюдавшего за ним Джона и заморгал, пытаясь понять, не обознался ли.

– Мистер Белласис? Неужели это вы? Что вы забыли в этой вонючей дыре?

– Собирался пропустить стаканчик, чтобы успокоиться.

Ответ прозвучал странно.

– А что случилось, почему вам нужно успокоиться? – спросил Оливер.

Джон придвинулся ближе и небрежно оперся о стойку рядом с собеседником.

– Вы знаете, кто такой Чарльз Поуп? – Джон мысленно улыбнулся, увидев, как лицо Оливера налилось гневом.

– Если я еще раз услышу это имя...

Джон знаком велел трактирщику принести еще два стакана виски.

– Я хочу проучить этого типа, да так, чтобы он навсегда запомнил, – сказал Джон.

– Охотно вам помогу, – кивнул Оливер.

– Даже так? – удивился Джон, взял стакан и осушил его одним глотком. – Это очень кстати. Потому что вы действительно могли бы мне помочь.

Хозяин заведения с любопытством поглядывал на двоих мужчин, которые стояли вдали у стойки, наклонив голову, и что-то потихоньку обсуждали. О чем, интересно, могла идти речь на этом срочном совещании? Трактирщик видел раньше здесь их обоих, но не вместе, а по отдельности.

Когда Джеймс вошел в спальню к жене, Эллис еще укладывала ей волосы.

– Можно поговорить с тобой с глазу на глаз? – попросил он.

Анна отпустила служанку, велев ей возвращаться через десять минут. Когда дверь закрылась, она повернулась к мужу:

– В чем дело? Что случилось?

– Посмотри сюда. – Он положил перед ней бумаги.

Она проглядела первые два-три листа:

– Где ты их взял?

– Какой-то мальчишка сунул их Сьюзен в руки, когда она входила в дом. Ну, что скажешь? Это копии, конечно.

– Я знаю, что это копии, – ответила Анна, вставая. – Оригиналы у меня.

Она наклонилась к шкафчику, отперла его и достала бумаги, которые отдала ей Джейн Крофт. Передавая их мужу, Анна молчала. Она сразу поняла, что Джеймс обиделся.

– Почему ты ничего мне о них не сказала? – спросил он.

Анна не могла назвать ему настоящую причину – что частичку Софии она хотела сберечь для себя. Это лишь на время, убеждала она себя. Рано или поздно она собиралась показать бумаги мужу. Но выполнила бы она это данное себе обещание или нет, теперь было уже не узнать.

– Это письма Софии и ее фальшивое брачное свидетельство. Она велела своей камеристке все сжечь, еще когда мы были в Брюсселе, но та не послушалась. Крофт заезжала сюда по пути в Америку и решила отдать бумаги мне на хранение. Они ничего не меняют.

Прежде чем заговорить, Джеймс некоторое время молча смотрел на жену. Значительность известия, которое ему предстояло объявить, приводила его в трепет.

– Если я что-то упустила, пожалуйста, скажи мне, в чем дело, – озадаченно произнесла Анна и терпеливо села.

– Вот то, чего не хватает. – Джеймс вытащил из кипы бумаг один документ. – Это не копия, и этот документ ты наверняка не видела. – (Анна взяла бумагу у него из рук.) – Кто-то решил навести справки о человеке, проводившем церемонию венчания, о Ричарде Бувери, или о преподобном и почтенном Ричарде Бувери, если быть точным. Потому что он на самом деле был священником, когда вернулся в армию, и, следовательно, обладал всеми полномочиями совершать обряд венчания. Иными словами, брак не был розыгрышем. София умерла, будучи леди Белласис, а Чарльз – законнорожденный ребенок.

– А Эдмунд – честный человек.

Глаза Анны наполнились слезами при мысли о том, как они оклеветали этого храброго юношу, который, возможно, был излишне порывист и порой даже вел себя как глупец, но искренне любил их дочь и желал ей только добра. Анна решила завтра пойти в церковь и заказать по нему панихиду.

– Как это на тебя похоже – подумать именно об этом.

Но сам Джеймс тоже был счастлив, что его мнение об избраннике дочери не оказалось настолько ошибочным. Последние четверть века Тренчард винил в гибели Софии себя, но сейчас недоумевал: как он мог так легко поверить и почему сразу не разобрался, что к чему? Почему все они приняли на слово вердикт обезумевшей от ужаса Софии, увидевшей Бувери рядом с домом Ричмондов, и дружно заключили, что этот человек – шарлатан и гнусный обманщик? Но так оно всегда бывает: задним умом оценивать происходящее легко.

Анна все еще смотрела на лежащие перед ней на столике бумаги.

– Как, ты сказал, Сьюзен их получила?

– Какой-то мальчик сунул их ей в руки на улице перед домом.

– Но мне знаком этот почерк... – Она не успела закончить мысль, как дверь открылась и вернулась Эллис.

– Вы уже готовы продолжать, мэм?

Анна кивнула, и Джеймс принялся собирать бумаги. Эллис тем временем подошла к госпоже и остановилась, невольно ахнув и тут же зажав себе рот ладонью. Увидеть эти бумаги в руках хозяйки она совершенно не ожидала.

– Где вы это взяли? – вырвалось у нее.

Эллис поняла, что сказала это вслух, только когда услышала собственные слова. И под пристальными взглядами Джеймса и Анны предприняла последнюю попытку спасти себя:

– Я имею в виду, мэм, эти бумаги очень необычно выглядят.

Теперь заговорила Анна. Если документы были скопированы человеком, чей почерк ей знаком, кандидатов не так уж много. И первой попадала под подозрение сама Эллис, которая встречала Джейн Крофт.

– Эллис, пожалуйста, расскажите, что вам известно об этих бумагах!

Анна смотрела на лихорадочно пытавшуюся выкрутиться камеристку, на эту женщину, которая прислуживала ей целых тридцать лет и о которой она тем не менее знала так мало. Если бы они вдруг поменялись ролями, могла бы она сама, Анна, предать свою хозяйку, у которой проработала так долго? Вряд ли, но, с другой стороны, ей никогда не приходилось проходить через горькие, унижительные испытания, которыми отмечена жизнь прислуги.

Джеймс начал терять терпение:

– Если у вас есть что сказать, чтобы смягчить свою вину, то сейчас самое время это сделать.

Эллис пребывала в смятении. Ей, конечно, надо было настоять, чтобы

мистер Белласис, прочитав копии, сжег их прямо у нее на глазах. Но послушался бы он ее? Наверное, нет. Эллис лихорадочно думала, как ей сейчас поступить. Она выступила в роли соучастницы, тут уж ничего не поделаешь, но надо постараться хотя бы не угодить в тюрьму.

– Это все мистер Тёртон, сэр. Это он нашел бумаги в чемодане мисс Крофт и сделал копии.

– По чьему распоряжению?

Эллис задумалась. Она солгала, что документы искал Тёртон, но есть ли смысл лгать дальше? Поможет ли ей, если она станет выгораживать мистера Белласиса? Нет. Он все равно больше не будет ей платить. Что теперь ему разузнавать... Правда, нельзя забывать о рекомендательных письмах. Как она найдет себе другое место без хороших рекомендаций? А миссис Тренчард наверняка в них откажет. Эллис зарыдала. У нее всегда довольно неплохо получалось заплакать, если вдруг возникала необходимость.

– Простите меня, мэм! Если бы я знала, что вас это коснется, я бы ни за что не позволила втянуть себя в эту аферу.

– Вы видели, как Тёртон переписывает письма мисс Софии, но не подумали, что это может меня касаться? – Голос Анны стал жестким.

Джеймс переступил с ноги на ногу:

– Вопрос в том, для кого их скопировали?

Эллис решила, что откровенное признание сэкономит время.

– Я знаю, что потеряла место, сэр. Но я не порочная женщина.

– Но и не добродетельная, – сурово сказала Анна.

– Я была слаба. Я знаю. Но если у меня не будет рекомендательных писем, я умру с голоду.

– Понятно, – сразу сориентировался Джеймс. Он раньше жены понял, о чем толкует служанка. – Вы имеете в виду, что, если мы дадим вам рекомендации, вы во всем признаетесь и расскажете, кто просил сделать эти копии. Об этом идет речь?

Поскольку речь шла именно об этом, Эллис молчала, опустив глаза.

– Ну хорошо, – сказал Тренчард и жестом заставил замолчать жену, которая, как ему показалось, попыталась вмешаться. – Мы дадим вам рекомендации, не блестящие, но такие, чтобы вы смогли найти приличную работу.

Эллис вздохнула с облегчением и порадовалась, что ей хватило присутствия духа подороже продать последний оставшийся у нее товар.

– Мистер Тёртон сделал копии для мистера Джона Белласиса, сэр.

– Для мистера Джона Белласиса? – Анна удивленно подняла глаза. –

Вы имеете в виду племянника леди Брокенхёрст?

– Да, мэм, – кивнула Эллис.

– Ну конечно, это был Джон Белласис, – произнес Джеймс, рассуждая вслух. – И вероятно, именно он решил выяснить, кто такой Бувери. Он сделал то, что двадцать шесть лет назад должны были сделать мы с тобой. Интерес племянника леди Брокенхёрст очевиден: если Ричард Бувери окажется подставным лицом, то Джон Белласис по-прежнему остается наследником своего дядюшки; если Бувери – настоящий священник, то Белласис ничего не получает.

На мгновение он забыл о присутствии Эллис, но тут Анна нарочито громко кашлянула, дабы вернуть мужа в реальность.

– Эллис, а какова была во всем этом ваша роль? – спросила она.

Служанка колебалась. Что именно рассказать, а о чем умолчать? Она предусмотрительно добилась себе приличных рекомендаций, а Тренчарды не из тех, кто берет свои слова назад. И все равно рассказывать им больше необходимого не стоило.

– Мистер Тёртон заставил меня отнести копии мистеру Белласису.

– Хорошо, – кивнула Анна. – Идите. Сегодня еще можете переночевать, но завтра вы получите рекомендации и должны будете немедленно покинуть наш дом.

Эллис коротко присела в книксене и ушла, аккуратно закрыв за собой дверь. Все могло обернуться гораздо хуже, думала она, спускаясь по лестнице. До последнего дня ей платили неплохо, и она сумела отложить денег, особенно благодаря гонорарам от мистера Б. Ничего, она найдет другое место, у человека, который будет слишком глуп и самонадеян, чтобы заглядывать в ее прошлое.

Тем временем Джеймс Тренчард взял жену за руку и сказал:

– Вот что, давай пока никому ничего не будем говорить. Ни Чарльзу Поупу, ни Брокенхёрстам, ни Оливеру со Сьюзен. Мы должны еще раз тщательно перепроверить сведения об этом священнике и лично убедиться, что брак Софии был законным. Потом надо узнать, как его правильно зарегистрировать, дабы соблюсти все формальности. Я не хочу никого обнадеживать раньше времени.

Анна кивнула. Конечно, она была счастлива. Она была просто вне себя от радости. Но некоторые фрагменты этой истории казались ей не вполне логичными. Если Джон Белласис дал себе труд предпринять расследование, то почему он так небрежно хранил информацию? Ведь в его интересах было скрыть правду, пусть бы все по-прежнему считали этот брак незаконным. Эдмунд мертв. София мертва. Бувери мертв. Единственное

доказательство – бумага, которую ему отыскали где-то в архивах, и, если бы Джон ее сжег, никто бы ничего не узнал. Так почему же он так легкомысленно выпустил документ из рук? И кто этот мальчик, который вручил Сьюзен пакет? А что, если их невестка каким-то образом к этому причастна?

– Чуть не забыл, у меня есть для тебя еще одна новость. – Голос Джеймса вывел Анну из задумчивости. – Наверняка она тебя обрадует. – Он помолчал для вящего эффекта. – Сьюзен беременна!

Ага, вот оно, ее догадка подтверждается.

– Правда? – Анна постаралась изобразить восторг.

– Только что сама мне сказала! – кивнул Джеймс, улыбаясь от уха до уха. – Ну надо же, десять лет жили с Оливером – и ничего. Мы уже все просто отчаялись. А теперь у нее будет ребенок. Разве это не чудесно? Ты счастлива, милая?

– Ну а как же иначе, – проговорила Анна.

Оливер опаздывал домой, и, когда он заглянул в комнату Сьюзен, та была уже одета к ужину.

– Я, пожалуй, пойду вниз, – сказала она.

– Иди. Можете начинать, меня не ждите.

Сьюзен видела, что муж зол. Неужели опять поссорились с Джеймсом? Оливер покачнулся и схватился за дверной косяк, чтобы не упасть. Значит, пьян. Ну и пусть. Она пойдет вниз и постарается воспользоваться случаем посидеть с его родителями наедине. Сьюзен наугад нащупывала способ пройти через это испытание, но если все получится, если удастся склонить их на свою сторону, катастрофы можно будет избежать. Самой трудной ее задачей будет Оливер, но говорить с мужем, когда он в таком состоянии, не имело смысла. Сейчас ей требовалось проявить смелость, и пусть Сьюзен недоставало иных добродетелей, смелости ей было не занимать.

Когда она вошла в столовую, свекор и свекровь уже ждали там. С упавшим сердцем она подошла к Анне. Если кому и могло хватить ума и понимания человеческой природы, чтобы обо всем догадаться, то лишь этой женщине.

– Отец уже рассказал вам? – спросила Сьюзен, наблюдая за ее реакцией.

– Рассказал, – ответила Анна. – Мои поздравления!

Но восторга в ее голосе не прозвучало. Она новыми глазами посмотрела на невестку.

– Ну же! – воскликнул Джеймс из другого угла комнаты. – Поцелуй девочку!

Анна запечатлела на щеке Сьюзен короткий холодный поцелуй.

Сьюзен почтительно поцеловала ее в ответ.

– Оливер немного задержится. Когда я спускалась, он только вернулся домой. Сказал, чтобы мы начинали без него, если хотим.

– Думаю, мы можем подождать, – холодно произнесла Анна. – Джеймс? Ты уже поговорил с Тёртоном?

Муж покачал головой:

– Хотел оставить это на потом, не хотел портить себе аппетит. Или это проявление малодушия?

– Важно, чтобы дворецкий услышал обо всем от тебя, а не от Эллис, хотя, может быть, мы все равно уже опоздали.

– Верно, – закивал Джеймс. – Думаю, Тёртону тоже придется дать какую-нибудь рекомендацию. Ладно, схожу, заодно прихвачу внизу пару бутылок шампанского, – прибавил он и исчез, оставив двух женщин наедине.

Для этого вечера Сьюзен оделась тщательно, но скромно. Блуза из красно-коричневого шифона и широкая юбка из чуть более темного красно-коричневого шелка. Волосы собраны в простой пучок, только несколько локонов целомудренно закрывают уши. Она добивалась эффекта простоты и благовоспитанности: этакая добродетельная женщина, честная, гордая, столп общества. Но Анна без труда разгадала замысел невестки.

– Присядем? – предложила она. Женщины сели на два позолоченных кресла, стоявшие по бокам мраморного камина, и свекровь продолжила: – Почему Джон Белласис отдал тебе эти бумаги?

От столь неожиданного вопроса у Сьюзен перехватило дыхание, и она даже на секунду растерялась, но вовремя удержалась, чтобы не солгать. Анна догадалась об истине, по крайней мере частично, и Сьюзен вдруг отчетливо поняла, что если говорить правду, то, может быть, и удастся прорваться, но если спрятаться за ложью, то уж точно ничего не выйдет.

– Он мне их не давал. Я сама взяла.

Анна кивнула. Она почти зауважала Сьюзен за то, что невестка даже не попыталась ее обманывать.

– Могу я спросить почему?

– Он сказал мне, что Чарльз Поуп – законнорожденный ребенок и законный наследник своего дяди, и если показать эти бумаги нужным людям, то он сам, Джон Белласис, все потеряет. Вы ведь ничего этого не знали. Разве справедливо, что мистер Поуп вынужден работать в поте лица

на какой-то грязной фабрике на севере страны?

– Мы знали, что венчание состоялось, но считали его инсценировкой.

– Джон думал, что когда вы увидите оригиналы писем, то начнете немедленно изучать эту историю и узнаете правду.

– Так нам и надо было поступить, еще тогда, четверть века назад, – вздохнула Анна. – А теперь, получается, мистер Белласис это за нас сделал. Забавно. Если бы он оставил все как есть, мы бы никогда ничего не узнали.

Эта мысль только что посетила Анну. Ей даже стало нехорошо.

– А почему ты решила ему навредить? Вы ведь были любовниками?

И снова откровенность вопроса потрясла Сьюзен, но она уже зашла слишком далеко. Теперь не поможет ничего, кроме правды.

– Я хотела, чтобы Джон женился на мне, если я разведусь с Оливером. Пока я считала, что он станет лордом Брокенхёрстом, то о таком даже мечтать не могла. Но если мечтала, то отдавала себе отчет, что это лишь мечты. А когда он превратился в нищего сына младшего сына, они стали не такими уж запредельными. У меня сейчас, должно быть, больше денег, чем у него. Намного больше.

– Согласна. – Анна говорила так, будто они обсуждали достоинства и недостатки нового повара. – Я бы на месте Джона Белласиса сочла, что ты послана ему в ответ на его молитвы.

– Какое там, – вздохнула Сьюзен. – Он лишь рассмеялся мне в лицо, услышав подобное предположение.

– Понятно.

Анне и впрямь все было понятно. Сьюзен увлеклась красивым мужчиной, обладавшим изящными светскими манерами. Она встретила его, когда была одинока, нелюбима и думала, что не способна родить ребенка.

– Значит, получается, ты не бесплодна, – прибавила Анна. – Это радостное известие, хотя оно многое усложняет.

– Если бы я знала, что причина в Оливере, а не во мне самой, то была бы осторожнее, – криво улыбнулась Сьюзен.

Как странно звучал этот разговор. Сьюзен оглядела уютную столовую: красивые цветы, шикарная мебель и картины, – но отныне эта комната, которую она так хорошо знала, навсегда станет для нее другой. Сейчас Сьюзен и Анна разговаривали на равных, почти как две подруги, что отчасти было необычно, хотя Сьюзен всегда уважала свекровь больше остальных членов семьи.

– В том-то все и дело. – Голос Анны снова стал серьезным. – Оливер не может стать отцом.

В ее голосе звучала неподдельная печаль. «Да и как иначе, – подумала Сьюзен. – Как это ужасно для матери – знать, что ее сын никогда не сможет иметь наследника!»

И невестка попыталась утешить свекровь:

– Если я не могу забеременеть от Оливера, то это еще ничего не значит. Ведь у Наполеона тоже не было детей от Жозефины, но потом Мария-Луиза родила ему сына.

– Оливер – не Наполеон, – сказала Анна, словно поставив точку.

Она размышляла. Только тиканье часов на каминной полке нарушало молчание, да с шумом разваливались в камине горящие угольки. Анна повернулась к Сьюзен и посмотрела на нее в упор:

– Я хочу четко понимать условия сделки, которую ты предлагаешь.

– Сделки? – Сьюзен пока еще не приходило в голову считать это сделкой.

– Теперь, когда отходные пути с Джоном Белласисом для тебя отрезаны, ты хочешь остаться с Оливером?

Сердце у Сьюзен громко стучало. Ближайшие несколько минут решат ее судьбу.

– Да, я хотела бы остаться в этой семье.

Неожиданно раздавшийся лай заставил их обеих вскочить. Агнесса, спавшая на коврик перед камином, проснулась и тыкалась хозяйке носом в юбки, прося взять ее на руки. Как только собака уселась у Анны на коленях, та продолжила:

– Как ты поступишь с Оливером? Полагаю, он должен знать, что ребенок не от него.

– Да, он это непременно узнает, – кивнула Сьюзен. – Но Оливера предоставьте мне.

– Тогда чего ты хочешь от нас с Джеймсом?

Анне было любопытно узнать, насколько у невестки все предусмотрено. На самом деле Сьюзен импровизировала на ходу, но ей хватало такта подать свои мысли так, словно она все тщательно обдумала.

– Я хочу, чтобы Оливер видел, как доволен его отец этим известием, как оно его обрадовало, как мистер Тренчард гордится своим сыном, как он счастлив. Оливер уже давно не давал отцу повода почувствовать себя счастливым.

Некоторое время Анна ничего не отвечала. Молчание так затянулось, что Сьюзен уже решила, что этот причудливый разговор подошел к концу. Но свекровь все же заговорила:

– Ты хочешь дать Оливеру понять, что он многое приобретет, если

признает ребенка своим?

– Да, в этом случае он окажется на коне.

Сьюзен и сама понемногу начинала верить в то, что говорит.

Анна медленно кивнула:

– Я сделаю все от меня зависящее и сохраню твою тайну, но при одном условии. Жить вы будете в Гленвилле.

Сьюзен в ошеломлении смотрела на нее. Жить в Сомерсете?! В двух, если не в трех днях езды от столицы?

– В Гленвилле? – повторила она, словно бы не веря своим ушам.

– Да. Вы будете жить там. А я никому не расскажу о твоей тайне.

Сьюзен начала понимать, что выбора у нее нет. Анна как будто задавала вопрос, но на самом деле отдавала распоряжение.

– Нам пора признать, что Оливеру не принесет счастья карьера, которую наметил для него Джеймс, – продолжила она. – Мой сын никогда ничего не добьется ни в строительстве, ни в коммерции. Ну и ладно. Пусть лучше будет землевладельцем, сельским сквайром. Это ему нравится. Как знать, может, там он добьется успеха?

По правде говоря, расстаться с Гленвиллом было для Анны очень тяжело. Это все равно как лишиться руки или ноги, и даже хуже того – потерять половину жизни. Гленвилл был ее любовью и источником неизменной радости, но Анна понимала, что для ее сына он окажется спасением, и поэтому придется сделать нелегкий выбор.

– Я, как и прежде, буду наезжать время от времени, но уже не как хозяйка дома. С этого момента особняк переходит в твое распоряжение. Если ты согласишься. Ну, что скажешь?

Сьюзен уже поняла, что никакое другое решение просто невозможно. Выбор был невелик: стать разведенной женой, нарушившей супружескую верность, жить изгнанницей с незаконнорожденным ребенком, поднимать его в одиночку, не имея возможности на что-либо претендовать, или же оказаться владелицей огромного дома в графстве на юго-западе, жить с мужем и сыном (или дочкой), играть заметную роль в местном обществе. Не так уж и страшно. Но...

– Можно мне будет на светский сезон приезжать в Лондон?

Впервые с тех пор, как Сьюзен вошла в комнату, Анна улыбнулась:

– Да. Каждый год на два месяца ты будешь приезжать сюда.

– И можно будет иногда наносить визиты?

– Можно. Хотя, мне кажется, ты с удивлением обнаружишь, как тебе понравится деревенская жизнь, стоит только войти в ее ритм. – Анна помолчала. – У меня есть еще одно условие.

Сьюзен сжалась:

– Какое?

– Чтобы Джеймс никогда не узнал правды. Этот ребенок будет его внуком, и он ничего не должен даже заподозрить.

– Ну, от меня он точно никогда ничего не узнает, – кивнула Сьюзен. – И я постараюсь сделать так, чтобы Оливер нас не выдал. Но у меня тоже есть условие.

– Ты не в том положении, чтобы выдвигать условия.

– Мне кажется, что это условие я выдвинуть могу. Оливер не должен заподозрить, что вы знаете правду. Происхождение ребенка будет нашим секретом, моим и Оливера. Только тогда он сможет сохранить чувство собственного достоинства.

– Понимаю, – согласилась Анна. – Хорошо. Я даю тебе слово.

– В чем это ты даешь слово? – Голос Джеймса испугал их, но Анна сумела сохранить полную невозмутимость.

– В том, что они с Оливером получают Гленвилл в свое распоряжение. Ребенок должен расти в деревне. Ты нашел шампанское?

– Я попросил принести его к концу ужина.

Как легко было отвлечь его внимание! Но не успел Джеймс ничего больше сказать, как дверь открылась и вошел Оливер. Он уже переоделся и плеснул себе в лицо водой, что немного прогнало у него из головы хмель, к великому облегчению Сьюзен. Хотя, когда она посмотрела на мужа, ее стали одолевать нехорошие предчувствия. Сегодня к ночи ее будущее решится, так или иначе.

При виде сына Джеймс тотчас испустил радостный возглас.

– Ура! Мальчик мой! – крикнул он, широко улыбаясь. – Поздравляю тебя!

Он так крепко обнял сына, что не увидел замешательства на его лице.

Оливер посмотрел на мать и открыл было рот, но, прежде чем успел что-то спросить, она перебила его:

– Это прекрасная новость, милый. Мы со Сьюзен все обсудили, и теперь я могу сказать: Гленвилл достается тебе. Ты должен оставить работу в Лондоне и переехать в Сомерсет.

– Что это значит? Ты никогда не говорила, что он должен уйти со службы. – Джеймс высвободился из объятий, но Анна жестом заставила мужа молчать.

– Денег у нас достаточно. Почему бы и нет? Что и кому мы пытаемся доказать? Оливер рожден быть сквайром, а не коммерсантом.

Анна чувствовала, что наступает один из тех моментов в браке, когда

принимаются самые важные решения, которые кардинальным образом все меняют. Еще когда Оливер был мальчиком, Джеймс хотел, чтобы сын пошел по его стопам, но из этого ничего не получилось, кроме взаимного недовольства. Они рассорились до такой степени, что едва разговаривали друг с другом.

– Неужели тебе не хочется восхищаться сыном, вместо того чтобы все время в нем разочаровываться? – прошептала Анна Джеймсу на ухо. – Веди дела вместе с Чарльзом. Пусть Оливер идет своей дорогой.

Джеймс глянул на жену и кивнул. Едва заметно, но кивнул.

Анна улыбнулась.

– Благодарю тебя, Боже! – едва слышно проговорила она, хотя и сама не знала, обращается ли она больше к Создателю или к своему мужу.

– Что происходит? Почему вы говорите в таком тоне? – спросил крайне озадаченный Оливер. Все его мечты в одно мгновение сбылись, но почему?

– Наверное, твоя мать права, – вздохнул Джеймс. Он уже согласился с решением Анны. – Ребенку надо расти в деревне.

– Ребенку? – Оливер опять не поверил своим ушам.

– Дорогой, нам больше не нужно ничего скрывать, – уверенно и невозмутимо сказала Сьюзен. – Я все рассказала твоим родителям. Они очень рады за нас, и мама хочет отдать нам Гленвилл. Мы сможем жить там семьей.

Она начала болтать чепуху, как девчонка по дороге на свой первый бал, чтобы за этой звуковой завесой Оливер мог собраться с мыслями. Его лицо потемнело, так что жена затараторила еще энергичнее:

– Разве это не чудесно? Ты же всегда этого так хотел! – Сьюзен проникала взглядом Оливеру прямо в глаза, удерживая его, словно господин Месмер пациента в гипнотическом трансе. Придвинувшись к мужу вплотную, обняла его и приблизилась губами к уху. – Пожалуйста, молчи! – сказала Сьюзен, крепко его стиснув. – Поговорим позже, но если ты сейчас что-нибудь скажешь, мы все потеряем, а другого такого шанса нам уже не представится. Так что помалкивай!

Оливер напрягся всем телом, но решил один раз в жизни прислушаться к словам жены и промолчал. Прежде чем размахивать саблей, надо хорошенько подумать.

Мистер Тёртон был очень зол. Он прослужил в этой семье больше двадцати лет, а теперь его вышвыривали на улицу, как собаку. Перед самым ужином хозяин велел ему завтра утром выметаться, и с тех пор дворецкий

сидел в людской. Остальная прислуга избегала его, за исключением мисс Эллис, которая попала в такую же беду, и теперь они сидели и дегустировали бутылочку самого лучшего «Шато Марго», какое только смогли найти в погребе.

– Пейте, – сказал Тёртон. – Там есть еще, если захотите.

Эллис маленькими глотками потягивала восхитительный напиток. Она любила хорошее вино, но предпочитала не напиваться. Пьяный человек легко теряет над собой контроль, а этого она старалась никогда не допускать.

– Куда вы пойдете? – спросила Эллис.

– У меня кузен в живет в Шордиче. Могу там пожить. По крайней мере, несколько дней. – Тёртон еле сдерживался от негодования. – Осмотрюсь, а потом решу, куда податься.

Эллис кивнула.

– Это миссис Оливер во всем виновата. Не совала бы свой нос куда не просят – никто бы нас не тронул.

– Не понимаю, а она-то здесь при чем? – удивился дворецкий. – Мисс Спир сказала, что бумаги ее госпоже на улице сунул в руки какой-то мальчик. Что ей оставалось делать?

– Не болтайте ерунды! – Эллис в раздражении закатила глаза. – Миссис Оливер не отличается строгим поведением. С чего бы, по-вашему, она вдруг забеременела, после того как десять лет прожила с мистером Оливером – и ничего?

– Откуда вы знаете, что она беременна? – оstonбенел Тёртон.

– Никогда не задавайте камеристке таких вопросов. – Эллис допила бокал и потянулась за добавкой. – Просто поверьте мне на слово. Миссис Оливер и мистер Белласис играли в недетские игры.

– Мистер Белласис? – Тёртону казалось, что он спал и все пропустил.

– Я сама видела у него миссис Оливер. Когда относил мистеру Белласису бумаги. Мы чуть не столкнулись нос к носу. Она быстро скрылась, но я-то успела ее рассмотреть. Никакого мальчика не было, да, – многозначительно покивала Эллис. – Сдается мне, что миссис Оливер сама забрала эти бумаги, чтобы наказать его, вот как. Хотела небось, чтобы он с ней остался, но мистеру Белласису не пристало якшаться с дочкой торговца! Он уж точно не из таких! – Эллис запрокинула голову и грубо захохотала.

– Понятно. – Тёртон задумался, потом спросил: – Мисс Эллис, как вы думаете, а мы можем извлечь из этого какую-то пользу?

Она молча смотрела на него, обдумывая эту мысль.

– Боюсь, с мистера Белласиса мы вряд ли что-нибудь поймеем. Да хоть бы весь мир узнал, что миссис Оливер – потаскуха. Какое ему дело? Но вот она сама может и раскошелиться, чтобы люди ничего не прознали. Если мы немножко подождем, пока не родится ребенок...

– Ничего у вас не выйдет.

Внезапно раздавшийся голос заставил их вздрогнуть. Оба считали, что они в комнате одни. Но в дверях стояла Спир.

– Что вы здесь делаете, мисс Спир? Шпионите за нами?

Голос Тёртона был резким, словно дворецкий отдавал распоряжение, как все эти годы.

– Простите, мистер Тёртон, но вы здесь больше никто. Вас уволили. – Спир чеканила слова так, что они, казалось, эхом отлетают от стен. – И не думайте, что я продолжаю подчиняться вашим приказам.

Такую Спир они раньше не видели. Она подошла и села рядом с ними за стол. Камеристка Сьюзен держалась естественно, чувствуя себя спокойнее, чем эта парочка, и, когда она снова заговорила, голос ее был вкрадчив, как мурлыканье кошки.

– Если кто-нибудь из вас еще раз вздумает побеспокоить миссис Оливер, письмом или лично, я донесу на вас в полицию за кражу. Я дам против вас показания, и вас отправят в тюрьму. После чего работу слугами вы до конца жизни не найдете.

Некоторое время царило полное молчание.

– Разве я хоть что-нибудь ukrала? – возразила Эллис.

– Продукты с кухни миссис Бэббидж. Вы вдвоем крали. Вино, мясо, утварь. Да за все эти годы вы наворовали добра на сотни фунтов и продали его, а деньги поделили.

– Это неправда! – Теперь уже рассердилась Эллис. На ее совести было немало неблагоприятных дел, она шпионила и даже лгала, но воровать ей ни разу не случалось.

– Может быть, и так, – сказала Спир. – Но миссис Бэббидж даст показания против вас. Если начнут расследование, то мигом узнают, сколько всего пропало за то время, пока вы оба здесь работали. Неужели вы думаете, что кухарка станет свидетельствовать против себя самой? – Спир улыбнулась, разглядывая свои ногти.

В этот момент Тёртон окончательно понял, что вместе с работой потерял еще и власть. Помолчав, он кивнул. Конечно, чтобы выгородить его или мисс Эллис, которые всегда относились к миссис Бэббидж как к низшему существу, кухарка не станет принимать удар на себя, это ясно.

– Пойду спать, – сказал Тёртон, вставая.

Но Спир еще не закончила:

– Я должна взять с вас слово, с вас обоих. Как только вы покинете этот дом, мы никогда больше вас не увидим, ни одного, ни другого.

Эта суровая, подтянутая женщина, пользуясь надежностью своего положения, строила из себя королеву. И Эллис решила поставить ее на место:

– Хозяйка избавится от вас, мисс Спир. Вы слишком много знаете. Она не захочет, чтобы вы были рядом с ней в будущем.

Камеристка на секунду задумалась, но тут же ответила:

– Возможно. Но если миссис Оливер попросит меня уйти, то уйду я только с такими рекомендациями, с которыми и в Букингемском дворце место получить можно. – Это, конечно, было справедливо, поэтому Эллис даже не попыталась возразить, однако мисс Спир продолжала: – Но пока что она мне еще госпожа, и моя задача – защищать миссис Оливер от таких, как вы. – И Спир торжествующе глянула на Тёртона.

Раньше он почти не замечал ее, она была никто, а теперь вот, пожалуйста, выговаривает им, указывает, что делать.

Первым заговорил дворецкий:

– Можете не беспокоиться, мисс Спир. Обо мне вы больше не услышите. – Слегка поклонившись, он покинул комнату.

– Ты выиграла, стерва! – бросила Эллис.

С этими словами она поднялась и вышла вслед за Тёртоном. Спир пропустила оскорбление мимо ушей. Не из такого она была теста. Теперь бы неплохо придумать, как дать миссис Оливер узнать, что Спир для нее сделала. Должен же быть какой-то способ. Спир знала, что в словах мисс Эллис была истина и что рано или поздно миссис Оливер захочет уволить ее и нанять другую камеристку, не хранящую воспоминаний о мистере Белласисе и всей этой поре ее жизни. Но, так или иначе, сейчас Спир осталась победительницей. Мистер Тёртон и мисс Эллис больше никогда не побеспокоят госпожу, и это произошло ее стараниями.

Сьюзен пошла спать первой. Вечер продолжался на веселой ноте, в основном усилиями Джеймса, поскольку он единственный из присутствующих ни о чем не подозревал. Остальные – Сьюзен, Оливер и Анна – знали правду, так что сидеть и выслушивать разглагольствования Джеймса и пить друг за друга шампанское было довольно утомительно, и Сьюзен ушла, как только позволили приличия. Она знала, что ей предстоит серьезное объяснение с мужем, и ждать пришлось недолго.

– Чей это ребенок?

Как ни странно, обед, похоже, еще больше отрезвил Оливера. Это противоречило всякой логике, однако тем не менее именно так и было.

Сьюзен смотрела на мужа, стоявшего на пороге ее комнаты. Так, теперь предстояло преодолеть последнее препятствие. Если Сьюзен возьмет и его, дорога впереди свободна. Спир она отослала вниз еще раньше и, когда Оливер появился, уже лежала в постели. Он аккуратно закрыл за собой дверь и подошел ближе. Что бы он сам ни думал об этом деле, но лучше, чтобы никто их не подслушал.

Сьюзен была готова к появлению мужа.

– Не важно, чей он. Твоя жена беременна. Твои родители счастливы. Тебе предложили такую жизнь, к которой ты всегда стремился.

– Ты хочешь сказать, что я должен признать ребенка своим?

– А ты против?

Оливер тревожно заходил по комнате, разглядывая книги на полках и украшения на столе и размышляя вслух:

– Откуда мне знать, что эта мистическая фигура, отсутствующий отец, отныне не войдет в нашу жизнь навсегда? Я должен это терпеть? Быть *maî complaisant*?^[35]

– Нет, – покачала головой Сьюзен. – Я не стану раскрывать имя отца ребенка, поскольку это не важно. Я больше никогда его не увижу. Скажем так, постараюсь этого избежать.

– Видимо, чего-то подобного я должен был ожидать. Рано или поздно. Ты вечно флиртуешь, вечно выставляешь себя идиоткой. Я раз десять видел, как ты строишь глазки всем подряд.

Раньше за подобное обвинение Сьюзен отыгралась бы на муже как следует. Она была умнее Оливера и всегда могла ему ответить достойно. Но на этот раз она промолчала, нутром чувствуя темп, в котором ей надлежит двигаться. Через несколько секунд муж тяжело рухнул в кресло у камина, повернувшись так, чтобы сидеть лицом к кровати. Огоньки пламени освещали Оливера мерцающим светом, отчего он казался гостем из потустороннего мира.

– Ты даже не извинишься, на худой конец? – спросил он.

Сьюзен собрала все силы, ибо подошла вплотную к самой дерзкой части своего плана. У нее было время подумать, и она была готова.

– Я не прошу прощения потому, что сделала, как решила. Я беременна нашим ребенком. Это была моя цель, и ее я достигла.

– Ты никак пытаешься уверить меня, что сделала это преднамеренно?

Она стрельнула в него взглядом:

– Ты ведь меня знаешь. Разве я что-либо делаю без цели? Разве я

когда-нибудь поступаю импульсивно?

По выражению лица Оливера Сьюзен поняла, что он невольно заинтересовался.

– То есть ты считала, что я не способен дать тебе ребенка?

– Ты пытался почти одиннадцать лет.

– Но мы думали, что вина лежит на тебе.

– А теперь мы знаем, что нет. – Неужели ей удалось избежать гнева и вспышки ревности, которых она так боялась? – Видишь ли, – осторожно продолжила Сьюзен, – я хотела быть уверена, что причина не во мне, а в тебе. Мне следовало убедиться наверняка.

– И вот результат, – с непроницаемым лицом сказал он.

– Да. И вот результат. Я беременна нашим ребенком. Не важно, мальчик это будет или девочка, но у тебя появится наследник. Неужели ты хочешь посвятить свою жизнь Гленвиллу, зная, что дом и поместье некому передать? Разве к этому ты стремился?

– Я хочу иметь своего собственного ребенка.

– И у тебя он будет. Я тоже этого хочу. И я дам его тебе. Если бы я не сделала то, что сделала, ты бы до конца дней остался бездетным.

Оливер промолчал. По обе стороны от камина висели два пастельных портрета, его и Софии в детстве. Сестренке, наверное, было лет шесть, а ему – года три или четыре, он был запечатлен в шерстяной курточке и рубашке с воротником-жабо. Оливер рассматривал себя, каким он был давным-давно, и в голове забрезжило смутное воспоминание о художнике, который посулил маленькому Оливеру апельсин, чтобы тот не вертелся. А сзади продолжала разглагольствовать Сьюзен:

– Мы снова откроем в Гленвилле детские комнаты, которые были закрыты с тех пор, как твоя матушка купила дом. Если родится мальчик, ты сможешь учить его ездить верхом, плавать, ловить рыбу, стрелять. Только так ты сможешь стать отцом, Оливер, другого пути нет.

Когда муж снова повернулся к ней, Сьюзен была потрясена, увидев, что у него в глазах стоят слезы.

– Ты хочешь сказать, что сделала это ради меня?

– Я сделала это ради нас обоих. – Сьюзен почувствовала, что крепко держит поводья в руках и может направлять разговор, куда пожелает. – Мы начали уставать друг от друга, от нашей совместной жизни. Оттого, что у нас не было детей, нам с каждым днем становилось все тоскливее. Я знала, наше расставание – лишь вопрос времени. Ну и что тогда ждало бы нас впереди? Каждого из нас?

– Почему ты не рассказала мне о своем плане?

– По двум причинам. Во-первых, я могла на самом деле оказаться бесплодна, и тогда ничего бы не вышло. Я бы только оттолкнула тебя еще больше.

– А вторая?

– Ты бы наверняка мне запретил. Но зато теперь мы будем родителями!

Оливер ничего не сказал, но она заметила, как муж украдкой вытер глаза. Вдруг оказалось, что Сьюзен обнаружила в Оливере какие-то очень глубоко спрятанные черты; выпустила на волю натуру, которая была сокрыта от нее все десять лет их совместной жизни. Она лежала не шевелясь, положила руки на покрывало, а он шагал взад и вперед по вышитому ковру в изножье кровати. С улицы послышался звук собачьей свары, и Оливер подошел к окну глянуть, что происходит.

Он простит Сьюзен. Теперь он это знал. Не вполне понятно было, сделала ли она это для него или для себя, но в любом случае теперь он был уверен, что жена не просто завела любовника и попалась. С этим он бы никогда не смирился. А ведь Сьюзен права. Жизнь, которой он многие годы жаждал, была совсем рядом, и это была счастливая жизнь...

– Но у меня есть одно условие, – проговорил Оливер, по-прежнему неподвижно глядя в окно.

– Назови, – сказала она, чувствуя, как по всему телу разливается облегчение.

– После сегодняшнего вечера мы больше никогда не будем упоминать о том, что это не мой ребенок. Даже в разговоре друг с другом.

Сьюзен почувствовала, что ей стало легче дышать. Плечи расслабились, и она откинулась на кружевные подушки, лежавшие у нее за спиной.

– Зачем мне говорить иначе? – произнесла она голосом любящей женщины. – Разумеется, этой твой ребенок, дорогой. Кто еще может на него претендовать?

И тогда он подошел к жене, взял ее ладони в свои и наклонился, чтобы поцеловать в губы. Поначалу одна мысль об этом показалась Сьюзен отвратительной, но способности управлять собой ей было не занимать. Сейчас этот человек не был ей приятен. Да и был ли вообще хоть когда-нибудь? Оливер даже не был ей симпатичен, ее не привлекало его общество. Но привязанность мужа была необходима Сьюзен в той новой жизни, которую она собиралась для себя построить. Вот и хорошо. Она научится любить Оливера. Даже преодолит отвращение при мысли о том, чтобы заняться с ним любовью. В конце концов, когда-то он ей наверняка

нравился, хотя бы немного. Муж, конечно, ошибался на ее счет. Сьюзен именно что завела себе любовника, Джона Белласиса, и элементарно попалась. Но это истолкование событий исчезло, растворилось в эфире, и теперь Сьюзен предстояло свыкнуться с выдуманной ею самой историей о том, что она пожертвовала собой, дабы родить ребенка, которого они смогут вдвоем любить и воспитывать. Сьюзен прикинула, что ей потребуется не больше года, чтобы полностью в это поверить. Если постараться, она постепенно полностью забудет, что произошло на самом деле. И с этой мыслью она приоткрыла рот, чтобы поцеловать Оливера со всей страстностью, на какую была способна. Поначалу его язык у нее во рту показался ей неприятно большим, и к тому же от мужа несло кислым вином, но Сьюзен не обращала на это внимания.

Теперь она была вне подозрений.

11. Наследство

Каролина Брокенхёрст недоуменно смотрела на посетительницу и не могла взять в толк, о чем та говорит.

– Не понимаю, – наконец сказала она.

Анна не удивлялась. Это и впрямь было трудно постичь сразу. Собираясь к Каролине, она долго прикидывала, как лучше все объяснить, но в конце концов пришла к заключению, что надо просто сказать все как есть.

– Теперь мы знаем, что ваш сын Эдмунд перед смертью действительно женился на моей дочери Софии. Чарльз Поуп – законнорожденный ребенок, да и никакой он вовсе не Поуп. Он Чарльз Белласис, точнее, виконт Белласис, законный наследник своего деда.

В тот день Джеймс Тренчард пришел домой переполняемый радостью. В руке он держал вожделенный документ. Его юристы зарегистрировали брак, и он был утвержден Комитетом по привилегиям. Этот последний этап мог занять некоторое время, но юристы изучили бумаги и не увидели никакой сложности. Иными словами, хранить тайну больше не было необходимости. Анна первой сказала, что надо немедленно поставить в известность леди Брокенхёрст. Она отправилась к графине и, застав ту в одиночестве, сообщила ей эту новость.

Каролина Брокенхёрст безмолвствовала, поскольку в голове у нее крутилось множество мыслей. Неужели Эдмунд и впрямь мог жениться, ничего не сказав родителям? И на ком – на дочери интенданта Веллингтона? Сперва графиня преисполнилась негодования. Как такое вообще могло произойти? Девчонка, должно быть, была не промах. От герцогини Ричмонд, своей сестры, Каролина знала, что София была хорошенькой. А теперь выясняется, что эта девица в придачу ко всему была интриганкой! Но потом до сознания Каролины стала доходить более важная истина. У них, у нее и Перегринна, есть законный наследник. И этот наследник трудолюбив, талантлив и умен. Конечно, Чарльзу надо немедленно оставить коммерцию, в этом больше нет никакой нужды. Его способностям найдется применение в Лимингтоне или в других родовых поместьях. Есть еще и дома в Лондоне, которыми больше века никто не занимался. Так что дел у их внука будет предостаточно. Каролина снова обратила взгляд на сидевшую перед ней женщину. Между ними не существовало дружеских отношений, даже сейчас, но они не были и

врагами. Для этого их слишком многое объединяло.

– И он ничего не знает? Чарльз, я имею в виду.

– Ничего. Джеймс хотел сперва удостовериться, что не будет никаких досадных препятствий.

– Понятно. Тогда прямо наутро пошлем ему записку. Приходите завтра вечером сюда, вместе ему обо всем расскажем.

– А лорд Брокенхёрст? Где он сейчас?

– Охотится в Йоркшире. Завтра возвращается – так, по крайней мере, он обещал. Я отправлю мужу телеграмму, чтобы он точно оказался здесь, а не поехал сразу в Хэмпшир. – Она задумалась. – Пусть мистер Тренчард добился подтверждения брака, но чем он тогда объяснил то, что на метрическом свидетельстве Чарльза значится девичья фамилия вашей дочери?

– Не важно, так или иначе, по закону отцом всех детей, зачатых в браке, считается муж, – улыбнулась Анна.

– Даже если он погиб?

– Если ребенок родился не позднее девяти месяцев после смерти отца, то отцовство признается за покойным, вне зависимости от того, носила ли жена его фамилию и упомянут ли он как отец в метрической книге.

– Но ведь мужа, бывает, не признают своего отцовства?

– Для этого, вероятно, существует какой-то механизм, – поразмыслив, ответила Анна, – но это точно не наш случай. Достаточно посмотреть на лицо Чарльза, и сразу станет ясно, кто его отец.

– Это верно.

Только теперь наконец графиню понемногу затопила теплая волна облегчения. У них есть законный наследник, которого она и так уже боготворила, и скоро у него будет собственная семья – жена и дети, которых они с Перегрином смогут любить.

Должно быть, мысли Анны приняли то же направление, поскольку она вдруг спросила:

– Где леди Мария? Ей что-нибудь известно?

– Я сказала девочке, что Чарльз – наш внук, – кивнула Каролина, – рассудив, что этого хватит, чтобы ублажить чувства ее матери. К сожалению, я ошиблась, но, так или иначе, Мария знает о нашем родстве.

– А где она сейчас? – поинтересовалась Анна.

– С леди Темплмор. Вчера вечером из Ирландии приехал ее брат Реджи, и сегодня утром лакей принес приглашение. Она отправилась домой на ужин: повидаться с братом и попросить помочь ей вместе уговорить мать. Мне не терпится написать Марии, что никого уговаривать больше не

потребуется, но пусть все идет, как идет.

Реджинальд Грей, шестой граф Темплмор, был человеком принципиальным, хотя и не настолько рьяно отстаивал собственные убеждения, как его сестра. Он был статен и по-своему красив, хотя и несколько простоват. Но сестру молодой граф любил безумно. Они с Марией через многое прошли вместе: сколько раз, бывало, присев за балюстрадой лестничной площадки на этаже, где находилась детская, они слушали, как внизу разворачиваются баталии. Именно в те тревожные годы между ними возникла крепкая дружба, и разорвать узы, связывавшие брата и сестру, было непросто – что с неохотой признавала их мать. Сейчас вся семья собралась в гостиной леди Темплмор, и легко можно было заметить, что настроение в комнате царит отнюдь не радостное.

– Как дела дома? – спросила Мария, чтобы хоть как-то сдвинуть разговор с мертвой точки.

На девушке было вечернее платье из светло-зеленого шелка с вышивкой вдоль глубокого выреза, выгодно подчеркивавшего ее сформировавшиеся плечи и роскошную грудь. Жаль, что всю эту красоту было некому оценить: в комнате не было других мужчин, кроме ее брата.

– Прекрасно. Правда, мы недавно потеряли двух арендаторов, но я взял их земли под свое управление. Сейчас у нас в поместье в общей сложности возделывается около тысячи акров земли. И еще я решил заняться библиотекой. Когда вернусь, ко мне придет один человек, который сделает новые книжные шкафы и перенесет камин из синей спальни. Думаю, получится хорошо.

Мария внимательно его слушала, словно показывая, что она взрослая и принимает взрослые решения.

– Еще бы! Папе наверняка бы понравилась эта идея.

– Твой отец сроду не интересовался литературой, – заметила леди Темплмор. – За всю жизнь прочел лишь несколько книг, да и то по большой необходимости.

Она поднялась, чтобы переставить на камине фигурки мейсенского фарфора.

Реджи Темплмор решил, что нет смысла и дальше избегать главной темы. И произнес:

– Из ваших писем я понял, что в последнее время вы не слишком ладите.

Леди Темплмор оторвалась от коллекции на камине.

– Ты правильно понял, – подтвердила она.

Мария взяла быка за рога:

– Реджи, я встретила человека, женой которого намерена стать. Надеюсь, я смогу сделать это с твоего разрешения и благословения. Я бы очень хотела войти в церковь под руку с тобой. Но, одобришь ты мой выбор или нет, имей в виду: ни за кого другого я замуж не пойду.

Реджинальд поднял руки ладонями вперед, словно успокаивая испуганную лошадь.

– Тпру! – улыбнулся он, пытаясь шуткой смягчить напряженность момента. – Сестренка, зачем сразу нападать? Ты же среди близких людей, которые желают тебе только добра.

– Мария упустила великолепный шанс, который изменил бы и ее жизнь, и мою. Едва ли она может рассчитывать, что я одобрю ее выбор, – заявила Коринна, возвращаясь на место. Леди Темплмор понимала, что сейчас начнется обсуждение, и не собиралась сдавать позиции.

Реджи подождал, пока мать и сестра немного успокоятся.

– Я, конечно, избранника Марии не знаю. И мне жаль, если она и впрямь упустила свой шанс. Но, признаюсь откровенно, что сам отнюдь не в восторге от жениха, которого моя сестра отвергла. Джон Белласис никогда не вызывал у меня симпатий. Так что жалеть здесь, на мой взгляд, особо не о чем.

– Спасибо! – Мария сказала это так радостно, словно брат уже выиграл спор. – Мы с Джоном Белласисом определенно не подходим друг другу. Я не нравлюсь ему, а он – мне. Так что и говорить тут не о чем.

– Тогда почему ты сперва согласилась? – настаивала мать.

– Потому, что ты заставила меня это сделать: внушала мне, что если я откажусь, то я плохая дочь.

– Правильно, давай вини во всем бедную мать. Ты всегда так поступаешь.

Коринна вздохнула и откинулась в кресле. У нее появилось неприятное чувство, что ситуация выходит из-под контроля. Она возлагала надежды на сына, была уверена, что тот сможет вразумить сестру, но Реджинальд, похоже, с самого начала встал на сторону Марии.

– Реджи, ты не понимаешь. Человек, которого Мария выбрала себе в мужа, – бастард и торговец. – По тону леди Темплмор было не понять, что из этого она считает худшим оскорблением.

– Сильно сказано, мама, – проговорил Реджи. Ему не нравилось, какое направление принимал этот разговор. – Мария?

Девушка почувствовала себя неловко, ибо знала, что оба обвинения соответствовали истине. Отвечая Реджи, она немножко подправила факты,

но изменить их полностью, естественно, не могла.

– Чарльз действительно незаконнорожденный сын дворянина, но семья отца признала его и приняла. И он уважаемый коммерсант: владелец ткацкой фабрики в Манчестере, который планирует расширять свое дело. – По мере того как Мария говорила, ее тон становился увереннее. – Чарльз наверняка тебе очень понравится, – прибавила она для надежности. По правде говоря, девушка была почти уверена, что так оно и будет.

Горячность сестры тронула Реджи. А что, вполне возможно, на жизненных весах этот человек весит ничуть не меньше Джона Белласиса.

– Мы можем узнать имя дворянина, который признал своего внебрачного сына?

Мария замялась. Она не знала, вправе ли упоминать о Брокенхёрстах без их разрешения.

– На самом деле отец Чарльза погиб, – сказала она. – Это бабушка и дедушка приняли его к себе. Но я пока не вольна называть их имена.

Коринна видела, что дочь убеждена, будто это ничтожество вполне можно сравнивать с бывшим женихом, и это приводило леди Темплмор в отчаяние. Она повернулась к детям и пожала плечами:

– Однако, в отличие от Джона Белласиса...

– Мама! – Даже Реджи начало раздражать упрямство матери. – Забудь ты наконец про Джона Белласиса. Нам его уже не вернуть, даже если бы мы и захотели.

– А мы и не хотим! – прибавила Мария со всей твердостью, на которую ей хватило духа.

– Но торговец?! – не успокаивалась Коринна.

– Между прочим, восемь лет назад...

– Мария, умоляю! Больше ни слова про Стивенсонов!

– Нет, сейчас речь не о них. Я только хотела напомнить тебе, что леди Шарлотта Берти вышла замуж за Джона Геста, а он был владельцем фабрики скобяных изделий. – Мария хорошо подготовилась. Пожалуй, она без труда смогла бы перечислить все неравные браки, заключенные в Лондоне в последнее время. – И их везде принимали! – добавила она.

Но леди Темплмор не собиралась так просто сдаваться:

– Мистер Гест обладал большим состоянием и был членом парламента. У мистера Поупа нет ни того, ни другого преимущества.

– Ничего, со временем будет!

Мария не имела ни малейшего представления, хочет ли Чарльз стать членом парламента, но она не собиралась терпеть, чтобы какого-то валлийского толстосума ставили выше его.

– Так, говоришь, родной отец Чарльза умер, однако бабушка и дедушка приняли его?

Мария с тревогой подумала, не слишком ли много она рассказала. Не догадалась ли мать о связи Чарльза с семьей Брокенхёрст? Надо было помалкивать, и кто ее только за язык тянул?

Тут дверь открылась и на пороге появился дворецкий, возвестивший, что ужин готов.

– Спасибо, Страттон, мы спустимся чуть позже. – Реджи говорил с уверенностью хозяина дома, хотя почти никогда не бывал в их лондонском особняке.

Мать посмотрела на него с удивлением. Она уже накинула на плечи шаль, готовясь отправиться в столовую, где было довольно холодно, и не понимала, к чему медлить. Но слуга, кивнув, вышел, и они снова остались втроем.

– Я встречусь с этим человеком, мистером Поупом, – заговорил Реджи. – Утром пошлю ему записку, и он наверняка найдет для меня время...

– Конечно найдет! – перебила Мария, мысленно сделав зарубку: необходимо срочно отправить письмо в Бишопсгейт, предупредить Чарльза.

Для своего возраста – а ему было всего двадцать лет – Реджи действительно был необычайно рассудительным, и Мария могла по праву гордиться таким братом.

– Я выслушаю, что он имеет мне сказать, и... Мама, я не могу обещать, что безоговорочно поддержу тебя. Если этот человек джентльмен и если он способен обеспечить будущее Марии, то мы просто обсудим, на каких условиях он получит право войти в нашу семью.

Коринна с отвращением вздернула голову:

– Значит, ты признаешь поражение?

Но Реджи это ее заявление нимало не смутило.

– Я реалист. Если Мария не хочет выходить замуж ни за кого другого, то надо рассмотреть этот вариант. Боюсь, мама, что для тебя выбор будет прост. Ты должна решить, хочешь ли поддерживать добрые отношения со своими детьми или жить с ними в состоянии войны. А теперь давайте пойдем ужинать!

Сьюзен Тренчард в последний раз обходила свои комнаты. Все, что она и Оливер забирали с собой, было упаковано, за исключением одежды и вещей, которые им понадобятся в дороге. Они переезжали в Сомерсет. Анна посоветовала невестке не затягивать, поскольку на более поздних

сроках беременности путешествие перенести гораздо труднее, и они решили ехать прямо сейчас. Сьюзен не внушали радости ни долгая дорога, ни будущая жизнь в деревне, но она покорно принимала и то и другое. Супругам предстояла нелегкая миссия: сделать так, чтобы поместье стало для них родным домом. Кроме того, Сьюзен хотела привести детские в порядок: она не была суеверна и не считала, что ремонтировать их заранее – плохая примета. Тревожил ее только Оливер. Верные своему соглашению, они с того вечера никогда не заговаривали о биологическом отце будущего ребенка, однако муж по-прежнему ходил озабоченный, чуть не плакал, и Сьюзен подумала, что он, вероятно, уже начинает жалеть о своем скоропалительном решении. Сьюзен хорошо знала, что Оливер умел быть упрямым, и сейчас молила Бога, чтобы супруг не вздумал снова проявить характер.

Один чемодан еще стоял в углу открытым. Все прочее уже снесли в просторную дорожную карету, которая проделала сюда неблизкий путь из Сомерсета и сейчас ждала во дворе за домом. Мальчику-коридорному предстояло всю ночь охранять ее, а наутро, сразу после завтрака, Оливер с женой должны были выехать. В отличие от свекрови, Сьюзен намеревалась проделать путь до Гленвилла за два дня, а для этого следовало отправиться пораньше. Сьюзен разглядывала одежду, которую отложила на дорогу, когда дверь открылась и вошел Оливер.

– Ты готова идти вниз?

Она кивнула. На ней было простое серое платье, которое пригодится на ту ночь, которую им придется провести на постоялом дворе. Наряд шел Сьюзен, но был не таким официальным, как обычно требовал Джеймс.

– Знаю, платье не слишком нарядное, но я приготовила серебряное кольцо, с которым оно будет смотреться солиднее. Спир пошла его почистить, но вот-вот вернется.

Оливер едва слушал жену. Он молча кивнул и окинул взглядом комнату:

– Ты будешь скучать по Лондону?

– Мы вернемся к началу светского сезона! – Сьюзен говорила радостно, потому что она так решила. Решила впредь быть счастливой женой.

– Путь неблизкий.

Оливер не насмехался и не сердился, он даже не был пьян. Скорее, он говорил печально. Может быть, беспокоился за нее. Муж тяжело опустился в кресло у камина, тревожно озираясь, словно бы что-то искал, но она не могла понять, что его гложет.

– Может, скажешь, что случилось? – улыбнулась Сьюзен.

– Ты не поймешь.

Оливер не стал отпираться, что лишь подтверждало ее подозрения.

– А ты попробуй объяснить.

Но тут открылась дверь и вернулась служанка, держа в руках филигранное кольцо, о котором говорила Сьюзен, и оно тотчас заняло свое место на шее хозяйки. Сьюзен и Оливер были готовы идти вниз.

Чарльз Поуп всю голову сломал, прикидывая, как ему лучше поступить. Совсем недавно он встретил мать в Лондоне и поселил ее в комнатах, которые снял для них двоих на Хай-Холборн. Миссис Поуп провела в Сити меньше недели, и хотя на словах выражала восторг от этого нового поворота судьбы, однако все же чувствовала себя неуверенно: еще бы, прожив целую жизнь в тихой деревне, она на старости лет вдруг оказалась в сутолоке большого современного города. Чарльзу хотелось отправиться домой и провести с мамой несколько дней, чтобы ей было поспокойнее. Но меньше часа назад ему доставили записку, которая немало удивила его.

Дорогой мистер Поуп!

Я пишу, чтобы поинтересоваться, не изъясите ли Вы желания сегодня вечером почтить меня своим обществом? Весьма вероятно, что нет, после той нашей последней встречи, когда я позволил гневу взять верх над хорошими манерами. Но полагаю, что, если мы сумеем уладить наши разногласия, это послужит счастьем дорогого нам обоим человека. Вне всякого сомнения, упомянутые разногласия возникли по моей вине, а не по Вашей, но, поверьте, для меня станет подарком судьбы, если Вы удовлетворите мою просьбу. Предлагаю встретиться в одиннадцать в «Черном вороне» на Олхэллоуз-лейн. К сожалению, я не смогу прибыть туда раньше, поскольку уже обещал присутствовать в другом месте, но предпочел бы все уладить, и чем скорее, тем лучше.

Ваш

Оливер Тренчард

Чарльз уже несколько раз перечитал письмо. Оно не содержало ни даты, ни обратного адреса, но в его подлинности можно было не

сомневаться. Джеймс показывал ему записки о застройке Собачьего острова, поданные Оливером, и почерк, без сомнения, принадлежал Тренчарду-младшему. Не пойти было нельзя, ибо Чарльз прекрасно знал, что невольно спровоцировал трения между Джеймсом и его сыном. Поуп был бы рад их помирить, поскольку меньше всего желал отплатить своему благодетелю за все, что тот для него сделал, черной неблагодарностью. У Чарльза мелькнула было мысль прежде зайти на Итон-сквер и показать письмо Джеймсу. Но не сделает ли он этим только хуже? Про паб «Черный ворон», о котором говорилось в записке, Поуп никогда не слышал, но Олхэллоуз-лейн была ему хорошо знакома: узкая улочка неподалеку от Бишопсгейт, выходящая к берегу реки, – легко можно дойти пешком. Но какая необходимость встречаться так поздно? Если этот вечер у Оливера был занят, то почему бы просто не перенести встречу на другой день? Но если Чарльз начнет возражать против предложенного времени, не будет ли это истолковано как отказ пойти на мировую, хотя на самом деле он ничего так не хотел, как мира?

В конце концов Поуп решил прогуляться пешком до своего нового жилища, побыть некоторое время с матерью, перекусить вместе с ней, а после отправиться на встречу. Как только он уйдет, мама ляжет спать, и в случае чего за ней смогут присмотреть экономка и слуга. Решив так, Чарльз попросил подать ему пальто.

За ужином Мария, Реджи и их мать избегали касаться скользких вопросов. Им прислуживали дворецкий и один-единственный слуга, и Коринне не хотелось афишировать перед ними семейные неурядицы. Поэтому обсуждали виды на урожай яблок в поместье, которым управлял Реджи, и сплетничали о живших в Ирландии родственниках и знакомых. Так что, глядя на это мило ужинавшее семейство, невозможно было поверить, что Мария и ее мать ведут непримиримую войну, которая может закончиться только победой одной из них.

– А про себя самого ты ничего не хочешь нам рассказать? Экий ты стал скрытный, братец! – лукаво заметила Мария.

Реджи улыбнулся и взял бокал:

– Жизненный опыт научил меня не раскрывать карты.

– Звучит многообещающе! Правда, мама?

Но леди Темплмор не готова была вести непринужденную светскую беседу, ее одолевали тяжелые мысли.

– Реджи все нам расскажет, когда надумает, – сказала она и кивком сообщила слуге, что они закончили ужинать. Тот подошел к столу, чтобы

убрать тарелки.

– Не хочу ждать! – воскликнула Мария и принялась бомбардировать брата вопросами.

Однако многого добиться от Реджи ей не удалось. Только то, что он нашел близкой по духу дочь каких-то друзей их родителей и что, возможно, из этого что-нибудь да выйдет.

– Если родители девушки и правда наши старые друзья, то это уже бальзам на мою израненную душу, – заметила Коринна, улучив момент, когда слуг не было в комнате, но развивать эту тему не стала.

Лишь позже, когда они вернулись в гостиную и слуги оставили их одних, леди Темплмор заговорила о деле.

– Хорошо, – сказала она.

Мария от неожиданности чуть не пролила на себя кофе.

– Что хорошо? – спросила она, посмотрев на мать.

– Я дождусь вердикта Реджи. Если ему твой мистер Поуп понравится, если он одобрит эту партию, то я постараюсь последовать примеру старшего сына. Он ведь сейчас глава семьи, ему и терпеть такого зятя. Мне все равно скоро умирать, так кому какое дело до моего мнения?

Коринна со вздохом откинулась на диван, словно намекая на свое болезненное состояние, и взяла со стоявшего рядом столика веер.

Мария и Реджи в первый момент застыли. Потом девушка бросилась на колени перед матерью и, схватив ее за руки, стала осыпать их поцелуями, а слезы ручьями текли у нее по щекам.

– Спасибо, мамочка, дорогая, любимая моя! Спасибо! Ты не пожалеешь о своем решении!

– Я уже жалею! – ответила леди Темплмор. – Но сразу обоим своим детям я сопротивляться не могу. Я слишком для этого слаба. Так уж и быть, постараюсь полюбить его, этого человека, который украл будущее у моей дочери.

Мария подняла на нее глаза:

– Мама, Чарльз ничего не украл. Я по доброй воле вверила ему свое будущее.

Мать тяжело вздохнула, но оставила свои руки в руках дочери. И хотя в ту ночь, лежа в постели, Коринна Темплмор всплакнула, она, взвесив все «за» и «против», приняла мудрое решение и предпочла остаться в добрых отношениях со своими детьми. Им обоим и так пришлось несладко, пока был жив их отец, так что ей не подобало враждовать с ними еще и сейчас.

Фрукты подали на особой серебряной подставке: вокруг центральной

вазы с розами располагались небольшие чаши, наполненные сливами, виноградом и персиками. Все это сверкало в свете канделябров, стоявших по обоим концам стола. «Как на картинах Караваджо», – подумала Анна. Миссис Бэббидж расстаралась на славу. Чтобы проводить Оливера и Сьюзен, Анна распорядилась устроить роскошный ужин и была очень довольна, что Сьюзен неведомо как удалось образумить ее сына. Анна была намерена следовать их соглашению и больше никогда не поднимать тему отцовства будущего ребенка. На секунду у нее возникло искушение рассказать Каролине Брокенхёрст, что теперь у всех внуков Анны будет кровь Белласисов, но она понимала, что если выдаст секрет хотя бы одному человеку, то Джеймс рано или поздно обо всем узнает, а этого ей не хотелось. Так что тайне Сьюзен ничего не угрожало, и Анна была довольна. Не сказать, что она очень любила невестку, но когда Сьюзен бралась за дело, то поступала мудро и продуманно, а недавно пережитый страх, противостояние надвигающемуся скандалу словно бы выдернули молодую женщину из тумана самовлюбленности, где она пребывала, и заставили ее заняться практическими вопросами новой жизни, которую ей предстояло построить. Помнится, Сэмюэл Джонсон писал, что если человек знает, что наутро его повесят, то это удивительно обостряет ум. Пожалуй, то же самое можно сказать и об угрозе позора. Анне было жаль, что она уступила Гленвилл детям. Конечно, она будет приезжать туда в гости и даже, может быть, не намного реже, чем сейчас, но Гленвилл уже не будет ее королевством. Отныне там будет править королева Сьюзен. И все же Анна понимала, что на эту жертву стоило пойти, чтобы ее сын жил своей собственной жизнью, а не действовал по указке отца.

Но сейчас, когда Анна взглянула на Оливера, сидевшего на другом конце стола, она поняла, что того по-прежнему что-то тревожит. За последние несколько дней она пару раз попыталась расспросить сына о причине его беспокойства, однако безуспешно. Оливер неизменно отвечал, что все в порядке, но тем не менее...

– Папа, ты в последнее время виделся с мистером Поупом?

Вопрос Оливера удивил присутствующих. Все прекрасно знали, что он терпеть не может Чарльза Поупа и старается лишний раз не упоминать его имени. Родители до сих пор не сообщили Оливеру о подлинном происхождении Чарльза, поскольку Джеймс считал справедливым, чтобы Чарльз узнал правду первым или, по крайней мере, не позже всех остальных. О роли Сьюзен в этой истории он, разумеется, даже не подозревал, и Анна не собиралась выводить мужа из заблуждения.

Удивленный столь необычным вопросом, Джеймс глянул на сына и

уточнил:

– Что значит «в последнее время»?

– В последнюю неделю.

Оливер ел персик, и по подбородку у него стекал сок. Сьюзен заметила это и почувствовала, как у нее от раздражения сжались зубы, но заставила себя расслабиться. Если мужу нравится, что подбородок у него выпачкан соком, то и на здоровье. Это ведь его подбородок.

– Нет, не виделся, – ответил Джеймс. – Мистер Поуп переселялся на новую, более просторную квартиру, где хватит места и для его матери... – Он перехватил взгляд Анны и поправился: – Для миссис Поуп, которая переезжает к нему. Чарльз говорил, что ему потребуется некоторое время, чтобы ее обустроить.

– Ты знаешь, где находится эта квартира? – задал следующий вопрос Оливер.

Джеймс покачал головой и стал чистить персик, недоумевая, с какой целью затеян этот разговор.

– Кажется, где-то в Холборне. А почему ты спрашиваешь?

– Просто так, – ответил сын.

Анна увидела, что Билли уставился на Оливера с любопытством. Заметив, что хозяйка за ним наблюдает, слуга покраснел. Анна вспомнила, что Билли временно исполняет обязанности дворецкого, так что обращаться к нему следует Уотсон. Придется им всем переучиваться.

– Мне кажется, что не просто так. – Джеймс произнес это с вызовом, явно приготовившись защищать Чарльза от нападок Оливера.

Но тот не выказывал ни малейших признаков агрессивности, не сердился и не говорил грубостей. Если бы Анне нужно было описать его настроение, она бы сказала, что сын чем-то обеспокоен.

– Оливер, можно тебя на минуточку?

Джеймс положил фруктовый нож, встал, бросив на стол смятую салфетку, и через холл направился в библиотеку.

Они шли молча, но как только Джеймс закрыл за собой дверь, то немедленно спросил:

– Что происходит? Почему ты так озабочен и как это связано с Чарльзом Поупом?

Теперь, когда его спросили напрямую, Оливер почувствовал некоторое облегчение и принялся без утайки рассказывать все, что накопилось на душе. Как он, преисполнившись негодования, отправился в «Лошадь и грум», как его нашел там Джон Белласис.

– Он узнал, что я зол на Поупа – хотя и не представляю откуда, – и

стал задавать мне вопросы. Ему было интересно выяснить про этого человека абсолютно все. Поуп в большом фаворе у тети мистера Белласиса. Может быть, Джон просто ревнует? Я, например, раньше ревновал.

– Это ясно. Но что случилось дальше? Что сделал Белласис? Ну же, рассказывай!

Ища, чем бы занять руки, Джеймс схватил кочергу и стал ворошить угли, пытаясь воскресить умирающий огонь.

Оливер заговорил не сразу. Он постарался, чтобы его следующая фраза прозвучала не слишком серьезно. Однако у него ничего не вышло.

– Джон сказал, что хочет проучить Поупа.

– И как именно?

– Не знаю. Я напился еще до того, как он пришел. Понимаешь, я, вообще-то, и сам был обижен на Поупа.

– Можешь не объяснять, что ты желал Чарльзу Поупу зла. От тебя я ничего иного и не ожидал. Продолжай.

Голос отца звучал отнюдь не мирно, но раз уж Оливер начал, надо было рассказать ему все до конца.

– Белласис попросил меня написать мистеру Поупу записку. Сказал, что сам этого сделать не может, поскольку Поупу до него нет никакого дела и он наверняка не ответит. Но если записку напишу я, скажу, что якобы сожалею о нашей ссоре и что тебе доставит удовольствие, если мы помиримся, то Поуп вряд ли откажется со мной встретиться.

– Только не говори мне, что Джон Белласис решил выступить в роли миротворца, – насмешливо фыркнул Джеймс.

– Не представляю, откуда этот тип знает, что ты огорчен тем, как я ополчился на твоего протеже. В общем, я написал записку, выпил вместе с Белласисом и ушел.

Тренчард-старший не верил своим ушам.

– Ты написал письмо с целью заманить Чарльза Поупа в определенное место, где... Что там произойдет? Его избьют? Бандиты, которых нанял мистер Белласис? Так?

– Не знаю. Говорю же тебе, я был пьян.

– Черт возьми, но не настолько, чтобы не удержать в руках перо! – Джеймс пришел в ярость.

На глазах разрушался столь драгоценный для Оливера мир, все, к чему он шел с тех пор, как родители приняли решение отпустить его в Гленвилл. И вот опять он выставил себя идиотом, неудачником, источником разочарований для отца.

– Когда должна состояться эта встреча?

– Джон не сказал. Дату в записке проставить не дал, чтобы самому выбрать, когда ее лучше отправить. Наверное, ему надо было собрать, так сказать, комитет по организации встречи и все подготовить. Потому я и спросил, давно ли ты виделся с Поупом.

– Где он должен встретиться с тобой? Вернее, с Белласисом?

На протяжении нескольких дней, прошедших после того вечера, Оливеру казалось, что он словно бы постоянно носит с собой запечатанный в бутылке секрет, опасный и непонятный. Ему не хотелось признавать, что он повел себя как глупец и простака, хотя на самом деле именно так оно и было. Теперь смертоносная тайна вырвалась из бутылки и выросла до гигантских размеров, разом заслонив все остальные мысли.

– Не помню.

– Так напряги мозги и вспомни!

Джеймс подошел к колокольчику и дернул за веревку. Когда из столовой прибежал лакей, Джеймс крикнул ему, едва тот успел открыть дверь:

– Отправьте мальчика к Кверку, пусть немедленно закладывает экипаж! Мы едем прямо сейчас!

– Но куда? – в замешательстве спросил Оливер. – Ты не знаешь нынешнего адреса мистера Поупа, а я не помню, где назначил ему встречу. И почему именно сегодня?

– Если уже поздно и Поуп серьезно ранен, я тебе этого никогда не прощу! – глядя сыну в глаза, рявкнул Джеймс. – Если же еще ничего не произошло, то мы предупредим Чарльза, даже если придется всю ночь прождать у его конторы. Так куда же все-таки Белласис хотел его выманить? В Сити? За город? Хотя бы это ты должен помнить!

Оливер задумался.

– Думаю, в Сити. Да, потому что он сказал, мол, Поуп от места своей работы дойдет туда пешком.

– Значит, начнем с Бишопсгейта. Бери пальто, а я пока предупрежу мать.

Джеймс направился к двери.

– Отец!

Джеймс остановился и повернулся к сыну.

– Мне очень жаль.

Это была правда. Лицо Оливера побледнело от огорчения.

– Ты пожалеешь еще больше, если с ним что-нибудь случилось!

Джона Белласиса била дрожь, то ли от холода, то ли от того, что ждало

его впереди. Он отпустил коляску за несколько улиц до Олхэллоуз-лейн, чтобы кебмен не знал, куда на самом деле направляется его пассажир, так что теперь Джон шел по лондонскому Ист-Энду ночью, один, без сопровождения.

Когда в тот вечер в «Лошади и груме» они расстались с Оливером Тренчардом, Джон спрятал записку, сказав себе, что никогда ею не воспользуется. Поначалу его мучили угрызения совести. Как только Белласис увидел Оливера в пабе, у него тут же возник коварный план, он вдруг отчетливо осознал, как можно устранить препятствия на пути к счастью. И все же он продолжал колебаться.

Каждый день Джон ожидал, что его вызовет к себе дядя. Не будут ли они с отцом столь любезны нанести визит в Брокенхёрст-Хаус, дабы выслушать новости, которые имеют большое значение для их будущего? Но приглашение все не приходило. Не было также ни объявления в газетах, ни письма от тетушки Каролины – вообще ничего. Сейчас Тренчарды уже должны были узнать правду, раз уж он собственноручно предоставил им неоспоримые доказательства. Об этом Джон каждый раз вспоминал с болью. Потом он решил, что семейство, должно быть, хочет сперва тщательно перепроверить факты и засвидетельствовать все в полном соответствии с законом. Похоже, Тренчарды никому ничего не намерены рассказывать – возможно, даже Брокенхёрстам – до тех пор, пока претензии Чарльза Поупа не будут признаны правомерными и подтверждены судом. Отсюда следовало, что если Джон решится исполнить задуманное, если найдет в себе смелость – ибо для этого тоже требовалась своего рода смелость, – то сделать все надо до того, как появятся публичные объявления. О гибели виконта, наследника графа Брокенхёрста, растрезвонят все газеты в стране. А кому интересен молодой начинающий коммерсант? Его смерти посвятят разве что крошечную колонку в нижнем углу страницы.

И все же Джон медлил. Сидел в одиночестве у себя дома, смотрел на записку, которую написал Оливер, пока наконец не начал подозревать, что ему недостает твердости духа осуществить то, что он обязан сделать, если хочет исправить ужасную несправедливость, уготованную ему судьбой. Может быть, ему просто не хватает смелости? Может, его страшит расследование и петля палача? Но если Джон ничего не предпримет и все его надежды и мечты разобьются вдребезги и осколками лягут у его ног, то какая жизнь его ждет? Будет ли она многим лучше смерти на виселице?

Все эти дни Белласис не выходил на улицу, сидел взаперти в своих комнатах. Ужинал в одиночестве, и прислуживал ему тот самый

молчаливый тип по имени Роджер. Джон платил слуге хорошее жалованье, однако это, как он вдруг подумал с невеселой иронией, вовсе не гарантировало хозяину безопасности. Джон пил в одиночку, и пил немало, уверенный, что даже его скромная жизнь, а она была достаточно скромна по сравнению с тем, какое существование вели многие его более удачливые сверстники, что даже такая простая жизнь окажется под угрозой в тот самый момент, как придет известие, что он больше не богатый наследник с блестящим будущим, а всего лишь человек, погрязший в долгах и лишенный перспективы когда-нибудь найти средства для их выплаты. Кредиторы набросятся, как акулы, в расчете урвать те немногие деньги, что у него еще остались, и отец его не спасет. Если уж на то пошло, Стивен Белласис испытывал гораздо более серьезные трудности, чем его сын. Оба будут объявлены банкротами, и что же дальше? Нищая жизнь в Париже или Кале, на скудный пенсион, который Чарльз Поуп (Джон не мог заставить себя называть его Чарльзом Белласисом), может быть, согласится им предоставить? Нет, надо рискнуть, использовать свой шанс: либо триумф, либо виселица – все лучше, чем жалкое прозябание.

Одним словом, наутро после очередной бессонной ночи Джон все-таки решился. Он достал конверт и, глядя на записку, тщательно скопировал почерк, написав всего одно слово: «Поупу»; потом положил записку в конверт и запечатал его воском. Выйдя на улицу, Белласис отошел на достаточное расстояние от «Олбани», остановил кеб, назвал кебмену адрес конторы Поупа и дал ему денег.

Возвращаясь обратно, Джон твердил себе, что этот человек может оказаться прохиндеем: выбросит конверт, присвоит деньги и посадит нового пассажира. Ну и пусть. Если этим кончится, значит так тому и быть. Но в любом случае следовало тщательно подготовиться. Надо было пораньше отправиться в «Черный ворон», изучить окрестности, прикинуть расстояние от паба до реки, откорректировать план на месте. Джон снова провел целый день у себя, лежа на постели или шагая по комнате из угла в угол. Время от времени он задумывался: может, никуда не ходить? Пусть Чарльз придет на встречу и никого не застанет. Он, разумеется, спросит Оливера Тренчарда, а не Джона Белласиса, трактирщик в ответ недоуменно пожмет плечами, и Чарльз отправится домой, ляжет спать... Ага, а наутро встанет и заберет себе все, что должно по праву принадлежать Джону. Нет, этого допустить было никак нельзя, и Джон понимал, что должен действовать. Даже если он потерпит поражение, то все равно сможет сказать себе, что по крайней мере попробовал победить, не сдался без борьбы на милость безжалостных богов.

– Роджер, я нынче вернусь поздно, – сказал он слуге, когда тот подавал ему пальто. – Не ждите меня раньше часа-двух пополудни. Но если завтра к восьми утра я не буду в постели, можете начинать наводить обо мне справки.

– Где мне искать вас, сэр? – спросил слуга, но Джон лишь покачал головой и ничего не ответил.

– Убийство?! – Потрясение Оливера от подобного предположения было неподдельным. Хотя Джеймс Тренчард едва помнил себя от гнева, даже он это понял.

Оливер думал, что самое большее, что грозит Чарльзу Поупу, – это быть поколоченным. Тренчард-младший понимал, что Джон Белласис ненавидит этого человека даже сильнее, чем он сам, и желает свести с ним счеты, но ведь для этого вполне подходила драка. Сам Джон вряд ли бы стал мараться. Для такой грязной работы он бы наверняка нанял людей. Те бы скрылись, не оставив полицейским никаких улик, о деле бы вскоре забыли, и Белласису бы все сошло с рук. Но убийство? Подозрения Джеймса показались его сыну дикими. Чтобы Джон Белласис попытался убить Чарльза Поупа?

– Но зачем ему это делать? – спросил Оливер.

До Бишопсгейта было еще далеко, и Джеймс не видел причины по-прежнему держать Оливера в неведении. Пока они ехали по освещенным газовыми фонарями улицам, он рассказал сыну всю историю: о браке, заключенном в Брюсселе; об ошибке Софии, которая посчитала, что ее предали; о том, кто такой Чарльз на самом деле. Теперь Оливеру стал ясен коварный замысел Джона Белласиса: если Чарльз Поуп исчезнет навсегда, то деньги и титул достанутся ему.

Оливер долго молчал. Потом вздохнул:

– Надо было все мне рассказать. Не сейчас, а давно, еще когда Чарльз Поуп только появился в Лондоне. Законнорожденный он или бастард, он все равно мой племянник, и ты напрасно это от меня скрывал.

– Мы с мамой боялись за репутацию Софии.

– Ты считаешь, я не в состоянии был бы держать язык за зубами, чтобы защитить доброе имя своей сестры?

Раз в жизни Джеймс промолчал, признав, что обвинения Оливера были правомерными. Ту же самую ошибку он совершил по отношению к Анне и уже раскаялся. Почему он не доверял членам собственной семьи? Неужели они такие плохие? Нет, это его собственная слабость, а вовсе не их недостатки заставляли Джеймса молчать. Тренчард-старший вздохнул и

молча откинулся на сиденье, а экипаж катился дальше по ночным улицам.

С Чешам-плейс на Белгрейв-сквер Мария возвращалась пешком, в сопровождении лакея матери. Ради десятиминутной поездки не стоило закладывать экипаж, к тому же так приятно пройти по прохладному вечернему воздуху. У Марии было легко на душе, ей хотелось бежать, и она бы отпустила лакея, но знала, что мать рассердится, а этого ей в такой прекрасный вечер хотелось меньше всего. Девушка не сомневалась, что Реджи все уладит, так оно и оказалось. Чарльзу, конечно, еще предстоит сдать экзамен – познакомиться с ее братом, однако Мария была уверена в успехе. Он ведь все-таки джентльмен. Невысокого полета, но джентльмен! Да вдобавок трудолюбивый, умный – именно эти качества Реджи высоко ценил в людях. И еще девушка была до глубины души тронута тем, что мать подчинилась решению сына.

В борьбе за свое счастье Мария была непреклонной и целеустремленной. Она уехала из материнского дома и отчасти стала причиной ссоры между Коринной и ее давней подругой леди Брокенхёрст. Мария держалась холодно и не уступала, когда мать уговаривала ее дать согласие Джону Белласису: если она и впрямь не безразлична этому человеку, почему он сам не уговаривает ее? Но ссориться с мамой Марии не хотелось. Отец был человеком резким как с женой, так и с детьми, и, когда он умер, все трое, хотя они никогда бы в этом не признались, в глубине души обрадовались, с облегчением поняли, что этот тиран больше не будет вмешиваться в их жизнь. Мария знала, что Реджи, так же как и она сама, считает, что мать заслужила спокойную жизнь, и Марии было больно находиться с ней в разладе. Теперь все разрешилось. Девушка не сомневалась: как только мама получше познакомится с Чарльзом, она его полюбит – сперва, возможно, будет общаться с зятем неохотно, но рано или поздно он ей непременно понравится. И не важно, понравится ли самому Чарльзу леди Темплмор или нет, он будет оберегать тещу и заботиться о ее благополучии, так что в конечном итоге их брак принесет матери ничуть не меньшую выгоду, чем брак с Джоном. Сейчас и впредь они будут одной семьей, и это Марию радовало.

Когда она подошла к Брокенхёрст-Хаусу, дверь открыл ночной слуга, который неотлучно сидел в углу холла в мягком кожаном кресле с изогнутой спинкой, не смыкая глаз – или по крайней мере так он утверждал – до восьми утра, когда его снимал с караула дворецкий. Мария отпустила домой своего лакея и, пожелав ночному слуге доброй ночи, пошла к лестнице. Но, как оказалось, ее ждало сообщение:

– Ее светлость ждет вас, миледи. В будуаре.
– Она еще не легла? – удивилась девушка.
– Нет, миледи, – уверенно ответил слуга. – Леди Брокенхёрст строго-настрого наказала мне передать вам, что ждет вас наверху.
– Хорошо. Спасибо.
Мария уже подошла к лестнице и стала подниматься наверх.

Чарльз вышел из парадной двери своей новой квартиры и вдохнул полной грудью. После натопленной гостиной, в которой он просидел весь вечер, глоток прохладного воздуха освежал. Но Чарльз был рад, что провел это время с матерью. Пожилая леди была в восторге от новой жизни, а уверенность, с которой она неизменно отзывалась о его планах, воодушевляла. Миссис Поуп не сомневалась, что предприятие сына вскоре расширится по всему миру и он заработает целое состояние. Мало того, она была также убеждена и в том, что Чарльз купит дом в самой фешенебельной части Лондона, а она будет вести хозяйство – разумеется, пока мальчик не найдет себе жену. И очевидно, что все это произойдет в ближайшем будущем.

Естественно, Чарльзу хотелось сказать, что у него уже вроде как появилась невеста, но сообщить эту новость следовало осторожно, чтобы матушка не сочла себя обузой. Чарльз очень хотел, какой бы оборот ни приняла его жизнь, сделать так, чтобы мать чувствовала себя в его доме уютно, и не сомневался, что Мария ему в этом поможет. Поэтому он позволил себе уклончивый намек: дескать, есть одна девушка, с которой он хотел бы ее познакомить, и миссис Поуп восприняла это благосклонно.

– Ты назовешь мне ее имя?
– Мария Грей. Тебе она наверняка понравится.
– Не сомневаюсь, раз ты ее выбрал.
– Но окончательно еще ничего не решено.
– Почему, если она так тебе нравится?

Маленькая гостиная была очень милой, особенно для сдающихся внаем комнат в Холборне, – с узорчатыми ситцевыми занавесками на окнах и стеганым диваном. Именно на нем и сидела мать, рядом с рабочим столиком, который привезла с собой. За разговором миссис Поуп время от времени делала стежок на незаконченной вышивке, но молчание, которым Чарльз встретил ее вопрос, заставило пожилую женщину остановиться и воткнуть иглу. Мать ждала ответа.

Чарльз чуть заметно поморщился:

– Сложный вопрос, так сразу и не объяснишь. Ее мать – вдова и,

конечно, чрезмерно печется о своей единственной дочери. Она не вполне убеждена, что я воплощаю в себе все те достоинства, которые она ожидает от будущего зятя.

– Тогда она очень глупая вдова! – рассмеялась миссис Поуп. – Будь у нее побольше здравого смысла, она бы целовала землю под твоими ногами с того момента, как ты вошел к ней в дверь.

Чарльзу не хотелось настраивать мать против семьи своей невесты.

– Поверь, у леди Темплмор есть причины относиться ко мне настороженно. Видишь ли, она уже подобрала для Марии блестящую партию и была разочарована тем, что дочь ее не послушалась. Полагаю, что нельзя ее за это осуждать.

– А я полагаю, что очень даже можно. Подумаешь, леди Темплмор. – Миссис Поуп выговорила это имя с таким презрением, что Чарльз невольно пожалел, что поделился с родительницей своими трудностями. – Наверняка этот блестящий жених не годится тебе и в подметки. Хорошо хоть девушка оказалась умнее своей мамочки. – Миссис Поуп вернулась к рукоделию, но теперь она колола ткань с легким негодованием, словно та тоже участвовала в разговоре. – А почему у матери фамилия Темплмор, а у дочери – Грей?

– Темплмор – это титул ее покойного мужа. Грей – семейная фамилия.

– Значит, отец Марии – лорд Темплмор?

– Граф Темплмор, если быть точным.

Постепенно миссис Поуп осознала слова сына, и непринужденный ритм стежков возобновился. Итак, Чарльз готовится заключить блестящий брак. Мать это не слишком удивило, ибо она была убеждена, что он добьется небывалых успехов во всем, за что ни возьмется. Но новость о том, что ее мальчик женится на дочери графа, оказалась для вдовы сельского священника особенно приятной, хотя признать в этом было неловко.

– Да будь он хоть сам король, – твердо сказала она, приостановив работу. – Все равно, этой семье невероятно повезло, что ты обратил внимание на Марию.

Чарльз почел за лучшее не продолжать спор.

Сейчас он направлялся на встречу с Оливером Тренчардом. Чарльз решил пройтись пешком. Спешить было некуда. Он собирался каждое утро по возможности ходить на работу пешком, а паб «Черный ворон» находился совсем недалеко.

Судя по записке, Оливер собирался протянуть ему руку дружбы, и

если так, Чарльз был очень рад. С того самого обеда в «Атенеуме», когда Оливер так бурно проявил свою ревность – ибо это было не что иное, как ревность, – у Поупа было тяжело на душе; казалось, что каждая его встреча с Джеймсом словно бы отравлена. Потом Оливер предпринял попытку погубить его в глазах мистера Тренчарда с помощью писем от этих негодяев Брента и Этли, которые передергивали факты. Вряд ли Оливер успокоился. Оттого что Джеймс доверял Чарльзу и отказывался верить в его предполагаемые преступления, огонь мог разгореться лишь сильнее. Чарльз не брался судить, есть ли у Тренчарда-младшего основания для ревности. Он лишь полагал, что всем будет лучше, если они научатся жить в мире. Чарльз высоко ценил поддержку Джеймса Тренчарда. Он, разумеется, ясно видел недостатки своего благодетеля – его непомерное честолюбие и лихорадочное стремление любой ценой карабкаться вверх по скользкому столбу социальной иерархии, но в то же время отдавал должное уму мистера Тренчарда и его деловой хватке. Тот разбирался в хитросплетениях коммерции, как никто другой, вдоль и поперек изучив все ее подводные течения и водовороты, приливы и отливы. То, что Джеймс, появившись из ниоткуда, стремительно поднялся вверх по социальной лестнице Англии XIX века, не могло не вызывать уважения. Наставничество такого человека могло бы сэкономить Чарльзу на пути к успеху целые годы, и он не хотел упускать эту возможность. Да и просто чисто по-человечески он был искренне благодарен Джеймсу.

На пути к реке Чарльз прошел мимо своей конторы. Днем Бишопсгейт шумел, как улей: все улицы были забиты экипажами, тротуары наводнены людьми, спешившими по своим делам. Но ночью это было тихое место. Несколько пешеходов, заблудившийся пьянчужка, случайный попрошайка, даже какая-то проститутка – хотя здесь было так малоллюдно, что ей вряд ли стоило рассчитывать на клиентов, – но в основном улица была пустынна, и безмолвные дома темными громадами нависали у Чарльза над головой. В какой-то миг он почувствовал странное желание повернуть назад, не ходить на встречу, а вместо этого отправиться домой. Нехорошее предчувствие возникло внезапно и было достаточно отчетливым, но совершенно необъяснимым. Пожав плечами, Чарльз отбросил эту мысль, поднял воротник, защищаясь от пронизывающего ветра, и пошел дальше.

У Марии сердце стучало, как молот. Вот так поворот. Ее не столько обрадовало известие о положении Чарльза и открывающихся теперь перед ним перспективах (они оказались ничуть не хуже, чем у отвергнутого ею Джона Белласиса), сколько то, что мать так быстро смирилась с ее

выбором. Если бы не приехал Реджи, если бы они до сих пор продолжали враждовать, Мария наверняка решила бы, что мама передумала лишь потому, что узнала новые обстоятельства происхождения Чарльза. Теперь она знала, что Коринна приняла Чарльза таким, какой он есть, исключительно из-за любви к своим детям.

Леди Брокенхёрст придерживалась того же мнения.

– Я знала, что рано или поздно ваша матушка непременно одумается. Я же вам говорила.

Они сидели вдвоем в будуаре перед камином, в котором уютно потрескивал огонь. Каролина распорядилась принести два бокала десертного вина, своего любимого сотерна, чтобы отпраздновать известие. Ни одной, ни другой женщине не хотелось спать.

– Да, говорили, но я не верила.

– Что ж, я рада, что Коринна оказалась хорошей матерью, и теперь ее ждет за это вознаграждение. Завтра вечером она должна прийти к нам на ужин. Но, пожалуйста, ничего не рассказывайте ей заранее. Иначе испортим весь сюрприз.

Мария сделала глоток из изящного бокала с золотым ободком.

– А Чарльз так по-прежнему ничего и не знает?

– Мистер Тренчард хотел, чтобы юристы сперва все проверили самым тщательным образом. Мне это представляется резонным.

Каролине по-прежнему было непросто говорить о Джеймсе Тренчарде доброжелательно, но теперь он был на законных основаниях связан с ней родственными узами. У них имелся общий внук, от этого никуда не денешься, и графине следовало привыкать к новым родственникам.

Мария прочитала на лице хозяйки дома высокомерие.

– Чарльз уверяет меня, что у мистера Тренчарда масса замечательных качеств. Мальчик от него в восторге. – Каролина призадумалась и заключила: – Ну что же, у меня будет время в этом убедиться.

– Мне нравится его жена, – сказала Мария.

– Согласна, – кивнула графиня. – Мне она тоже симпатична.

Этот отзыв едва ли можно было счесть восторженным, но для начала вполне неплохо. По правде сказать, Каролина искренне одобряла Анну, которая, в отличие от мужа, была равнодушна к движению по социальной лестнице, да и к мнению окружающих о ней самой и ее семье. В том, что эта женщина не стремилась к благородству поведения, проявлялось какое-то внутреннее, стихийное благородство. И мужу было бы неплохо у нее поучиться. Каролина чувствовала, что ей придется заняться воспитанием Джеймса или хотя бы попросить сделать это Чарльза.

– Вы удивились, узнав, что Эдмунд женился, не уведомив вас?

Едва произнеся эти слова, Мария тут же пожалела о них. Зачем беречь старые раны? Конечно, графиня была удивлена, хуже того, потрясена, а может, матери даже показалось, что сын ее предал, и хотя все эти чувства смягчил счастливый конец, вычеркнуть их полностью было невозможно.

Но Каролина задумалась.

– Даже не знаю, как и ответить, – сказала она. – Мы с Перегрином наверняка сочли бы, что девушка ему не подходит, а Эдмунд догадывался, какова будет реакция родителей. Он хотел поставить нас перед фактом, вместо того чтобы вести бессмысленные споры. Эдмунд проявил характер, и, может быть, мне стоит им за это восхищаться? Но с другой стороны, не была ли эта девушка искательницей приключений, которую подталкивал чванливый отец, мечтавший любой ценой возвыситься в обществе? Вдруг София просто-напросто решила воспользоваться своей красотой и поймать на крючок невинного мальчика, которого она была недостойна?

Графиня напряженно глядела в огонь. Ее слова словно бы повисли в воздухе, и некоторое время обе женщины молчали. Потом заговорила Мария.

– Даже если и так, то какое это теперь имеет значение? – сказала она, и ее голос пробудил Каролину от некоего транса, в который она впала.

Леди Брокенхёрст была вынуждена признать, что ее собеседница права. Действительно, какая разница? Вон мать Джона, Грейс, вполне благородного происхождения, но стал ли он от этого более желанным наследником? Нет, тысячу раз нет. И какие бы недостатки ни имелись у покойной Софии Тренчард, она, помимо красоты, без сомнения, обладала силой духа и упорством, а также многими другими качествами. Эдмунд не клюнул бы на одно лишь хорошенькое личико, даже если предположить, что она все же на него охотилась. Каролина испытывала большую нежность к своему мужу, но Перегрин не был целеустремленным человеком. Место, которое он занимал в обществе от рождения, его устраивало, однако никакой известной Каролине цели в жизни у ее супруга сроду не было. Чарльз же совсем из иного теста. Леди Брокенхёрст не сомневалась, что он поставит перед собой твердые цели в отношении поместья и семьи, не говоря уже о работе. И нетрудно догадаться, от которого из двух дедушек мальчик унаследовал эту решимость преуспеть. Она повернулась к Марии и улыбнулась:

– Вы правы. Все это совершенно не важно. Имеет значение лишь ваше общее с Чарльзом будущее.

- И вы хотите завтра все ему рассказать?
- Кстати, чуть не забыла! Я так и не послала ему записку. Сегодня напишу и наутро первым делом распоряжусь, чтобы ее отнесли в Бишопсгейт.
- А моей матери?
- Ей я тоже напишу. И тогда завтра у нас будет вечер откровений.

Едва только коляска остановилась у здания конторы, как Джеймс выпрыгнул из нее и подбежал к дому. Тренчард требовательно барабанил в дверь, пока в одном из верхних этажей не открылось окно, из которого выглянула всклокоченная голова. То был секретарь Чарльза. Видимо, по условиям договора, этот малый должен был жить над конторой. Молодой человек узнал голос Джеймса, и спустя несколько минут они уже вошли в кабинет, а секретарь в одной ночной сорочке пытался зажечь лампы и усадить гостей.

Но помочь им он, увы, ничем не мог.

– Я знаю, что у мистера Поупа на сегодня была запланирована какая-то встреча. Ему принесли записку. Но где эта встреча должна состояться, я вам, к сожалению, сказать не могу.

– А эта записка, – Джеймс проявлял такое нетерпение, что казался рассерженным, и секретарь даже отпрянул, – вы не в курсе, от кого она?

– Нет, мистер Тренчард. Но мне показалось, что мистер Поуп обрадовался, получив ее. Пробормотал себе под нос, что-то вроде того, что пора, мол, уже починить то, что сломано. Более мне ничего не известно.

– И он ни словом не обмолвился, где должна произойти эта встреча? – Оливер был столь же встревожен, но его голос звучал спокойнее.

Он понимал, что запугивать клерка бессмысленно. Тренчард-младший чувствовал себя просто отвратительно. Если отец прав и замышлялось убийство, то, выходит, он соучастник? Он ведь помог изготовить приманку, чтобы заманить жертву в ловушку! Теперь, когда истина открылась, Оливер еще не разобрался, какие чувства испытывает к Чарльзу Поупу, оказавшемуся его родным племянником, но твердо вознамерился сделать все возможное, дабы спасти молодого человека от гибели или увечья.

– Неужели вы не припомните никаких подробностей, которые помогли бы нам его найти? Мне кажется, место встречи должно быть где-то рядом. Чтобы мистер Поуп смог дойти туда от конторы пешком.

Секретарь почесал в затылке.

– Вообще-то, сперва мистер Поуп пошел домой пообедать с матушкой. Она только что переехала в Лондон. Кстати, их квартира тут недалеко. – Он

ненадолго задумался. – Думаю, вы правы, сэр. Мистер Поуп говорил, это где-то у реки...

– Боже! – ахнул Джеймс.

– Погодите, – подал голос Оливер. – Есть здесь такая улица... Сейчас припомню. Олл-Сейнтс? Олл-Феллоуз?

– Олхэллоуз-лейн? – предположил клерк, и Оливер громко воскликнул:

– Точно! Олхэллоуз-лейн. И там таверна. «Черный... лебедь»?

– «Черный ворон». Да, там есть паб под названием «Черный ворон». – Клерку очень хотелось спать, и он молился про себя, чтобы эти люди наконец оставили его в покое и убрались восвояси.

– Пойдемте вниз, объясните дорогу нашему кучеру, – велел Джеймс.

– Да там легко найти...

– Идемте вниз! – отрезал Джеймс и выбежал из кабинета, а остальные последовали за ним.

Когда Чарльз вышел на узкую брусчатую улицу, ведущую к таверне, над Темзой стелился сырой туман. Он был густой, тяжелый и, казалось, проникал сквозь пальто, пронизывая молодого человека до самых костей, отчего Поуп дрожал и крепче закутывался в плотную ткань. Олхэллоуз-лейн была ему знакома, но не слишком хорошо, тем более ночью, когда вонь от грязи, отходов и сточной канавы смешивалась с запахом рыбы, которой торговали на расположенном неподалеку рынке Биллингсгейт-Маркет. Чарльз огляделся. Вот вывеска, тускло освещенная висячей лампой, но достаточно четкая: «Черный ворон». Его все больше удивляло, что Оливер выбрал для встречи такое сомнительное место. Может быть, Тренчард-младший хотел проявить учтивость и предпочел сам проделать неблизкий путь от Итон-сквер, вместо того чтобы заставлять Чарльза ехать через весь город? Но даже если и так...

Поуп открыл дверь таверны. Это было длинное фахверковое здание Елизаветинской эпохи, с низкими потолками. Оно сохранилось с прежних времен, а ныне было окружено новыми домами – город стремительно разрастался. Этот облупленный дом больше смахивал на притон, куда навешиваются вори, чем на паб, который посещают честолюбивые сыновья преуспевающих застройщиков. Вряд ли стоило ехать через весь Лондон, дабы посетить столь сомнительное заведение. Наверняка Оливер здесь прежде не бывал, просто выбрал первый попавшийся трактир в округе. Поколебавшись, Чарльз все-таки вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Он вглядывался в плотный туман дыма – многочисленные посетители курили трубки, и его поразила едкий запах пролитого пива и застарелого

пота. На глаза выступили слезы, и Поуп, достав из кармана платок, прижал его к носу. Освещение в пабе было тусклым, несмотря на многочисленные свечи, прикрепленные к старым пивным бочкам и вставленные в горлышки винных бутылок. Большинство деревянных скамеек было уже занято мужчинами в грубых пиджаках и рабочих башмаках. Разговоры приглушали насыпанные на полу опилки. Но ждать пришлось недолго. Не прошло и минуты, как со скамьи у окна поднялась какая-то фигура и направилась в его сторону. Человек был одет в плащ, который почти полностью закрывал его, а шляпу незнакомец низко надвинул на лоб.

– Поуп? – бросил он, проходя мимо. – Идемте со мной.

Не придумав ничего лучшего, Чарльз последовал за незнакомцем на улицу, но там его провожатый не остановился, а пошел к реке. Чарльз наконец решил это прекратить.

– Дальше я не пойду, сэр, если вы не скажете мне, кто вы такой и чего от меня хотите.

Незнакомец обернулся.

– Мой дорогой друг, – сказал он, – мне очень жаль. Но надо же было выбраться из этого притона беззакония. Там нечем дышать. Я подумал, что вы и сами не захотите дольше там оставаться.

Чарльз взгляделся в него.

– Мистер Белласис? – остолебнев, спросил он. Джон Белласис был последним человеком, которого он ожидал увидеть. – Что вы здесь делаете? И где Оливер Тренчард? Я пришел на встречу с ним.

– Я тоже.

Джон вел себя очень естественно. Он решился и, к своему удивлению, обнаружил, что появление Чарльза не уменьшило его твердости. Джон боялся, что вид будущей жертвы лишит его присутствия духа, но этого не произошло. Белласис был готов ко всему. Он твердо вознамерился осуществить свой замысел. Надо только заманить этого человека на берег Темзы.

– Оливер Тренчард прислал мне записку, приглашая встретиться с ним здесь. Но какого черта он выбрал такую дыру? – продолжил Джон.

– Может быть, посчитал, что так будет удобнее мне? – предположил Чарльз. – Если помните, моя контора находится здесь неподалеку.

– Конечно. Наверное, причина и впрямь в этом.

В голове у Чарльза роилось множество вопросов, ответы на которые он найти не мог.

– Не понимаю, почему вы здесь, – сказал он. – У нас с Тренчардом частное дело. Какую роль в нем играете вы?

Джон кивнул, словно обдумывая сказанное:

– Могу лишь предположить, что он хотел помирить и нас тоже.

Чарльз внимательно посмотрел на собеседника. Как только глаза привыкли к свету, вернее, к отсутствию света, он смог различить лицо Джона. Несмотря на то что они разговаривали вполне дружелюбно, выражение лица этого человека – холодные глаза, приподнятая верхняя губа – было высокомерным, как никогда.

– Не знал, что мы с вами в ссоре, сэр, – сказал Поуп.

Чарльз не заметил одного важного обстоятельства: того, что, говоря с ним, Белласис мелкими шагами медленно продвигается по улице по направлению к реке, а он сам идет за ним, невольно попадая в такт его шагам, и оба они приближаются к воде. Чтобы очутиться на берегу, оставалось только перейти дорогу. Этот участок реки был огорожен длинной низкой стеной, уходящей в воду, и они стояли, видимо, на старом холме, на вершине которого эта стена была поставлена, так что Темза текла внизу, футах в десяти. Там было глубоко. Джон видел это по быстрому течению. Белласис недаром выбрал таверну, находившуюся именно в этом месте.

– Боюсь, мы все же в ссоре, мистер Поуп. И я очень об этом сожалею, – со вздохом ответил Джон.

До чего же странно прозвучал его голос. Как-то сдавленно, так что слова искажались. Чарльзу вдруг стало не по себе. Хотя бы экипаж какой-нибудь мимо проехал! Но улица была пустынна.

– Тогда надеюсь, что мы сможем разрешить недоразумение, сэр, – улыбнулся он, пытаясь превратить эту непонятную беседу в нормальный разговор.

– Увы, это невозможно, – пробормотал Джон, – поскольку единственное возможное для меня решение заключается в вашей...

– В чем, простите? – не понял Чарльз.

– В твоей смерти!

С этими словами Джон внезапно бросился на Поупа, схватил его и одним резким движением вдавил в низкую стену. Чарльз, не ожидавший такого поворота, сражался, как тигр, бил противника ногами, толкал его изо всей силы, но тот уже вывел Чарльза из равновесия, и колени Поупа вжимались в парапет стены. Джона Белласиса драка лишь распаляла. Он уже окончательно принял решение. Если даже он сейчас и не убьет Чарльза, то ему все равно болтаться в петле за попытку убийства, так что терять нечего и надо довести дело до конца. В последнем отчаянном усилии он обвинил лодыжку Чарльза стопой, прижал ногой его бедро и

внезапно со всей силы толкнул противника в грудь. Поуп почувствовал, что падает навзничь, летит через стену и дальше, вниз, пока не очутился в ледяной воде, чуть не задохнувшись от зловония. Толстое пальто, мгновенно промокшее насквозь и тяжелое, как свинец, увлекало его под воду. Он безуспешно пытался скинуть ботинки, схватиться за что-нибудь, лишь бы удержаться на поверхности. Но над ним, на гладкой кирпичной стене, ничего не было, и Джон об этом знал.

Белласис вглядывался вниз, в темноту. Уже все? Или еще нет? Это голова Чарльза виднеется над водой или же просто рябь, мусор? Он так увлекся, что не слышал топота ног по мостовой. А потом вдруг почувствовал, как две сильные руки схватили его за плечи и рывком развернули. Джон оказался лицом к лицу с Джеймсом Тренчардом и его сыном.

– Где он? Что ты с ним сделал?

– Где – кто? О ком вы говорите? Что я такого сделал?

Джон и бровью не повел. Если Чарльз утонул, им нечего ему предъявить. Даже сейчас Белласис мог легко выкрутиться. Все можно было свалить на Оливера, а свидетельство Джеймса как лица заинтересованного, если Джон правильно помнил, ценности не имело. Но тут они услышали крик.

– Помогите! – раздался из темноты голос, бестелесный, словно зов призрака из могилы.

Не говоря ни слова, Джеймс скинул пальто и башмаки и бросился в реку. Под раздававшиеся внизу плеск и крики Оливер и Джеймс смотрели друг на друга.

– Оставь их, – сказал Джон елейным голосом. – Не вмешивайся. Твой отец прожил хорошую жизнь, но сейчас не трогай его. Тогда получишь хорошее наследство, и я тоже. Давай освободимся от них обоих.

И Оливер вдруг засомневался. Джон это увидел. Белласис заметил, как Тренчард-младший на мгновение заколебался, ибо он был человек слабый.

– Просто не вмешивайся. Много времени не понадобится, скоро все будет кончено. Ты же сам понимаешь, что так лучше. Для всех нас.

До конца жизни потом Оливер пытался понять, как он мог задуматься о предложении Джона и допустить такую возможность хоть на секунду, но факт остается фактом. В тот момент гибель Чарльза Поупа показалась ему невеликой потерей. А избавиться от упреков отца, его постоянного неодобрения, получить деньги и избежать наказания...

– Нет! – заорал он, стаскивая с себя пальто, и прыгнул вслед за отцом. Оливер уже понял, что от холодной воды тот ослабел. Джеймс прыгнул не

раздумывая, и Джон Белласис был прав: старик не мог долго продержаться. Но Оливер успел доплыть до Джеймса раньше, чем тот ушел под воду. Он ухватил отца под мышки и погреб к берегу, крикнув Чарльзу, чтобы плыл за ними и держался за его пояс. Оливер и сам удивлялся, как он сумел дотащить их всех до стены, может быть, его подстегивало чувство вины, воспоминание о соблазне, который овладел им, пусть и на долю секунды. Крутая стена могла оказаться непреодолимым препятствием. Оливер тщетно пытался за нее схватиться. Тут, к счастью, шум на улице привлек внимание компании высыпавших из паба пьянчужек, и один из них сбегал за веревкой.

Первым вытащили Джеймса, потом – Чарльза, а за ним – Оливера. И вот наконец все трое сидели рядом и отчаянно кашляли, выплевывая речную воду. Жизнь их висела на волоске, но, слава богу, все обошлось. Увидев, что их спасли, Джон Белласис поспешил улизнуть, затерявшись в толпе зевак. Едва только жертвы оклемаются, они мигом сдадут его полиции. Да и кто-нибудь из тех, кто помог им спастись, мог что-то видеть или слышать. Медлить было нельзя. Джон сорвал с себя пальто и шапку, выбросил их в сточную канаву и поспешно вернулся на Бишопсгейт, где остановил кеб и скрылся в неизвестном направлении.

Анна не помнила свой сон. Только то, что он был очень хорошим и она чувствовала себя счастливой, пока что-то внезапно не разбудило ее. Анна открыла глаза и поняла, что ее трясет за плечо миссис Фрэнт.

– Вставайте, мэм. Случилось несчастье.

После таких слов она вскочила и кинулась в библиотеку, где с большим облегчением увидела Джеймса, Оливера и Чарльза – промокших до нитки, но живых. Больше всех пострадал Чарльз. Все служанки были уже на ногах, и Анна вызвала еще Билли и слугу мужа, Майлза, чтобы помогли, пока остальные готовили ванны, а потом сама побежала вниз, на кухню, проследить, чтобы сделали горячий суп. Миссис Бэббидж решили не тревожить. Анна с миссис Фрэнт сами соорудили похлебку, и экономка отнесла поднос вверх.

Когда Анна вернулась, Чарльз уже лежал в постели, вымытый и насухо растертый, в одной из ночных сорочек Оливера. Было заметно, что он ослабел и устал, но все это ерунда. Главное – жив! Джеймс рассказал жене достаточно, чтобы она поняла, что произошло.

– Не понимаю, почему Джон Белласис хотел меня убить? Где и в чем я перешел ему дорогу?

Кошмар, который им троим довелось пережить, представлялся Чарльзу

абсолютно нелогичным.

На мгновение Анне показалось, что надо рассказать ему правду, прямо сейчас, но время было позднее, да и Чарльз еще не вполне пришел в себя. Лучше подождать, пока он будет нормально себя чувствовать.

– Мы обо всем поговорим завтра. Прежде всего надо решить, сообщать ли в полицию. Выбор за вами.

– Если я пойму, почему это произошло, то буду знать, как лучше поступить, – сказал Чарльз, и разговор отложили до завтра.

Той же ночью Анна беседовала с Джеймсом.

– Нельзя отдавать Белласиса в руки правосудия, не сообщив обо всем Брокенхёрстам, – сказала она. – Когда эта история станет достоянием общественности, они примут на себя основной удар.

Но Джеймс еще пребывал в гневе от пережитого.

– Ты не видела, как этот мерзавец швырнул Чарльза в реку, надеясь, что наш мальчик погибнет, и он бы погиб, если бы в тот момент не появились мы!

– Знаю. – Анна пожала его руку. – Ты спас нашего внука, и я сделаю так, как ты скажешь, что бы вы с Чарльзом ни решили.

– Это Оливер спас нас обоих. Я уже три раза уходил под воду.

– Тогда пусть Бог благословит нашего преданного сына, – улыбнулась Анна.

Больше о роли Оливера в этой истории она так ничего и не узнала.

А сам Оливер в это время пребывал в совершенно ином состоянии духа. Сьюзен проснулась и видела, как Билли втащил его в дом, отвел в ванную, а потом уложил в постель, но все это время муж молчал, упорно отказываясь отвечать на ее вопросы. Только от слуги Сьюзен узнала, что произошло.

– Я отменю завтрашний отъезд, – сказала она, когда Билли оставил их одних. – Один день ничего не решит, подождем, пока ты окончательно не поправишься.

Он и сейчас ничего не ответил.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – со всей нежностью, на которую была способна, спросила Сьюзен.

И тут, к полному ее замешательству, Оливер вдруг расплакался, схватил ее и прижал к себе так сильно, как не прижимал никогда, и зарыдал так отчаянно, словно у него вот-вот разорвется сердце. Жена погладила его по волосам, зашептала какие-то ласковые слова утешения, чувствуя, что ее план понемногу осуществляется: не пройдет много времени, как она вернет

Оливера себе и муж полностью будет в ее власти.

Леди Брокенхёрст решила принять их всех в главной гостиной. Она хотела произвести впечатление, и лакеям было приказано надеть парадные ливреи. Первыми, что неудивительно, приехали Тренчарды. Джеймс чуть не приплясывал от возбуждения при мысли о грядущем вечере. Каролина была готова к его ликованию и отрядила Марию развлекать нового родственника, пока остальные не соберутся.

Лорд Брокенхёрст приехал, как обещал, но все эти приготовления его озадачивали.

– Что мы такое нынче празднуем? – то и дело спрашивал он, но жена не отвечала.

Поскольку Перегрин не принимал никакого участия в предыдущих событиях, Каролина рассудила, что он вполне может услышать новости одновременно с Чарльзом и прочими. Стивену и Грейс она написала письмо, вместо того чтобы пригласить деверя с женой стать свидетелями собственного унижения и краха всех их надежд. Никто из этой семейки ей не нравился, но сейчас Каролине стало их жаль. Отныне Стивену и Джону придется вести иной образ жизни, поскольку, когда правда станет известна, ни один кредитор не пожелает иметь с ними дело. И пусть даже Перегрин согласится время от времени их подкармливать, он, разумеется, не станет субсидировать дурные привычки брата и племянника. Иными словами, теперь, когда Джон лишился права на наследство, Белласисам придется научиться жить по средствам.

Следующей прибыла леди Темплмор, вместе с сыном, которого Каролина едва ли видела с той поры, когда он еще школьником приезжал домой на каникулы.

– Мистер Поуп уже здесь? – с любопытством спросил Реджинальд.

– Нет, – ответил Джеймс. – Вчера вечером он остался у нас переночевать и теперь отправился домой, чтобы забрать мать. Она тоже будет присутствовать на ужине.

Реджи воспринял это известие с большей радостью, чем его мать, хотя и она согласилась, что лучше уж сразу узнать все плохое. Когда в гостиную вошел Чарльз под руку с миссис Поуп, все наконец были в сборе, и Каролина пригласила гостей спуститься в обеденный зал.

– Не пойму, с какой стати ты все затягиваешь! – проворчал Перегрин, но без особого недовольствия.

На самом деле его жена преднамеренно не торопила события, поскольку сегодняшний вечер присутствующим суждено было запомнить

на всю жизнь.

Когда Стивен Белласис прочитал письмо Каролины, ему стало физически плохо. На секунду бедняге даже показалось, что его сейчас и впрямь стошнит, но ощущение прошло, и он просто застыл, неподвижно глядя в пространство и держа в дрожащих руках листок бумаги.

– Что такое? – спросила Грейс.

Вместо ответа он протянул жене письмо и дождался, пока она прочитает его, наблюдая, как кровь отливает от ее лица.

– Так вот почему Джон пропал, – наконец произнесла она. – Наверное, он все уже знал.

– Может быть, они ему рассказали, – предположил Стивен.

– Перегрин мог ему написать, – кивнула Грейс. – Так было бы справедливо.

– Справедливо! – фыркнул Стивен. – Когда это Перегрин поступал по справедливости?

Но хотя он пытался говорить с презрением, его охватил настоящий ужас. Будет ли он теперь иметь хоть тень того влияния на Перегрина, которое раньше имел как отец наследника? Конечно нет. Теперь они станут второстепенными фигурами, людьми, с которыми не нужно считаться. Неудивительно, что Джон уехал.

Утром они нашли записку, которую кто-то просунул под дверь, хотя непонятно было, сам ли Джон ее принес или отправил слугу. Сын писал, что навсегда покидает Лондон. И Англию. Его комнатами они могут распоряжаться по своему усмотрению, из его вещей оставить себе что хотят, а остальное продать. Он больше не вернется. Как только обустроится на новом месте, даст родителям знать, где они могут его найти. Стивену показалось, что словно кто-то выдернул веревку из ожерелья и их жизнь бусинками рассыпалась во все стороны. А теперь вот еще и письмо Каролины уничтожило ту слабую надежду, которая у них оставалась. Кто такой этот Чарльз Поуп? Пронырливый коммерсантишка, который вторгся в их жизнь и разрушил все их мечты.

– По крайней мере, теперь мы знаем, почему Каролина поднимала вокруг него столько суеты, – сказал он.

– Нет, не знаем, – отрезала Грейс. – Если Чарльз – законный наследник, то почему его с рождения скрывали? Мы ничего не знаем. Ничего. Только то, что Джон пропал и больше не вернется, – со слезами проговорила она.

Грейс оплакивала потерю сына, потерю его будущего, утрату всего, на

что они рассчитывали, всего, что было им мило. Как только новость приобретет огласку, их со Стивеном начнут одолевать заимодавцы. С домом на Харли-стрит, видимо, предстоит расстаться, хотя деньги от его продажи вряд ли покроют долги. Они вынуждены будут вернуться в дом викария в Лимингтоне, и там Грейс постарается удержать Стивена от искушений, хотя это будет непросто. Они теперь нищие, а нищим выбирать не приходится. Придется выживать, сводить концы с концами, подбирая крохи, которые удастся раздобыть со стола Перегринна. Увы, впереди их не ждало ничего хорошего.

Грейс встала:

– Пойду наверх. Не задерживайся. Попытайся поспать, и, может быть, наутро все покажется не столь мрачным.

Грейс и сама не верила своим словам, не поверил им и муж. По пути в спальню миссис Белласис решила проверить, на месте ли серебряная чаша для пунша, которую она еще давно убрала в комнату Джона. Так сказать, припрятала на черный день, а сейчас тучи как раз начали сгущаться. Утром надо будет вынести чашу из дому, приставы могут нагрянуть в любой момент. Но как только Грейс вошла в комнату, она сразу увидела, что в коробках на шкафу кто-то рылся, и с тяжелым сердцем, еще до того, как влезла на стул, поняла, что чаша пропала. Ее это не удивило. Еще одно звено в цепи неудач.

«Пусть хоть мальчик потратит эти деньги с умом», – подумала Грейс. Однако она прекрасно понимала, что на это рассчитывать не приходится.

Она вышла из комнаты и поплелась через лестничную площадку в ожидавшую ее спальню, темную и тоскливую.

Наибольшее потрясение из всех присутствующих, разумеется, испытал Чарльз Поуп. Хотя, пока он слушал, многое становилось на место. Он удивлялся, почему ни разу прежде не задал себе вопрос: уж не родственными ли узами объясняются столь упорное желание Джеймса помочь ему добиться успеха и навязчивая идея Каролины вложить деньги в предприятие молодого авантюриста, с которым она едва знакома? Конечно, такой поворот – что он оказался законным наследником лорда Брокенхёрста – Чарльз предугадать был не в состоянии, но вот догадаться о существующем между ними кровном родстве мог бы уже давно.

Под стать его чувствам от столь необыкновенной метаморфозы было изумление леди Темплмор, которая не могла поверить, что стоило ей заставить себя проглотить горькую пилюлю, как та внезапно превратилась в сладкий нектар. Разумеется, Коринна подозревала (как только Мария

заговорила о дедушке-графе, чей сын погиб на войне), что в Чарльзе течет кровь Белласисов, но не подала виду, чтобы иметь возможность лишний раз попенять Каролине, – так сердита была леди Темплмор, что ее дочь отвергла выгодного жениха. Теперь все переменялось. То самое положение, к которому она так стремилась, которого жаждала всей душой, за которое сражалась во имя горячо любимой дочери, вернулось к ней, но на этот раз брачный союз еще и подкреплялся любовью. Леди Темплмор хотелось петь, танцевать, хотелось закинуть руки за голову и смеяться, но вместо этого приходилось сдерживать свой порыв, чтобы ее не приняли за меркантильную особу, которая ищет лишь материальных благ и равнодушна к духовным ценностям. И она любезно улыбалась, кивала и, к собственному удивлению, хихикала над остроумными комментариями Чарльза, мысленно отметив, что Мария была права: молодой человек мил, и даже очень, просто странно, что она не замечала этого раньше.

Реджи Темплмор тоже был доволен, но восторг его был гораздо более умеренным, чем у Коринны. Мать с сестрой вызвали его в Лондон, дабы разрешить семейный спор, что он больше всего ненавидел, но надо же – это противостояние растворилось в океане всеобщей радости. Вдобавок Чарльз показался Реджи славным малым. Пожалуй, сестра не прогадала. Реджинальду не пришлось активно участвовать в предыдущих событиях, и поэтому его чувства не были столь бурными, как эмоции остальных собравшихся за столом, но тем не менее он тоже радовался. Теперь можно возвращаться домой, преисполнившись уверенности в будущем. Особенно приятно было, что Чарльз заявил своим дедушкам (к восторгу одного и недоумению второго), что не оставит ни ткацкую фабрику, ни торговлю хлопком. Конечно, он назначит толкового управляющего, но ни в коем случае не собирается сам отойти от дел. Перегрин, разумеется, покачал головой, столкнувшись с подобным упрямством, ибо решение внука казалось ему исключительно проявлением упрямства, в отличие от Каролины. Хорошенько поразмыслив, она решила в этом вопросе поддержать Джеймса Тренчарда – в первый и, возможно, в последний раз в жизни. Что же касается Реджи, то он был только счастлив, что в семье появится человек, обладающий деловым складом ума. Этот талант не встречался среди Греев вот уже несколько веков.

Миссис Поуп за время беседы говорила мало, но, пожалуй, из всех присутствующих больше всего новость затрагивала именно ее. Дочь священника и жена священника, она находила странным, что обедает в великолепии Брокенхёрст-Хауса; столь же странным было для нее узнать, что однажды ее приемный сын станет хозяином этого самого дома и

многих других в придачу. Но постепенно миссис Поуп становилось понятно, что в целом ее место в жизни Чарльза останется неизменным. Он хотел, чтобы мать порадовалась его взлету, не чувствуя, что стала ненужной, и она решила, что будет просто наблюдать за успехами своего мальчика и радоваться. Лишь однажды она резко вмешалась в беседу, когда лорд Брокенхёрст выдвинул предположение, что теперь Чарльзу следует оставить коммерцию. Услышав это, миссис Поуп покачала головой:

– У вас не получится заставить Чарльза не работать. С тем же успехом можно велеть рыбе не плавать, а птице – не петь.

При этих словах Каролина зааплодировала, а Чарльз провозгласил тост за здоровье миссис Поуп.

Трудно сказать, который из двух дедушек был больше рад тому, как все обернулось. У Джеймса во внуках оказался виконт, да еще в придачу человек очень толковый и деловой, так что с ним вполне можно было обсуждать коммерческие предприятия, чего Тренчард-старший никогда бы не дождался от Оливера. Потомки Джеймса займут место в самом центре британского общества, и он сам в мечтах уже общался с сильными мира сего. Анна подобными навязчивыми идеями не страдала, но считала, что не будет вреда, если муж немного помечтает. Сейчас Джеймс Тренчард чувствовал себя состоявшимся человеком. А почему бы и нет? Он достиг всего, что себе наметил. И Анне хотелось, чтобы это ощущение сохранялось у него как можно дольше. Что до нее самой, она была рада, что ребенку Софии оказалась уготована благородная судьба. Анне нравилась Мария. Ей, в общем, как ни странно, нравилась даже Каролина, и этим она тоже была довольна. Анна представляла себе, как проводит время в Гленвилле с Оливером и Сьюзен или в Лимингтоне с Чарльзом и Марией и вообще ведет размеренную и счастливую жизнь. Можно будет заняться благоустройством скверов на площадях Белгравии. Джеймс сможет устроить ей такую возможность, и эта работа принесет Анне удовлетворение. Внук устроен прекрасно, сын – тоже более или менее удачно; так что лучшего и желать не приходится.

Один лишь Оливер сидел в этой возбужденной компании притихший. Дело в том, что он перебирал в памяти свои поступки, чувствуя себя пристыженным и униженным, а порой и не понимая, как он мог так себя вести. Даже собственная ревность к сыну Софии теперь, с высоты нынешнего момента, казалась ему мелочной и недостойной мужчины. И то, что он не знал, кем приходится ему Чарльз Поуп, его не извиняло. Конечно, ему было нелегко признать, что внук приносит Джеймсу больше радости, чем сын, но в конечном счете все сложилось как нельзя лучше.

После нескольких лет управления Гленвиллом Оливер, возможно, перестанет чувствовать себя неудачником. Но тот момент, когда он согласился помочь Джону Белласису, написав записку, продолжал его преследовать, а еще больше огорчала та мимолетная заминка на берегу. Однако это воспоминание Оливер никогда не сможет никому доверить, так что этот шрам на совести, который оставил у него чувство стыда, ему придется унести с собой в могилу.

Сегодня же, чуть раньше, Оливер заходил на квартиру к Джону, но ему сказали, что мистер Белласис внезапно уехал. Поздно ночью его чемоданы сгрузили в коляску, которая должна была сопровождать его кеб до вокзала, но до какого именно вокзала, слуга сказать не мог. Оливер не удивился, и когда потом дома, на Итон-сквер, пересказал все Чарльзу, они, вопреки пожеланиям Джеймса, решили замять это дело. Обратись они в полицию, разразился бы страшный скандал. Джона бы наверняка повесили, и ни один из них уже никогда не избавился бы от тени, которую отбрасывала бы на их жизнь одна-единственная ужасная ночь. В конце концов Чарльз, проявив большее великодушие, чем то, на какое были способны Джеймс или Оливер, вызвался обеспечить Джону скромный пенсион, поскольку тот всю жизнь прожил в ожидании наследства и не приобрел навыков и умений, которые помогли бы его душе не расстаться с телом. Утрата перспектив лишила Джона рассудка, но справедливо ли человека за это вешать? Джеймс долго возражал против предложения внука, а когда наконец все-таки согласился, выдвинул одно условие. Деньги будут выплачиваться лишь до тех пор, пока Джон остается за пределами Великобритании.

— Англия, Шотландия, Уэльс и Ирландия должны быть для него запретной территорией. Пусть скитается по континенту и ищет себе подходящее место, но здесь он его не найдет.

На том и порешили: Джон Белласис должен провести остаток жизни в изгнании или вернуться домой и жить нищим.

Сьюзен на этом торжестве выпала непростая роль. Правду о Чарльзе она узнала значительно раньше всех присутствующих, но показывать этого было нельзя, поскольку эту новость жена Оливера услышала в постели от своего любовника Джона Белласиса. И сейчас она ахала, восклицала и в радостном изумлении хлопала в ладоши, зная, что сидевшая напротив Анна видит ее притворство. Но ничего, впредь жизнь должна была стать легче. Они больше никогда не будут обсуждать ни прошлое Сьюзен, ни подлинное происхождение ребенка, которого она носила, — ничего, что могло бы угрожать счастью молодых Тренчардов. Если Сьюзен оступится еще раз, если она огорчит Оливера, все может пойти иначе, но Сьюзен не

собиралась больше оступаться. Один раз она уже подошла к краю скалы и больше делать этого была не намерена. Свекровь не выдаст ее, а она не предаст мужа. В силах Сьюзен было все исправить, и она твердо вознамерилась это сделать.

Что до Перегрин Брокенхёрста, то известие совершенно преобразило его. Он не вполне понимал, почему Каролина некоторое время держала его в неведении, после того как обнаружила, что этот молодой человек – сын Эдмунда, но ему это было и не важно. На жену он взирал с глубоким почтением. Перегрин преклонялся перед Каролиной, за ее понимание жизни, за способность управлять и повелевать. Теперь его существование вновь обрело смысл, снова было ради чего содержать поместья, а семья опять обрела будущее. Лорд Брокенхёрст физически ощущал, как силы возвращаются к нему. Ему хотелось действовать – это давно забытое чувство было столь странным, что поначалу он с трудом узнал его. Было немного жаль Джона, который все поставил на карту своего наследства, а перевернув ее, увидел, что это джокер. Надо будет посоветоваться с Чарльзом и подумать, что тут можно сделать. Чарльз непременно найдет выход. В этом Перегрин не сомневался. Да! Надо оставить это на Чарльза.

Званный вечер подошел к концу, и гости переместились вниз. Джеймс предложил Чарльзу отвезти их с миссис Поуп обратно в Холборн в своем экипаже, но молодой человек и слышать об этом не захотел. Он сказал, что их вполне устроит кеб, который он сам без труда найдет. Спустившись до самого подножия большой лестницы, Мария задержалась рядом с Чарльзом, и, когда они обменивались прощальными фразами, Каролина Брокенхёрст вдруг обронила:

– Если Чарльз и впрямь хочет ехать домой в кебе, то почему бы вам, моя дорогая, не выйти с ним на улицу и не помочь поискать кеб?

Все были немало поражены, услышав подобное предложение от леди Брокенхёрст, для которой внешние приличия были важнее всего, но Мария подошла к Чарльзу и взяла его под руку, пока бабушка не передумала. Когда они выходили из дому, леди Темплмор бросила на хозяйку дома недоумевающий взгляд, но Каролина ничуть не раскаивалась в своем предложении.

– Мне кажется, ничего ужасного не произойдет, – сказала она.

– Совершенно ничего ужасного! – отозвалась Анна.

И этих нескольких реплик было вполне достаточно, чтобы продемонстрировать собравшимся, какие союзные и противоборствующие силы будут в ближайшие десятилетия определять направление жизни новой

семьи.

Влюбленные стояли на тротуаре и внимательно разглядывали площадь, ожидая пустой кеб. Нарушила молчание Мария:

– Можно я положу руку тебе в карман? Я так замерзла... Зря выскочила без накидки.

И он, конечно же, снял с себя пальто и укутал девушку, и вскоре ее рука, переплетаясь с его рукой, грелась в кармане.

– Значит, я могу поехать с тобой в Индию? – спросила Мария.

– Если хочешь, – ненадолго задумавшись, ответил Чарльз. – Мы можем сделать эту поездку нашим свадебным путешествием, если твоя мама не будет возражать.

– Если она попытается возразить, ей придется иметь дело со мной.

Чарльз рассмеялся:

– Ты, должно быть, считаешь меня глупым. Я ведь все это время ни о чем не подозревал.

– Разумеется, не считаю! – яростно запротестовала Мария. – Как там сказано в Библии? «Для чистых все чисто». Тебе самому не по вкусу интриги, поэтому ты ничего и не заподозрил.

Чарльз покачал головой:

– Допустим, интерес, который проявлял ко мне мистер Тренчард, был объясним. Как-никак старый друг моего отца – я, по крайней мере, так считал; так что, наверное, меня можно извинить за то, что я принимал его помощь, не задаваясь вопросами. Но леди Брокенхёрст? С чего бы это графиня почувствовала внезапное стремление вложить деньги в предприятие молодого коммерсанта, которого едва знает? Другой человек, более проницательный, чем я, наверняка бы что-то заподозрил. – Чарльз вздохнул, сокрушаясь о своей недогадливости.

– Ерунда, – сказала Мария. – Весь мир считает, что лучше быть излишне доверчивым, чем излишне подозрительным.

И с этими словами она подняла к нему лицо, и Чарльз с неимоверным удовольствием запечатлел на ее губах поцелуй. В тот момент молодые люди еще не знали этого, но Чарльзу суждено было любить Марию с неослабевающей страстью до самой смерти. И пожалуй, одного этого уже было бы вполне достаточно для счастливой развязки нашей истории.

Тем же вечером Анна сидела за туалетным столиком, а миссис Фрэнт расчесывала ей волосы. Джеймс и Оливер еще оставались внизу, в библиотеке, с удовольствием потягивая бренди, а Чарльз и миссис Поуп вернулись в Холборн. Прежде чем расстаться, решено было, что Чарльз с

матерью переедут в Брокенхёрст-Хаус, как только пожелают, так что хотя бы этот вопрос был улажен. Анна не завидовала миссис Поуп, если той придется стать чем-то вроде бесплатной компаньонки графини, но, по крайней мере, вдова викария не будет проводить свою жизнь в одиночестве.

– Думаю, мне надо искать новую камеристку, – сказала Анна.

Миссис Фрэнт раньше доводилось служить камеристкой, и она знала эту работу, но обе понимали, что совмещать одному человеку две должности слишком трудно.

– Утром я наведу справки, мэм. Предоставьте это мне.

Миссис Фрэнт не намерена была оставить выбор за миссис Тренчард, которая в прошлый раз, принимая решение в одиночку, остановилась на этой отвратительной, бесчестной мисс Эллис. Миссис Фрэнт, в отличие от хозяйки, не проведешь, она хорошо разбирается в людях.

– Позвольте мне внести одно предложение, мэм?

– Говорите.

– Мы можем утвердить Билли на должности дворецкого? Да, он молод, но прекрасно знает дом и привычки мистера Тренчарда, а к тому же явно желает попробовать себя.

– Если вы считаете, что Билли справится... – Анну несколько удивило, что миссис Фрэнт просит назначить на такую должность человека тридцати с небольшим лет. – Но разве в этом случае на ваши плечи не ляжет дополнительная ответственность?

– Обо мне не беспокойтесь, мэм.

Миссис Фрэнт была убеждена, что, если обеспечит Билли теплое местечко, он навсегда останется у нее в долгу. Если она будет управлять дворецким и сама выберет госпоже камеристку, ее жизнь станет намного проще. А именно к этому миссис Фрэнт и стремилась.

– Но решение, разумеется, полностью остается за вами, мэм, – прибавила она и положила гребень на столик. – Я могу быть свободна?

– Да, – сказала Анна. – Спасибо. Спокойной ночи.

И экономка закрыла за собой дверь, оставив Анну наедине с ее мыслями. Миссис Фрэнт надеялась, что хозяйка согласится на ее предложения, все наладится и жизнь пойдет своим чередом.

Было уже поздно и моросил мелкий дождик, когда Джон Белласис возвращался из грязного сомнительного ресторана в мрачную дешевую гостиницу, в которой остановился. Он приказал своему слуге Роджеру распаковать вещи и по возможности привести в порядок комнаты, но все это было неважной заменой апартаментам в «Олбани», хотя те и были

довольно скромными. Джон подумал, что Роджер вряд ли надолго у него задержится. Остаться слишком далеко от старых друзей и любимых мест, и ради чего? Что может принести ему жизнь изгнанника во французском городе Дьепе? Да и что делает тут сам Джон? Здесь он вряд ли в безопасности. Правда, по его следу сразу не выслали полицию, как он того опасался, но это вовсе не значило, что его навсегда оставят в покое. Надо постоянно перемещаться, единственный выход – не оставаться на одном месте слишком долго. Но как он будет жить? И на что? Белласис вдруг поймал себя на том, что пытается вспомнить, как по-французски «ростовщик».

Но тут морось превратилась в настоящий дождь, и Джон припустил бегом.

Оглавление

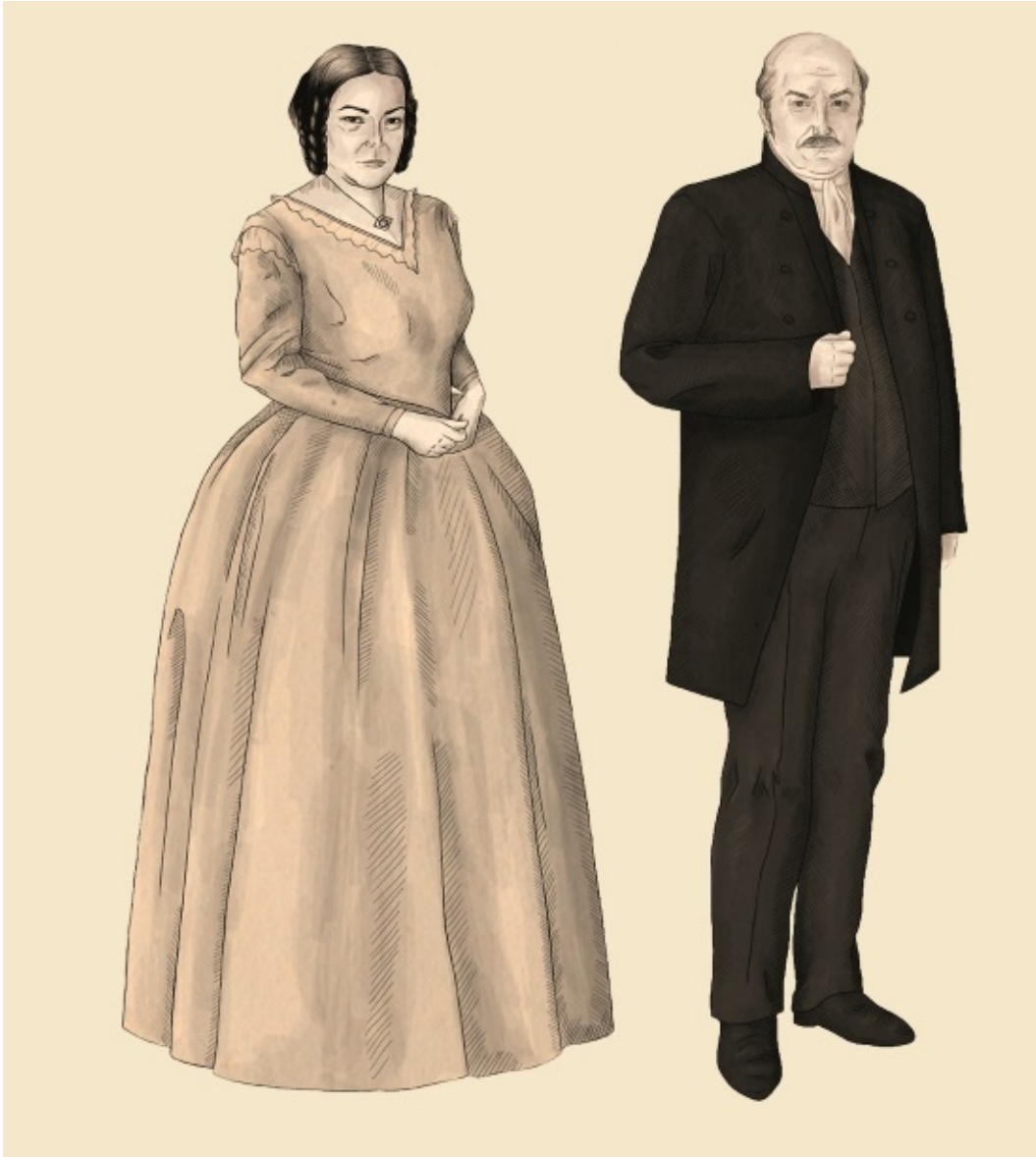
Эдмунд Белласис и София Тренчард

Анна и Джеймс Тренчард, 1815

Анна и Джеймс Тренчард, 1841

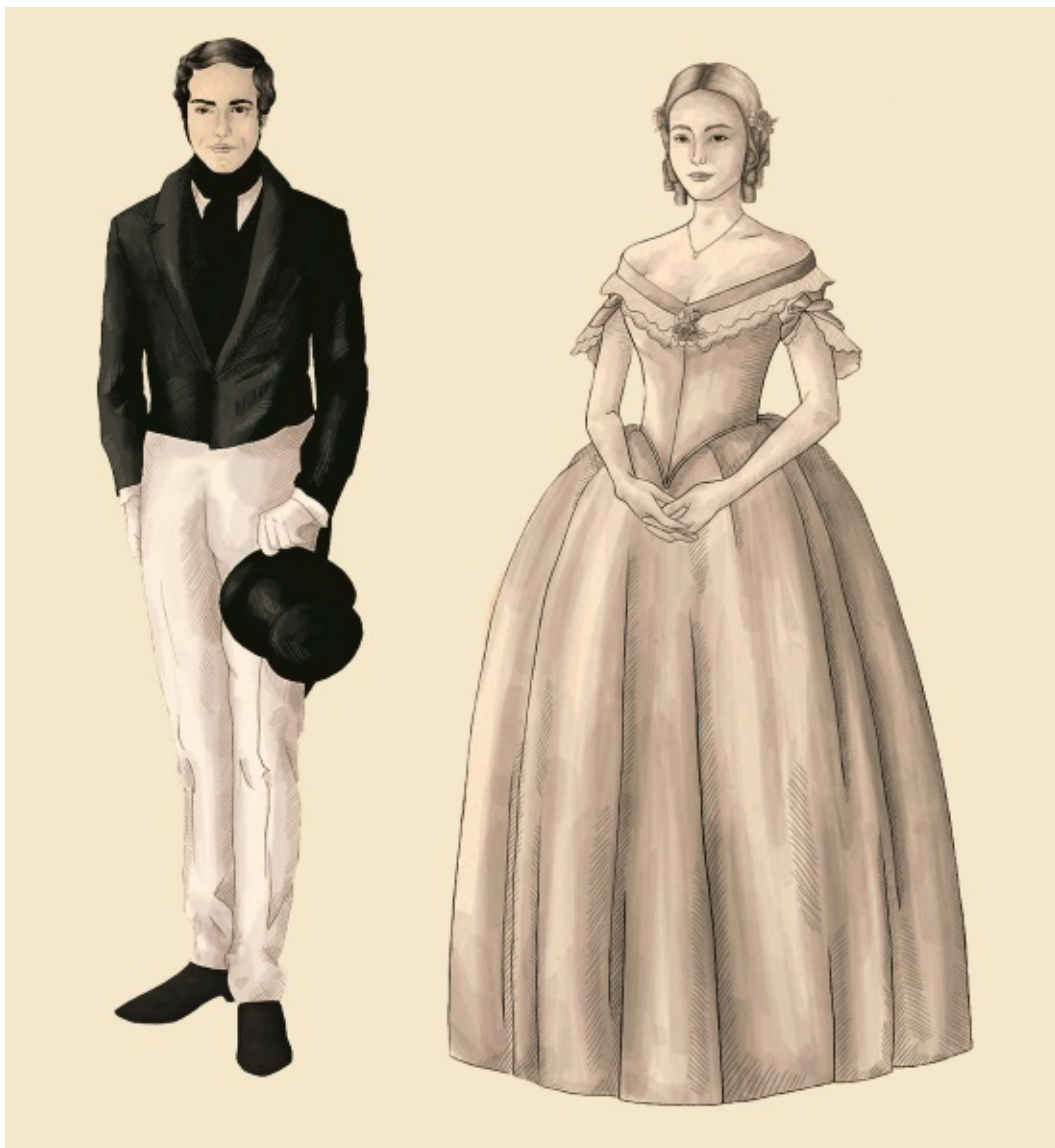
Грейс и Стивен Белласис

Джон Белласис

Графиня и граф Брокенхёрст

Чарльз Поуп и леди Мария

Оливер и Сьюзен Тренчард

Мода 1815 года

Мода 1815 года

Мода 1840 года

Мода 1841 года

Мода 1841 года

[illegible]

церковь
Св. Петра

Белгрейв-сквер, 1841

Белгрейв-сквер, 2016

Брокенхёрст-Хаус. Белгрейв-сквер, 10

Парадный вход и парадная лестница в Брокенхёрст-Хаусе

Дом Тренчардов. Итон-сквер, 110

Белгрейв-Мьюс-Норт

Белгрейв-Мьюс-Саут

«Томас Кьюбитт», гастропаб

«Лошадь и грум», паб

Уилтон-Кресент

notes

Примечания

Цитата из произведения Л. П. Хартли «Посредник» (1953). В 1985 г. в Кембридже также вышла книга известного американского историка и географа Дэвида Лоуэнталя под названием «Прошлое – чужая страна». – *Здесь и далее примеч. перев.*

По решению Венского конгресса 1814–1815 гг. Южные Нидерланды, бывшие до этого в составе Франции, вошли в Королевство Нидерландов.

Театральный жест (*фр.*).

Глава дома Расселов носит титул герцог Бедфорд.

Аббатство Уоберн – поместье герцогов Бедфорд, где находится крупная коллекция произведений искусства.

Высший свет ($\phi p.$).

Чартерхаус – одна из самых старых и престижных частных мужских школ в Великобритании.

Собачий остров (англ. Isle of Dogs) – полуостров на территории Лондона, окруженный Темзой, где некогда находились королевские псарни, а впоследствии – судоремонтные верфи.

Шератон – стиль английской классической мебели.

В положении (*φr.*).

Имеется в виду сэр Генри Уильям Бичи (1753–1839) – британский художник, придворный портретист.

Кент Уильям (1684–1748) – английский архитектор и садовод, стоявший у истоков британского классицизма и системы английского парка.

«Олбани» – фешенебельный многоквартирный комплекс в Лондоне.

Светский сезон – период в несколько месяцев (обычно с апреля по август), когда в Лондоне проходят основные светские мероприятия: балы, выставки, скачки и прочее.

Пакстон Джозеф (1803–1865) – знаменитый английский архитектор, садовод и ботаник; по его проекту были построены Хрустальный дворец (ныне не сохранился) и Великая оранжерея, на тот момент самое большое в мире стеклянное здание.

К тому времени Манчестер стал крупнейшим мировым центром текстильной промышленности.

Колье-«ошейник» (фр.).

Гарнитур (*фр.*).

Элгин Томас Брюс (1766–1841) – британский дипломат, вывезший из турецкой Греции в Великобританию исключительное по культурному значению собрание древнегреческого искусства, ныне известное как мраморы Элгина.

В русском стиле (*фр.*).

Непобедимая армада – испанский флот, отправленный в 1588 г. в ходе англо-испанской войны для завоевания Англии, но потерпевший крупное поражение и почти полностью погибший.

Карлейль (Карлайл) Томас (1795–1881) – британский писатель, философ и историк.

Гран-тур (фр. Grand Tour – «большое путешествие») – обязательная поездка, которую в XVIII–XIX вв. совершали в образовательных целях сыновья европейских аристократов.

Изначально Букингемский дворец имел три крыла, окружавшие открытый дворик; восточный фасад был достроен позднее.

У всех на виду (фр.).

Пек – мера объема сыпучих тел; приблизительно равняется 9 л.

Бержер – мягкий стул с подлокотниками и высокой спинкой.

Девять Достойных – персонификация идеалов рыцарства и вооруженной добродетели в средневековой христианской (католической) традиции. Девять человек, избранных в качестве образа для подражания всем европейским дворянам, которые обязались с оружием в руках стоять за веру: Гектор, Александр Великий, Юлий Цезарь, Иисус Навин, Давид, Иуда Маккавей, король Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский.

Майская королева – девушка, идущая во главе процессии на праздновании Майского дня. Во время праздничных церемоний майской королеве воздают почести, коронуют венком, устраивают вокруг нее танцы.

Письменный столик (*фр.*).

В отличие от предыдущей марки, которая называлась «черный пенни», на «новом красном пенни» хорошо был виден почтовый штемпель.

Церковь воинствующая – теологический термин для обозначения видимой христианской церкви на земле, в противоположность *Церкви торжествующей*, которая является небесной.

Имеется в виду графиня Мария Валевская (1786–1817) – любовница Наполеона, отличавшаяся верностью и кротким нравом.

Титул учтивости – у аристократии некоторых стран личный титул, используемый как основной способ именования наследников титулованных дворян. Поскольку в Великобритании носителем титула является не любой представитель рода, а только его глава, титул сыновей должен быть на ранг ниже: так, например, сын графа – виконт.

Муж, снисходительно относящийся к изменам жены (*фр.*).